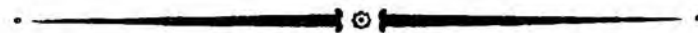

Н. А. БОРКОВ
ЗА ПРЕДЕЛАМИ
ОЙКУМЕНИ

РЕСПУБЛИКАНСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ЛИТЕРАТУРА"

**БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ**

1907—1972

ИВАН ЕФРЕМОВ

**ЗА ПРЕДЕЛАМИ
ОЙКУМЕНЫ**

Научно-фантастические рассказы и повести
о прошлом и будущем

Рисунки А. Ветрогонского

Санкт-Петербург
Республиканское издательство детской
и юношеской литературы «Лицей»
1993

ПРЕДИСЛОВИЕ

(несколько замечаний автора об этом сборнике
и не только о нем)

Рассказы, за малым исключением, написаны в начале моего литературного пути. Семь рассказов: «Встреча над Тускаророй», «Эллинский Секрет», «Озеро Горных Духов», «Путями Старых Горняков», «Олгой-Хорхой» (в первом издании неточно названный «Аллергорхой-Хорхой»), «Катти Сарк» и «Голец Подлунный» — были написаны в 1942—1943 годах и увидели свет в 1944 году (кроме «Эллинского Секрета», изданного лишь в 1968 году). Другие восемь рассказов: «Белый Рог», «Тень Минувшего», «Алмазная Труба», «Обсерватория Нур-и-Дешт», «Бухта Радужных Струй», «Последний Марсель», «Атолл Факаофо» и «Звездные Корабли» — написаны в 1944-м и изданы в 1945 году, кроме последнего, опубликованного в 1948 году. Третий цикл рассказов: «Юрта Ворона», «Афанеор, дочь Ахархеллена», «Сердце Змеи» и «Пять Картин» — появился лишь в 1958—1959 годах. За время почти 15-летнего перерыва был написан только один рассказ «Адское Пламя» (написан в 1948 году, издан в 1954 году).

Большинство рассказов первого и второго циклов было посвящено популяризации необыкновенных явлений и научных открытий, реже — высочайших достижений мореходного мастерства («Катти Сарк», «Последний Марсель»). «Эллинский Секрет», где я впервые поставил вопрос о материалистическом понимании генийской памяти, и «Звездные Корабли», с их концепцией множественности обитаемых миров и общности мыслящих существ Вселенной, слишком опережали привычные для литературы того времени представления и потому задержались с опубликованием.

В позднейшем цикле центр интереса передвинулся на людей в необычайной обстановке настоящего или далекого будущего.

Когда писались первые рассказы, наука в нашей стране, да и во всем мире еще не претерпела того бурного развития, можно сказать, взрыва, какой характерен для второй половины века. Научная популяризация по количеству книг находилась на весьма низком уровне. Знакомство широкого читателя с достижениями, а главное — возможностями науки было еще весьма ограничено. Для меня, ученого, тогда не помышлявшего о пути писателя, казалось важным показать всю великолепную мощь познания, беспредельный интерес видения мира, открывающийся трудом ученого, решающее его воздействие на самовоспитание. Все это ныне не нуждается в доказательствах. Многое (хотя все еще недостаточно) сделано в области популяризации науки. Интерес и романтика научного исследования знакомы большинству читателей, число ученых возросло в сотни раз.

Рассказы «о необыкновенном» вряд ли удивят сейчас кого-либо из образованных людей, тридцать лет спустя после их написания. Этот срок, большой даже для обычных темпов довоенной науки, на самом деле гораздо больше после гигантского перелома в мощности исследований и открытий, совершившегося в конце сороковых годов и ныне грозящего перенасыщением научной информацией. Интересно оглянуться назад и посмотреть, как же отразилось современное развитие науки на «необыкновенностях» конца тридцатых годов, тогдашней передовой линии в некоторых естественноисторических вопросах. Проблема накопления тяжелой

Ефремов И. А.

Е 92 За пределами Ойкумены: Сборник фантастических повестей и рассказов / Сост. и послесл. А. Шалимова; Вступ. ст. И. Ефремова; Рис. А. Ветрогонского. — СПб.: «Лицей», 1993. — 352 с.

В этом сборнике произведений И. Ефремова читатель встретится с теми работами писателя, в которых стремление героев к прорыву за пределы обыденного стало основной темой.

Особый интерес придает сборнику вступительная статья автора в соотношении науки и фантазии в его творчестве.

ISBN 5—08—000145—3

© Шалимов А.
Состав. Послесловие. 1993
© Ветрогонский А.
Иллюстрации. 1993

Е 4803010201—15
д55(03)—93 74—92

воды вне термического перемешивания на дне глубочайших океанических впадин («Встреча над Тускаророй») еще остается открытой. Не добыто решающих доказательств ни за, ни против.

С изобретением компьютеров и разработкой кибернетики мы приблизились наконец к материалистическому пониманию работы мозга и механизма памяти. Поэтому рассказ «Эллинский Секрет», не напечатанный сначала из-за его кажущейся «мистики», мог быть опубликован в шестидесятых годах, уже после более подробной трактовки «памяти поколений» в моем романе «Лезвие бритвы».

Поучительно для отъявленных скептиков, что все явления природы, не поддающиеся объяснению на современном уровне науки, кажутся нам мистикой. Однако они сразу теряют свое сверхъестественное одеяние, едва наука поднимается до их понимания и объяснения. Со времени опубликования «Озера Горных Духов» на Алтае действительно открыто ртутное месторождение при иных, не связанных с картиной Г. И. Гуркина, обстоятельствах. Это совпадение, а не пророчество, потому что, зная геологию Алтая, был убежден, что там будет найдено не одно месторождение ртути. Однако среди алтайских геологов родилась легенда, соответствующая содержанию рассказа. «Пути Старых Горняков» не содержал никаких научных новшеств и остался памятью труда геологов. Читатели Оренбургской области отметили место действия рассказа мемориальной доской. «Олгой-Хорхой» не оправдал надежд на находку в недоступных местах Гоби особого червеобразного животного, убивающего на расстоянии. Недоступные прежде районы Гобийской пустыни сейчас обстоятельно исследованы. Очевидно, «кишка-червяк» монгольского фольклора относится к животному, ныне вымершему, но сохранившемуся в народных преданиях, подобно волосатому носорогу и мамонту у юкагиров нашего Севера или снежному человеку гималайских шерпов. Рассказ о великолепном паруснике «Катти Сарк» исполнился до конца. Только корабль поставлен в музей не американцами, как я написал в первом варианте 1942 года, самими англичанами. Судя по письмам английских читателей, мой рассказ в первом варианте, переведенный и опубликованный в Англии, сыграл известную роль в «освежении» памяти «Катти Сарк» у народа, построившего этот изумительный клипер.

«Голец Подлунный» в первом варианте назывался «Сумасшедший танк», но был сочтен мною неудачным и полностью переделан в хроникальное и точное описание одного из моих сибирских путешествий. Фантастическое ядро рассказа — находка пещеры с рисунками африканских животных и бивнями слонов — неожиданно зазвучало реальностью после открытия А. В. Рюминым рисунков Каповой пещеры, правда, не в Сибири, а в Башкирии (и без склада слоновой кости). Вероятно, предчувствие подобных находок говорит о возможностях дальнейших открытий пещер типа описанной в «Гольце Подлунном». Тогда окончательно снимается фантастика рассказа. Интересно отметить, что ныне утраченное искусство размягчения слоновой кости, о котором я напомнил в рассказе «Эллинский Секрет», оказалось известным еще в незапамятной древности. Недавняя находка О. Н. Бадером у города Владимира палеолитического погребения двух мальчиков показала, что люди того времени владели искусством выпрямлять и гнуть мамонтовые бивни. В могиле оказалось прямое копье из цельной мамонтовой кости (бивня) свыше двух метров длины.

Второй цикл рассказов был написан после того, как первые семь удостоились опубликования сразу в нескольких журналах. Он отличается большой широтой «необыкновенных» научных проблем. Я увидел, что даже сложные, далекие от разрешения гипотезы или необъяснимые открытия вызывают живой интерес читателей, лишь бы за ними стояла осязаемая перспектива новых путей в науке.

За исключением романтических «Белого Рога», «Обсерватории Нур-и-Дешт» и «Последнего Марселя», в рассказах 1944—1945 годов отразились неразгаданные и, казалось бы, непосильные для исследования вопросы тех наук, которым я посвятил свою жизнь, — геологии и палеонтологии. Неполнота геологической летописи, занимавшая меня тогда уже на протяжении всех двадцати лет научной деятельности, заставила сконцентрировать все знания и опыт в создании теоретических основ для хотя бы частичного заполнения пробелов великой исторической книги природы.

В 1943 году окончательно сформировалась та новая отрасль исторической геологии и палеонтологии — тафономия, которая в 1952 году была отмечена Государственной премией. Но и после того потребовалось еще около двадцати лет, прежде чем тафономия получила мировое признание. Строго говоря, даже до сей поры она еще не внедрилась в историческую геологию полностью. Это показывает, насколько тафономия опередила геологическую мысль тех лет.

В документах геологической летописи, как бы остроумно мы ни решали ее загадки, существует безнадёжная недостаточность. Нет надежды увидеть человеческими глазами хотя бы случайные, но цельные живые ландшафты давно минувших времен, облики животных и растений, вид тогдашних скал и рек, озер и морей.

Безнадёжность не смирила стремления к познанию и заставила обратиться к грезе о картинах прошлого, якобы запечатленных в горных породах и в особых случаях освещения и отражения, предстающих перед внимательным взором исследователя. Так родился рассказ «Тень минувшего». Опыты основателей фотогафии со световыми отпечатками без бромосеребряного процесса послужили научным обоснованием «сверхнеправдоподобной правды», как выразился в своем письме один из читателей. Три года спустя известный физик Денис Гибор выдвинул теоретическое обоснование голографии.

Профессор Ю. Н. Денисюк, создатель практической голографии в нашей стране, сказал в недавнем интервью, что именно рассказ «Тень минувшего» разбудил мечту, побудившую его заняться голографией, хотя возможность технического ее осуществления сначала казалась ему делом почти невозможным. Это признание выдающегося физика не только приятный подарок писателю-фантасту, но и доказательство предвидения возможностей науки в простом полете воображения.

Интересно, что я почти инстинктивно понимал, насколько «проявление световых отпечатков прошлого», как оно сформулировано в рассказе, зависит от силы источников света, направляемых на отпечаток, но по тому времени не мог говорить ни о чем другом, кроме магниевой лампы. Изобретение лазера сразу же дало надежную базу техническому осуществлению голографии.

Широкую известность приобрел рассказ «Алмазная Труба». Двенадцать лет спустя после его написания на письменный стол, за которым был написан рассказ, легли три алмаза из первых, добытых в трубке, расположенной на Сибирской платформе,

правда, южнее места действия «Алмазной Трубы», но точно в той геологической обстановке, какая описана в рассказе. Кстати, я написал, что распространение трубок должно быть весьма широким, я убежден, что трубки будут найдены и севернее.

Как мне рассказывали мои коллеги-геологи, ведущие поиски алмазов, они таскали в своих полевых сумках книжку рассказов с «Алмазной Трубой». Секрет этого удивительного на первый взгляд прогноза прост: будучи сибирским геологом, я, несколько лет занимаясь тектоникой древних щитов, подыскивал геологические условия, очень близкие с африканским щитом, после того, как многие годы изучал Африку. В рассказе я придумал находку трубки геологическим отрядом, в приключения которого вложил испытанное в собственных маршрутах, как то сделал и в «Гольце Подлунном». Разумеется, я принял во внимание все известные по тому времени факты: существование зоны повышенного давления под Сибирской платформой, аномалии силы тяжести и пластовые интрузии тяжелых основных пород, описал, что основными спутниками алмазов должны быть алые гранаты — пиропы, а вмещающими породами — кимберлитами. Все это до такой степени точно совпало с найденными двенадцать лет спустя месторождениями, что фантастический рассказ «Алмазная Труба» стали рассматривать как научный прогноз. Нашлись даже люди, которые обвинили меня в присвоении чужих открытий, именно «теории» проф. Н. М. Федоровского, забыв, что фантастический рассказ не претендует на научную теорию, и упустив из виду, что я — исследователь Сибири. На поверку оказалось, что никакой теории у Федоровского не существовало. Все его высказывание о возможности находки месторождений алмазов заключается в одной строчке его популярной книги 1934 года: «Тип же южно-африканских месторождений пока что не встречен, возможно, что он будет найден в многочисленных вулканических областях Сибири и Северного Урала».

Подобные высказывания у геологов, работавших в Сибири или на ультраосновных массивах Урала, встречаются начиная с 1912 года (Я. А. Макаров). Я привожу здесь этот случай в качестве курьеза. Пожалуй, это первый раз, что автор научно-фантастического рассказа подвергся обвинению, хотя бы и клеветническому, в присвоении чужей-то научной теории! Правда, в 1945 году англо-американского научного фантаста Олафа Степльдона ФБР обвинило в разглашении сверхсекретнейшей информации об урановой бомбе, тогда еще «Манхеттенском проекте». Степльдону удалось доказать, что фантастическое описание бомбы опубликовано им еще в 1932 году, когда даже сам Эйнштейн не помышлял о техническом осуществлении уранового взрыва. Когда ретивые секретчики поостыли, то им стало ясно, что процесс изготовления урановой бомбы, особенно на первых стадиях, на самом деле тысячекратно сложнее, чем описанный фантастом. Одно лишь разделение изотопов представляло собой задачу такой технической трудности, что только гигантские затраты и ряд гениальных инженеров и научных догадок смогли преодолеть барьеры на пути к созданию убийственного оружия. Это случается в науке настолько часто, что может быть возведено в закономерность. Так и общепринятая гипотеза происхождения алмазов в трубках прорыва из стокилометровых глубин земной коры, которую я положил в основу рассказа, в свете последних наблюдений оказывается неполной, а генезис алмазов гораздо более сложным. Здесь не

место обсуждать вновь открытые факты. Скажу только, что внутри кристаллов сибирских алмазов случается находить органические вещества и даже тонкие веточки растений! Это не вяжется с чудовищными давлениями и глубинами эклогитовой зоны. Очевидно, гипотеза происхождения алмазов будет в самое ближайшее время пересмотрена.

Рассказ «Бухта Радужных Струй», к сожалению, не привлек внимания ботаников или биохимиков к исследованию удивительных свойств «почечного дерева» (эйзенгартии) современными средствами. Этот долг — за учеными молодого поколения.

Судьба рассказа «Атолл Факаофо», ныне кажущегося устаревшим, не совсем проста. Основная идея и цель написания рассказа — изучение коренных пород вулканического дна — зародилась у меня еще в первые годы геологической работы. В 1930 году я написал научную статью, в которой пытался обратить внимание региональных геологов на необходимость добывания образцов коренных пород из глубин океана, я указывал места океанических впадин, где возможно зацепить при драгировании подводные обнажения этих пород.

Скудные возможности научных изданий тех лет заставили меня послать статью в авторитетный немецкий геологический журнал «Геологиче Рундшау». Она вернулась с довольно обстоятельным разгромным отзывом крупнейшего в те годы специалиста по геологии морского дна профессора Отто Претье. Он заявил, что статья представляет собой химеру. Все дно океанов и морей сплошь покрыто рыхлыми позднейшими осадками, из-за которых недоступны коренные породы, и при современной технике нет никакой возможности добывать образцы их. Жаль, что заметка не была напечатана. Я мог бы записать себе «в актив» еще прогноз, на сей раз обставленный «научно». В действительности коренные породы океанического дна в очень многих местах выступают из-под рыхлых осадков. Правда, как и в случае с «Алмазной Трубой», истинное состояние дела оказалось много сложнее, чем представлено было тогда. В упомянутой статье я обещал читателю, что всего два-три образца коренных пород, добытые из глубочайших океанических впадин, сразу же разъяснят спорные проблемы геотектоники, особенно вопрос постоянства материков и океанов. Ныне огромные корабли, например «Гломар Челленджер», ведут глубоководное бурение, добывая большие колонки геологических разрезов. Бурение еще не проникло в наиболее глубинные области, хотя недавно советской океанологической экспедицией был добыт образец очень тяжелой ультраосновной породы из глубокой впадины Индийского океана. Выяснилась геологическая сложность строения коренных пород дна морей, в общем не уступающая материкам. Изучение морского дна двинулось вперед такими темпами и с такими огромными затратами, какие не могли мне представиться в фантастическом рассказе, написанном в 1944 году. И все же современные методы изучения геологии морского дна кое в чем еще уступают описанным в «Атолле Факаофо». Еще нет телевизоров, могущих обозревать большие участки дна на лишенных света глубинах. С появлением когерентных источников света — лазеров — такие приборы, конечно, будут созданы, но пока их нет. Нет и аппаратов, способных бурить на больших глубинах и связанных с кораблем лишь кабелями для подачи энергии. Нет машин, способных работать в воде, как в воздушной среде, без столь трудно

достижимой для больших давлений герметичности. Все же пока телевизор капитана Ганешина остается фантастическим.

По сравнению с «Атоллom Факаоfo» написанный на четыре года позднее рассказ «Адское Пламя» полностью устарел технически. Я включил его в данное издание ввиду его вполне современной направленности против гонки вооружений. Также любопытно показать, по какому вектору наиболее ускоряется научно-техническая мысль современности. Описанная мною ракета с направляющим коридорным наземным устройством выглядит по сравнению с современными самонаводящимися на цель ракетами-роботами оружием давнего прошлого.

Последний из рассказов второго цикла, вернее, небольшая повесть «Звездные Корабли», после опубликованных ранее на 15—20 лет «Аэлиты» превосходного рассказа «Чужие» А. Волкова (1928 г.) и космических вещей А. Беляева, возобновил космическую тему в нашей литературе. Повесть не сразу получила признание и подверглась критике с позиций вульгарного материализма с его геоцентризмом тогда авторитетного метафизика-космогониста Джемса Джинса. Пришельцы далеких миров, достигшие высшей ступени общественного развития в очень давние времена, пугали некоторых критиков. В результате «Звездные Корабли» были напечатаны лишь через три года после написания, в декабре 1948 года. До сей поры ископаемые кости, пробитые какими-то орудиями, привлекают особое внимание исследователей. Однако во всех известных случаях кости с подобными повреждениями получили иное объяснение, обходящееся без привлечения человеческой руки. Зато уж тема пришельцев из иных миров, некогда посетивших нашу планету, настолько широко распространилась в литературе всего мира, что надоела читателям, варьируясь в самых различных сюжетах, от библейских пророков до детективных приключений с летающими тарелками.

И все же «Звездные Корабли» остаются особняком по связи времен через геологическое прошлое нашей планеты, во время которого они проделали гигантский путь по Галактике.

Перед третьим циклом рассказов, помимо научной работы, я был занят более объемистыми литературными произведениями. После почти пятнадцатилетнего перерыва написал «Сердце Змеи» как дополнение к роману «Туманность Андромеды» о первом контакте землян с иной звездной цивилизацией. Затем переделал «Катти Сарк» по полученным новым материалам, уже после постановки клипера в специальный музей-док около Гринвича в Англии. Рассказ о подвиге геолога «Юрта Ворона» почти документален, перевал Хюндустый Эг существует, и, возможно, там будет когда-либо открыто крупное месторождение металлических руд. Я поставил в этом рассказе вопрос о новых наименованиях женских специальностей в современном русском языке. Это осталось без внимания.

В третьем цикле «Афанеор, дочь Ахархеллена» не принадлежит к научной фантастике и написан в память о замечательном русском путешественнике докторе Елисееве, исследователе очень интересного народа туарегов, обитателей центральных районов Сахары. Этот рассказ историко-этнографический, из области, которая меня интересует не меньше фантастики и к которой принадлежат повесть «На краю Ойкумены» и роман «Таис Афинская». И наконец, «Пять Картин» — научно-фантастический этюд

в поддержку творчества художника А. К. Соколова, ныне уже признанного мастера космической тематики. В рассказе впервые поставлен вопрос о переброске пресной воды со льдов Антарктики в засушливые зоны.

Немало читателей интересовалось, были ли допущены какие-нибудь ошибки и неточности, обнаруженные после опубликования.

В рассказах первых двух циклов их практически не было. Тем досаднее погрешности, допущенные в первом издании повести «Сердце Змеи», вышедшей в журнале «Юность». Я в то время путешествовал в Китае и не мог выправить корректуры, а редакторы не без основания понадеялись на мой научный авторитет. Сам не понимаю, как я мог перепутать атомные числа с зарядами у столь обычных элементов, как кислород и фтор. Но случилось именно так, и я подвергся ехиднейшей экзекуции со стороны одного аспиранта МГУ. Молодой человек заявил, что ежели в повести столь грубые ошибки, то она вообще не заслуживает, чтобы ее читали. С молодыми учеными шутки плохи! На мою удачу, аспирант не был осведомлен в иных науках. Злосчастное «Сердце Змеи» тайло еще худшую ошибку, с вежливым недоумением указанную мне ветеринарным врачом из Оренбурга. Описывая операцию с помощью запущенного внутрь кишечника прибора, я построил ход операции через анальное отверстие. Это описание (уже в чистовике рукописи) показалось мне некрасивым, и хирургическая «сколопендра» была запущена через рот. Однако я забыл переправить последовательность кишок, анатомия человеческого кишечника получилась «вверх ногами» (а корректуры не было). Это чрезвычайно нелепое упущение показало, что писателю-фантасту следует быть внимательным насколько не меньше ученого в момент опыта или наблюдений. Иногда читатели какого-нибудь из переизданий, приняв год напечатания за дату первой публикации вещи, попрекали меня архаичностью технических данных. Сравнение научных проблем в рассказах первых двух циклов 1942 и 1944 годов с современным состоянием науки дает любопытную картину. Выбор «необыкновенного» из тысячи задач, стоявших перед наукой, не был случаен. Ощущение важности этих вопросов носилось, так сказать в воздухе, будучи отражено в научных дискуссиях, рискованных гипотезах, намеках в популярных или строго научных статьях. Наиболее часто в интервью, читательских письмах и беседах меня спрашивали, каким образом проблемы науки, еще находящиеся в зачаточном состоянии, нашли в рассказах разгадки, которые в общих чертах совпали с реальными решениями много лет спустя. Не обладаю ли я неким даром пророчества, точнее, предвидения?

Мне думается, что такая таинственная способность, во всяком случае в рассказах о необыкновенном, отсутствует. Кроме полета воображения и интуиции, координат для заглядывания в будущее нет. Как для воображения, так и особенно для точной интуиции необходимо знание множества сопредельных фактов и явлений, широкая энциклопедичность, воспитанная разносторонностью интересов, помноженной на вместительную память.

Энциклопедичность образования очень помогала мне в науке. Удалось подчас проявить загадочную для моих коллег интуицию в решении вопросов разного калибра.

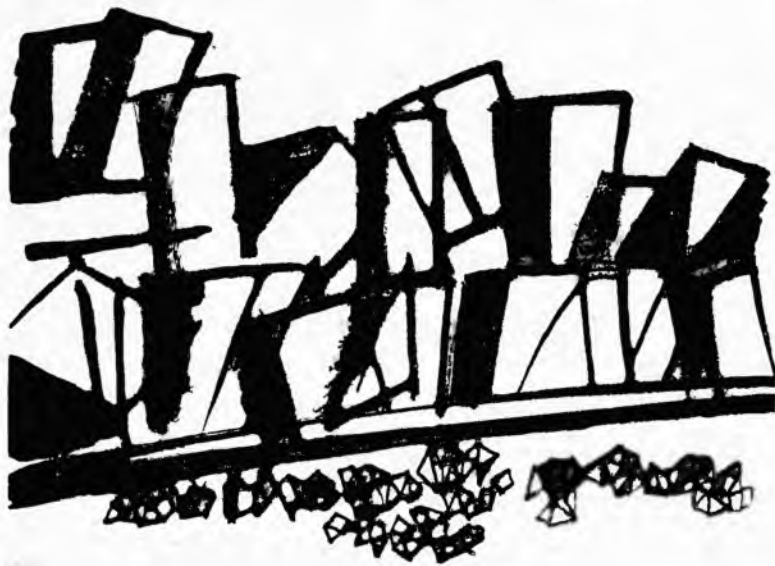
Та же интуиция помогала и в моих рассказах.

Профессор И. А. ЕФРЕМОВ

ПУТЕШЕСТВИЕ БАУРДЖЕДА

Повесть

Глава первая

ЗАВЕЩАНИЕ ДЖОСЕРА

Над низкими глинобитными оградами взвились клубы пыли, послышались пронзительные крики. Что-то случилось в лабиринте узких улиц у самой пристани города Белых Стен¹ — столицы Черной Земли, страны Та-Кем².

Уахенеб — кормчий царского казначея, стремительно поднялся и стал всматриваться в сторону города, откуда доносился тревожный шум. Сидевшие рядом гости не двинулись, даже не оглянулись на происходившее за стенами маленького сада.

— Что происходит там? — нетерпеливо спросил кормчий, пытаясь заглянуть в потупившиеся лица друзей.

— Вестники великого дома ловят преступника... — неохотно ответил седовласый тесть Уахенеба.

— Но шум там, около дома Антефа, моего друга и друга детей моих! — с беспокойством воскликнул кормчий.

— Ловят самого Антефа, — вмешался молодой сосед, — мы знаем, что за ним приходили и следят вестники нашей окраины.

— Как, ловят Антефа, а вы сидите, словно идет погоня за антилопой?.. — негодуя вскрикнул Уахенеб. — Этот человек не может быть преступником! Кто не знает корабельного плотника Антефа? — кормчий негодуя оглянулся на неподвижные фигуры своих гостей и выскочил на улицу, а за ним оба его юных сына, такие же высокие и плечистые, как отец. К ним присоединились и корабельные ученики Уахенеба, находившиеся в числе гостей.

— Уахенеб слишком много времени проводит в пла-

¹ Белая Стена (Мемфис) — столица Египта в древнем царстве.

² Та-Кем — Черная Земля, или просто Кемт — Черная, — так называли древние египтяне свою страну.

ваниях и еще не знает, как свирепствуют сейчас посланцы фараона... — тихо сказал тесть кормчего.

— Если не научится быть покорным, то скоро его поволокут закованного в каменоломни! — угрюмо проворчал худой кузнец.

— Стыдно тебе, говорящему худое, — вмешалась жена кормчего. — Мой Уахенеб умен и испытан в опасностях. Его любит и сам казначей бога Баурд-жед...

— Любит, как крокодил антилопу, — бурчал упрямый кузнец, — пока у его лучшего кормчего все хорошо. Но стоит только Уахенебу оступиться — кто защитит его? Кто посмеет выступить против повеления великого дома?..³

Крики приблизились к воротам сада, и жена кормчего тревожно выглянула на улицу.

Слева, в конце узкого прохода между однообразными оградами из серого речного ила, показался одинокий беглец. Он опередил на десяток локтей⁴ своих преследователей, во главе которых неслись, словно гончие собаки, два полуобнаженных человека в пестрых поясах вестников фараона, вооруженные кинжалами и тяжелыми палками. За вестниками бежал всякий сброд: бездельники — сыновья пристанских чиновников, погонщики ослов и случайные прохожие, обрадовавшиеся перемене в однообразии неторопливой жизни. Все вопили и визжали, будто увидев «отвращающего лицо» — злого духа пустыни или подземное чудовище древних преданий.

Беглец не походил ни на злодея, ни на чудовище. Его измученное лицо, в разводах грязи, глаза, расширенные и полные отчаяния, могли вызвать только жалость и сочувствие в каждом, кто знал этого человека.

Беглец приблизился к Уахенебу.

— Антеф! — негромко окликнул его кормчий и продолжал скороговоркой: — Беги улицей Гребцов налево, повернешь у сада богини к складу товаров, доставленных нами... Скажи сторожу — я велел, и он

³ Великий дом — иносказательное наименование царя (пер-о), откуда пошло древнееврейское «фараон».

⁴ Локоть — основная древняя мера длины, равная приблизительно 0,5 метра.

укроет тебя среди тюков. Там жди ночи... Беги и не оглядывайся.

Антеф поравнялся с Уахенебом. Преследователи почти настигли свою жертву. Кормчий закричал и ринулся прямо на Антефа.

Наблюдавшая из сада женщина вскрикнула от негодования. Но когда ее сыновья и трое из учеников мужа кучей бросились вслед Уахенебу, столкнулись с преследователями и свалились в густую пыль, она поняла, что Уахенеб и молодежь действуют по уговору.

Антеф исчез за углом, а молодые люди продолжали удерживать преследователей с криками: «Поймали, поймали!..»

Бежавшая позади вестников толпа остановилась в недоумении. Наиболее азартные приняли участие в свалке, и пыль совершенно закрыла все происходящее на улице. Вестникам фараона не скоро удалось разобраться в сумятице и освободиться от рук своих усердных помощников. Но когда выяснилось, что беглец избежал поимки, то старший вестник подскочил к Уахенебу с угрозами:

— Как смел ты, старый бегемот, вмешиваться в дело великого дома? Твое глупое усердие и неловкость твоих щенков привели к тому, что преступный Антеф убежал от законного возмездия. Но кара не минует злодея, тебе же придется держать ответ перед начальником. Пойдем, — и вестник положил грязную исцарапанную руку на плечо Уахенеба.

Тот резким движением сбросил руку представителя власти.

— Я не виноват, я старался помочь тебе, и сам не знаю, как вышло, что преступник ускользнул. Но мне нельзя идти с тобой — казначей бога приказал мне прийти сегодня вечером, я не могу послушаться повеления... Где я живу, ты знаешь, — спокойно добавил Уахенеб.

Кормчий солгал, но расчет его оказался верным.

Вестник нахмурился и огляделся в раздумье. Плечом к плечу с кормчим стояли сильные юноши, на лицах которых читалась твердая решимость не уступать никому. Толпа, только что объединявшаяся яростным преследованием, разбилась на группы. Люди выжидали в молчании, не проявляя никакого сочувствия вестникам, терпевшим очевидное поражение.

Бормоча проклятия, вестники удалились вслед скрывшемуся Антефу. Кормчий с помощниками вернулся в сад. Молодежь дала волю смеху, горячо обсуждая случившееся и вспоминая, как грохнулся под ноги вестникам фараона старший сын Уахенеба. Встревожненные гости скоро разошлись, участники побоища отправились к реке смывать пыль. Уахенеб сидел в раздумье до темноты, потом встал, захватил приготовленный женой мешок с пищей и вышел в непроглядную тьму.

Ни одного огонька не было видно в домиках пристанского предместья. Жечь масло или жир в светильниках было дорого, да и проводимый в труде день был слишком длинен, чтобы люди засиживались в своих домах после наступления темноты. Только неутомимая молодежь, таясь от старших, собиралась у берега. Из темноты доносились сдержанный смех, тихие разговоры, легкие шаги босых ног...

Кормчий быстро добрался до склада, побеседовал с Антефом, возвратился домой и молча взобрался на плоскую крышу дома, где все его семейство спасалось от духоты и насекомых и лежало в ряд на жестких циновках из папируса.

— Удалось тебе? — прошептала жена, когда кормчий улегся с тяжелым вздохом усталого и печального человека.

— Антеф в безопасности, — помолчав, ответил Уахенеб, — он знает тайное место на краю западной пустыни, в городе мертвых. Там спрячется он... пока не отчалит снова мой корабль. Но это малое дело, — кормчий угрюмо умолк.

— Что же еще плохо, во имя священной девятки?⁵ — с беспокойством спросила жена.

— Плохо все... плоха наша жизнь, трепещущая перед людьми великого дома, перед посланными жрецов. Они гнут ее, как ветер пустыни гнет тонкий стебель тростинки, как сгибает раба кнут надсмотрщика!

— Разве это ново для тебя? — удивилась жена.

— Нет нового в этом, но почему плохое должно длиться вечно? Неужели никогда не наступит хорошее?

⁵ Священная девятка — девять главных богов Египта.

Еще совсем недавно, когда ты носила нашего младшего сына⁶, фараон — строитель великой пирамиды⁷ — обрек нас, простых неджесов и роме⁸, на голод и разорение. Если бы я не добыл пищи и золота в опасном плаваньи в страны Зеленого моря, может, не осталось бы в живых никого из наших братьев и сестер. Но великая пирамида построена, фараон отошел в вечность, а разве жить стало легче? По-прежнему требуют с нас непосильной работы, бьют и отдают в рабство за недоимки. Множество чиновников смотрит за нашими путями, записывает каждую меру собранных плодов, каждого журавля⁹ и еще не родившегося детеныша антилопы...

— Ты был в разных странах. Неужели и там так тяжела жизнь?

— Плохо везде, где есть бедность. Я не видел страны, в которой бы не было бедняков, мучимых страхом, болезнями и голодом. И я не видел страны лучше нашей Та-Кем. Только здесь земля так плодородна, только здесь не свирепствуют ветры, сокрушительные ливни. Страна защищена пустынями от набегов хищных соседей. Прекрасно наше вечно ясное небо, могучая река — источник жизни, богатые сады и поля. Все мы любим нашу Та-Кем, и всем нам плохо жить тут!

— С детства я любила сказки о стране духов — волшебном Пунте¹⁰. Вот там хорошая жизнь, там люди, похожие на нас, роме, живут подобно духам полей Иалу¹¹.

— Никто не видел Пунта, безмерно далек он от нас и недостижим смертному, — неохотно ответил Уахенеб. — Плохо, что нет защиты для нас в родной нам Черной Земле. Надо спасать друзей, а они спасут нас... так, — твердо решил кормчий. — Слушай, ты еще

⁶ Имена детей не называли во избежание «сглаза».

⁷ Имя фараона запрещалось называть по тем же соображениям.

⁸ Неджес — «маленький», название свободного жителя Египта, роме — египтянин.

⁹ Журавли приручались и разводились в Древнем Египте.

¹⁰ Пунт — ранее Та-Нутер — сказочная страна древних египтян, находившаяся вне пределов обитаемого мира. Позднее, когда египтяне стали плавать далеко на юг, название Пунта получили страны на восточном побережье Африки, южнее Сомали.

¹¹ Поля Иалу — в представлениях египтян о загробном мире соответствуют нашему раю.

не знаешь всего о несчастьи Антефа. Он тяжело поранил себя теслом и не мог работать пять времен года. Дом его стоит на земле храма Хнума¹²... Антеф задолжал начальнику мастеров¹³, не уплатил долга, и жрец захотел взять в храм его дочь.

— Как, ясноглазую То-Мери! — воскликнула жена.

— Тише. Да, ее. Она красива, и жрец может продать ее с выгодой в храм Нейт или... оставить рабыней у себя. Рабы храма под начальством младшего жреца ворвались в дом Антефа, избили его и жену и увели дочь. Антеф побежал сказать вестникам...

— Зачем? — удивилась жена.

— Теперь я тоже скажу — зачем? — ответил кормчий. — За один вечер я стал умнее на десять лет...

— Антеф так любил свою То-Мери!..

— Потому и сделался гонимым, подобно робкой антилопе. Дом его без хозяина и отца, жена и дети оплакивают его как умершего. Пойди к ним на рассвете и скажи тайное утешение. А я... — Уахенб умолк.

— Я слушаю тебя!

— Антеф сделал то, что должен был сделать отец и мужчина. Он проник в храм Хнума в поисках дочери, проследил, что она заперта в кладовой дома начальника мастеров, и, пытаясь освободить То-Мери, напал на жреца...

— И...

— И едва спасся из храма. Вернулся в дом свой в великом горе и напрасно размышлял, придумывая, как спасти дочь. Вестники объявили его врагом города... остальное ты знаешь.

— Ты задумал опасное дело, господин мой, — сказала жена, поняв затаенные думы кормчего.

— Не опасайся, я сумею исполнить это, не привлекая внимания чиновников великого дома. Я почти гость здесь — так редко приходится бывать мне дома, за мной нет записей и глаз... Если хочешь помочь мне, пойди скорее в дом, где живут мои ученики Ахавер и Нехеб-ка, разбуди их. Скажи, что я заболел и зову.

¹² Хнум — один из главных богов, изображавшийся с бараньей головой.

¹³ Начальник мастеров — титул главного жреца.

— У нас в саду спит сегодня тот — большой и темнокожий, твой мастер паруса¹⁴...

— А, большой Нехси здесь? Это помощь от богов... я разбужу его!..

Проснувшиеся сыновья Уахенеба стали умолять отца позволить им идти тоже на таинственное дело. Но кормчий оказался неумолимым.

Во тьме и тишине четыре человека выскользнули на улицу и молча направились к храму Хнума, стоявшему среди большого сада, на возвышенном участке берега. Уахенб обладал хорошей зрительной памятью и навсегда запоминал те места, в которых ему приходилось бывать. Теперь он уверенно обошел главный вход, в глубине которого мерцал слабый огонь двух светильников, и приблизился к небольшим воротам, ведущим во внутренний двор, около дома главного жреца.

— Теперь ты, Ахавер, и ты, Нехеб-ка, по сигналу Нехси начинайте драку у ворот, бросайте камнями, выкрикивайте проклятия... Когда раздастся вопль шакала, убегайте, но сначала в верхнюю улицу, чтобы спутать мысли врагов, потом бегите к реке. Мы будем ждать в лодке за Кедровой Пристанью...

Все последующее произошло быстро. Крики Ахвера, грубая брань Нехеб-ка, грохот камней о доски ворот, неистовый лай собак главного жреца, кинувшихся к ограде. Замелькали факелы в руках младших жрецов, которые спали в храме и теперь выскочили на шум.

Мрак во внутреннем дворе казался особенно непроглядным. Большой Нехси, увлекаемый за руку Уахенбом, быстро добрался до крепкой двери в низкой кубической постройке из плотной, затвердевшей на жарком солнце глины. Дверь быстро уступила огромной силе моряка. В душной тьме помещения царило молчание.

— То-Мери, где ты? Я Уахенб, друг твоего отца, ты знаешь меня. Выходи скорей.

В глубине кладовой раздался слабый крик.

Уахенб устремился внутрь, вытянув вперед руки. Его ладонь коснулась плеча девушки. Кормчий про-

¹⁴ Мастер паруса — моряк, управляющий единственным парусом египетского корабля.

вел рукой по лицу и волосам То-Мери, чтобы успокоить девушку, и нащупал твердый ремень бегемотовой кожи, прикрепленный к металлическому ошейнику, замкнутому на тонкой девичье шее.

— Я привязана,— прошептала То-Мери.

Кормчий дернул изо всех сил, но ремень был крепок. Медлить долее было нельзя: там, у ворот, жрецы могли опомниться и схватить Ахавера с его другом, а собаки — почуять присутствие чужих во дворе.

— Нехси, скорее! — позвал Уахенеб.

Гигант потянул, и прочная кожа в два пальца толщиной разорвалась.

Нехси бросил легкую То-Мери себе на плечо и побежал за Уахенебом. Они перелезли через изгородь там, где двор граничил с садом. Пронзительный вопль шакала пронесся в темноте, повторился раз, другой, третий...

Ахавер и Нехеб-ка катались по земле, браня друг друга и сыпая ударами. Услышав сигнал, они вскочили на ноги.

Жрецы, домовые рабы и сам главный жрец столпились вокруг них с факелами, наблюдая за дерущимися со злорадством и негодованием. За воротами неистовствовали свирепые собаки. Внезапно оба юноши повернулись и бросились вверх по улице. Они бежали рядом изо всех сил, и быстрые ноги унесли их далеко от растерявшихся жрецов. Ахавер и Нехеб-ка пробежали четыре квартала и, не услышав погони, свернули в поперечный переулок. Они долго неслись вдоль реки, пока решились спуститься к берегу, и подошли к Кедровой Пристани с другой стороны.

Лодка отплыла беззвучно, весла искусных гребцов гнали ее с возрастающей скоростью. Там, где находился храм Хнума, мелькали огни факелов.

Ахавер и Нехеб-ка торжествующе засмеялись.

— Гребите, гребите,— весело сказал кормчий.— Путь далек, скоро рассветет...— И сильным толчком кормового весла Уахенеб прибавил ходу лодке.

Нехси заставил сидевшую на дне лодки девушку опереться спиной на его колени и старался разогнуть запор ее ошейника, путаясь в массе густых вьющихся волос. Ошейник был заперт на толстый бронзовый крючок.

Лодка удалилась на шесть тысяч локтей от города Белых Стен и плыла вдоль ненаселенного западного берега великой реки. Позади остались гигантская пирамида и город мертвых для знати и богатых, примыкавший к северной стороне пирамиды. Мрак рассеивался, гладь реки заблестела тускло и неприветливо.

Мастеру паруса, наконец, удалось справиться с крючком. Ошейник раскрылся, и Нехси швырнул его далеко на середину реки.

Все сидевшие в лодке следили за полетом. С легким всплеском орудие унижения и плена навсегда погрузилось на дно реки. И в тот же миг за восточной пустыней поднялся краешек солнца, яркие лучи алого света загорелись на реке в том месте, где потонул ошейник.

— Утопить бы так все, что гнетет нас! — задумчиво сказал Уахенеб, выразив этим неясные стремления своих спутников.

Лодка причалила у двух одиноко росших пальм.

В сотне локтей от берега, в пределах высокой бесплодной равнины, расположился город мертвых простых роме. Здесь не было ничего похожего на массивные каменные или кирпичные гробницы знатных людей, только бесчисленные ряды маленьких холмиков отмечали места, где хранились останки отошедших в западные края.

— Неужели не боится Антеф оставаться здесь в ночные часы? — удивился большой Нехси.

— О, мне пришлось один раз быть здесь поздно вечером,— отозвался Нехеб-ка.— Были шакалы, хохотали гиены, страшные птицы ночи летали над головой. Вдали ревел лев, глухим плеском отзывались в реке крокодилы,— мне показалось, что стонет сама земля, наполненная умершими. Я едва удерживал свое сердце от бегства...

— Антеф не здесь, он скрывается в древнем подземелье близко от берега. Если каждому из нас придется выбирать между позорной смертью и страхом перед отошедшими,— я думаю, что он меньше убоится мертвых,— спокойно сказал Уахенеб.— От мертвых еще никто не погиб, здесь давно живет старый сторож с семьей, и все от мала до велика здоровы и целы. Здесь у нас, бедняков, не знающих вещей, нет ничего —

ни таинственных гробниц, ни подземелий. Про город мертвых для знатных рассказывают страшные предания... А может быть, для того, чтобы... никто не смел трогать хорошие вещи, хранящиеся в богатых гробницах? — Кормчий тихо рассмеялся, а его спутники посмотрели на него с удивлением.

— Мы будем здесь жить? — тихо спросила девушка, устремив на Уахенеба большие глаза, еще полные грусти.

— Во все нет! — рассмеялся кормчий. — Тебя завтра возьмет на корабль мой верный друг, кормчий Саа-нахт. Ты будешь жить в дельте, у моих родных, пока не повернется лицо богов...

— А отец?

— Антефа нельзя отослать с тобой. Я возьму его на свой корабль тайно, в день отплытия. Нам не дадут много отдыхать — скоро пойдем мы опять за кедром для храмов на Великое Зеленое море...

В доме Уахенеба вновь собрались гости — кормчий решил отпраздновать спасение Антефа и его дочери, не объясняя никому причины торжества. Опустели два кувшина вина, громадный глиняный сосуд с пивом. У захмелевших людей развязались языки, все смелее становились выкрики и взволнованные разговоры о несправедливости жизни в Та-Кем, о том, что жрецы обманывают бедняков, что государство не жалует своих подданных.

— Рабы у богатых и во дворцах живут лучше, чем мы! — воскликнул тот же хмурый кузнец, который угрожал Уахенебу каменоломнями в прошлый раз.

Кормчий поднял руку:

— Слушайте сказку о стране счастья!

Низенький старик с круглой лысой головой говорил о трудностях жизни без просвета и защиты.

Гости стали кивать головами, соглашаясь.

Сказка описывала чудесную страну Пунт, страну духов счастья. Никто не согнут страхом и голодом, золото сверкает в речных песках, деревья отягощены чудесными плодами, благовонные смолы текут по стволам, прекрасные девушки дарят всех ласковыми улыбками. Все равно сыты, нет тяжких работ и свирепых зверей!..

— Там, там! За восточной пустыней, за Лазурными Водами¹⁵, в безмерной дали!

Старик вскочил, указывая на восток, поднялись и все гости, всматриваясь в пыльную мглу над восточными холмами, точно стараясь сквозь нее разглядеть призрачное видение чудесной страны...

— Никто, никто, кроме могучих людей-богов древности, не достигал пределов Пунта!

— Недоступна, прекрасна желанная страна, отрада смертных, живущих там наравне с духами и похожих на нас, детей Черной Земли!..

Внезапно раздались удары палки в калитку сада. Громкий деревянный стук оборвал сказку, люди насторожились, воцарилось молчание, полное опасений. Угрюмый человек, морщинистый и суровый, подошел к кормчему. Уахенеб поджидал его с затвердевшим, как у статуи, лицом.

— Мой и твой господин, казначей бога Баурджед, велит тебе прийти завтра, после дневного сна! — громко, не допускаящим возражений тоном сказал посланный, и Уахенеб перевел дыхание. Зов казначея еще не был бедой.

Пестрые занавеси в оконных просветах колыхались под легким ветерком. По коричневой полированной поверхности деревянных колонн пробегали слабые блики света. В комнату, тяжело ступая, вошел великий властитель, молодой фараон Джедефра¹⁶. Следом за ним спешили два человека с золотыми нагрудными знаками. Они с привычной ловкостью распростерлись на полу перед фараоном. Нетерпеливое движение руки Джедефра заставило их встать. Один, высокий и худой, носивший звание хранителя царских сандалий, снял с ног фараона сандалии из позолоченной кожи. Другой, смотритель ларца с притираниями, осторожно освободил Джедефра от тяжелого парика, прикрытого полосатым головным платком и пшентом, и снял футляр, заменявший бороду. Фараон с облегчением провел ладонью по гладко выбритой голове.

Вельможи удалились. Джедефра сбросил длинную

¹⁵ Лазурные Воды — Красное море.

¹⁶ Джедефра — фараон IV династии древнего царства (2877—2869 гг. до н. э.).

белую одежду из серебристого льна, выделанного так тонко, что ткань просвечивала. Он остался в короткой рубашке, перетянутой голубым поясом с тяжелыми синими лентами на золотых пряжках.

Фараон устало потянулся. Нелегко было соблюдать каменную неподвижность поз, требуемых ритуалом при публичных появлениях.

Сухое, жесткое лицо Джедефра было хмурым и сосредоточенным. Он медленно подошел к окну, выходящему на запад, и слегка отодвинул плотный занавес.

В прозрачном воздухе под густой синевой чистого неба предстал перед Джедефра предел его страны. Дворец фараона стоял на невысоком холме, близ которого плодородная темная земля Нильской долины резко граничила с красновато-желтой пустыней. Вдали отчетливо вырисовывались изгибы огромных песчаных бугров. Там пески, поднимающиеся горами по пятьсот локтей вышины, пылают под знойным небом, как гигантский костер, преграждающий живым путь в страну запада, царство ушедших, обиталище мертвых...

От песчаных холмов к долине сбегали голые каменные уступы. На них за белой каменной оградой колыбалась темная зелень высоких пальм.

Джедефра угрюмо усмехнулся. В глубокой тишине доносился лишь плеск воды в ступенчатых бассейнах. Рабы, выстроившись длинной цепочкой, с утра до ночи качали воду из реки, чтобы вокруг пирамиды мог существовать зеленый сад. А некоторым деревьям сада было уже больше двадцати лет...

Но фараон, конечно, не думал об этом. Миллионы роме, сотни тысяч рабов, как трудолюбивые муравьи, копошатся у него под ногами, обожествляя все четыре имени царя¹⁷. Джедефра думал о древнем обычае царей воздвигать на краю западной пустыни — границе страны мертвых — особые сооружения, получающие название «священная высота»¹⁸. Эти «высоты», резко возвышаясь над плоской страной, поднимали ввысь, утверждая в вечности, личность фараона.

¹⁷ Фараон кроме собственного имени имел еще несколько так называемых тронных имен.

¹⁸ *Перема* — высота по-древнеегипетски; отсюда — пирамида.

С времен великого Джосера¹⁹, создателя могущества страны Черной Земли, эти сооружения стали строить из камня. Недалеко от его дворца, на том же западном плоскогорье, высится исполинская пирамида Хуфу²⁰ — беспощадного властелина, грозного фараона, неожиданным наследником которого явился он, Джедефра, сын одной из самых молодых и незаметных жен Хуфу. Сын, знавший отца только в образе живого бога, владыки сурового и недоступного... Джедефра рос вдали от дворца и воспитывался в маленьком храме у старого жреца, даже не думая о том, чтобы занять видное место в государстве Черной Земли.

Его мать — умная и хитрая южанка, происходившая из области древнейшей столицы Кемт, тайно готовила сыну иное. Она сумела добиться доверия могущественного союза жрецов Ра, безраздельно владычествовавших в городе — храме Солнца, у начала Дельты, к северу от столицы. Жрецы Ра осмелились противостоять даже могучему Хуфу, фараону, впервые сумевшему согнуть непокорных служителей богов и взять у бесчисленных храмов часть богатств и рабов для постройки великой пирамиды.

Этот грозный пришелец из средней Кемт, выдвинутый старой знатью и жрецами бога Хнума, сменил владык потомков Хасехемуи²¹ и еще больше возвеличил божественную власть фараонов. Перед его железной волей и безграничной жестокостью вся Кемт в страхе распростерлась ниц. Всю мощь государства, укрепленного фараонами-предшественниками — Джосером и Снофру²² — и их советниками — учеными Имхотепом, Кегемни, Птахотепом, воспетыми в народе, все богатства Та-Кем и ее многочисленных рабов Хуфу употребил на достижение единственной цели — постройки огромной пирамиды, невиданной от сотворения мира.

Гигантская пирамида должна была навеки утвердить имя Хуфу, поразить все будущие поколения. Она стояла над каждым жителем страны, господствовала

¹⁹ *Джосер* — выдающийся фараон III династии (2980 г. до н. э.).

²⁰ *Хуфу*, иначе *Хеопс*, — фараон IV династии (2900 г. до н. э.), строитель самой большой пирамиды.

²¹ *Хасехемуи* — последний фараон II династии, отец Джосера.

²² *Снофру* — фараон-завоеватель, последний в III династии (2980—2900 гг. до н. э.).

над мечтами, мыслями, поступками и снами миллионов людей. Все другое, даже великие и грозные боги, требовавшие непрестанных жертв, обрядов и празднеств, отошло на задний план. Количество громадных камней, уложенных в пирамиду, каждый новый десяток локтей ее вышины сделались важнейшими новостями страны.

Забыты были далекие походы в неизвестные страны, неведомые и манящие дали морей Великой Дуги. Забыт был и самый мир, окружающий страну Кемт, словно все средоточение вселенной сошлось на узкой ленте Черной Земли и внутри нее, на острие пирамиды Хуфу...

Страна обеднела, ропот недовольства все чаще раздавался не только среди бедных земледельцев, но и среди могущественной знати и великих жрецов.

А фараон продолжал постройку. И вот белая пирамида в триста локтей высоты ослепительно сверкает под вечно голубым небом, в кольце садов и храмов. Каждый из ее камней, весом в шесть быков, так тщательно пригнан к другим, без следов соединения, что пирамида кажется единой массой. В глубине белой громады заключен саркофаг из черного гранита, и в нем лежит отошедший в страну запада грозный фараон.

И теперь он, Джедефра, живой бог, принявший власть и силу всего государства, хочет возвеличить себя исправлением бед, нанесенных постройкой великой пирамиды. Он тоже строит свою «высоту» там, против дворца, на северном конце плоскогорья, не считая возможным нарушить священный обычай. Но всего в шестьдесят локтей будет это сооружение — жалкий холмик перед колоссальной гробницей Хуфу...

Джедефра отменил подати с храмов, вернул им тысячи рабов. Он посылал суда к Великому Зеленому морю, и на восток, и на юг, в страну Куш²³. Посланные возвратились благополучно, с добычей золота, меди, кедрового дерева. Но в стране неспокойно. Начальники округов недовольны, урожаи уменьшились, голодные земледельцы опять осмеливаются грабить государственные склады.

А он, живой бог, молод и не знает, что нужно

сделать еще, хотя и хочет быть подобным Джосеру и Снофру, возвеличившим Та-Кем и без конца прославляемым в легендах и преданиях. Если бы у него был советник, мудростью равный Имхотецу...

Недавно он беседовал с великим ясновидцем²⁴, который снова намекнул фараону на неправильный путь, избранный им в управлении государством. Верховный жрец настаивал на строительстве новой огромной пирамиды, уверяя Джедефру, что такова воля богов и заветы высшей мудрости. Народ Та-Кем многочислен, как песок, трудолюбив, рабы должны быть непрерывно заняты самым тяжким трудом, иначе толпы их разъярятся и возникнут бунты. Что может быть лучше постройки новой великой пирамиды? Народ будет все более убеждаться в ничтожестве своей земной жизни и обратит свои мысли к загробному существованию в счастливых полях Иалу. Знатные властители сепов²⁵ должны будут отдать для постройки пирамиды свои богатства, рабов и даже часть свободных людей — значит, у них не будет сил противиться фараону. А ему, живому богу, останется только требовать покорности себе и богам, возвышая храмы и жрецов.

Великая пирамида прославит его на миллионы лет. А он построил ничтожную гробницу, роняя свое божественное достоинство. Это посеет пагубные сомнения в умах людей, которые могут перестать чтить жрецов и, страшно сказать, богов. И без того не только знатные, но даже простой народ начинает требовать себе хорошей жизни здесь, сейчас, а не в стране ушедших!

Джедефра не сумел хорошо возразить великому ясновидцу. Он только сказал, что хочет искать других путей, подобных путям Джосера, но не знает, как это сделать.

Жрец, затаив злобную усмешку, объявил царю, что времена Джосера миновали безвозвратно. Теперь фараон должен идти другими путями, и Джедефра не может отступить от них, иначе страну постигнут бедствия. Угроза, скрытая под внешней почтительностью верховного жреца, встревожила молодого фа-

²³ Страна Куш — часть Нубии, на юг от Египта, выше по Нилу.

²⁴ Великий ясновидец — титул верховного жреца Ра.

²⁵ Сепы — области, или провинции.

раона. Он, сам получивший власть из рук жрецов Ра, знал их могущество и знал истинную цену своему божественному достоинству, незыблемому только в глазах простого народа.

Он был одинок, занял трон владык Черной Земли силой жрецов Ра и мог опираться только на них. Но они направляли его по пути, не казавшемуся достойным ему, с детства воспитанному на преданиях о деятельности великих фараонов — потомков Хасехемуи, выходцев с юга, откуда была родом и его мать. И тут он вспомнил, что его отец, грозный Хуфу, не раз призывал жрецов древнего бога знания, письма и искусства — Тота, по преданиям, хранивших бесчисленные сокровища и тайные книги знаний. Хуфу, старавшийся добыть как можно больше сокровищ для постройки своей пирамиды, грозил жрецам Тота всевозможными карами, но ничего не добился. Жрецы объявили ему, что тайные замки Тота — не более как легенда, оставшаяся от очень древних времен, когда их бог был одним из главных.

Джедефра решил обратиться к служителям Тота в надежде на их знания. Жрецы бога, могучего во времена Джосера, должны были научить молодого фараона тайнам власти и созданию новой мощи и богатства.

И сейчас Джедефра ожидал главного жреца Тота, обещавшего явиться к фараону на закате солнца.

Джедефра отвернулся от окна, прошел по мягким коврам и опустился в легкое кресло из черного дерева.

Снизу, со двора, обнесенного высокой глинобитной стеной, донеслось негромкое бряцанье оружия. Стукнул медный щит, и в тишине поплыл протяжный звенящий звук.

Внезапно и бесшумно в комнате появился крепкий, коренастый человек с блестящим бритым черепом. Он был в простой набедренной повязке, но переброшенная через левое плечо леопардовая шкура означала сан главного жреца. Жрец не распростерся на полу, а только склонился перед Джедефрой, согнув локти у пола, и брови фараона недовольно поднялись. Пришедший выпрямился как ни в чем не бывало и, осторожно ступая, приблизился к фараону. Джедефра пристально всматривался в его лицо — тяжелый лоб,

резкий выступ крупного носа, недобрый прищур смелых глаз.

— Владыка звал меня, великий царь анх уда снеб (жизнь, здоровье, сила²⁶), — негромко сказал жрец, избегая назвать имя фараона и обращаясь к нему только в третьем лице.

— Ты великий начальник мастеров Носатого?²⁷ — спросил фараон. — Ты вовсе еще не стар. — Тень недоверия скользнула в словах Джедефры.

— Всего два года, как я назначен вместо ушедшего Джехути, мощный бык Черной Земли, — ответил жрец.

Джедефра нетерпеливо нахмурился.

— Можешь избегать хорошей речи, мы будем говорить как два жреца.

Жрец склонился в знак послушания.

— Два года — это немного, — продолжал фараон. — Веды ли тебе тайны Тота?

— Веды, великий дом, — спокойно ответил жрец.

— Тогда слушай и потом скажешь мне все, что открыла тебе премудрость Носатого, — приказал фараон.

Огонек мелькнул в непроницаемых глазах жреца, точно искра, высеченная в черном кремне.

Джедефра говорил медленно, стараясь придать словам тяжесть и прочность бронзы.

Он хочет быть продолжателем великого Джосера. Страна обеднела, постройка великой пирамиды отняла прежние богатства. Повсюду недовольство, и только страх, оставшийся после царствования Хуфу, еще сдерживает гнев знатных людей и голод бедняков. Нужно дать богатства знати и хлеб земледельцам. Но в сокровищнице бога мало золота, каналы и плотины попорчены, так как оставались долго без ухода и починки. Презренные негры страны Нуб, согнутые прежде в покорности, теперь осмелели настолько, что разрушили Дом Снофру — стену в пятьдесят тысяч локтей длиной, воздвигнутую на южных границах Та-Кем. Теперь эта сильная крепость южной гра-

²⁶ Жизнь, здоровье, сила — обязательная приставка ко всякому упоминанию фараона.

²⁷ Носатый — фамильярное название Тота, изображавшегося с головой ибиса.

ницы больше не угрожает неграм: они добывают золото не для Та-Кем, а для себя.

Чтобы найти дорогу истины, фараон хочет знать о других странах, окружающих Кемт, до самых пределов Великой Дуги. Какие сокровища можно добывать оттуда? Куда нужно послать верных и отважных людей? Если же, кроме жалких негров, на краю Великой Дуги обитают только духи... тогда нужно искать иные пути для поднятия могущества Кемт!

Джедефра замолчал и вопросительно посмотрел на жреца. Тот выждал несколько минут и заговорил:

— Одиннадцатая из сорока двух великих и тайных книг, называемых «Души Ра», содержит перечень всех местностей и учение о том, что они заключают в себе. Писец ее — сам Тот²⁸. Но разве великому дому неизвестно завещание его предка Нетерхета-Джосера?

Жрец заметил удивление, мелькнувшее в лице Джедефры, и быстро спросил:

— Неужели верховный жрец Ра не сказал об этом?

Джедефра поднялся, лицо его стало грозным.

— Я хочу видеть завещание теперь же! Где скрыто оно? В его высоте?

— Да, на этой плоской горе, против белой стены, — ответил жрец и заглянул в окно. — Ра вступает²⁹, — продолжал он, — во время жатвы³⁰ ночь хороша для пути.

Жрец опустил глаза и, отойдя в угол комнаты, безмолвно и бесстрастно уселся на ковре.

По зову фараона молчаливые комнаты ожили.

Просторное судно с высоко поднятой кормой поплыло вверх по широкой реке. Джедефра расположился на троне из черного дерева под навесом, раскрашенным в желтую и синюю клетку, — цвета царского покрывала. Четыре светлокожих гиганта-ливийца, стоя наготове с луками и секирами, охраняли священную особу царя.

Плавание должно было занять весь вечер и часть ночи: от дворца фараона до столицы страны —

²⁸ Подлинный текст.

²⁹ Ра вступает (подразумевается — в западные края) — солнце садится.

³⁰ Время жатвы, время наводнения, время посева — три основных времени года у египтян.

города Белых Стен — было не меньше шестидесяти тысяч локтей.

Медленно проплывали унылые берега — ровные круглые уступы плоскогорья западной пустыни, болотные заросли восточного берега. Мертвые склоны долины казались издали лишь невысокой, красной в лучах опускающегося солнца полоской. Между ней и рекой колыхалось обширное зеленое пространство густой болотной растительности. Кое-где поблескивали озерки воды. Группы высоких пальм трепетали темными перистыми кронами, чеканно выделяясь в золотистом небе.

Под ветром высокая трава сгибалась, словно серебряные волны широко катились по сплошным зарослям осок.

Стройные «дары реки» — папирусы стояли в самой воде, поднимая звездчатые метелки из узких листьев почти на два человеческих роста, а около них были разбросаны крупные яркие чаши голубых и белых лотосов.

Временами пальмы образовывали небольшие рощи, за кольчатыми стволами виднелись низенькие, скученные домики, построенные из зеленовато-серого нильского ила. На плоских крышах некоторых домов расположились отдыхать семьи земледельцев. Кое-кто уже спал, завернувшись в мягкие циновки из папируса, другие еще доканчивали скудный ужин из стеблей того же папируса, политых касторовым маслом. При виде барки фараона люди проворно поворачивались к реке и утыкались лбами в глину крыши или в мягкую пыль втопанной вокруг домов земли.

Солнце зашло, закат быстро мерк, ослабевший ветер стал прохладным. Фараон встал, нарушив молчание.

— Я сделался усталым, сердце мое следует дремоте³¹.

Джедефра удалился в каюту на корме в сопровождении хранителя сандалий. Кормчий потряс жезлом, и весла послушных гребцов стали осторожней опускаться в воду.

Жрец направился на плоский нос судна, низко нависший над водой, где стоял помощник кормчего

³¹ Подлинный текст.

с шестом, непрерывно измерявший глубину. До восхода луны необходимо было плыть с осторожностью. Река изобиловала мелями, часто менявшими свое место и неведомыми даже самому опытному кормчему.

В сумеречном воздухе быстро замелькали неясные мечущиеся тени — множество летучих мышей вылетело из своих дневных убежищ. Слева, из-за темной стены скалистого берега, медленно поднималась ущербная луна. Ее красные высокие рога первыми бросили дробящийся свет на гладь широкой реки³², черные полосы теней вонзились в освещенный край пустыни.

Луна поднималась все выше, свет ее принимал все более яркий блеск серебра, и наполнявшая долину темнота быстро отступала к северу.

Жрец стоял на носу судна, глубоко задумавшись.

Он думал о том, что завещание Джосера не исполнилось. Могучий фараон, создавший единое и крепкое государство, вместе с могуществом заложил и другие семена, которые могут дать гибельные всходы. Старое главенство бога наук, письма и искусства Тота уступило место богу солнца Ра, символу безграничной власти, отождествленной с личностью фараона.

Было понятно, почему жрецы Ра, давно оттеснявшие от фараона служителей Тота, скрыли завещание...

Совсем близко на песчаной отмели раздался громкий всплеск. Огромный эмсех — крокодил — показал в свете луны свою гребнистую спину, и расходящиеся перед его головой волны заблестели, разворачиваясь серебряным веером. Жрец невольно оглянулся и с минуту провожал глазами священное животное... Потом вернулся к своим мыслям.

Новый фараон сам позвал жрецов Тота. Значит, ему не хочется править по указке жрецов Ра. Он пытается сам найти свой путь, ищет советника. Это разумно и хорошо, хорошо потому, что таким советником может стать он — верховный жрец Тота — Мен-Кау-Тот.

Тогда возродится былая слава и сила жрецов Тота, умножится их число и богатство... Настало время, ибо плохо стало в стране, обедневшей во время владычества Хуфу: новый фараон не знает, что делать, как стать настоящим владыкой. Недаром хранители

³² В южных странах серп луны занимает горизонтальное положение.

божественной премудрости не должны открывать сего фараону, чтобы противопоставлять воле владыки мудрость вечного знания, обуздывать власть и силу...

Уже давно ушел помощник кормчего, судно шло быстрее, а жрец все еще размышлял в тишине.

Вдали послышался громкий лай собак. Изредка пронзительные вопли ослов прорезали ночной мрак — судно приближалось к Белой Стене, и по берегу реки тянулись дворцовые имения и сады храмов столицы.

Пробудившийся фараон появился на палубе и приказал войти в столицу тайно. Судно причалило к большой каменной площади у храма сокола Гора³³, близ северной оконечности города.

Джедефра сел в кресло-носилки, и дюжие негры быстро понесли фараона через сонную окраину. Кривые и тесные пыльные улицы были ограждены ветхими глинобитными стенами сливавшихся друг с другом домов. Небольшая охрана фараона, пользуясь лунным светом, шла без факелов.

Дома по сторонам становились реже, улица расширялась. Внезапно перед глазами идущих открылся пологий подъем, усыпанный остроугольными камнями и испещренный черными пятнами теней. Справа слабо блестела река, а налево подъем переходил в плоскую возвышенность, за которой неясно обозначались размытые обрывы и бугры песков. Оттуда доносились хохот гиен и стонущие вопли шакалов. Перед обрывом, пересекая наискось возвышенность, резко выделялся огромный прямоугольник рубчатых белых стен. В центре прямоугольника поднималась на сотню локтей ступенчатая пирамида. Под луной ее белый цвет казался чистым и матовым, тени на уступах лежали рядами горизонтальных черных полос. С правой стороны пирамиды над стенами выступали крыши каких-то построек.

Под тяжелой поступью носильщиков хрустел песок, нанесенный ветром на плиты старой дороги, проложенной еще во время постройки. Пирамида приближалась, вырастая над окружающей местностью; уже можно было различить скошенные ребра ее уступов.

³³ Гор — верховное древнее божество, изображавшееся в виде сокола. Произошло от родового тотема древних царей.

У ближайшего, юго-восточного, угла стены несколько низких чахлах деревьев обозначали место входа. Под деревьями стояла низенькая мазанка сторожей.

Шествие приблизилось к стенам, сложенным из крупных кусков известняка. В четыре человеческих роста высотой, с выступами в виде вертикальных квадратных брусьев, стена производила впечатление несокрушимой прочности.

Из домика выскочили две темные фигуры и в страхе упали в пыль перед фараоном. Стройные белые полуколонны, похожие на связки крупных стеблей папируса, подпирали над входом плоскую плиту с бахромчатой насечкой. Высокое дверное отверстие прижималось вплотную к левой колонне.

Зажгли факелы. При неровном, вихрящемся свете Джедефра вошел в дверной проход следом за жрецом и телохранителями. Дальше начинался длинный коридор, обрамленный множеством столбов, в сечении имевших форму длинных овалов. На закруглениях колонн были продольные валики в виде стеблей папируса. Между широкими стенообразными сторонами колонн царил глубокий мрак. В просветы, сделанные в кровле, лился косой лунный свет.

Коридор вывел пришедших на гладкий большой двор, обсаженный раскидистыми и корявыми сикоморами. На плитах двора лежал толстый слой нанесенного ветром песка. Огромная пирамида замыкала задний конец двора. Разбуженные шумом и светом факелов, хищные птицы поднялись в воздух, издавая пронзительные хлопочущие крики. Глаза сов заблестели в темных впадинах крыш и стен, летучие мыши носились взад и вперед над двором.

Жрец, взявший на себя роль проводника, повернул направо, потом назад и через короткий проход провел фараона на второй, меньший двор храма Львиного Хвоста (хеб-сед), построенного в честь одноименного праздника тридцатилетия царствования великого фараона.

Двор был заполнен гробницами приближенных и родственников Джосера. Как сундуки со слабо выпуклыми крышками, стояли они в ряд на своих пьедесталах.

Четыре тонкие, как пальмовые стволы, колонны лепились на фасаде каждой гробницы.

Таинственно и мрачно стояли эти тяжелые, наглухо закрытые ящики, с единственной узкой дверью посередине, сохраняя внутри весь жизненный обиход давно умерших любимцев фараона Джосера.

Храм Львиного Хвоста окончился. Новый узкий проход вывел пришельцев к восточной грани пирамиды. Справа за стеной колыхались под ветром сикоморы. Еще дальше за деревьями вновь поднимались массивные белые колонны двух гробниц: дочери фараона — принцессы Инт-Ка-С и матери Джосера — Нимаат-Хапи. На стене, совсем близко от угла пирамиды, лепились столбики, увенчанные массивными изваяниями коршунов с опущенными крыльями. На груди каждой птицы зияло большое круглое отверстие. Ветер, врываясь в эти отверстия, производил мелодичные низкие звуки, полные глубокой печали. Казалось, что самые стены гробниц вечно плачут о похороненных в них женщинах.

Джедефра изумился искусной выдумке прославленного строителя, ученого врача и первого советника великого Джосера — премудрого Имхотепа.

У подошвы пирамиды с северной стороны располагался храм самого Джосера. На шум оттуда вышло несколько почти обнаженных жрецов, поспешно и безмолвно отступивших в тьму боковых проходов.

Жрец повел фараона через короткие запутанные переходы и перегородки между черными, расписанными золотом и синью колоннами в глубь храма.

Незаметно они очутились далеко внутри пирамиды. Впереди чернел коридор, ведущий в камеру с саркофагом фараона. Жрец остановился перед плитой из красного гранита.

На левой стене вырисовывался барельеф фараона с занесенной над головой палицей. Жрец быстро притронулся к палице. Гранитная плита повернулась, встала ребром поперек прохода, под ней зачернела пустота. Вниз вели широкие ступени. Жрец быстро спустился, освещая путь фараону. Джедефра последовал за ним, с осторожностью поддерживаемый телохранителями, и очутился в просторной квадратной комнате, расположенной как раз под саркофагом Джосера и высеченной прямо в скале.

Джедефра приказал своим слугам удалиться обратно в коридор и, оставшись вдвоем с жрецом, огляделся.

Вся стена подземной комнаты была покрыта плитками зеленого фаянса, углубленными посредине и увеличивавшими отражение пламени факелов.

Выкрашенный в темно-синюю краску потолок, казалось, уходил высоко вверх, и написанные на нем золотом изображения как будто парили в ночном небе. Налево в стене была неглубокая ниша, впереди которой стояла известняковая статуя фараона Джосера.

Великий Нитерхет-Джосер сидел на своем простом троне, высоко подняв подбородок, прижав одну руку к груди, а другую свободно положив на колени. Голову обрамлял царский платок, высеченный грубыми деталями. Застывшее скуластое лицо фараона, с низким лбом, приплюснутым носом и выпяченным крупным ртом, было исполнено силы. Костлявые челюсти, сведенные напряжением, говорили о непреклонной воле. Большие, глубоко посаженные глаза были сделаны из черного полупрозрачного камня, зрачок из серебра, белки покрыты эмалью, а веки и брови обозначены черной медью. Красные огоньки светильников мелькали в этих необыкновенно живых глазах, придавая взгляду статуи зловещее упорство. Окрашенные в темно-коричневый цвет лицо и руки резко выделялись на белом камне.

Два фараона Черной Земли встретились взглядами — два олицетворения всемогущей земной власти.

Со смутной тревогой Джедефра отвернулся и посмотрел в ту сторону, куда вечно обречены были смотреть неподвижные глаза Джосера. Там, в рамке из светлых фаянсовых плиток с изображениями сокола, высилась обнаженная и отполированная часть каменной стены, испещренная глубоко врезанными иероглифами, покрытыми зеленой краской — цветом, воскрешающим мертвое.

По сторонам стояли две тончайшие вазы древней работы с именем богини Маат³⁴, вырезанные из цельных кусков горного хрусталя. Рядом с вазами оба простенка охраняли две большие бронзовые статуи сокола. Гора с головами, отлитыми из золота, и глазами из красного камня. Птицы, увенчанные сложными золотыми коронами, сидели совершенно симметрично, обратив друг к другу хищные загнутые клювы.

Сходство статуй с живой натурой было так велико, что невозможно было не верить в действительность существования таких громадных соколов. Полированные выпуклые глаза блестели с пронзительной и надменной остротой.

Джедефра глухо сказал жрецу:

— Надпись сделана священным письмом, тебе знакомым. Читай!

Жрец свободно разбирал особое, секретное письмо, которым иногда делались надписи, составлявшие тайну для непосвященных. Он быстро и громко начал чтение. В душевной темноте подземелья, под глухое потрескивание светильников звучали отрывистые, иногда щелкающие звуки языка Кемт, выражавшие последнюю волю умершего более ста лет назад Джосера.

— «...Я был в моем дворце в великом беспокойстве, — читал жрец, — ибо река не поднималась семь лет и страна находилась в величайшей нужде. Тогда я собрался с сердцем и спросил премудрого Имхотепа, где находится родина Хапи³⁵ и какой бог там правит. Имхотеп ответил: «Мне необходимо обратиться к богу. Я должен пойти в хранилище Тота и справиться в «Душах Ра». Он пошел и вскоре вернулся и рассказал мне о поднятии реки и о всех вещах, с этим связанных; он открыл мне чудеса, к которым не был еще указан путь никому из царей изначала...»³⁶

Жрец сделал паузу. Фараон быстро спросил:

— Разве Нетерхет-Джосер не ходил по прекрасным путям, по которым ходят достойные? Почему мудрец открыл ему тайны только в большой беде?

Взгляд жреца стал тяжелым и пристальным, он погрузил его, словно копье, в глаза Джедефра.

— Великое знание, — медленно заговорил он, — опасно, если открыто для не умеющих держать сердце свое. И мудрец, если царь не пойдет по дороге бога, может много исправить...

Джедефра шумно вздохнул, загораясь гневом.

Жрец поспешно закончил:

— Великий Имхотеп открыл царю очень много в час бедствия. Раньше в этом не было нужды...

Джедефра сдержал себя и знаком велел жрецу

³⁵ Хапи — так называли египтяне Нил.

³⁶ Подлинная надпись в переводе академика Б. А. Тураева.

³⁴ Маат — «видящая», богиня истины.

читать дальше. Голос жреца развертывал перед фараоном волшебные дали неведомых стран. Джедефра узнал, что жизнь его страны — могучая река Хапи — вовсе не вытекает из двух пещер на краю Великой Дуги. Далеко на юге она берет свое начало в беспредельных болотах, а из гор таинственной Та-Нутер течет вторая река прозрачно-голубой воды³⁷, которая вливается в Хапи выше последней шестой ступени. Дожди необычайной силы льют в стране Пунт все время наводнения, и голубая река дает тот подъем воды на двенадцать локтей, от которого зависит жизнь его страны. Если воды поднимаются на два локтя ниже, страна Кемт обрекается на голод.

Шесть огромных каменных ступеней — порогов ведут к месту слияния обеих рек, первый у границы Та-Кем на острове Неб.

И еще узнал фараон Джедефра, что мир велик и населен множеством народов. За песками восточных пустынь, между двумя могучими реками, живет оседлый и многочисленный народ, не уступающий в познаниях народу Та-Кем³⁸. Позади Та-Кем, на Великом Зеленом море, есть большая страна с многочисленным населением. Там есть города с величественными постройками³⁹. Таинственные обитатели этих городов покрывают стены непонятными письменами, создают искусные изображения зверей и людей.

— «Нетерхет-Джосер говорит для своих потомков, повелевая им помнить об этом. В трудный час Черной Земли можно повернуть силы Кемт на покорение стран, и народы их отдадут свои богатства.

Тяжелы пути по земле — только Великая Дуга, покоряясь смелым сердцам, проносит людей на необъятные расстояния и соединяет их между собою. В покорении Великой Дуги — будущее счастье земли Кемт, в познании всей необъятности мира — ее мудрость, в хорошем и многочисленном флоте — сила. Стройте суда, способные бороться с морем, как то открыто мне премудростью Имхотепа...

Укрепи свое сердце и следуй по этому истинному пути...»

В подземелье становилось душно. Мелькающие блики факелов, дробившиеся на тысячи светлых пятен в глазури изразцов, упорный жуткий взгляд статуи Джосера, пронзительные красные глаза золотых птиц. Торжественно-размеренный голос жреца, слова, падавшие, как камни... Джедефра почувствовал, как воля его слабеет и он, владыка, становится мальчиком на берегу безбрежного моря, жадно раскрытыми глазами смотрящим в неведомую даль... Фараон знал о сэтэп-са, могучем гипнотическом воздействии, которое умели применять жрецы. Джедефра собрал волю и резко стукнул своим посохом в пол.

— Ты прочел мне все? — спросил он вздрогнувшего жреца.

— Да, все, великий царь, — поспешно ответил жрец. Горящие глаза его погасли, морщины усталости легли вокруг рта.

Бряцаая оружием, телохранители зашевелились у лестницы. Джедефра в последний раз осмотрел тайное подземелье и направился к выходу.

Прозрачное сияющее утро заглядывало в просветы крыши храма Джосера. В просторе развернувшейся справа долины, у подножия сверкающей белой пирамиды, зеленая подземная комната показалась сном.

Джедефра благосклонно кивнул жрецу, остановившемуся в почтительной позе у входа в храм.

— Я пошлю своего казначея на юг, в Пунт, и дальше, в страну духов, узнать край Великой Дуги... Доволен ли ты?

Жрец молча поклонился фараону.

— Тогда ответь мне еще! Знаешь ли ты, где находится храм Тота, в котором хранятся тайные книги, планы и вещи из дальних стран?

— Храм бога Тота, великий царь, в котором были планы и «Души Ра», — это тайна Имхотепа...

— Тебе неведомая? — резко спросил Джедефра, проницательно взглянув на жреца.

— Я только след на пыли от ног великого мудреца, — бесстрастно ответил жрец.

Фараон отвернулся, жестом подозвал рабов с носилками. Жрец проводил фараона через дворы храмов до выхода из наружной стены и остался, скрестив руки, в дверном проходе.

³⁷ Голубой Нил.

³⁸ *Дауречье* — шумеро-вавилонская культура.

³⁹ Критская культура на о. Крит.

Неподвижный, подобно статуе, он следил, как слегка покачивались носилки Джедефры на дороге к городу Белых Стен.

Двое юношей в одних набедренных повязках широко шагали по обе стороны носилок. Они несли на длинных шестах полукруглые опахала.

Юноши держали их так, что голова фараона всегда находилась в тени. Золотые основания опахал, ручки носилок, отделка сидений фараона, полированная медь оружия телохранителей сверкали на открытом склоне в ярком солнце.

Шествие скрылось за первыми домиками, и жрец пошел обратно в храм Джосера, согбенный, в раздумье.

Жрецы храма окружили его, и самый старший почтительно приблизился.

— Ты хочешь знать, почему я открыл тайную комнату фараону? — спросил жрец, не дожидаясь вопроса старика.

— Именно так, мудрый Мен-Кау-Тот!

— Для подчинения нам фараона, для возвеличения нас, служителей Тота! — громко сказал жрец, названный Мен-Кау-Тотом. — Все больше уходят от власти служители Тота, — продолжал Мен-Кау-Тот. — Его величество, жизнь, здоровье, сила — молод. Совет отца мудрости Имхотепа, — ибо кто, как не он, говорит через Джосера, — поможет ему идти праведно, так, как это считаем мы. А может быть, и не будет так. Жрецы Ра давно помышляют о господстве бога солнца в стране Та-Кем. Давно боремся мы с ними за власть и богатство, за почет нашим богам, как было в древние времена Нармера⁴⁰. То ведомо тебе...

— Слушаю и запираю рот свой, — тихо ответил старый жрец, — ты мудр, как и надлежит быть великому начальнику мастеров...

В это время утомленный фараон, покачиваясь на носилках, тоже размышлял о виденном. Огромная надпись с завещанием Джосера неотступно стояла перед его глазами.

«Я построю много судов, — размышлял Джедефра, — по сто локтей в длину. Для Черной Земли близкими

станут Зеленое море и страны Иаа⁴¹ за Лазурными Водами... Трус тот, кто прогнан со своей границы, — я согну трусов, разобью бродячие народы и заставлю работать для Черной Земли...»

Приветственные клики помешали фараону размышлять дальше.

Над воротами большого дворца трепетали флаги на высоких шестах. Красная корона над входом обозначала, что это северные ворота.

Фараон удалился на омовение и отдых, приказав позвать к себе чати — главу над всеми царскими работами (то есть главного строителя и первого сановника) — и одного из двух «казначеев бога», заведовавших сокровищницей Верхней и Нижней Кемт.

Когда Джедефра вошел в тронный зал, оба вельможки уже ждали своего владыку. По знаку фараона первым приблизился казначей бога Баурджед. Это был совсем еще молодой человек. Гладкая бронзовая его кожа оттенялась простым белым передником. Пестрый воротник обнимал шею и плечи. Широкое лицо с горбатым носом и твердым ртом, обрамленное витыми прядями короткого парика, дышало энергией.

Баурджед упал к ногам фараона. Джедефра оказал ему особую милость, разрешив поцеловать свою ногу, вместо праха у ног царя, как это следовало по обычаю. Затем по воле Джедефра Баурджед приподнялся и остался коленопреклоненным у подножия трона.

— Ты посетил чужие страны, ты перешел пространства, — начал фараон. — Мое величество довольно в своем сердце: ты привел с Зеленого моря двадцать кораблей с кедром для храмов и дворцов, ты был у озер Змея⁴² и Врат Юга. Теперь надлежит тебе следовать в Пунт и быть оком фараона в этой неведомой нам стране духов. Из Пунта надлежит тебе проникнуть еще дальше на юг, до пределов земли на берегах Великой Дуги. — Джедефра умолк, выжидательно глядя на Баурджеда.

Тот вздрогнул, приподняв голову, мускулы его

⁴⁰ Нармер, или Менес, иначе Аха (3400 г. до н. з.), — первый фараон, объединивший под своей властью обе страны — Верхний и Нижний Египет. Считается основателем династий фараонов.

⁴¹ Иаа — страна за Красным морем, часть Синайского полуострова.

⁴² Озера Змея — озера на Суэцком перешейке.

напряглись, и лицо приняло желтоватый оттенок. Но почти мгновенно молодой человек справился с собой и бесстрастно поник головой.

— Какой избрать путь для следования, — продолжал фараон, — предоставляем тебе: плыть Лазурными Водами или же идти через страны Вават и Иэртет⁴³, вверх через ступени Хапи. Спроси совета у мудрого Мен-Кау-Тота... Через два дня придешь ко мне, и я дам тебе силу, какая потребуется.

Джедефра замолчал и велел приблизиться чати — главному строителю.

Баурджед поспешно вышел из зала. Приказ фараона застал его врасплох, он никак не мог ожидать такого поручения. Неведомый путь в безмерную даль, в пугающую страну духов... Что может быть страшнее для сына Та-Кем, чем возможность погибнуть на чужбине без погребения по магическим обрядам, обеспечивающим душе вечность.

Оглушенный и растерянный, Баурджед прислонился к деревянной колонне и долго стоял, пока не овладел собою.

Джедефра и чати долго беседовали в опустевшем зале. Фараон, удалив всех присутствующих, немедленно приказал главе работ сесть рядом с собою, без всякого этикета. Чати, тучный и низкорослый, выпячивая круглые глаза, снял парик, обнажив лысое плоское темя.

Наступил вечер. Фараон повел своего приближенного в покои и продолжал беседу за ужином.

Джедефра хотел что-нибудь сделать для расширения пришедшей в упадок оросительной системы. Завещание великого Джосера неотступно стояло перед ним, указывая путь к великой славе. Его отец Хуфу построил величайшую пирамиду, а власть славы его прокликает множество людей, ненависть реет над его могилой — нет, это не слава! Молодой фараон понимал, что ему не придумать лучше сказанного в завещании, где опыт выдающегося правителя Черной Земли соединился с мудростью Имхотепа.

Джедефра чувствовал, что нужно торопиться. Причина неопределенной тревоги, оставшейся после разго-

вора с великим ясновидцем, теперь стала яснее для фараона. Он начинал понимать борьбу разных сил за власть и богатство, происходившую в государстве, борьбу, в которой жрецы, объединяясь с частью знатных людей, играли главную роль. Если он хочет повернуть к былым временам Джосера, то его поддержат богатые владельцы земель в сенах — провинциях — и жрецы Тота. Но тогда он пойдет наперекор намерениям жрецов Ра, поставивших его у власти. Могущество Ра ему хорошо известно, а с ними ведь вся знать столицы, армия чиновников и еще одна сила — жрецы Пта. Опасно вступить в эту борьбу. Нужно до времени скрывать свои намерения, укрепляясь в решении...

Чати, осторожный и хитрый вельможа, не противоречил фараону, но старался охладить молодого владыку, указывая на неисчислимы трудности возобновления строительных работ в провинциях, когда все рабочие государства оказались сосредоточенными в области столицы, а окраины обеднели, и сокровищница бога уже не может собрать нужных средств...

В то время как Джедефра совещался с чати, Баурджед в тоске одиноко сидел на берегу реки, не смея вернуться домой. Ему не могло прийти и мысли о том, чтобы попытаться изменить приказ фараона, это веление живого бога. Как истинный сын Черной Земли, молодой казначей только свою страну мыслил местом своей жизни и смерти. За что посылают ему боги такое тяжкое испытание?

За спиной Баурджеда послышался шорох. Казначей обернулся и увидел старшего кормчего своего корабля.

Он вспомнил, что еще вчера он послал ему приказание прийти. Уахенеб почтительно склонился перед Баурджедом.

— Я помешал тебе в размышлении, господин... Вестник передал мне твое повеление...

— Нет, хорошо, что ты пришел, Уахенеб! Ты будешь нужен мне... Его величество, жизнь, здоровье, сила повелел мне идти вверх, в страну духов, пока не достигну я края земли, и не возвращаться в Та-Кем, не проникнув на юг, до самой Великой Дуги...

Кормчий, при упоминании фараона склонившийся еще ниже, отшатнулся.

⁴³ Вават и Иэртет — части современной Нубии на отрезке долины Нила между Ассуаном и Хартумом.

— Я беру тебя и других, ходивших со мной на Зеленое море, опытных в путешествиях,— продолжал Баурджед, пристально вглядываясь в лицо кормчего в неосознанном желании найти в нем выражение растерянности и страха. Но кормчий овладел собой, и его суровое лицо не отразило желанного Баурджеду страха.— Что же ты молчишь, Уахенеб? — недовольно спросил молодой казначей.— Разве тебя не страшит гибель там, так далеко от Черной Земли?

— Страшно остаться без погребения далеко от гробниц предков,— тихо сказал суровый кормчий.— Я маленький, сын простого человека, и мое дело повиноваться... Но я знаю — давно живет в народе мечта о богатом Пунте, стране, где никто не согнут страхом и голодом, где широка земля и множество деревьев со сладкими плодами... Нет больше страха, как погибнуть в дороге, но не будет и большей славы в веках, если проложить туда пути для сынов Черной Земли...— Уахенеб оборвал речь, сверкнувшие было глаза его потухли.

— Хорошо,— сказал удивленный Баурджед,— ты храбр и закален в странствиях... Я призывал тебя для другого дела, еще не зная воли великого дома. Можешь идти в дом свой, я позову тебя, когда будет нужно!

Молодой казначей проводил взглядом уходившего кормчего. Короткий разговор с суровым Уахенебом как будто облегчил его душу. Может быть, Баурджед почувствовал себя менее одиноким, вспомнив, что сотни верных людей будут служить ему в пути. Может быть, выполнение воли фараона стало казаться не столь безнадежным.

И еще смутная досада на самого себя придала твердости Баурджеду. Казначей сознавал, что он, знатный и могущественный вельможа, оказался в чем-то слабее своего кормчего — простого человека, встретившего страшный приказ с подобающим воину мужеством и спокойствием.

Несколько успокоившись, молодой казначей медленно направился к дому.

Но бурное отчаяние его юной жены снова повергло Баурджеда в смятение. Он не смог скрыть от нее страшную правду...

После слез и иступленных воплей, после нежной

мольбы молодая женщина бросилась в храмы, обратившись к помощи богов.

Вместе с Баурджедом она склонялась в полутемных святилищах перед звероголовыми изображениями тех, кто должен был спасти Баурджеда от судьбы, изменив ее, и дать другое направление мыслям фараона.

Страшные, выкрашенные в черный и темно-красный цвет, статуи богов-зверей сидели перед молодой четой в пугающей неподвижности. И оба невольно вздыхали с облегчением, выходя на солнечный свет из храма, в котором оба чувствовали себя одинокими, придавленными и отвергнутыми... несмотря на лстивые уверения жрецов.

Тоска, снедавшая молодого казначея, только усилилась, когда поздно вечером они с женою вернулись в свой богатый и уютный дом. И Баурджед снова ощутил бы недовольство собой, если бы мог узнать, что делалось в это время в домике Уахенеба, стоявшем у самого берега, на нижней окраине города. Когда явившийся домой кормчий рассказал жене о плавании, предстоящем ему, та побледнела, но быстро овладела собою. Еще крепкая, сорокалетняя женщина, вырастившая троих детей, она привыкла к невзгодам жизни без Уахенеба, так часто отлучавшегося в свои плавания. Тут было иное: страшная угроза нависла над небогатым, но все же благополучным существованием всей семьи. И все же жена Уахенеба старалась не показать мужу своей жестокой тревоги, зная, что он все равно ничем не сможет помочь ни ей, ни себе.

Уложив мужа отдохнуть, она принялась стряпать, достала пива, созвала друзей. И в этот вечер на маленьком дворе Уахенеба долго не смолкал шум возбужденных разговоров, воспоминаний о перенесенных опасностях, бодрящих напевов, что помогают жить морякам, земледельцам и водителям караванов через безотрадные, мертвые пустыни.

Отчаяние, слезы и мольбы перед богами не помогли: в назначенный срок Баурджед предстал перед фараоном. Долгая беседа со жрецом Тота Мен-Кау-Тотом ободрила молодого человека. После наставлений жреца Баурджед получил надежду на возвращение, хотя в доме его оплакивали, как идущего на верную гибель.

— Я повелел казначею севера освободить тебя от забот, — сказал Джедефра.

Баурджед ничего не ответил.

— Какой же путь ты избрал? — негромко продолжал фараон.

— Я думал идти вверх, — ответил Баурджед, — но мудрый Мен-Кау-Тот отсоветовал мне. Я поплыву Лазурными Водами — так будет скорее...

Джедефра удовлетворенно наклонил голову.

— Я прикажу рабам умастить тебя. Пошли в гавань Суу⁴⁴ мой приказ впереди себя, чтобы лучшие суда прибыли туда от озер Змея и стояли в готовности. Возьми лучших воинов, рабов, опытных в плавании, оружия, продовольствия и сокровищ, сколько понадобится. И не медли с отправлением — путь невообразимо далек, ни один из сынов Черной Земли не дерзал еще совершить его... А я хочу, чтобы ты вернулся быстрее. Весть об открытии пути в землю богов ободрит голодных, богатства, которые ты привезешь, успокоят вожделения знатных. До пределов мира достигнет власть Черной Земли, и польются богатства в нее потоком, подобным Хапи. Богатства, взятые из чужой страны, скорее приведут Кемт к новой силе, чем долгая постройка каналов и плотин. Вот почему на тебя большая надежда. Будь смел, как подобает сыну Кемт и твоему высокому назначению. И обнимешь ты детей своих, успокоишься в гробнице своей⁴⁵. А я позабочусь, чтобы гробница была достойна тебя, — неподвижное лицо фараона осветилось благосклонной улыбкой.

Баурджед, припав к ногам владыки, благодарил Джедефру и удостоился новых знаков милости.

Большая толпа собралась у истертых ступеней, сходящих к реке против главной торговой площади. Три больших грзовых судна медленно выплыли на середину реки. Борясь с течением, гребцы ударили по воде, и легкие брызги искрились на солнце вокруг мерно качавшихся желтых весел.

Все стоявшие у пристани отдельными кучками:

⁴⁴ Гавань Суу — ныне Коссейр на Красном море.

⁴⁵ Обычная древнеегипетская формула благополучия.

сановники и жрецы, воины, густо усеявшие площадь и берег, толпы простого народа и только что закончившие погрузку рабы — все были по-разному взволнованы отправлением невиданной экспедиции. Многоголось шум толпы то стихал, то снова усиливался, заставляя недовольно хмуриться группу вельмож и жрецов, стоявших у северного края причала.

Многие смотрели на отъезжавших с тревогой и сожалением, как бы не сомневаясь в неизбежной гибели храбрецов. Другие оживленно переговаривались, высказывая смелые надежды. Нашлись и такие, которые завидовали отправлявшимся и хотели бы быть в их числе. Их было больше всего среди бедных ремесленников и садоводов столицы, в особенности молодых, еще не смирившихся с однообразием своего тяжелого ежедневного труда.

За судами, уходящими из пределов страны, молчаливо и грустно следили рабы, которым суждено было кончить здесь свои дни в унижении и плену.

Не раз слишком отважные возгласы, раздававшиеся в толпе, заставляли людей испуганно оглядываться назад. Там, вдали, на балконе дворца, подпертом высокими столбами, не видимый в глубокой тени навеса, присутствовал сам живой бог, фараон, даже имя которого не смел произнести житель Та-Кем...

На каждой мачте, составленной из двух высоких, сходящихся кверху стволов, поднимались огромные квадратные паруса. Мастер паруса, большой Нехси, сидевший высоко на корме, потянул за веревку — широкая рея повернулась, и парус надулся. Кормщики-негры навалились на рулевые весла, привязанные по два с каждой стороны высокой кормы. Суда стали быстро удаляться от города Белых Стен.

Баурджед с кормы головного судна жадно вглядывался в берег. Городские постройки медленно принимали туманные, нерезкие очертания. Уже около часа шли суда вверх по реке, а все еще позади, на левом берегу, можно было различить далекую зелень пальм и над нею едва заметную белую полосу. Но вот долина повернула прямо на юг, красноватые обрывистые скалы выдвинулись справа и закрыли отдаленный низкий берег.

День за днем плыли суда мимо сел и городов, низменности сменялись скалами. Ничто не нарушало

дневного покоя безлюдных болот, дремавших под жарким солнцем. Северный ветер — друг Черной Земли — дул почти непрерывно, ослабевая лишь к рассвету, и днем снова возобновлял свою благодатную деятельность.

До Зимней прохлады было еще далеко, и птицы не скоплялись на реке в таком несметном количестве, как во время наводнения. Великолепные цапли поднимали вверх свои гибкие шеи и смотрели на проходившие суда зоркими, ясными глазами. Священные птицы Тота⁴⁶ иногда проносились над судами к радости всех, веривших, что их тяжелый угловатый полет сулит удачу и доброе напутствие. Временами встречные суда сообщали новости из провинций юга, и надрывные голоса разносились по реке, пока не замирали вдали. Десять из сорока двух сеп — провинций обеих стран⁴⁷ — уже были пройдены Баурджедом на пути от столицы государства.

Выше по реке долина снова расширялась, отклоняясь на восток, — начиналась провинция Антилоп. С древних времен здесь среди домашнего скота преобладали антилопы разных пород.

Суда проходили близко от каменоломен, в которых трудилось множество рабов. У самой воды люди пилили камни, превращая грубо обтесанные глыбы в гладкие, правильные плиты и брусья.

Длинные медные пилы сверкали на солнце, с визгом и скрежетом врезываясь в камень при помощи непрерывно подсыпаемого мокрого песка. Черные и бронзовые тела голых рабов блестели от пота.

В стороне одного раба били палками, распластав его во всю длину на горячем прибрежном песке.

Спутники Баурджеда равнодушно смотрели на привычное зрелище: раб, военнопленный, назывался в стране Кемт «живой убитый» — между ним и настоящими людьми лежала тень смерти, не дававшая ему того права на жизнь, которым обладали роме, истинные сыны Черной Земли.

Суда экспедиции повернули к левому берегу в ти-

хую воду, пересеченную длинными выступами зарослей тростников и папируса. Вода реки уже стала прозрачной, папирусы качали свои опахала, туманно отражаясь на ее желтоватой поверхности. Внезапно из-за изгиба колеблющейся зеленой стены показались две лодки из связок стеблей папируса, с изогнутыми, как гусиные шеи, кормами и длинными носами. На той, что была ближе к судам, величественный бородастый мужчина с копьем в руке всматривался в чашу зарослей.

Во второй лодке стройный юноша держал наготове круто изогнутый лук, а старый нубиец стоял на коленях на корме, уперев длинный шест в дно реки.

Мужчина, повернув лицо, стал вглядываться в суда, и Баурджед узнал Сенноджема — самого начальника Антилопье сеп.

Лодки быстро подошли к судам. В это время с противоположного берега послышались крики. Там, где работали рабы, пилившие камни, забегали надсмотрщики в длинных пестрых одеяниях, с посохами в руках. Наказываемый палками человек вырвался из крепких рук своих мучителей и мгновенно бросился в реку. Он был, по-видимому, незаурядным пловцом — так легко и быстро рассекал он спокойную желтую гладь реки, лежа на боку, щекой к воде. Крокодилы не появлялись — они или не заметили еще пловца, или их было мало в этой области. Пловец быстро достиг середины реки и приблизился уже к левому берегу. Он плыл близко от судов, и Баурджед мог хорошо разглядеть беглеца. Это был ливиец — светлокожий, с большими синими глазами юноша, красивый той очаровательной, задумчивой, почти девической красотой, которая свойственна ливийцам в юном возрасте.

Обе лодки, ставшие рядом, оказались между бегльцом и берегом. Юноша, видимо сын Сенноджема, быстро натянул лук, и стрела, пущенная меткой и безжалостной рукой, глубоко вонзилась в бок ливийцу. Беглец слабо вскрикнул, обратив побелевшее лицо с огромными широко раскрытыми глазами к лодкам. Несколько судорожных движений, и красивый раб скрылся под водой.

Сын начальника провинции улыбнулся и гордо

⁴⁶ Священные птицы Тота — ибисы.

⁴⁷ Первоначальное раздельное существование Верхнего и Нижнего Египта очень долго сказывалось на государственных названиях.

вскинул голову, но отец, недовольно нахмурившись, обратился к нему с упреком:

— Напрасно ты сделал это! Наша земля и наши постройки требуют много рабочих рук. Это не мудро, и не годится для мужчины такая горячность.

— Достойный отец, ведь опоздай я с выстрелом, и раб уже скрылся бы в тростниках,— попытался оправдаться сын.

Сенноджем спрятал в бороде суровую усмешку.

— Мальчик, ты не знаешь, что из страны нашей некуда убежать. Страшные песчаные горы хранят границу на западе,— этот безумец не прожил бы и дня в пламенном зное. Наши воды стерегут крокодилы, заросли — гиены и львы. Не прошло бы двух дней, как беглец бы или погиб, или же, что вернее, приполз бы обратно в плен, мучимый страхом и голодом.

Юноша виновато поступил, но отец продолжал:

— Ты ошибся, но это урок. А сейчас не будь печален и идем встречать знатного сансвника — казначея самого Гора — фараона...

И начальник сепы первым взобрался на судно Баурджеда, подхваченный десятками рабленых рук.

Баурджед остановился на один день для отдыха в доме Сенноджема, окруженном чудесными садами.

Путь по родной стране был уже недолог — всего пять дней плаванья оставалось до столицы древних царей Кемт. Там долина реки описывала крутую дугу и шла прямо на восток, на протяжении трехсот тысяч локтей. Здесь животворный Хапи глубоко врезался в пустыню, отделявшую Лазурные Воды от Черной Земли. От середины этой извилины до моря было не более четырехсот тысяч локтей, и здесь пролегал единственный путь к Лазурным Водам и дальше — в древние медные рудники на северо-востоке, в страну Ретену.

Этой дорогой ходили очень редко, раз в десятки лет, только большими военными караванами. Трудности пути через пустыню были очень велики.

Только самая неотложная необходимость заставляла сынов Кемт идти в этот раскаленный ад. Даже великому Джосеру не удалась попытка вырыть колодцы на страшном пути, хотя на этих работах погибло много людей.

Последние приготовления заняли четыре дня. Гру-

зовой караван из трехсот ослов, навьюченных большей частью мехами с водой, уже отправился вперед. Выступление главного отряда с самим Баурджедом было назначено на середину ночи.

Вечерний свет, прозрачный и мягкий, ложился на благословенную землю Кемт. Баурджед, отослав всех, вышел один на плоский берег. Ветер утих, селения противоположного берега казались совсем близкими — так спокойна была река.

Свободные земледельцы, группами и в одиночку, спешили к своим домикам, под сень сикомор и пальм. Рабы, в сопровождении надсмотрщиков, толпой шли в свой поселок, скрытый высокой оградой. На невысоком холме, в зелени виноградников, сновали люди, доносились смех и заунывное пение. Обнаженные рабы несли в плетенках, раскачивавшихся на длинных палках, высокие, только что запечатанные кувшины с вином.

Вдали за клубилась розовеющая пыль, расступилась. В ней замелькали гладкие желто-серые бока и спины, выдвинулись длиннейшие рога: пастухи гнали стадо больших антилоп — ориксов⁴⁸. Два пастуха позади несли на коромыслах в корзинах маленьких новорожденных антилоп, их матери доверчиво шли рядом и косились черными влажными глазами на медленно переступавших людей.

Мальчики загоняли в ограды птичьих дворов стада журавлей, которых они пасли на берегу реки.

Со смехом и шутками охотники вели на веревках крупных хойте (гиен); серые пятнистые собаки в широких ошейниках с острыми ушами бежали впереди.

Несколько лодок плыло через реку на правый берег. В них переправляли с пастбищ антилоп и коз. Животные спокойно лежали на дне лодок.

Мирное оживление вечера только растравляло тоску Баурджеда. Он знал, что видит свою родную страну в последний раз перед неведомо долгим, опасным путем туда, где не ступала еще нога жителя Та-Кем. В страны, населенные невиданными людьми и зверями... Неслышанно повеление фараона, но он обязан выполнить его. Умереть или жить, но идти вдаль, на

⁴⁸ Антилопы, журавли, гиены приручались в Древнем Египте.

юг. Нет другого пути, и нет сейчас у него другой жизни...

На обнаженную спину Баурджеда повеяло жаром. Он обернулся, и взор его, только что отдыхавший на зрелище возделанных садов и полей, уперся в красные скалистые обрывы, изборозжденные черными промоинами и трещинами. Две красные стены расходились к реке, образуя подобие широких ворот, а вдаль, на восток, шел как бы коридор из голых бесплодных скал, исчезавший в мутном дрожании раскаленного воздуха. Ни одного звука не доносилось оттуда, ни одно деревце не оживляло крутых обрывов, окаймленных у подножия холмами крупного щебня и гладкими волнами песка.

Через несколько часов Баурджед со своим караваном скроется в этой раскаленной долине, пересекающей горы восточной пустыни...

Звонкая отрывистая песня пронеслась над рекой, слышались плеск и возня. Молодежь вышла купаться к реке, пользуясь последними лучами солнца.

Баурджед снова повернулся к реке и увидел почти стоявших поодаль чиновников своей экспедиции. Они явились с докладами, но не смели нарушать раздумья начальника.

Баурджед глубоко вдохнул в свою широкую грудь прохладный живительный воздух и медленно направился к своим подчиненным...

Последний глоток воды из любимой могучей реки. Не из богатой разукрашенной чаши — нет, подобно простому земледельцу, погрузив колени во влажный речной песок, низко склонившись над серебрящими маленькими волнами.

Как призраки, как уже отошедшие в страну запада, молча двигались люди в ярком свете луны. Мрачные скалистые стены — разверзнутая пасть неведомого — приняли их, сошлись позади, сомкнулись, отделив от радостных садов Та-Кем. Родная земля отвернулась от путников, прошлое скрылось вдали, будущее было неведомым, осталось одно настоящее — тяжелый далекий путь. На нем высокие скалы дышали гневным жаром, их изрытые знойными ветрами склоны надвигались, как грозные духи пустыни, песчаные бугры шелестели, дымаясь мельчайшим багровым песком, веявшим смертью над опущенными головами идущих.

Два жреца неторопливо шли по внутреннему двору храма Ра. Солнце слепило, отражаясь от стен и прямоугольных столбов белоснежного известняка. Оба жреца, как по команде, быстро оглянулись и свернули направо. В тени, под толстыми плитами камня, тяжело давившими на верхушки колонн, сразу повеяло прохладой. Дальше в глубь храма полумрак все более сгущался, и жрецы, ослепленные переходом от сверкающего снаружи дня к темноте храма, пошли осторожней, протягивая вперед руки. Они остановились у черного отверстия невысокого входа.

— Это ты, Каамесес, и ты, Хорияхути? — мощный голос, раздавшийся из мрака, заставил вздрогнуть обоих жрецов.

— Да, это мы, великий ясновидец, сердце и язык бога на земле! — дружно откликнулись названные.

— Войдите, произнеся магические слова для очищения глаз и сердца!

Жрецы, бормоча заклинания, вступили в темный проход. Впереди горел маленький светильник, и его огонек показал вошедшим направление. Едва только жрецы поравнялись со светильником, он мгновенно угас, а впереди и налево вспыхнул другой. Пришедшие достигли тяжелой кожаной завесы. Тут второй светильник тоже угас, и они остановились во мраке.

Жрец постарше громко произнес священную формулу отражения злого бога⁴⁹. Прежний голос снова разрешил им войти. За занавесом находилась небольшая квадратная комната, в самой толще массивных стен храма. Мягкие шкуры на полу заглушали шаги.

У задней стены на роскошном кресле из черного дерева восседал великий ясновидец — верховный жрец бога Ра. Девять золотых светильников на высоких подставках давали достаточно света, чтобы разглядеть властное лицо сидевшего и острый блеск его жестких, спокойных глаз.

Оба пришельца упали на колени перед креслом верховного жреца. Тот указал им на львиную шкуру перед своим креслом.

— Не нужно почестей, мы одни. Садитесь и говорите просто, не тая дурных вестей. И не бойтесь ничего, я давно знаю вас.

⁴⁹ Отражение зла, отражение крокодила — ритуальные молитвы.

Жрецы переглянулись, и старший из них заговорил:
— Позволь сначала мне довести до твоего сведения. Потом Хориахути расскажет тебе вести с юга. Он только что прибыл из Шмуна⁵⁰ — города восьми богов.

Верховный жрец Ра молча кивнул головой.

— Его величество, жизнь, здоровье, сила, — продолжал старший жрец, — как то ведомо тебе, получил из гавани Суу весть о том, что казначей бога на семи кораблях благополучно отплыл, и затем более трех месяцев не было никаких вестей. Из этого великий дом заключил, что путешествие началось хорошо и Баурджед уже прошел далеко на юг. Тогда их величество дал сто колец золота храму Тота в Белой Стене, а древний храм Тота в Шмуне одарил землей, рабами и скотом. Начальник мастеров Мен-Кау-Тот часто бывает у фараона, ободряя его в новых мероприятиях. Два дня назад чати поехал на юг, чтобы осмотреть место рытья большого канала у пирамид Снофру. Вместе с ним послано войско для князя юга, который обещал великому дому поход в страну Нуб...⁵¹

Жрец поклонился и замолчал.

— Ты не сказал еще мне, что говорят в столице, как велика сила их речей.

— Истинно сказано: «враг для города — это говорящий», — жрец лицемерно потупился, заметив, как блеснули глаза великого ясновидца. — Много недовольных среди знатных людей. Все смелее говорят их языки в домах. Они недовольны тем, что начинается возвышение владык сепов, которым фараон раскрывает сокровищницу, посылает людей для войны и построек. Они боятся, что толпа маленьких людей разъярится, ибо народ начал мечтать теперь о стране Пунт, где все живут в довольстве, — издревле говорилось в сказках. Благочестие падает, недавно военачальник Уахкарт осмелился сказать, что лучше завоевывать далекие страны, как то делал Снофру, чем строить пирамиды!

Верховный жрец Ра злобно схватился за бороду.

— Я был в Шмуне глазами начальника мастеров Пта⁵², — робко заговорил младший жрец, — начальник

Антилопьего сепса Сенноджем написал начальнику юга. Сенноджем хорош для его подданных, он собирает отряды воинов, он хвалится своим величием, происходящим от древних царей — потомков Гора. Жрецы Тота возвышают его, заключили они союз с жрецами Хнума, обогащенными Хуфу и ныне злобствующими на жрецов Ра и Пта... Но главный враг наш — Мен-Кау-Тот. Он говорил начальнику мастеров Хнума, что скоро богатство трех главных храмов Ра перейдет храмам Хнума и... и... прости меня, великий ясновидец... что он, Мен-Кау-Тот, низведет тебя до простого жреца в захудалом храме Дельты!..

Верховный жрец внезапно встал.

— Ты понял правильно. Вот враг мой и ваш, дети мои. Но напрасно тщится он отобрать нашу славу и наше богатство — скоро познает он все величие бога Ра на дерзкой шее своей! Хвалю ваши глаза и уши, вы оба будете награждены и возвеличены в совете. Идите, я не забуду вас!

Джедефра заболел. Целыми днями молодой фараон угрюмо лежал в верхней комнате своего загородного дворца, глядя в окно на широкую реку и свою маленькую пирамиду — будущую крепость в загробной вечности. Законченная постройкой, она едва возвышалась над пальмами окружающего сада... Уже более двух лет назад отправился Баурджед в неведомые дали юга. С тех пор никаких вестей не было о судьбе посланных, да и не могло быть. Они или погибли, или еще странствуют там где-то, или возвращаются со славной добычей. Так медленно осуществляются великие дела... Постройка большого канала задержана по совету чати до возвращения войска из страны Нуб с золотом и другой добычей. Хорошо хоть то, что великий ясновидец перестал надоедать ему с постройкой большой пирамиды и храма Ра при ней. Сейчас, когда фараон болен и ослабел духом, ему трудно было бы противостоять настойчивости верховного жреца...

Фараон вздрогнул, когда, как бы в ответ на его мысли, в прорези двери показалась высокая фигура верховного жреца Ра.

Кряхтя, он распростерся перед фараоном.

— Его величество, жизнь, здоровье, сила болен, кости его стали серебром, — ласково заговорил жрец. — Большая вина на мне, давно я не был в городе, и не

⁵⁰ Шмун — современный Эшмун.

⁵¹ Нуб — золото по-древнеегипетски, современная Нубия.

⁵² Пта — один из восьми главных богов Египта.

услышали мои старые уши зова божественной необходимости. Теперь прибыл я отразить болезнь, возродить силу бога!

И поднявшийся по приказу фараона жрец поведал Джедефре о страшной магической силе древнего обряда, записанного в тайной книге, известной только верховным жрецам Ра. Только в самых крайних случаях разрешалось применять этот обряд, разглашение тайны его карается немедленной смертью. Сейчас болезнь живого бога, конечно, позволяет применить великую силу обряда для немедленного излечения царя. Только выполнить его нужно в полной тайне, ночью, в уединенном месте, в присутствии самого великого ясновидца и трех главных и доверенных жрецов. Найдет ли его величество силы, чтобы сегодня же ночью тайно удалиться из дворца? Обряд можно сделать поблизости, в пирамиде самого Джедефры. Постройка ее только что окончена, и там нет никого, кроме садовников, которые будут ночью мирно спать. Если живой бог ослабел, жрецы понесут его. Только ему нужно спуститься одному, не привлекая ничьего внимания, в сад, к боковой двери в ограде.

Джедефра слушал ласковую и искреннюю речь говорившего, и прежняя вера в могущество Ра, вера, с детства внедрявшаяся в него, возрождалась в ослабевшей душе фараона. Болезнь изнурила его, лекарства помогали мало, а ему нужно, очень нужно было скорее стать снова властным и твердым.

— Разве служителям Ра известно больше, чем жрецам Носатого, владеющим всеми тайнами храмов Тота? — спросил Джедефра.

— Великий владыка сегодня же ночью убедится в ничтожестве жрецов Тота! — воскликнул великий ясновидец, и глаза его засверкали.

Фараон согласился исполнить все, как говорил великий жрец, и высокий старик поспешно удалился. Спустившись в сад, он скрылся в тени деревьев и вышел через боковую калитку, оставив ее незапертой.

Джедефра, ободренный возможностью скорого излечения, с нетерпением дожидался ночи. К вечеру он отпустил всех приближенных и слуг, объявив, что будет один беседовать с богами и чтобы никто не смел приближаться к его покоям.

Верховный жрец выбрал удачно время. Угольно-

черная тьма безлунной ночи объяла сонный дворец, погасила блеск реки. В домике у стражи у главных ворот светился слабый огонек.

Фараон, неслышно ступая босыми ногами, пошатываясь и вытирая пот от слабости, спустился по лестнице прямо с балкона. Джедефра был взволнован тайной предстоящего обряда, но несколько не боялся. Чего мог бояться живой бог Та-Кем в подвластной ему стране, где все живое покорно простирается в пыли, целуя следы владыки?

Едва фараон подошел к боковой дорожке, как четыре тени возникли перед ним, склоняясь до земли. Подхваченный крепкими почтительными руками, Джедефра с облегченным вздохом опустился на носилки. Его быстро понесли к реке. Под покровом темноты пересекли широкую площадку на речной стороне дворца и спустились к маленькой пристани. На темной реке фараон разглядел очертания небольшой лодки. Все было, видимо, приготовлено заранее.

Жрецы поставили носилки с фараоном в лодку. Пирамида находилась на левом берегу немного ниже дворца, и лодка спускалась по течению. Провожатые фараона только несколько раз ударили веслами.

На левом берегу повторилось то же. Носилки понесли не к главному входу, а налево, за угол южной ограды. В зловещей тишине чуть скрипнула небольшая дверь южного входа, закрылась снова, и шаги носильщиков стали совсем бесшумными на плитах дорожки. Звезды исчезли, темнота вокруг сделалась совершенно непроглядной, повеяло запахом влажного камня.

Джедефра догадался, что его внесли внутрь пирамиды или заупокойного храма, врытого в землю у ее восточной стороны. Носилки опустились на гладкие плиты пола. Жрецы помогли фараону встать и зажгли факел. Джедефра осмотрелся.

Они находились в заупокойном храме, отстроенном для того момента, когда он, Джедефра, отойдет в вечность, когда ему, объединившемуся с богами, здесь будут совершаться служения, а его набальзамированный труп будет заключен глубоко под каменной толщей пирамиды.

Странное, необъяснимое, похожее на страх чувство сжало сердце фараона. Но строгие лица жрецов были спокойны. Они повели фараона в святилище малень-

кого храма. Четыре статуи самого Джедефры занимали всю широкую сторону святилища. Фараон в четырех одинаковых ликах сидел с мрачной и величественной неподвижностью, устремляя взоры из загробного мира на ничтожных и дерзких пришельцев. И опять грудь молодого фараона стеснилась тревожной тоской.

Великий ясновидец, почтительно согнувшись, попросил Джедефру встать у жертвенника — большого куска отполированного гранита — прямо против четырех статуй.

Джедефра коснулся коленями и руками холодного камня и вздрогнул. Внезапно факел потух, во мраке Джедефра услышал лишь тяжелое дыхание жрецов, видимо взволнованных предстоящим страшным обрядом.

Фараон открыл рот, чтобы спросить о чем-то, но в этот момент слабый свет появился сзади, блеснув на поверхности жертвенника.

Верховный жрец Ра, стоявший около фараона, вдруг взмахнул тяжелой палицей, обмотанной тканью, и обрушил страшный удар на затылок Джедефры. В мозгу фараона вспыхнул ослепительный свет и сразу померк. Без звука Джедефра рухнул на пол, перестав быть владыкой, живым богом Черной Земли.

Жрец отпрянул от падающего тела, как бы сам ужаснувшись содеянного. Долгое время мрак и тишина царствовали в, казалось, пустом храме. Наконец, тихий и хриплый, прозвучал голос великого ясновидца:

— Зажгите факел, все кончено!

Жрец подошел к лежавшему ничком фараону, приник ухом к сердцу и ощупал затылок. Твердость руки не изменила жрецу — удар был верен. Кость оказалась раздробленной, но снаружи, под волосами и париком, ничего не было заметно.

Жрецы подняли мертвеца и положили на кусок гранита.

— Делайте, как я сказал, — снова обратился к своим сообщникам великий ясновидец, — нужно спешить!

Двое жрецов могучего телосложения взяли медные молоты, третий высоко поднял факел. Согнувшись и тревожно оглядываясь, мучимые страхом, жрецы дружно ударили по статуям Джедефры. Грохот раздался по храму, посыпались куски голов, плеч, рук,

открывая белый излом известняка под темной раскраской.

— Не бойтесь, бейте смелее! — закричал окрепшим голосом великий ясновидец. — Снаружи никто не услышит. А если и услышит — кто может осмелиться войти сюда в ночь, когда властвуют мертвые...

Через несколько минут все стихло. Жрецы погасили факел, унесли из прохода носилки. Под ясными звездами было светлее, страх перестал угнетать убийц. Лодка понесла их на середину реки, жрецы дружно гребли вверх по течению, торопясь в столицу. Задолго до рассвета они причалили к пристани у города. Один повел лодку дальше, а три жреца, никем не замеченные, скрылись в храме Ра.

Великий ясновидец устало опустился в кресло.

— Брат покойного — Хафра будет фараоном. Он уже оповещен, и все решено между нами... Мы ошиблись, выбрав сначала другого, но сами же исправили ошибку! Теперь дорога Ра исполнится славы в веках и даст множество благ вам, верным служителям бога. Пусть будет ваш отдых спокоен...

И великий ясновидец удовлетворенно закрыл глаза, чтобы вздремнуть перед смутой грядущего дня...

Пять лет миновало с того ужаснувшего всю Кемт дня, когда фараон Джедефра был найден мертвым в своем заупокойном храме, неведомыми путями перенесенный туда из дворца и пораженный рукою богов.

Пять лет лежал Джедефра в своей пирамиде, а его брат, мрачный, деспотичный Хафра, снова с неслыханной силой утвердил безмерную власть фараонов, тождественную с властью самих богов, и прежде всего бога солнца Ра.

Снова все силы Черной Земли были собраны для постройки второй гигантской пирамиды, подобной пирамиде Хуфу. Но и этого уже было мало для единого средоточия всей мощи государства, которое представлял собою фараон.

Советники Хафры требовали новых, невиданных построек, чтобы поразить народ и создать непоколебимую основу царскому трону.

На том же плоскогорье, рядом со строящейся пирамидой, тысячи искуснейших рабочих обтесывали

громадный выступ скалы. Все яснее обозначалась гигантская статуя лежащего льва с человеческой головой, с лицом фараона Хафры, увенчанного царским платком и змеей. Передние лапы могучего зверя по двадцать пять локтей в длину мощно вытягивались вперед, к берегу реки, как будто пытались объять и придавить всю страну Кемт.

Величайшая статуя — древний символ мощи фараона, — называвшаяся «Ху»⁵³, смотрела на протекавшую под ней реку, словно сам Хафра молчаливо, величественно и грозно взирал на ничтожную жизнь своего народа. Около статуи Ху строили заупокойный храм Хафры — весь из прозрачного алебастра и красного гранита, из такого же гранита делалась облицовка пирамиды, поражая самих строителей великолепием. Семь статуй Хафры с величайшим трудом высекались из очень твердого черного камня, — может быть, новый фараон помнил, как легко разбиваются статуи, изготовлявшиеся прежде из известняка...

Семь лет не было никаких известий об экспедиции Баурджеда. Отважные путешественники были забыты теми, кто их послал. Другие интересы владели государством гигантских построек.

Прошла молва о гибели Баурджеда.

Но в народе говорилось другое, — свои надежды на лучшую жизнь народ вкладывал в песни и сказки об отважных путешественниках, ищущих страну духов.

Главный жрец Тота Мен-Кау-Тот, устраненный от двора фараона, уединился в своем храме, мрачно выслушивая жалобы служителей своего бога на обиды и ущемления, чинимые им жрецами Ра и Пта.

Но там, в безмерной дали, воля погибшего фараона продолжала действовать.

Обессиленный трудностями пути, изнуренный болезнями, Баурджед дождался своих спутников, посланных им еще дальше Пунта, за пределы мира. Лишь небольшая кучка людей вернулась в Та-Нутер из далей юга — все, что осталось от когда-то столь многочисленной экспедиции.

⁵³ Ху — сфинкс по-древнеегипетски.

Рабы, воины, знатные чиновники — все равно гибли в волнах бурного моря, в знойных лихорадочных болотах, в зубах диких зверей, под копьями и стрелами злых и воинственных племен.

Только сила приказа умершего Джедефры удерживала здесь скитальцев, всеми помыслами стремившихся в родную Кемт, цепеневших от ужаса, что, подобно многим товарищам, их души навсегда останутся на чужбине. Семь судов, когда-то покинувших гавань Суу, давно уже перестали существовать, но были готовы новые, заботливо хранимые на берегу в большом тростниковом сарае, на высоких столбах.

Глава вторая ПОДВОДНЫЕ САДЫ

Под высоким солнцем море, лениво колыхаясь, мутно клубилось тяжелыми испарениями. На отлогой прибрежной равнине толпились песчаные кочки, кое-где поднимали свои раскидистые зонты одинокие акации.

Дозорный воин, протирая слезящиеся от солнца глаза, еще раз посмотрел на голубую туманную полосу горизонта и быстро выскочил из-под тростникового навеса на вершине высокой кучи аккуратно сложенных камней. Бегом спустился с холма и вбежал в ворота толстых глинобитных стен крепости Суу — крайней гавани Та-Кем на Лазурных Водах.

Начальник крепости, за минуту до того изнывавший от зноя, тоски и безделья, сразу сбросил сонную одурь.

— Ты не ошибся? — переспрашивал он воина, спеша на дозорную вышку.

— Нет, я хорошо видел: корабль не похож на наш, но парус, как белая стена, очень широкий.

— Наш корабль, отсюда — это может быть только он, — тяжело дыша, проговорил начальник.

— Осмелюсь спросить — кто «он»? — негромко сказал один из сопутствовавших начальнику чиновников, но тот недовольно нахмурился и промолчал.

Одинокий парус приближался вырастая: уже видны были борта, покрашенные в черную и красную краску, странный высокий нос и необычайный помост на корме. Слабые крики донеслись в глухом плеске волн, разбивавшихся о прибрежный риф.

Нос корабля устремился в проход между рифами, стукнув, упала тяжелая рея, весла взбили пену, и киль зашуршал о прибрежный песок. Негры по поясу в воде потащили канат, другие сбросили ветхие мостки. Послышались четкие удары — в песок забивали причальный столб.

Двое людей в измятых цветных воротниках свели под руки исхудалого человека в длинной одежде.

Золотой знак фараона Джедефры ослепительно блестел у него на груди. Ступив на берег, приезжий зашатался и опустился на колени, сжав руки и склонив голову. Спутники окружили его, некоторые последовали его примеру, другие стояли в молчании. Спешивший навстречу со своей свитой начальник крепости остановился, почувствовав, что для этих людей сейчас неуместны приветственные слова.

Наконец прибывший поднялся и хрипло заговорил, обращаясь к своим спутникам:

— Вот достигли мы родины; взята колотушка, вбит столб, носовой канат брошен. Скоро, о, скоро увидим тебя, благословенная река Хапи!⁵⁴

Он двинулся навстречу начальнику крепости, простирая руки. Редкие слезы катились по исхудалым, изборожденным морщинами щекам.

Жирный, опухший от безделья начальник крепости смутился. Великие переживания этих так долго разлученных с родиной сынов Та-Кем нашли отклик в его душе. Глаза его широко раскрылись; он, потрясенный, зарыдал в объятиях знатного царедворца.

В своем дворце, поблизости от строящейся исполинской пирамиды, фараон Хафра поджидал вестника далеких стран, чудесно возвратившегося Баурджеда.

Каменно-неподвижным сидел Хафра на массивном золотом троне в конце узкого зала, окаймленного двумя рядами деревянных колонн из пальмовых стволов. За спиной фараона застыли два прислужника с опахалами.

Баурджед остановился у входа, отделанного белыми фаянсовыми плитками, в ожидании начальника церемоний, распоряжавшегося приемом. Баурджед шел

сюда со странным чувством, не покидавшим его с тех пор, как вернулся он на долгожданную родину. Он точно вырос в страданиях на далеком пути, точно побывал на высоте неба, откуда впервые развернулась перед ним вся необъятность мира, неизмеримая безбрежность Великой Дуги, невероятная протяженность суши.

И горячо любимая родная страна представлялась ему теперь полоской садов перед просторами гор, степей и лесов далекого юга. А гигантские пирамиды! Только он и его спутники, созерцавшие величие исполинских гор Пунта, видят ничтожество постройки, исполненной по приказу фараона. Там, в рядах островерхих горных цепей, пирамиды затерялись бы ничтожными холмиками...

Баурджед украдкой посмотрел на застывшего, положив руки на колени, Хафру, перед которым распростерлись самые знатные люди страны, не смея поднять голову и посмотреть поверх возвышения, на котором стоял трон фараона.

Великий владыка, живой бог — фараон. Тот, кто послал его, уже умерший, тот, кто семь лет назад казался ему полным властелином всех его дум и поступков... И этот, еще более величественный и властный, подчинивший всех своему желанию...

Перед мысленным взором Баурджеда пронеслись пройденные им земли, бесконечное море, множество виденных им людей разного цвета кожи, разной жизни, богов и обычаев, вспомнились рассказы о новых странах и селениях, там, за пределами виденного.

Величие фараона померкло, фараон не был более богом, впервые предстал он перед Баурджедом только неограниченным смертным, властелином своей богатой и могучей, но все же небольшой страны. Впервые почувствовал Баурджед, как мало мог значить фараон во всем большом мире, как ничтожна воля владыки перед ходом жизни этого необъятного мира. Устойчивые понятия рушились, отзываясь страхом в душе путешественника.

Он вздрогнул, когда распорядитель приема неслышно подошел к нему и коснулся его плеча. Лицо царедворца было полно надменной суровости: фараон Хафра не посылал своих даров навстречу Баурджеду и ничем еще не проявил своей милости за великий подвиг,

⁵⁴ Перевод подлинного текста.

совершенный путешественником. Дары далеких стран, привезенные Баурджедом, уже лежали в царской сокровищнице, и это было, конечно, известно фараону...

Царедворец подвел Баурджеда к лесенке из белого снежного алебастра, ведущей на тронное возвышение. Здесь распростерся Баурджед, а фараон, слегка опустив глаза, скользнул взглядом по спине путешественника, покрытой пятнами и рубцами от заживших ран и язв. Не поднимая головы, Баурджед рассказал в немногих словах о своем прибытии, о совершенном пути, о целях, с которыми послал его Джедефра.

— Ты выглядишь больным, — медленно проговорил фараон, — пойди отдохни среди родных. Через несколько дней я призову тебя, и ты расскажешь мне все, что видел и узнал в стране духов.

Едва заметное движение Хафры — и на палец Баурджеда был надет тяжелый золотой перстень. Прием окончился — Баурджед попятился ползком до второй колонны, поднялся и скрылся за ней в сопровождении теперь уже ставшего приветливым распорядителя.

Баурджед вышел через боковую дверь в дворцовый сад, остановился и со вздохом поглядел на дар фараона. Этот маленький кусочек золота, хотя бы и с именем божественного владыки, — разве это нужно ему, перешедшему пространства? Какая награда вернет потерянное здоровье, годы вдали от родных и близких, даст ему детей, которые могли бы быть у него, возродит красоту его жены?.. И что вообще нужно ему, отдавшему так много?..

— Не огорчайся! Нет награды, не будет и наказания, — услышал он знакомый твердый голос. Внезапно вышедший из-за цветущих кустов Мен-Кау-Тот смотрел на Баурджеда с суровым участием. — Пойдем отсюда, я пришел поговорить с тобой, — продолжал старый жрец с прежней властной манерой.

Они вышли из ворот дворца и повернули налево к реке. Мен-Кау-Тот молчал, и только когда они уединились под пестрой колоннадой маленького храма ласковой Нейт⁵⁵, старик заговорил снова.

— Я знаю, что гнетет тебя, — пристально глядя на Баурджеда, начал жрец, — будь осторожен и бойся фараона.

Нерадостно усмехнулся путешественник, и, читая его мысли, Мен-Кау-Тот резко спросил:

— Ты думаешь, что слишком ничтожен для того, чтобы навлечь гнев Хафры? Тогда послушай меня, сын мой. Я скажу все, и истинны будут эти слова. За семь лет, с того времени, как ты ушел, мало было в Та-Кем людей, которые бы так ждали тебя. Ты служил моим целям, и теперь ты и я — одно...

Удивленный Баурджед хотел спросить старика, но тот остановил его.

— Это неважно теперь — мне недолго осталось жить. А ты должен еще много сделать... Берегись фараона — он ослеплен собственным могуществом. Ты видел большой мир и слишком много знаешь. Фараону не нужно познание далеких стран — весь мир ему лишь средство для собственного возвеличения, для окончания постройки его высоты. Но он хочет узнать о путях легкого овладения сокровищами стран, лежащих вокруг Черной Земли. Имей его желание в сердце, когда будешь рассказывать о своем путешествии.

— Не смогу, отец, — грустно ответил Баурджед, — и незачем. Ты прав, я не жду награды, и сердце мое томится печалью.

— Еще раз говорю — берегись, сын мой! Ты уже получил так много, видел то, о чем не мечтал ни один владыка Та-Кем. Твоя страна, твой народ, разве не наградили они тебя за верность и твердое сердце? Ты еще не слышал, какие сказки ходят о тебе в народе, как прославил народ в своих песнях тебя и твоих спутников. Твое имя в народе почти наравне с именем отца мудрости Имхотепа. И еще потому берегись Хафры. Когда твоя слава дойдет до жрецов Ра... — старик замолчал и нехотя поднялся со ступеней.

Внизу едва слышно струилась речная вода.

— Надлежит нам расстаться, — тихо сказал Мен-Кау-Тот, — исполнится время, и я приду к тебе. — И жрец скрылся между колоннами.

На маленькой площадке близ храма собралась небольшая толпа. Люди разных возрастов и профессий окружили худого большеглазого юношу с лирой через плечо — уличного певца и сказочника.

⁵⁵ Нейт — богиня неба, мудрости и любви в Нижнем Египте.

Он начал рассказывать нараспев что-то, стоя и ударяя ногой о землю, в такт речитативу и отрывистому гудению струн. Люди слушали с жадным вниманием, изредка хором подхватывая ударения на созвучных слогах.

— Маасен пет, маасен та, мака шебсен эр маау⁵⁶, — напевал юноша.

Радостно взволнованный, Баурджед понял, что песня прославляла его и его товарищей.

— Они видали небо и видали землю, и храбры были их сердца, более чем у львов, — тихо повторил путешественник.

Песня-сказание, порожденная душой народа, свободной в своей любви и ненависти, неподкупной в оценке совершившегося, прославляла его. Его, чувствовавшего себя беспомощным изгнанником, думавшего, что родина его забыла. Что могло быть выше и прекраснее такой награды?..

Баурджед обогнул храм с другой стороны площади и направился к ожидавшей его у пристани фараона лодке, чтобы ехать домой, на северную окраину города Белых Стен.

Усевшись на ковре посреди низкой затемненной комнаты, Баурджед начал свой рассказ. Фараон Хафра, окруженный сыновьями и приближенными, восседал на кресле рядом с главной женой.

Баурджед был плохим рассказчиком. Но сейчас, во дворце Хафры, он опять почувствовал себя человеком из иного, огромного мира, что простирает свои пространства далеко за пределы Кемт. И перед ним, этим миром, вся роскошь дворца и грозная близость фараона не более как торжественная игра детей в старом и тесном отцовском доме...

Он говорил медленно, стараясь передать отрывочными картинками теснившиеся в памяти воспоминания.

Он начал с того, как семь лет назад его экспедиция пересекала восточную пустыню.

Время путешествия не было благоприятным: едва достигнув полосатой горы Сетха, экспедиция потеряла от жажды и жары двести рабов и полтора ослы.

Они шли дальше с великой поспешностью, сжигаемые зноем, познавшие вкус смерти на своих губах.

Наконец в переливчатых волнах горячего воздуха скрылись позади последние скалы, с плоской равнины заблестело впереди сияющее голубое море. Экспедиция пришла в гавань Суу. Вскоре семь лучших кораблей углубились в неизвестную даль на юг.

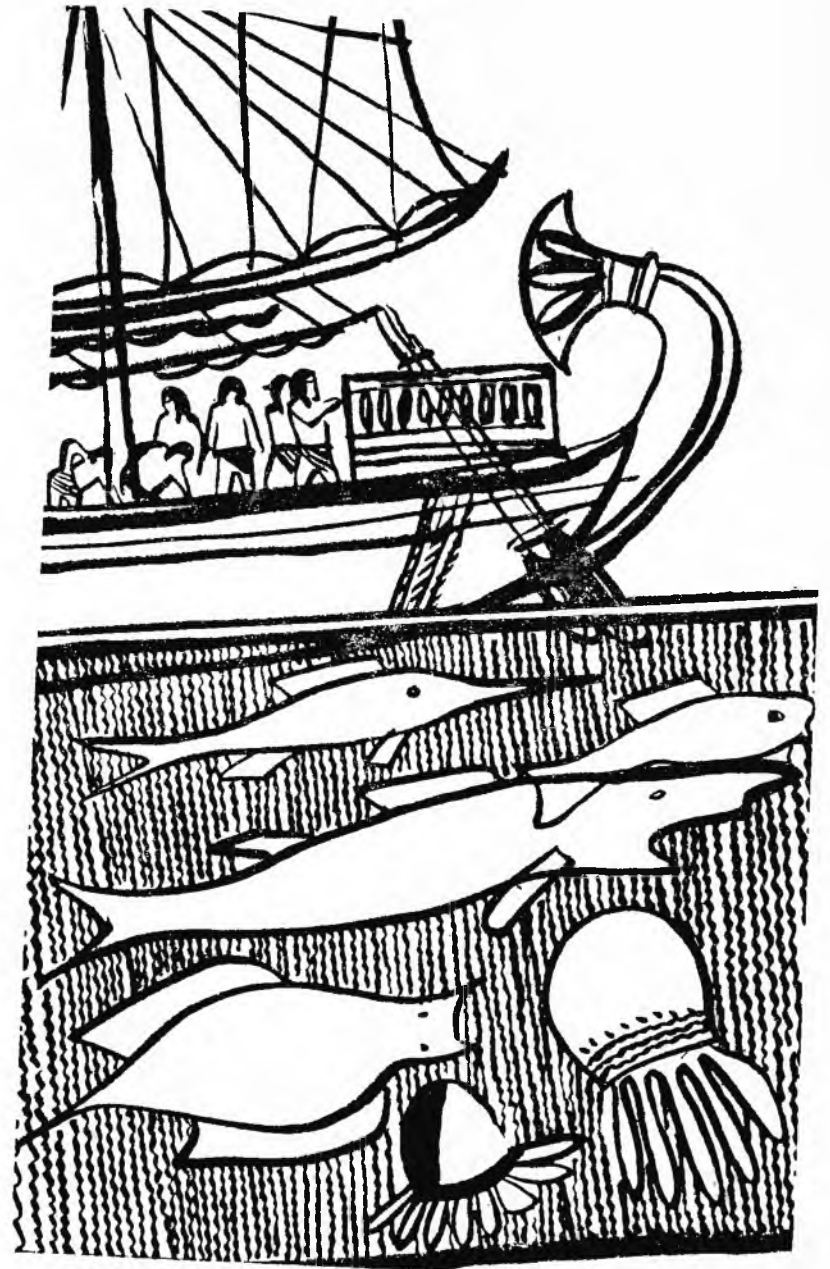
Баурджед вначале думал плыть открытым морем — там, где манила моряков чудесная сияющая синь. Он надеялся на прохладу и более сильные попутные ветры.

Это оказалось невыполнимым. Удушливая влажная жара изнуряла людей, все предметы покрывались соленой липкой слизью, сильные порывы ветра сменялись долгим затишьем. Опытный в плаваниях кормчий Уахенеб посоветовал вернуться к берегу, от которого они так необдуманно удалились. За несколько тысяч локтей от берега лазурная вода как бы обрезалась белой полоской пены — волны непрерывно бились о выступы подводных рифов, бесконечной цепью тянувшихся вдоль берега. За этой пенной чертой вода принимала цвет изумруда и почти не колебалась. Корабли пошли по изумрудной воде между берегом и рифами. Этот путь оказался самым лучшим. Здесь дули почти непрерывно северные ветры, корабли плыли быстро, не изнурая гребцов. Пустынный берег был гол и мертв, — редко-редко деревья или высокие кустарники виднелись вдали на плоской прибрежной равнине, да по ночам доносились вопли шакалов. Ни следа пребывания человека не встретилось путешественникам на протяжении шестидесяти дней плавания.

Зато в море довелось увидеть незабываемые чудеса. Вначале корабли, затерявшиеся среди сверкавшей расплавленным серебром воды, быстро подгонялись сильными ветрами, и моряки, следя за мелями и островками, ничего не замечали. Позднее они освоились с плаванием, и однажды, когда ветер ослабел и суда медленно двигались по зеркальной глади кристально-прозрачной зеленой воды, впервые предстали перед сынами Кемт прекрасные подводные сады.

В теплой воде под кораблями дно моря было на глубине всего в четыре локтя, устланное серебристым белым песком. Сначала заметили желтые и красные

⁵⁶ Подлинный текст.

кустики каких-то растений, оказавшиеся при пробе веслом твердыми, как камень.

Затем под кораблями замелькали большие лиловые шары, коричневатые связки прозрачных бокалов, темно-красные клубни, усеянные массой мельчайших отверстий. Пестрые раковины лежали на дне, между каменными кустами сновали маленькие черно-белые рыбки. Угрюмо клубились над дном черные, мягкие и пористые массы — это были губки, знакомые бывавшим у Зеленого моря. Люди часто бросались в воду целой толпой, загоняя в сети стаи крупных серебряных рыб. Однако после того, как путешественники познакомились с опасностями этих изумрудных вод, беспечность сменилась осторожностью.

Какие-то плоские, мерзкие рыбы⁵⁷ погубили двух воинов, распоров им животы своими тонкими хвостами.

Гигантские черные морские ежи⁵⁸ с иглами в локоть длиной наносили долго не заживающие раны.

Попытки схватить диковинно-прозрачных, похожих на студень животных⁵⁹, переливавшихся смесью розового и небесно-голубого цвета, кончались воплями непонятным способом обожженных людей.

Но подлинное волшебство подводных садов открылось только после того, как корабли приблизились к белой полосе прибоя. Мелкая изумрудная вода протянулась широким каналом вдоль берегов. Этот канал отделяется от синего открытого моря подводными скалами. Когда частые мели задержали дальнейшее продвижение, кормчий передового корабля Баурджеда повел суда вдоль подводных скал.

Невольный крик вырвался у наблюдателей — из сине-зеленой глубины внезапно начали всплывать кусты, грибы, деревья, причудливые кружева, смутные, подернутые нежно-зеленой дымкой. Несколько дальше четко вырисовывались, словно вырезанные, молочно-белые и бирюзовые каменные кусты. Их белые, лазоревые и сине-фиолетовые ветви переплетались сказочным узором, ярко освещенные солнечными лучами. Кусты сменялись тончайшей замысловатой вязью

цвета сливок, перемежавшейся с тонкими ярко-алыми и пурпурными кустиками⁶⁰.

Забыв все, люди всматривались в прозрачную воду, а там, по мере движения кораблей, подводные сады разворачивались в великолепном разнообразии красок и тонов, в неисчерпаемом богатстве оттенков, зависящих от глубины воды. То они едва чудились в полутьме прозрачными голубыми, красными и изумрудными тенями, то выступали совсем близко к поверхности, принимая удивительно яркую и чистую окраску.

Ближе к самому краю рифов ступеньками сбегали в глубину белые и фиолетовые зонтики и чаши, блюда, словно сделанные из слоновой кости; высокие прозрачные розоватые бокалы, извивы просвечивающих голубым огнем пластин и гребней.

Над обрывами в качающихся бликах солнца висели на выступах круглые купола, как будто из чистейшего снежно-белого фарфора, усеянного бирюзовыми пятнами и звездами.

Бесконечное разнообразие форм и красок ослепляло растерявшихся наблюдателей. Давно шли корабли над подводными садами Лазурных Вод. Все участники экспедиции, во главе с самим Баурджедом, провели много часов, лежа на бортах кораблей и без усталости следя за проплывающими мимо картинами.

Красота подводных садов была волшебной. Десятки раз люди, очарованные небесно-голубым кустом или алым кружевом, бросались в воду и обламывали твердые, как камень, ветви или фестоны, обжигавшие таинственным огнем. Но, вытащенные из воды, они мгновенно превращались на воздухе в серые или грязные обломки, теряя всю свою красоту. Желтые и светло-зеленые живые цветы⁶¹, шевелившиеся длинными щупальцами между волшебными кустами, едва только их поднимали на судно, превращались в комки отвратительной слизи.

Подводная красота не давалась в руки человеку, безвозвратно терялась, едва только люди хотели пой-

⁵⁷ Скаты-хвостоколы.

⁵⁸ Род тропических морских ежей (дионема).

⁵⁹ Медузы различных видов.

⁶⁰ Описываются коралловые рифы Красного моря. Упомянуты различные кораллы: мадрепоры, миллепоры, турбинрии разных видов.

⁶¹ Актинии, или анемоны.

мать ее, удержать для себя. Суеверный страх охватил сынов Кемт при виде необъяснимых превращений.

Тех, наиболее неистовых, которые хотели, нырнув, насладиться очарованием волшебных садов под водой, стерегли страшные ядовитые рыбы⁶². Похожие на толстых змей, по семь локтей в длину, эти рыбы были коричневого и стального цвета, усеянные на спине мелкими черными пятнами. Они обладали пастью с необыкновенными, острыми и длинными зубами. Скрываясь в темных проходах меж дивных кустов, они поднимали вверх голову и страшными выпуклыми глазами следили за пловцами, раскрывая пасти.

Края рифов, обращенные к открытому морю, обрывались сразу в безвестную темную глубину. Там исчезали, растворяясь во тьме, последние силуэты кустов и выступов на крутом обрыве, и глубокая таинственная пучина была мертва и темна.

Иногда оттуда всплывали устрашающие гигантские рыбы с острым рылом и целевидным ртом⁶³, снабженным пилою острейших зубов. Они безжалостно хватили неосторожных купальщиков, мгновенно откусывая руки или ноги. Безмятежное сияющее море оглашалось отчаянными криками, окрашивалось кровью. Приобретя опыт, путешественники купались только в мелкой зеленой воде за рифами. Когда на поверхности моря показывались треугольные спинные плавники гнусных рыб, боязнь и отвращение наполняли мореплавателей.

В первом месяце плавания экспедиция не терпела недостатка ни в продовольствии, ни в пресной воде. На берегу находились родники, рыбная ловля или охота на птиц доставляли вкусную пищу во время ночевки. Моряки вели суда вдоль берега, готовые при первых признаках бури спасать корабли на суше.

К концу первого месяца корабли обогнули тупой красный мыс⁶⁴, за которым берег огромной пологой дугой врезался в материк. Странная белая вода окружила корабли. Путешественники вначале испугались, но потом разглядели, что белизна воды происхо-

дила от мельчайшего белого песка⁶⁵, взбаламученного прибоем, набегавшим на плоское дно. На берегу поднималась высокая гора с закругленной верхушкой, на которой сверкал огромный круглый глаз, слепивший отражением солнца. Будто око неведомого бога строго смотрело на незваных пришельцев, сея смущение в суеверных сердцах детей Черной Земли. Баурджеду удалось успокоить спутников, объяснив, что такие блестящие пятна встречались ему и раньше на склонах гор, где обнажены скалы из кварца или гипса.

Тем не менее строгий глаз горы навлек на экспедицию испытания.

Еще с утра моряки заметили отсутствие птиц. До сих пор пеликаны, бакланы и чайки в огромном количестве скоплялись на скалистых островках, выступавших на краю рифовых гряд, у полосы прибоя. Здесь они пожирали пойманную рыбу и доверчиво подпускали охотников. В этот день птицы исчезли, и хотя по-прежнему рифы шли нескончаемой грядой к югу, до края горизонта не было видно ни одной. Почувствовав недоброе, опытные проводники и кормчие решили на всякий случай пристать к берегу.

Около полудня неизменно ясное небо впереди закрылось извилистой грядой черно-красных туч, похожих на стадо огромных быков. Скоро во всю высоту неба встали закрученные столбы темных облаков, ветер стих, удушающая темнота скрыла корабли один от другого. Над морем нависла страшная мгла кровавого цвета, и вода тоже казалась озером темной крови. Путешественники в ужасе пали ниц. Горячий ветер вдруг обрушился на суда с пронзительным свистом. Воздух наполнился мельчайшей песчаной пылью, причинявшей сильную боль глазам, носу и горлу. Жалобные стоны раздавались на кораблях, быстро заглушаемые массой горячего песка, несшегося в море из пустыни.

Кровавая ветреная мгла разъединила людей, каждый оказался предоставленным самому себе, одиноким перед лицом невиданного бедствия. Баурдждед, прощаясь с жизнью, закутал лицо плащом и упал на том же месте, где стоял, а на него навалились окружившие его люди.

⁶⁵ Коралловый песок.

⁶² Угребобразные хищные рыбы — мурены.

⁶³ Акулы.

⁶⁴ Мыс Рас-Хамру (см. лоцию Красного моря).

Крутящийся песок бушевал не более двух часов. Так же внезапно все прекратилось, яркое чистое небо встало над кораблями, серебристое сияние моря опять разлилось до самого горизонта. Несколько человек поддались страху и выпрыгнули на берег, другие, упав в воду, не смогли выбраться, задыхаясь в тучах песка.

Потрясенные испытанием люди думали только о воде, но, к их горю, вода, запасенная на кораблях, почти вся высохла, а на берегу нигде не удалось обнаружить родников. Баурджед приказал спешно плыть дальше, останавливаясь только для поисков воды. К счастью, попутный ветер окреп и погнал корабли, иначе сжигаемые жаждой гребцы не смогли бы долго двигать суда. До захода солнца не удалось найти воды в прибрежных ущельях.

Пришлось плыть ночью. До сих пор с наступлением ночи суда приставали к берегу, и путешественники раскидывали лагерь на берегу, не смея доверить свой ночлег изменчивому морю. Точно так же при первых признаках бури они быстро вытаскивали свои корабли на берег и, не доступные ярости моря, спокойно переживали непогоду. Теперь, в первый раз, корабли при свете угасавшей за пустыней зари покинули береговой канал и вышли за гряды рифов в синюю морскую даль. Глубочайшая чернота ночи уже не удивляла Баурджеда. Небо было настолько черным, что звезды казались серебряными, и их яркие блики колыхались в темных волнах.

Страдания людей усиливались, хриплое дыхание едва проходило через ссохшееся горло, растрескавшиеся губы были сведены судорогой. Им казалось порой, что звезды вертелись в бреду перед воспаленными глазами.

Вдруг Баурджед увидел, что очертания корабля явственно обрисовались на воде, лица спутников выступили из темноты. Он невольно ухватился рукой за борт — казалось, корабль поднимается на воздух в волнах непонятного света. Хор испуганных воплей показал Баурджеду, что он не грезит. Преодолев головокружение, он огляделся. Все море вокруг было охвачено пламенем, волны крутили и взметывали голубые вспышки, а пенные всплески у носов кораблей рассыпали миллионы золотых огоньков. Каждое

весло, опускаясь на воду, рождало вспышку света, и огненная полоса уходила вдаль за кормой корабля.

Пронизанная светом вода стала прозрачной и легкой, корабль качался в ней, будто брошенный в неведомый мир между водой и небом.

Освоившись с неведомым зрелищем и поняв, что им не угрожает опасность, люди стали замечать в воде животных невероятного вида. Подобные прозрачным лентам, гребням, зонтикам⁶⁶, точно сделанные из волшебного гибкого стекла, эти животные колыхались в горящих волнах, сами испуская еще более сильный голубой или золотистый свет. Некоторые из них были огромны — их прозрачные купола достигали двадцати локтей в поперечнике, видимые издали, как сияющие островки⁶⁷.

Отважный гребец — азиат, бросившийся в море для того, чтобы схватить одно из этих существ, почти мгновенно погиб. Поспешившие к нему на выручку товарищи покрылись сплошными ожогами, нанесенными тонкими нитями, свешивавшимися с краев зонтика и достигавшими многих локтей длины.

Долго плыли корабли по светящемуся морю, и пораженные люди забыли о своих невзгодах. Но когда волны внезапно погасли, жажда начала мучить людей с новой силой. С рассветом ветер утих, при ярком солнце суда еще двигались к берегу на веслах.

Сияющая голубизна моря здесь пересекалась узкими полосами кровавого цвета, простиравшимися вперед и назад до горизонта⁶⁸. Как красные змеи, извивались эти странные полосы, с поразительной четкостью выделявшиеся на прозрачной синей воде. По приказанию Уахенеба зачерпнули воды в тот момент, когда корабль находился на одной из красных полос. Вода в сосуде отливала багрянцем, потеряв прозрачность, и действительно походила на жидкую кровь, но без запаха. Откуда же взялись в море эти исполинские потоки крови, какие животные, духи или боги могли пролить такое ее количество? Или это была кровь самого моря?

⁶⁶ Сальпы, гребневники, медузы.

⁶⁷ Исполинские тропические медузы до 11 метров в поперечнике.

⁶⁸ Скопления микроскопических водорослей, от которых Красное море и получило свое название.

Страх перед встречавшимся непонятным так же владел Баурджедом, как и всеми его подчиненными.

Но его поддерживала отвага спутников — опытных воинов и моряков: кормчего Уахенеба, помощника его Ахавера, парусного мастера Нехси, начальника воинов Имтоура. Эти люди своим мужеством иногда заставляли Баурджеда — повелителя сотен людей — недоумевать и изумляться: откуда, из каких глубин души черпают они спокойную отвагу, веселый задор и неутомимость, когда, казалось, их усталые тела должны были бы беспомощно простираться по палубе? Мужество людей, постоянно, много дней находившихся с ним рядом, одолевало испуг перед сверхъестественным, перед проявлениями неизвестных сил, во власти которых он находился. Напрягая последние силы, гребцы вывели корабли из кровавых полос. Вскоре послышался шум прибоя, и, наконец, суда оказались за пенной границей, у берега. Еще издали было видно широкое устье ущелья, через которое сбегали к морю заросли высоких деревьев — первые рощи, встреченные экспедицией. Никогда еще весла не мелькали с такой скоростью, причал кораблей не выполнялся так быстро. А дальше, за песчаными холмами, была вода, свежая и чистая, дивного вкуса, изливавшаяся обильным ручейком в прохладной тени пальм, в зарослях собачьих башмаков⁶⁹.

На этом месте Баурджед прервал свой рассказ и, сощурив глаза, словно снова утомленный от блеска жаркого моря, посмотрел на фараона.

Тот сидел оцепенев, рот грозного властелина приоткрылся, глаза, прикрытые тяжелыми веками, были устремлены вдаль, туда, где в прорези окна виднелось длинное плоскогорье со строящейся пирамидой. Хафра медленно выпрямился, принимая снова облик божественного владыки, и приказал принести угощение.

Но едва только присутствовавшие заговорили, обмениваясь впечатлениями, переспрашивая Баурджеда, фараон прервал их нетерпеливым жестом.

В молчании подкрепились едой и вином, и Баурджед снова продолжал повествование.

В рощах деревьев у чистой воды экспедиция

⁶⁹ Древнеегипетское название колючих кустарников.

отдыхала несколько дней, схоронив четырнадцать спутников, погибших во время плавания без воды. Окрестность изобиловала дичью, и путешественники насладились свежим мясом антилоп и диких свиней. Искусные мастера переделали сосуды для воды, чтобы избежать повторения перенесенного бедствия.

Повернув за мыс, оканчивавшийся холмом удивительно круглой формы⁷⁰, корабли долго шли вдоль безжизненной плоской равнины, покрытой солью и ослепительно блестящей на солнце. На яркой лазури моря были разбросаны дикие скалистые острова. Их число все увеличивалось, росли и размеры. Попадались острова с хорошей пресной водой, поросшие лесом или кустарником или увенчанные высокими холмами по пятьсот локтей вышины. На берегу протянулась длинной полосой песчаная равнина, с буграми дымящихся под ветром песков, а за ней из сухой мглы начали всплывать отдельные горы такой высоты, о которой путешественники не имели никакого представления. Первая огромная вершина широким куполом поднималась в облачные выси, за ней вдалеке другая, пониже, была покрыта лесом. Острые гряды черных камней пересекали равнину, подползая к самому морю, береговые обрывы были расщелены узкими зловеющими ущельями.

Плавание шло без особых приключений. За белыми скалами на берегу начались обширные болота, поросшие деревьями с необычайными торчавшими в воздухе корнями⁷¹. Болота охраняли три стража — близко от моря высились три острых черных конуса высотой не меньше четырехсот локтей.

Едва только корабли миновали болота с их нездоровыми испарениями, в прояснившейся дали берега показали цепь за цепью величественные островерхие горы⁷². Они возникали вдалеке, как бы плаваая в синеватой дымке. Сразу чувствовалось, что они должны быть невероятной высоты. Баурджед и его спутники были уверены, что эти горы те самые, которые отделяют страну духов от верховьев Хапи, и радость проникла в их сердца. Здесь впервые заметили людей

⁷⁰ Район мыса Тхерауба (см. лоцию Красного моря).

⁷¹ Мангровые заросли.

⁷² Горы Абиссинии.

на берегу — черных нагих дикарей, быстро скрывшихся в зарослях. Только здесь гордые, презиравшие других, не похожих на себя людей, сыны Черной Земли поняли радость встречи с человеком.

Беспредельные пустые пространства сотнями дней тянулись перед ними, и ужас одиночества в таком огромном и пустом мире, чувство беспомощности перед необъятной природой все сильнее овладевали путешественниками. Теперь оказалось, что они не одни, здесь живут люди, пусть черные и нагие, но настоящие, подобные всем другим люди. Все моряки с грустью смотрели вслед им, исчезнувшим, точно призраки.

Вскоре путешественники подверглись новому испытанию. Небо потемнело от тяжелых туч, и в неистовом сверкании молний и сокрушающем грохоте грома на сынов Кемт полился такой дождь, о котором не слышали никогда на их родине, где дождь — событие, случающееся раз в несколько лет. Темные облака извивались над кораблями, уподобляясь образу вызывающего бурю злого змея Апопа⁷³, вспышки молний освещали разверзнутые пасти и хищные лапы.

Сплошные потоки ревущей воды низвергались с небес, заливая корабли, люди захлебывались, едва переводя дыхание, все мгновенно пропиталось водой. Испуганные яростным громом и ослепленные непрерывными вспышками молний, задыхавшиеся моряки отчаянно вычерпывали воду, наполнившую корабли.

Ливень кончился очень быстро, все стихло, засияло горячее солнце, и только на дымившихся берегах долго журчали скатывавшиеся в море потоки.

Кончался второй месяц плавания. Путешественники научились не бояться зловещих скал, ярости прибоя, неземной красоты подводных садов. Даже в багровой темноте песчаной бури или потоках неистовых ливней корабли шли вперед, ныряя черно-красными носами, послушные воле великого фараона Джедефры, движимые упорством людей, закалившихся в борьбе с неведомым. Будто змеи, драконы и другие сказочные чудовища, без конца выползали в море скалистые мысы, уходили назад за корму горящие на солнце бухты.

⁷³ Апоп — олицетворение бури, мрака и ужаса в египетском пантеоне.

Но новые трудности ожидали смелых путешественников, подстерегали их за выступами берега, скрывались за пылающим южным горизонтом.

До сих пор берег Лазурного моря был почти прямой, короткие мысы и неглубокие заливы нарушали однообразие этой стремящейся вдаль, подобно полету стрелы, линии. В начале третьего месяца плавания корабли вошли в глубокую бухту, врезанную в берег в южном направлении. Перед кораблями сошлись береговые скалы, прохода вперед не было, и пришлось огибать на веслах длиннейший скалистый мыс, против которого в море виднелись большие острова. За этим мысом корабли встретили сильный ветер. По ровной, подернутой мелкой рябью поверхности моря быстро перебежали отдельные редкие волны. Каждая из волн катилась, поднимаясь округлым горбом с оторочкой пены впереди. Они начали бросать затрепавшие суда, заливать их через борта. Моряки едва успели укрыться между островами. К вечеру ветер ослабел, и можно было бы плыть по успокоившемуся морю, но оказалось, что сила гребцов не способна преодолеть сопротивление непрестанно дувшего ветра. День за днем дули встречные ветры, люди выбивались из сил. Суда проходили ничтожные расстояния.

Баурджед решил выйти в открытое море, но и там встречные ветры не давали хода кораблям, постепенно отгоняя суда к востоку.

Вскоре путешественники увидели берег и с удовольствием узнали, что ширина Лазурных Вод здесь так же невелика, как и на севере, где суда Кемт переплывали море, отправляясь в военные походы на рудники восточных стран. Значит, подобно исполинскому каналу, Лазурные Воды протянулись прямой узкой полосой вдаль на миллионы и миллионы локтей расстояния. Восточный берег моря здесь был совершенно мертв и безводен.

Страдая от калящего зноя, моряки приложили все усилия к тому, чтобы пробиться обратно к своему берегу, и пристали туда почти на том же месте, откуда отошли, — у больших островов. По пути видели черных рыб невероятной величины⁷⁴, превосходивших в несколько раз длину кораблей. Эти рыбыставляли

⁷⁴ То есть китов.

над поверхностью моря свои гладкие черные спины, похожие на острова из черного гранита, громко сопели, выбрасывая фонтаны воды, и разбивали воду чудовищными хвостами. Путешественники удалились от этих рыб со всей возможной скоростью. Крепкие корабли Кемт впервые показались им утлыми, ненадежными скорлупками.

Встречные ветры не только не прекращались, но, наоборот, дули почти непрерывно. Баурджед сдался, на время побежденный. Выбрав удобное место, изобиловавшее водой и дичью, путешественники вытащили корабли далеко на берег. Здесь провели они остаток времени наводнения и три месяца посева в томительном ожидании перемены ветров, сражаясь с множеством хищных зверей и ядовитых пауков, казалось, собравшихся со всей пустыни вокруг. Люди страдали без привычной пищи — плодового и пшеничного хлеба, овощей. Все запасы кончились, и дальнейшее пропитание всецело зависело от удачи охотников или от тех съедобных растений, которые изредка попадались в небольших перелесках, заполнявших горные долины высокого берега.

В последний месяц посева вновь подули сильные и постоянные северные ветры, и корабли, починенные и осмотренные, продолжали путь.

Восточный берег Лазурных Вод вдруг начал приближаться к западному. К изумлению Баурджеда, море сузилось до полусотни тысяч локтей⁷⁵. Оба берега были мрачны и бесплодны — черные горы торчали подобно множеству свиных сосцов. Грубая черная земля, не родившая ни травинки, покрывала все вокруг.

Едва корабли миновали это узкое место, берега стали быстро расходиться, беспорядочные волны толкали суда, опасно кренившиеся и иногда зачерпывавшие воду.

У двух кораблей оборвались реи, корабль Баурджеда дал течь. Полдня плыли при таких угрожающих обстоятельствах, затем огромная просторная бухта раскинула свою гладкую спокойную поверхность⁷⁶.

⁷⁵ Баб-эль-Мандебский пролив.

⁷⁶ Адениский залив, где гораздо прохладнее, чем в Красном море.

Моряки поразились внезапной перемене — исчезла влажная и душная жара, сопровождавшая их все долгое плавание по Лазурным Водам. Воздух стал легкий и чист, как воздух благословенной Кемт. Люди обрадовались этому, как счастливому предзнаменованию.

Берега вдаль зеленели, еще издали чувствовался странный аромат, доносившийся от земли.

Горы были покрыты кустарниками и низкими деревьями с плотной блестящей листвой. Все эти растения издавали очень приятный запах.

Корабли плыли еще несколько дней вдоль берега, на юг, и тут случилось непонятное. Берег встал против дневного солнца, пути на юг дальше не было. Баурджед и его спутники растерялись: вместо того чтобы достичь края суши на берегу Великой Дуги, они дошли до края моря. Смущение закралось в сердца, приказ фараона оказался невыполнимым.

Корабли повернули на восток и двенадцать дней плыли вдоль берега, подолгу простаивая на суше от бурных налетов ветра и волн по восьми локтей высоты. Страшные темно-красные тучи неслись яростными шквалами, сильнейшие дожди с ревом изливались на пустынный песчаный берег, усеянный горами сыпучих песков. А берег все более отворачивал от восточной стороны к северной.

Сомнений не было — Великая Дуга таинственно исчезла куда-то, и они достигли пределов мира. Но где же волшебный Пунт с его богатствами, с похожими на народ Черной Земли жителями, с множеством поселений на берегах моря?

В необозримую даль вперед уходил безлюдный берег, и все так же в глубине суши над ним возвышался ровный и невысокий скалистый уступ, изрезанный сухими оврагами.

Баурджед остановил экспедицию. Никто не ожидал такого конца. Готовились к новым, неслыханным трудностям, невероятным чудесам, может быть, к гибели. А здесь, после дивных приключений в пути по Лазурным Водам, — сухая и жаркая ненаселенная земля, преградившая путь на юг.

Снова вытащили корабли на берег, построили хижины. Из лагеря у подножия желтых утесов разошлись в разные стороны вооруженные отряды — для разведки страны и в поисках пищи.

Сам Баурджед во главе ста двадцати воинов и вооруженных рабов двинулся на юг. Он поднялся на голые плоские горы, пройдя пятьсот тысяч локтей от берега.

Далеко на западе высилось полчище гор той же неслыханной высоты, какие они видели за большими болотами в пути по Лазурным Водам. Они теснились грозной толпой, поросшие лесами, прикрытые облаками, лежавшими точно на отдыхе на их острых, иззубренных плечах. На юге перед Баурджедом расстилась, насколько хватал глаз, желтая горячая пустыня без оврагов, роц или оазисов. Ни одна река не пересекала светлую, казавшуюся рыхлой равнину, ни одно озеро не блестело радостным огоньком на однообразной плоскости.

А на востоке — там шли без конца такие же плосковерхие уступы, как и тот, с которого Баурджед пытался проникнуть взглядом в неведомое. Ни следа городов или селений, ни даже признака кратковременного пребывания человека.

В тяжелом раздумье Баурджед возвращался назад. Трудности похода его отряда, дни без питья под злым гнетущим солнцем, бессонные ночи, полные тревожных мыслей, — все оказалось напрасным, загадка осталась неразрешенной.

Но в лагере встретили его неожиданные вести.

Один из отрядов, посланных на запад, после пятидневного пути наткнулся на маленькое селение, расположенное в лесистой долине, уходившей к подножию западных грозных гор. Неведомые люди были умны и понятливы. Вооруженные только легкими копьями и кремневыми ножами, они пасли стада коз на склонах гор, в изобилии населенных дикими зверями. Язык их был неведом никому из рабов, взятых из-за Врат Юга⁷⁷. Но с помощью жестов и рисунков на песке людям Баурджеда удалось объясниться с ними. Смелые и гордые, они нисколько не боялись странных пришельцев с оружием из невиданного металла, снабженных дальномечущими луками. Никто из них не согласился идти в лагерь, и угрозы начальника отряда Имтоура едва не испортили дела.

Наконец, они поняли, что пришельцам нужно узнать об окружающей стране. За меч из блестящей меди двое юношей отправились вверх по долине и возвратились через десять дней с тремя старцами, проводившими свою долгую жизнь в беспрестанных перекочевываниях по стране со стадами скота и в охотничьих походах. После долгих и трудных объяснений выяснились неслыханные вещи.

К югу лежала бесконечная богатая страна, но путь к ней был прегражден высокими горами и безводными пустынями. Расстояние было так велико, что требовало многих месяцев пути, и без вьючных животных нечего было и думать пускаться в такое предприятие. Но море, оказывается, вовсе не кончалось здесь. Старики не могли объяснить этого в подробностях, но единодушно утверждали, что дальше к востоку находится край земли и только одно безбрежное море омывает этот предел мира.

Обрадованный вестями Баурджед решил плыть дальше. Но прежде чем корабли могли тронуться в путь, пришлось потратить еще три месяца на заготовку запасов продовольствия.

Три месяца посланцы Та-Кем жили бок о бок с жителями бесплодных гор. Надменный царедворец Баурджед, у себя в Та-Кем смотревший на каждого темнокожего человека из пределов юга как на заведомого раба, здесь восхищался своими случайными соседями, любовался их гибкими, сильными телами, сказочной смелостью охотников, выходивших с копьями против львов в одиночку.

Не раз Баурджед охотился вместе с вождями племени, забыв о всякой важности, заглядывался на юных стройных девушек, едва прикрывавших свою наготу скудной одеждой.

За малейшую обиду, нанесенную местным жителям, Баурджед установил немедленную казнь, но строгий указ не пришлось привести в исполнение: никто, даже заносчивые ливийцы, ни разу не поссорился с соседями — так сильна была у них тоска по человеку после страхов безлюдного моря.

Пять месяцев стояли здесь корабли, уже год прошел со времени отплытия из гавани Суу.

⁷⁷ То есть за южной границей Египта.

Снова поднялись истрепанные, много раз чиненные паруса, закрипели весла в истершемся дереве. Не подозревая о грозной опасности, Баурджед повел свои семь судов на новые поиски края Великой Дуги и волшебного Пунта. Опять прохладный, могучий простор морского воздуха оживил уже привыкших к нему моряков. Длинной лентой развевался однообразный песчаный берег, возвышавшиеся поодаль утесы окрашивались в солнечных лучах в разноцветные, то мрачные, то радостные, узоры. Встречное течение замедляло путь, но, несмотря ни на что, уходили на запад все новые и новые тысячи локтей берега, неуклонно увеличивая расстояние до священной Черной Земли, все отдаляя срок возвращения.

При появлении багровых туч суда поспешно укрывались на берегу, быстро вытаскиваемые десятками сильных рук. Так удавалось избегать внезапных ветров потрясающей силы, которые иначе давно бы покончили с экспедицией Баурджеда. Здесь пришлось плавать больше ночью, чем днем. После полудня ветры дули с моря и относили корабли на мели к берегу. Ночами яркая луна хорошо помогала морякам избегать небольших, но острых подводных скал, обозначавшихся в блестящем серебре моря матовыми кругами разбитых волн.

Луна была уже на сильном ущербе, когда ночью моряки заметили, что черная стена скалистого берега повернула вправо, на юг. Взволнованный кормчий разбудил Баурджеда. Но берег не кончался, и суда шли вдоль него всю ночь. Встала заря. Носы кораблей были направлены на ее алый огонь, и вдруг берег справа исчез, удаляясь назад за корму последнего судна⁷⁸.

Навстречу вставали волны невиданных размеров. Высотой они лишь немного превосходили уже виданные моряками восьмилоктевые волны Лазурных Вод. Но те возникали только при бурных ветрах, вздымаясь с яростной быстротой, и, словно разгневанные духи моря, метались в поисках жертвы.

⁷⁸ Суда прошли восточную оконечность Сомалийского полуострова — мыс Гвардафуй.

Теперь же волны, при слабом береговом ветре, широко развевывали перед моряками свои темные склоны, величаво, медленно и грозно вздымая свои верхушки, увенчанные багряным светом зари. Они не металась, наталкиваясь друг на друга, — нет, волны шли спокойно рядами, цепь за цепью, будто наступающее полчище могучих великанов. И само необозримое море казалось чудовищной грудью, дышавшей мерно и плавно, порождая при каждом вздохе новую гряду водяных гор. Страх охватывал людей, словно сама их жизнь исчезала в величавой бесконечности океана.

Не было больше голубого сияния, лазурного цвета прозрачного теплого моря. Вода потускнела, темно-зеленая ее масса не давала возможности проникнуть взором в глубину, синевато-серые отблески ложились на гладких скатах колышущейся пучины.

Корабли взлетали на тяжкую грудь водяного вала, быстро низвергались в темные провалы и снова, задрав носы и поникнув кормой, устремлялись вверх до следующего падения. Казалось, чьи-то мощные, безжалостные руки играли судами, точно скорлупками, мерно подбрасывая и опуская беспомощные корабли. Паруса захлопали, провисая и снова надуваясь, загремели реи, затрещали весла под давлением водяных гор. Кормчие, покрывшиеся потом с головы до ног, испуганно призывали себе на помощь еще гребцов. Неверное управление угрожало страшным бедствием, при малейшей ошибке растерявшихся гребцов весла переламывались, как тростинки, или тяжело ударяли людей, калеча их.

Молчание нависло над кораблями, нарушаясь только ударами воды и треском дерева. Настороженное прерывистое дыхание выдавало волнение людей. Все понимали, что перед ними какое-то новое, невиданное море, более грозное, чем то, по которому они так долго плыли. Непобедимая мощь чувствовалась в его просторе, подавляла вздымавшимися грядами водяных гор.

Баурджед приказал во что бы то ни стало повернуть обратно к берегу. С большим страхом кормчие принялись выполнять опасный маневр. Благодаря веслам удалось быстро развернуть корабли, не подставляя их открытые борта ударам громадных волн.

Берег уходил круто на юг, устремляясь еще правее,

и Баурджед, наконец, понял. Они обогнули огромный, величиной с целую страну, выступ суши и достигли Великой Дуги, испытав впервые ее грозное дыхание. Лазурные Воды оказались не более как заливом, узким отростком Великой Дуги. Теперь берег отклонялся к западу, — если это так, то скоро они увидят южный край мира на берегу Дуги.

Баурджед поделился своими соображениями со спутниками. Неописуемая радость осветила лица, только что помрачневшие перед зрелищем мощи Великой Дуги.

Значит, скоро будет выполнено поручение фараона, скоро начнется обратный путь, пусть бесконечно далекий, пусть угрожающий снова всеми перенесенными страхами, опасностями и страданиями, но путь, ведущий к мирным полям святого Хапи!

Но как далеки были эти наивные мечты от страшной действительности! Корабли приблизились к берегу, и сейчас же новый страх смял возникшую было радость.

Угрюмые утесы высились отвесно, залитые светом утреннего солнца. Море билось о них с оглушительным грохотом, высоко вверх летели столбы сверкающих водяных брызг. Громадные водяные горбы, побелевшие сверху, вспучивались под берегом, черные гряды злобно ощеренных скал вставали и снова скрывались в рушащихся валах пены. При каждом спаде волны черные зубы утесов будто выпрямлялись, бешено сбрасывая с себя льющиеся струи воды. Этот берег более не сулил безопасного приюта кораблям Баурджеда. Острые скалы грозили смертью, рев прибоя возвещал немедленную гибель.

И суда, подчиняясь всемогущей силе, во власть которой они так внезапно и незаметно вошли, опять повернули от спасительной суши к грозному лицу Великой Дуги.

Вода вокруг была необыкновенно холодна и темного цвета. Гнилой неприятный запах бил в лицо вместе с брызгами пены. Корабли шли медленно, беспомощно мотаясь в громадных волнах. Кормчие стремились сохранить направление вдоль берега, едва заметного вдали справа.

В своем соединенном упорстве люди не сломились, а продолжали борьбу еще более ожесточенно. Понем-

ногу моряки освоились с волнением, гребцы заработали увереннее и смелее, часто сменяя друг друга. После полудня ветер с моря понес корабли быстрее и быстрее прямо на юг, и к вечеру суда проплыли большое расстояние, подошли опять к берегу, и моряки снова убедились в невозможности пристать.

Ветер становился все сильнее, с шумом рвал паруса — их пришлось спустить.

С поникшей головой Баурджед стоял на переднем корабле, оглядывая остальные шесть, нырявшие и качавшиеся, подобно игрушечным деревянным уткам, какие он любил пускать мальчиком в садовом бассейне. В памяти мелькнули теплые, яркие краски родных садов, покой и тишина отцовского дома. С чувством попавшего в западню зверя Баурджед оглянулся вокруг.

По-прежнему мерно вздымались огромные волны, только ритм их дыхания заметно убыстрился. Последние лучи солнца угасали вдали, за белевшей полозой бурунов, а в небе висела зловеющая густая облачная масса, освещавшаяся снизу частыми вспышками молний.

Тяжелое ощущение недоброго, готовящегося ему и его спутникам, давило Баурджеда. Маленькие, недавно казавшиеся такими уютными и надежными, корабли скучились вокруг головного, — начальники кораблей ждали. Отвергнутые землей, затерянные в море на краю мира.

Все более крепло у Баурджеда сознание, что корабли Та-Кем не годились для плавания по Великой Дуге.

Но ничего нельзя было сделать. Он — полный владыка душ и тел своих спутников, начальник воинов, исполнитель воли всемогущего фараона — чувствовал себя сейчас неопытным, робким мальчиком, готовым спрятать голову в коленях у матери, если бы она была здесь.

Тьма сгущалась над морем, свист ветра становился резче и заунывнее, а молнии все чаще сверкали, освещая рваные края темных облаков.

С корабля на корабль прокричали распоряжение Баурджеда — плыть всю ночь по ветру, ни в коем случае не разлучаться, держась ближе друг к другу. Подавать постоянные сигналы ударами в медные щиты...

Мрак разъединил корабли, погрузив людей в одиночество. Он был так густ, что с носа нельзя было видеть, что делается на корме. Только огни молний давали возможность следить за соседними кораблями.

Страшные крики, вой и вздохи неслись из-за туч, как будто сам мрачный Сетх⁷⁹ или грозная Сохмет⁸⁰ — львица, пожирательница людей, спорили там из-за добычи. В вое ветра люди слышали окликавшие их голоса и в страхе оглядывались с бьющимися сердцами. Зловещее томление и тоска охватывали людей, точно звавший их голос принадлежал самой смерти.

В надрывный скрип дерева и унылое завывание ветра со всех сторон вплетались зловещие медные удары, подобные невыразимо напряженным вскрикам. Им изредка вторили глухо доносившиеся человеческие слова — обрывочные, бессвязные и от этого казавшиеся испуганными.

В полной угрозы ночи корабли быстро шли к югу, гонимые, как сухие листья в ветер. Слева и спереди часть горизонта непрерывно светилась, будто там собирались со всего мира зарницы и молнии.

Вздох, вырвавшийся из груди Баурджеда, потонул в громовом реве вдруг налетевшего ветра. Корабль повалился набок, и Баурджед упал на колени, сильно ударившись головой. Сознание покинуло его, и он неминуемо полетел бы за борт, если бы смелый моряк по имени Антеф не удержал его, прикрыв собственным телом в углу между краем борта и палубой.

Когда Баурджед снова открыл глаза и сознание вернулось к нему, он долгое время не мог сообразить, где находится. Его окружало что-то исполински громадное, несущееся, давящее. Он чувствовал под собою по-прежнему твердую палубу корабля, но она исчезала под крутящейся пеной и водой. Размахи судна превратились в быструю смену взлетов и падений, похожую на скачку раненой антилопы. Понемногу Баурджед заставил себя соображать, отчаянно сжимая голову в ладонях.

Полное лобовое рычание ветра, душившего его, больше всего мешало ему прийти в себя.

Гром вздыбленного моря убил все звуки. Только

рев ветра яростно спорил с раскатами водяных гор.

На палубе корабля, под обломками сломавшейся мачты, лежали гребцы, вцепившись в вытященные на палубу весла. Часть людей, обвязавшись веревками, держала рулевые весла.

Группа воинов распростерлась на палубе, удерживая своими телами покрышки трюмных отверстий, наскоро сооруженные из парусов.

Бледно-серый мертвый свет слабо освещал все происходившее. Иногда вдруг все выступало с жуткой отчетливостью в слепящей вспышке молнии, подобно бредовой картине.

Баурджед в смертной тревоге старался разглядеть другие корабли, скрытые провалами волн и полосами пены. Посмотрев на эти заливаемые водой скорлупки, он понял до конца весь ужас своего положения.

Два корабля слегка опередили корабль Баурджеда, держась справа от него. Сквозь дикую пляску гребней волн и взмахи хвостов пены он различил на них тонкие треугольники уцелевших мачт. Слева и сзади шли еще три корабля, а седьмого нигде не было видно. Великое чудо было в том, что шесть кораблей пока шли, и еще большее чудо, что бешеная сила бури не разметала их по темному кипящему морю.

Внезапно один из трех кораблей, шедших слева, резко накренился, мелькнули людские руки, вздыбленные весла. Через мгновение дно опрокинувшегося судна показалось в косматом гребне исполинского вала и исчезло. Оцепенев от ужаса, Баурджед и державший его воин смотрели на гибель спутников. В волнах едва виднелись головы нескольких людей.

Боевой огонь возмущения зажегся в угнетенном Баурджеде. Он должен был что-то делать, бороться с этой губящей, пусть необоримой силой. Цепляясь за что попало, он пополз к кормовой части судна, где дверь в заднее, крытое помещение уже поддавалась под напором заливавшей корабль воды. Все дальнейшее вспоминалось Баурджеду неясными спутанными обрывками. Он помнил, как рубили борта, чтобы облегчить воде сток с палубы, как он сам и знатные чиновники его свиты вместе с рабами бешено отливали воду в черной тьме внутри судна, избитые ударами бросавшей качки. Как неистово пытались заделать все отверстия в палубе, неосмотрительно прорезан-

⁷⁹ Сетх, или Сетх, — бог подземного царства, владыка темных сил.
⁸⁰ Сохмет — богиня войны, голода и болезней в образе львицы.

ные строителями, никогда не знавшими ничего о Великой Дуге. Баурджед помнил искаженные, мокрые, неузнаваемые лица, мелькавшие вокруг него во вспышках молнии. Сыны Кемт и рабы — негры, ливийцы, азиаты — сражались со стихией во имя жизни.

С чувством благодарности и восхищения Баурджед следил за сильной фигурой Уахенеба, обрисовывавшейся на корме сквозь пелену летящей пены. Иногда особенно яркие вспышки молнии вырывали из тьмы его твердое лицо с запавшими от невероятного напряжения щеками. Кормчий с тремя помощниками изнемогал, удерживая рулевое весло — единственную надежду корабля.

Уахенеб криками подбодрял товарищей по другую сторону кормы, его резкая команда прорывалась через оглушительное неистовство бури. И люди, забывая страх смерти, беспрекословно подчинялись рулевому, сумевшему держать корабль против неслыханной силы Великой Дуги, вселить надежду в их потрясенные сердца, помочь найти силу в усталых телах. И работали с нечеловеческим напряжением.

Баурджед помнил еще одно страшное зрелище, неизгладимо запечатлевшееся в душе. С его кораблем сблизились два других. Один — с украшенным медью носом, где начальником был любимец Баурджеда, веселый Симехет, — внезапно стал погружаться кормой. Десятки людей посыпались за борт в губительные волны, стремясь к шедшему рядом кораблю Мерира. Протянутые руки конвульсивно цеплялись за его борта, спасение пловцов казалось совсем близким.

Но тут, закрывая полнеба и касаясь вершиной низких туч, поднялся вал двадцати локтей в высоту. Корабль Мерира не смог, отягченный спасавшимися, своевременно повернуть и ускользнуть от чудовища. Косматая вершина гигантской волны хищно загнулась вперед, и тяжелая масса воды обрушилась на корабль, отшвырнув в сторону судно Баурджеда. Никто не всплыл на месте гибели двух кораблей, только какие-то обломки иногда мелькали между волнами.

Смерть была неизбежной, и все же люди на судах продолжали борьбу, перестав сознавать все, кроме необходимости сохранения корабля. Моряки не заметили, что борьба становится легче, что хриплые отрывистые восклицания уже слышны сквозь бурю,

что серый полумрак синее и размахи корабля замедляются.

Но только когда яркий солнечный свет залил все вокруг, они поняли, что вырвались из лап ревушей неумолимой смерти, что будут жить.

Солнце уже клонилось к закату — так долго несла корабли ужасная буря. Из уцелевших обломков долго собирали мачту, подняли ее, распустили большой синий флаг — Баурджед давал сигнал тем судам, которые спаслись. Если спаслись... Но вскоре приблизился один корабль, потом другой. Невыразимо велика была радость снова увидеть товарищей. Три корабля направились к заходящему солнцу, и тут заметили впереди еще одну черную точку, затерявшуюся в бушевавших вдали волнах. То был четвертый корабль...

Баурджед замолчал и провел рукой по изменившемуся, взволнованному лицу. Потрясенный фараон велел принести вина и крепкого пива.

Отдохнув немного, Баурджед продолжал рассказ. Каждый из путешественников после бури сделался «подобным человеку, схваченному в темноте. Тела их дрожали, сердца отсутствовали в них, и они не могли отделить жизни от смерти»⁸¹.

Разбитые, наполненные водой корабли тяжело переваливались на высоких волнах, треща и содрогаясь, словно в воспоминаниях пережитого. Все помыслы людей были устремлены к берегу. Если земля снова отвергнет их, встретив грохотом и пеной прибоя, то смерти не избежать. Не хватит сил пробыть еще ночь в объятиях Великой Дуги, невозможно спасти поврежденные суда...

Медленно подвигались суда к берегу — далекая туманная полоска против солнца оставалась все той же, не давала ответа на терзавший моряков вопрос.

Корабль Баурджеда, на котором осталось больше весел, шел опять впереди. Незаметно море посветлело, качка ослабла — корабли медленно взлетали вверх и плавно опускались на редких длинных волнах. На взлете с высоты большого вала с судна внезапно увидели берег, оказавшийся совсем близко.

Низкий и песчаный, он полого уходил под широкие разливы и всплески накатывавшихся волн. Водяные валы медленно вставали длинными стенами, их верхушки горбились, блестя на солнце, как спины громадных животных. Неуловимо быстро гребни валов закручивались вперед и с глухим шумом простирались на гладком песке.

Путешественники не успели оглянуться, как суда оказались на песчаной отмели, заливаемые водой.

По горло в воде, под могучими и ленивыми ударами волн моряки отчаянными усилиями вытащили свои корабли дальше на берег.

Несколько палем, покорно склонивших свои стройные кольчатые стволы перед лицом Великой Дуги, говорили о присутствии пресной воды.

Под их растрепанным морским ветром кронами чувство покоя и безопасности наполнило сердца измученных людей. Очень скоро все забылись тяжелым сном, не думая о дальнейшем, все еще переживая случившееся.

Здесь, на этом пустынном берегу, к Баурджеду с полной ясностью пришло сознание необъятности мира, исполинского величия еще не покоренной человеком природы и непобедимое чувство бесконечной оторванности от милой родины.

К утру суда оказались далеко от моря, на голом песке. Путешественники уже знали, что море с правильными промежутками то наступает на сушу, то отступает от нее, и поэтому не удивились. Осмотр кораблей показал ряд серьезных повреждений.

Снова построили лагерь на неведомом берегу, снова разошлись в разные стороны отряды в поисках нужного дерева, смолы и пищи.

Страна была жаркой, пустынной и неприветливой, но прошло много времени, прежде чем удалось ее покинуть. Путь на юг продолжался. Оставалось уже меньше половины людей, отправившихся из гавани Суу, изнасилась одежда, кончились взятые с родины запасы.

Но корабли шли и шли вдоль берега, избегая мощного волнения, неуклонно стремясь на юг, в нетерпеливом ожидании окончательного поворота берега на запад.

Ночами на берегу раскидывалось над ними необычайно черное небо, на котором всплывали с юга новые,

⁸¹ Подлинный текст.

чуждые по очертаниям созвездия, а родные, знакомые звезды с каждым днем спускались все ниже, назад, к северному горизонту. Чужое небо пугало людей, вечная неизменность его, усвоенная опытом многих веков у себя в Та-Кем, рушилась, непонятное вновь вставало перед людским умом, терявшимся в догадках.

И даже солнце как будто бы взбиралось все выше на небо, в полдень оно стояло прямо над головой, обрушивая каскады прямых, как стрелы, все пронзающих лучей.

Ветры, дувшие с суши, приносили странные запахи. В них чудились ароматы неведомых цветов, удушливые испарения громадных болот, сухое и горькое веяние сожженных степей. Там, за невысокими горами, на запад шла загадочная, полная тайн земля, несомненно изобиловавшая всевозможными чудесами. Но берег оставался пустынным в течение двадцати дней плаванья, пока прибрежные горы не стали высокими и кругловершинными и не оделись в зеленый ковер густейших лесов. В знойные часы дня от них шел одуряющий запах, круживший голову. Словно все драгоценные ароматы смешались и пропитали тяжелый воздух. Леса подползали к берегу, редкостные обезьяны гуф и киу во множестве скакали по ветвям и спускались на землю, привлеченные видом судов.

Тут обнаружилась новая беда — в днищах кораблей образовались большие дыры. Какие-то морские черви источили крепкое дерево, и оно стало распадаться при ударах волн или трении о песок во время причалов.

Испытанные во всех опасностях, избежавшие стольких смертей, путешественники впали в безысходное отчаяние.

Единственным крепким мостиком, связывавшим их с далекой родиной, были корабли — залог возвращения. Без кораблей на чужих берегах края земли, в безмерной дали от Черной Земли — как смогут они вернуться, как найдут покой смерти в Та-Кем? Починяя разваливающиеся корабли, экспедиция продолжала путь.

И вот, наконец, гигантские деревья неслыханной, невообразимой высоты подошли близко к морю. Устье большой реки обозначилось пятном темной воды, вторгшейся в сине-зеленые волны Великой Дуги. Тысячи синих птиц с длинными носами покрывали воду

у берегов, розовые тучи фламинго светились на солнце, белые цапли сновали повсюду, и белые пеликаны отдыхали, покачиваясь на глади широкой открытой бухты.

Корабли обогнули небольшой плоский мыс, и тут перед глазами путешественников предстало все то, о чем они мечтали в бурных волнах моря или на мертвых берегах под молчаливыми звездами все бесконечно долгие дни невероятного пути.

Большое селение раскинулось на плоском берегу моря. Круглые дома с коническими крышами из тростника стояли на высоких сваях, под сенью отягченных плодами деревьев. Вдали, на склонах холмов, виднелись засеянные поля. Огромное стадо коз и коров с невероятно длинными рогами отдыхало в тени широколиственных толстых деревьев. Желтые вислюхие собаки бегали по берегу и лаяли на приближавшиеся суда.

Навстречу спешили толпой крепкие стройные мужчины в белых набедренных повязках и женщины в коротких белых платьях с одинаковыми узкими белыми лентами поверх длинных вьющихся волос. Цвет кожи незнакомцев был такой же, как у сынов Кемт.

Затаив дыхание, они следили, как один за другим приближались и причаливали невиданные корабли.

Медленно подошел бородатый вождь с кинжалом за поясом, с множеством золотых браслетов на правой ноге.

Повинуясь его знаку, навстречу Баурджеду несли плоские корзины с грудями ярко-желтых и зеленых чешуйчатых плодов.

Так свершилась мечта народа Черной Земли, предвидение Джосера, воля Джедефры — экспедиция достигла сказочного Та-Нутер, или Пунта, после полутора лет беспримерного плавания. Страна была обширной, богатой благовониями и золотом, необычайно вкусные плоды доставляли обильную и разнообразную пищу.

Жители Пунта и в самом деле походили на сынов Кемт и, несмотря на то, что не понимали их языка, гостеприимно приняли путешественников, которым и в самом деле показалось, что они прибыли в сказочную страну духов счастья. Но то было лишь первое впечатление после многих месяцев борьбы с морем и пустынями, со страшными силами Великой Дуги.

Баурджед хорошо запомнил, как однажды, в ответ на его восхищение страной, кормчий Уахенеб сердито сказал, что высокие сановники в Кемт и здесь, в Пунте, не хотят видеть страданий простых неджесов — бедняков. А Пунт, по мнению Уахенеб, только тем и отличался от Черной Земли, что здесь не было армии чиновников, но зато во главе каждого рода стоял свой вождь, притеснявший своих подданных по своим собственным законам, иными словами, без всякого закона.

Скоро Баурджед сам убедился в этом. Легенда о счастливой стране развеялась дымком костра на морском берегу. Очень не хотелось возвращаться с такой вестью на родину, всегда, с очень древних времен видевшую в Пунте страну мечты, страну надежд народа на хорошую жизнь.

Оставалось узнать край Земли на Великой Дуге, и эта задача казалась легкой: так далеко уплыли корабли Баурджеда, что никто не сомневался в близости Пунта к окраине мира. Теперь они достигнут ее даже по суше и без своих источенных червями судов.

Полгода экспедиция знакомилась со страной духов, изучала обычаи и язык, узнавала дороги, вела торговлю, меняя оружие, ткани и украшения на золото и ароматные смолы деревьев Пунта. Потом настало время идти на поиски края суши. Лишь после выполнения этого следовало думать о возвращении.

Но больше трех лет пришлось еще пробыть в этой далекой стране, а пределы суши так и не были достигнуты.

Оставив наиболее искусных людей на берегу для постройки новых судов, Баурджед послал отряд на запад, а сам отправился на юг с основными силами оставшихся воинов, используя в качестве вьючных животных маленьких пестрых быков с длинными рогами. Но на восьмом дне пути тяжелая лихорадка свалила Баурджеда. Его отнесли обратно в прибрежный город, а экспедицию вместо него повели начальник воинов Имтоур и кормчий Уахенеб.

Баурджед поник головой и печально посмотрел на фараона. Лучи заходящего солнца осветили его лицо с запавшими щеками, глубокие тени легли вокруг глаз и рта печатью бесконечной усталости. Длинное повест-

вание, цепь потрясающих воспоминаний измучили путешественника.

Баурджед приподнялся и достал из принесенной с собой шкатулки несколько свертков, которые с низким поклоном подал фараону.

— Дальше мой рассказ не может быть полным, — тихо проговорил он, — я был между жизнью и смертью много месяцев, а потом сделался слабее недавно родившегося младенца. Вот здесь писцы, по моему приказанию, записали все то, что случилось с нами в попытках достичь края земли. Я осмелюсь предложить эти книги их величеству, жизнь, здоровье, сила...

Хафра недовольно сдвинул брови.

— Мы слышали от тебя так много чудес, — прозвучал металлический, ясный голос фараона, — и хотели бы узнать скорее конец путешествия. Соберись с сердцем, отдохни в моем дворце и перед ночью продолжишь рассказ. Помни, что я еще не слышал от тебя самого главного...

Удивленный словами фараона Баурджед покорно дал себя отвести в маленькую угловую комнату. Там путешественник лежал в одиночестве, наслаждаясь прохладой. Перед его закрытыми глазами без конца проплывали видения из далекого мира, потревоженные в памяти длинным рассказом. Баурджед не мог заснуть, размышляя о том, чего же хочет от него фараон, и вспоминая недавний разговор со старым жрецом Тота.

Наступила ночь, когда его снова позвали к фараону.

Слабое мерцание светильников в глубине обширного балкона не мешало свету ярких звезд. Часто сбиваясь и путаясь, Баурджед поспешил окончить фараону отчет о своей экспедиции.

Он рассказал о том, как западный отряд достиг огромного пресного моря⁸², переплыть которое они не смогли и возвратились.

На обратном пути отряд прошел мимо исполинской горы, ушедшей в глубину неба своей двуглавой вершиной чистейшей сверкающей белизны⁸³. Со склонов горы сползали вниз, в долины, пласты необычай-

но холодного голубого камня. Этот камень был прозрачен и в руках превращался в воду, исчезая без следа.

Баурджед говорил о деревьях чудовищной высоты, касавшихся своими верхушками звезд, о других деревьях, более низких, но толщиной превосходящих всякое воображение.

Миллионы злобных мух и разноцветных муравьев терзали путников.

Необозримые стада антилоп, свирепых быков, слонов, жирафов теснились на просторах степей, на опушках темных лесов... Тысячи зверей, похожих на больших ослов, дико раскрашенных в черные и белые полосы, бешено пронеслись перед путешественниками, черные чудовища с рогами на носу и на лбу бросались из-за кустов с ужасающей свирепостью.

Разные народы встречались путешественникам, разные оттенки кожи, звучания непонятных языков, разные виды оружия — все перемешалось в их памяти.

Отряд, направленный на юг, шел бесконечно долго, пока не достиг высоких гор. На тех горах росли мрачные леса из деревьев с иголками вместо листьев⁸⁴. По ночам все деревья светились пугающим синеватым светом. Там же видели светящихся зверей, и, страшно сказать, люди стали светиться сами, покрываясь как бы одеждой из холодного огня. Этот свет предвещал ужасные грозы, нещадно крушившие все вокруг, избивая людей, ломая деревья и зажигая леса⁸⁵.

В страхе отряд поспешно пересек горы и пришел к большой реке, равной самому священному Хапи.

Здесь жили люди со странным серым цветом кожи, искусные в скотоводстве и выделке оружия.

Посланцы Баурджеда долго жили здесь, познакомились с языком серых людей и смогли узнать о пути дальше на юг. Оказалось, что край суши невообразимо далек, никому не известны его пределы. Местные жители уверяли, что дальше на юг, за горами и лесами, идут просторы степей с голубыми травами⁸⁶. Там, на юге, холоднее, чем здесь, и живут воинственные племена. Воины их бегают быстрее антилоп и бросают копыта дальше, чем летит стрела.

⁸² Озеро Виктория.

⁸³ Гора Килиманджаро.

⁸⁴ Дерево виддрингтония.

⁸⁵ Скопления атмосферного электричества, частые на высоких плоскогорьях Африки.

⁸⁶ Степи Южной Африки.

Несмотря на предупреждения об опасности, Имтоур и Уахенб направились на юг от реки, стремясь во что бы то ни стало выполнить волю фараона.

В кровопролитных сражениях отряд быстро лишился лучших, испытанных, сильных воинов и поспешно отступил назад, не выполнив намерения. Погиб сам начальник Имтоур, был ранен Уахенб, из семидесяти человек к большой реке вернулось всего четырнадцать.

Баурджед говорил, как долго томился он в чужой стране, ожидая возвращения посланных им отрядов. Сто три человека, закаленных годами тяжкого пути, не боявшихся ни необъятного моря, ни зверей, ни людей, исчезли, растворились в просторе огромного, поистине бесконечного мира.

Едва оправившись, Баурджед двинулся на поиски южного отряда, собрав всех способных к походу людей.

Волею богов им удалось встретить маленькую группу сынов Кемт, пробивавшихся на север, к Пунту. Едва живые, поведали они начальнику, что пределы мира так и остались непознанными. Стало ясно только одно — земля на юг простирается на такое громадное расстояние, перед которым вся страна Кемт не более маленького островка в дельте Хапи. Пройти до конца суши можно только с тысячами воинов, и на это потребуются десятилетия...

Строители кораблей, оставшиеся на берегу, приготовили три корабля, давно уже бережно сохранявшиеся в тростниковом сарае на уступе берега.

Эти корабли были выстроены по-новому — опыт борьбы с волнами Великой Дуги не прошел даром. Высокие и прямые носы закрыли досками твердого дерева, крепкая палуба не имела ни одного отверстия, не закрывавшегося плотными крышками. Рули поместили на высокой подставке, защищенной от волн, днища кораблей были обиты тонкими листами золота, чтобы избежать разрушения дерева от морских червей.

Но все уцелевшие спутники Баурджеда помещались на одном корабле. Два других некому было вести. Напрасно пытался Баурджед уговорить вождей

Пунта дать ему гребцов, напрасны были и попытки соблазнить кого-нибудь щедрыми посулами. Все жители Пунта наотрез отказались покинуть родину.

Пришлось идти на одном корабле, несмотря на всю опасность такого плавания. После четырех с лишним лет пребывания на суше люди Баурджеда с радостными возгласами спустили корабль в объятия Великой Дуги. Сейчас ее волны были легкими, весело и ласково бежали они из безбрежной дали неведомого. Корабль нагрузили тысячью больших колец золота и серебра, уложили двадцать толстых стволов черного дерева, пятьдесят огромных слоновых клыков, пятьсот мер драгоценных благовоний, шкуры и рога необычайных зверей, перья невиданных птиц. Все это прибыло благополучно и лежит сейчас в сокровищнице обеих стран, у казначея бога.

Тяжел и долг был обратный путь, по нескольким месяцам приходилось стоять в ожидании благоприятных ветров. Но они пробились через бури и дожди, страшные зубы подводных скал, спаслись от громадных волн, были пощажены песчаными ураганами, чтобы повергнуть к стопам их величества все добытое в тяжких лишениях, сообщить познанное о великом и чудесном мире, простирающемся на юг от родной Кемт...

По знаку фараона все присутствующие покинули балкон. Остались только чати и верховный жрец Ра.

— Ты совершил неслыханные подвиги, — медленно заговорил Хафра, — перешел необозримые пространства, и сердце твоё крепче красного камня Врат Юга.

Баурджед склонился лбом к полу, почтительно внимая словам фараона.

— Но ты вернулся с малой добычей, потерял много храбрых воинов и умелых рабов, — продолжал фараон. — Чем же возвеличил ты божественное имя царей Кемт в далеких, посещенных тобою странах?

Баурджед молчал, ему нечего было отвечать.

Хафра помедлил, в то время как чати и верховный жрец одобрительно закивали головами.

— Я не порицаю тебя, — слова фараона тяжело падали на сердце путешественника, — ты выполнял волю моего божественного брата и не мог ничего знать

о переменах в Черной Земле. Иначе ты бы вернулся, едва достигнув Пунта, с богатой добычей и сам не подвергся бы лишениям в попытках достичь недостижимого. Мне нужно знать, много ли воинов потребуется, чтобы разбить эти южные страны, хороши ли будут рабы тех племен, много ли драгоценных камней можно взять оттуда для украшения моего храма. Ты еще ничего не сказал об этом.

Негодование стеснило грудь Баурджеда. Он только что пережил снова все величие широкого мира, и надменная самовлюбленность владыки вызвала в нем почти отвращение.

— Великий дом, сын Гора, — тихо ответил путешественник, — там много разных племен, не объединенных дружбой, и ни одно из них в отдельности не смогло бы противостоять огромному войску Кемт. Но южная земля так велика, и людей там, как песка в западной пустыне, — все войско, весь народ Черной Земли растворился бы в ней, подобно горсти соли, брошенной в воду. Мы не могли бы удержать завоеванного, ибо наша сила велика, покамест мы все вместе на нашей земле, как муравьи в муравейнике...

— Ты хочешь сказать, — гневно перебил фараон, — что мне и моему избранному богами народу не подвластны земли жалких негров? Вот как ты укреплял величие фараона в далеком Пунте!

— Сын Гора, жизнь, здоровье, сила, — поспешно ответил Баурджед, — я только хотел сказать, что мир так велик...

— Что вся земля Кемт перед ним не более островка в просторах Дельты? — быстро спросил Хафра.

Баурджед утвердительно наклонил голову.

— Может быть, и моя высота, которая станет больше всего, что было и будет создано людьми, покажется тебе лишь ничтожным холмиком? А может быть, ты посмел меня, бога и владыку мира, сравнить с презренными вождями презренных далеких племен? — последовали быстрые вопросы фараона.

Растерявшийся Баурджед прижался лбом к полу.

Фараон отгадал его мысли, еще не ясные и смутные, порожденные тоской по свободе и великому простору минувших лет путешествия.

Хафра замолчал и устремил неподвижный взгляд поверх головы Баурджеда, подняв и сжав челюсти.

С затаенным дыханием Баурджед готовился встретить новый удар судьбы. Прошло несколько томительных минут.

— Иди домой, — наконец заговорил Хафра, — завтра утром созовешь своих спутников и передашь им мое запрещение рассказывать сказки о твоём путешествии. Всякого, кто нарушит приказ, постигнет кара. И ты сам запомни мои слова...

Ошеломленный путешественник спустился с балкона, провожаемый молчаливыми взглядами двух первых советников владыки Та-Кем.

Ночная темнота сомкнулась вокруг Баурджеда, и так же темно стало в его душе, настоящее и будущее его жизни потерялось во мраке.

Победитель необозримых пространств побрел, спотыкаясь, по прямой пальмовой аллее к воротам дворца.

Сильные удары весел разбивали мутную воду Хапи. Три могучих негра-гребца быстро гнали вверх по течению легкую лодку. Под плетеным сводом навеса сидели двое. Это были Баурджед и старый Мен-Кау-Тот.

Суровое лицо жреца было печально, он говорил, не спуская глаз с жадно внимавшего ему Баурджеда:

— Тяжелы камни судьбы, и горе тому, кто очутился под ними. Но в темную ночь мудрый познает свое родство с безднами неведомого. Сердце его трепещет, а мысли ширятся...

Великое дело совершил ты, но суждено ему пройти без пользы для родины, исчезнуть до времени в сокровищнице тайной мудрости. Я предвижу падение жрецов Тота, предвижу худшие бедствия и падение могущества Кемт, если владыки его пойдут путем Хуфу и Хафры. Горько, что нет ныне человека, подобного премудрому Имхотепу, ибо сила фараона возросла величайшим образом. Народ Черной Земли стал былинкой, распластанной под копытом быка...

Мен-Кау-Тот тяжело вздохнул, меряя глазами уходящую вдаль долину, словно стараясь разглядеть будущее.

— Знай же, — помолчав, снова заговорил жрец, — что фараон приказал сжечь все записанное твоими писцами о путешествии. Мало того, в храме Джедефры

была доска черного гранита с перечислением дел отошедшего фараона. Там было написано и о том, что он послал тебя разыскивать Пунт и край Великой Дуги. По приказу Хафры надпись стерта, твое имя уничтожено, и теперь ничто не передаст векам свершенного тобою подвига. Твои гребцы и воины отосланы надолго к озерам Змея, Уахенб исчез.

Но народ — он не забыл тебя и продолжает прославлять тебя в песнях, новые сказки о тебе передаются из уст в уста в городах и селениях. Вот почему, пока гнев Хафры не обрушился на тебя всей силой, я посоветовал тебе укрыться во дворцах Тота. Давно уже фараон разыскивает их, но никогда не найдет, ибо верны слуги бога мудрости. Там искусные резчики смогут запечатлеть навеки на твердом камне описание твоего путешествия, а ученые жрецы запишут все, что познал ты в странствованиях по далекому югу. Так в поколениях людей сохранилась память о могуществе и знаниях жрецов Тота. Отойди от жизни на время, пока не загладится смятение, внесенное тобой, под подошвой Великой пирамиды. И гробница твоя сохранится для тебя, и пляска Муу⁸⁷ будет совершенна перед ее дверью. Те твои спутники, которые вяли голосу мудрости, тоже будут целы...

— Как мне благодарить тебя, отец мой, — взволнованно произнес Баурджед, — сколько раз я уже шел по путям твоей мудрости, и все сбывалось, как ты говорил. Прими же в дар прекрасную память далекого мира, которую сохранил я для себя во всех испытаниях...

Баурджед порылся в складках одежды и извлек оттуда плоский обломок камня, величиной с наконечник копья, с округлыми краями. Камень был тверд, чрезвычайно чист и прозрачен, и его голубовато-зеленый цвет был неописуемо радостен, светел и глубокий, с теплым оттенком прозрачного вина. Зеркальная поверхность камня была отполирована, видимо, рукой человека.

— Его доставил Уахенб, — продолжал Баурджед, протягивая сверкающий камень жрецу, — с берегов большой южной реки. Такие камни добывают далеко на юге те, кому удастся пройти мимо свирепых племен. Для меня он олицетворяет сияющую даль Великой

Дуги, увидев которую хоть раз, забыть уже нельзя...

Мен-Кау-Тот взял камень с едва заметной улыбкой и сказал:

— Мне, слуге Тота, не нужно ничего. Но мы спрячем камень в сокровищнице Тота, среди других вещей, ибо сейчас ему лучше сохраняться не у тебя.

Баурджед согласно наклонил голову и устремил спокойный взгляд на гладь реки.

За кормой лодки убежал назад к далекому городу Белых Стен струйчатый узкий след. Он живо напомнил Баурджеду широкие полосы, взборожденные его кораблями в просторах неведомых морей. Сколько раз, тоскуя по родине, он часами следил за разматывавшейся нитью пенного следа, растворявшегося в дали, отделявшей его от Черной Земли.

А сейчас на родной реке этот след от лодки, такой маленькой, быстро исчезает на гладкой воде. Это все, чем окончились его мечты и стремления, думы, выношенные за пределами знакомого мира, надежды, заботливо оберегавшиеся в грозных опасностях...

В неторопливых беседах с Мен-Кау-Тотом шло время плавания вверх по Хапи. Путники торопились. Останавливаться в селениях они избегали, и только изредка лодка причаливала к ступени какого-нибудь одинокого бедного храма, стоявшего на берегу. Там брали они припасы и подкреплялись вином.

На пятый день пути, на рассвете, лодка вошла в лабиринт маленьких зеленых островков, разделенных узкими протоками чистой воды. В полутьме, между высокими папирусами, лодка, поворачивая то направо, то налево, углубилась в непроницаемую стену болотных зарослей. За ней оказался тихий залив с чистым песчаным дном. Лодка причалила. Мен-Кау-Тот в сопровождении Баурджеда вышел и медленно направился по едва заметной тропинке, подымавшейся к прибрежным скалам.

Солнечные лучи, вспыхнув, осветили верхний край обрыва, у подножия которого еще лежал полумрак. На мгновение в этом полумраке мелькнули две фигуры в белом и исчезли...

По ту сторону узкого и длинного ущелья в скалах, ничем не отличавшегося от тысяч ему подобных, оказалась замкнутая в голых опаленных утесах долина. В центре ее возвышался плоский бугор, окаймлен-

⁸⁷ Пляска Муу — ритуальный танец при погребении.

ный зелеными кустами. Двойное кольцо наполненных водой оросительных канав окружало холм.

В долине было душно и безветренно, тусклое марево поднималось от черных блестящих скал вокруг.

На противоположной стороне долины виднелось небольшое ущельице. Мен-Кау-Тот уверенно направился к левой стороне холма, раздвинул густую заросль и вскарабкался на вершину. Баурджед последовал за стариком.

Резкий крик священной птицы Тота пронесся по долине. Перед пришельцами выросли неведомо откуда взявшиеся четыре громадных негра, вооруженных до зубов. Они почтительно приветствовали старого жреца и помогли спуститься к подошве холма на его противоположную сторону. Несколько старых сикомор росло здесь, отбрасывая густую тень на склон, в котором Баурджед заметил высеченный прямо в скале ход.

В прохладной темноте, по длинному и высокому коридору жрец и Баурджед проникли в круглое подземелье. Вокруг в стенах, разделенные равными промежутками, виднелись узкие, как щели, входы, числом девять. Мягкий свет падал откуда-то сверху, — очевидно, подземелье сообщалось с поверхностью холма.

Более двадцати жрецов, низко кланяясь, вышли встретить Мен-Кау-Тота и путешественника. Трое из них, по-видимому старшие, выступили вперед.

— Приветствуем тебя, отец мудрости, — заговорил один, маленького роста. — Давно мы поджидаем тебя, и все приготовлено по полученным указаниям! — Жрец повернулся и знаком отпустил всех остальных.

Трое старших повели новоприбывших вокруг зала в девятый, последний вход. Узкий пустой коридор был наглухо перегорожен каменной плитой. Сопровождавшие жрецы постучали по стене, плита была поднята скрытым где-то вверху механизмом. Они вошли в продолговатую большую комнату, обрамленную колоннами из гранита. Между колоннами были закреплены гладкие плиты черного дибаза, без всяких писмен или изображений. Посредине стояла статуя Нссатого, бога Тота, на высоком пьедестале. В ногах статуи Баурджед заметил плоскую чашу.

— Осмотрись, сын мой, — сказал Баурджеду Мен-Кау-Тот, — в этом убежище тебе придется пробыть до времени. Видишь, готовы плиты из камня вечно-

сти. На них неизгладимо будет вырезана вся повесть о твоём путешествии, и сохранится она в веках. Воздадим же хвалу великому богу мудрости, обучившему людей языку и письму, возвысившему нас, его верных слугителей. Пусть твой камень из недостижимо далеких стран юга будет смиренным даром бо-жеству и сохраняется навеки перед его очами. — И Мен-Кау-Тот положил сверкающий обломок кристалла на медную чашу в ногах статуи.

Потянулась бесконечная вереница медленных дней, как капли тягучей смолы, истекавшей из деревьев на жарких берегах Лазурных Вод, палимых безжалостным солнцем. Так не похожа была теперешняя жизнь Баурджеда на всю прошлую, что путешественнику она казалась лишь преходящим забвением, подобным тому, какое наступало после тяжелого приступа лихорадки...

На восходе солнца жрецы шли купаться к реке, предводительствуемые Мен-Кау-Тотом. Они выступали лениво и важно, как это могут делать лишь люди, чьих жизнь ни разу не заставляла спешить. После легкого омовения процессия так же неторопливо возвращалась назад, и люди, поев, принимались за дело.

Баурджеда усаживали в прохладном подземелье, напротив высоких светильников, рядом с сидевшими, поджав ноги, опытными писцами. Снова и снова записывались все подробности путешествия, какие только мог вспомнить Баурджед. Затем его отправляли отдыхать, а совещание жрецов вновь прослушивало записанное и решало, что следует включить в вечную надпись на камне.

В большом зале началась работа. Каменотесы протягивали ряды параллельных шнурков, прочерчивая и разграфляя по ним гладкую поверхность дибаза. Но медленная и тщательная разметка плит оказалась маленьким делом по сравнению с чудовищным трудом высекания писмен. Коптящее пламя светильников нагревало воздух подземелья, и рабочие-резчики обливались потом и задыхались, трудясь утром, днем и вечером, получая лишь короткое время на сон.

Измазанные копотью и покрытые каменной пылью лица были угрюмы, люди молчаливо терпели тягость

работы, подчиняясь угрожающим окрикам и жестам наблюдавших за работой жрецов. После того как искусные чертежники вырисовывали мелом письмена, резко выделявшиеся на черной стене, их место на мостках занимали рабы с бронзовыми зубилами и тяжелыми медными молотами. Они грубо выдалбливали середину очерченных контуров, неистово борясь с твердым и нехрустким камнем. Неверный удар мог испортить весь труд, и всю плиту пришлось бы делать снова. Поэтому рабы выполняли свою задачу под угрозой смерти — кара за порчу плиты была именно такова. Медленно, медленно, осторожно подвигалась работа. Время, количество человеческого труда, усилий, страданий не имели никакого значения.

После первой грубой обработки мастера-резчики с острыми зубилами и деревянными колотушками заканчивали вырубку контура. Им на смену шли снова художники, которые без молотков, одним усилием нажима рук, сглаживали резцами края углублений, добиваясь изящества и четкости линий. Наконец все изъяны и следы резцов стирались кожей с мелким песком и водой, полировались охряной землей — только тогда надпись была готова.

Баурджед никогда не представлял себе ранее, как велик труд по вырезанию надписей на камне, всегда восхищавших его своим изяществом, удивлявших точным подобием одних и тех же знаков, совершенно одинаковых во всей надписи.

Наблюдая неделю за неделей, месяц за месяцем чудовищную работу, путешественник ужаснулся. Время жатвы сменялось посевом, наводнением, снова жатвой, а стук молотков в мрачном подземном зале продолжался, прерываясь лишь поздней ночью. Иногда с мостков падал один из тружеников, сраженный истощающей работой. На другой день он или возвращался и продолжал труд, еще более согбенный, пошатываясь и полускрыв глаза, или же исчезал и заменялся другим.

Медленно и неуклонно, иероглиф за иероглифом, плита за плитой стены зала покрывались повестью о неслыханном путешествии Баурджеда.

Люди Черной Земли, не щадившие усилий на увековечение своей памяти, считали, что нужно во что бы то ни стало изготовить записи, способные противостоять

тысячам лет всеразрушающего времени. Они не могли подозревать, что их надписи, сохранившиеся действительно тысячелетия, с невероятными ухищрениями ума прочтенные потомками, доживут до времени такого могущества человека, что величайшие подвиги сынов Кемт не смогут поразить ничего воображения.

Как ни был мудр Мен-Кау-Тот, как ни велик был подвиг Баурджеда, разве могли они знать, что настанет время, когда путь из Белой Стены в страну духов будет совершаться беззаботными юношами по воздуху за время, недостаточное, чтобы выполнить обряд утреннего омовения; когда исчерпаются пределы мира на всей земле и люди, гораздо более могучие, чем страшные зверобог Черной Земли, обратят свои помыслы к путям между звездами. Ничего этого не подозревала ограниченная мудрость древнего человека, и первый дальний поход по океану казался неповторимым, невероятным подвигом.

Баурджед торопливо шел по тропинке через скалистое ущелье. Скоро он достиг берега реки, где в тихом, заросшем тростником заливе, он знал, были спрятаны лодки. Путешественник долго искал, раздвигая тростники и папирусы, пока не увидел, наконец, две лодки, укрытые в подмые берега, между зарослью колючих кустарников на берегу и стеной зелени в воде.

Баурджед выбрал маленький и легкий челнок.

Зеленая стена расступилась под напором изогнутого носа лодки и открыла сверкающий простор широкой реки. Северный ветер, ровный и прохладный, рябил поверхность воды. Энергично гребя веслом, Баурджед выбрался на середину реки. Лодка повернулась носом на север и быстро понеслась вниз, к далекой столице Черной Земли.

Позади остался тайный храм в скалах, где Баурджед провел несколько томительных месяцев.

Баурджед осмотрелся кругом с чувством выпущенного из мрачной темницы, грудь его расширилась, вбирая живительный ветер, сощуренные глаза впились в далекий горизонт пустынной равнины левого берега.

Путешественник положил весло, предоставив лодке, медленно крутясь, идти по течению, и задумался.

Хорошего не ждал он впереди, грозная неопреде-

ленность будущего отравляла ему радость возвращения в мир.

Но что бы ни было уготовано ему судьбой, Баурджед знал, что он больше не может скрываться в храме Тота. Месяцы, проведенные в молчаливых и прохладных подземельях, одинокие прогулки по маленькой долине среди скалистых теснин, чуждое ему общество жрецов с их постоянными секретами, таинственными разговорами вполголоса, отъездами неведомо куда... Жрецов, старавшихся даже самые простые житейские дела облекать тайной.

Баурджед за свою трудную жизнь скитальца научился верной оценке людских поступков и вещей, тому пониманию мира, которое дается жизнью. И вся эта жреческая таинственность более не казалась ему насыщенной святой и непогрешимой мудростью. Подчас она то смешила, то раздражала его.

Баурджед питал глубокое уважение к умному старому Мен-Кау-Тоту, но все яснее понимал, что никогда не сможет приобщиться к жизни жрецов.

Ему, видевшему необъятные просторы мира, победившему Великую Дугу, окончить свои дни в тесных подземельях!

Никогда он не сможет жить без своих верных спутников, отважных и способных на всякое дело. Теперь, пробыв почти год без них, он чувствует, как сроднился с ними за семь лет великого пути. С удивлением Баурджед понял, что даже рабы, сопровождавшие его в походе, ближе и дороже ему, чем важные жрецы Тота.

И, поняв это, он решил идти навстречу судьбе, как много раз ходил прежде, в реве моря и ветра, в зное солнца и блеске молний.

Несмотря на все уговоры Мен-Кау-Тота, путешественник покинул тайный храм, — и вот он на реке, на пути к людям и миру!

У Баурджеда не было никаких ясных планов. Он знал, что не может покинуть свою страну, хотя это и было легко ему, знавшему и Зеленое море, и восточные страны, и дали юга. Нет, в путешествиях он понял, как дорога ему родина.

Нет, он не покинет Черной Земли, не расстанется с родными, не бросит товарищей-спутников. Прежде всего ему надо разыскать их, хотя бы Уахенеба, этого

спокойного храбреца, сумевшего возвратиться из таких крайних пределов земли, которые даже самому Баурджеду казались недостижимыми. Он разыщет Уахенеба, вместе они соберут товарищей и попросятся на службу в низовья Дельты, в береговую страну Зеленого моря, или будут водить суда на острова, лежащие позади⁸⁸, и на восток, за лесом. Фараон не будет преследовать их, не занимающих высокого положения, удаленных от города и селений на границу страны...

Баурджед взял весло, выправил лодку и уверенно погнал легкий челн вниз по течению. Предстоит еще несколько дней пути, и придется позаботиться о пропитании. Но разве не блестит у него на пальце тяжелый перстень с именем фараона Хафры? А на левой руке есть два кольца золота⁸⁹, предусмотрительно надетых, как браслеты.

Туман белой пыли заполнял гигантскую выемку каменоломни. Грохот молотков, скрип деревянных салазок для перетаскивания глыб камня, крики надсмотрщиков сливались в непрерывный глухой гул.

В каменоломне не было ветра, и палящий зной казался особенно нестерпимым. Баурджед отер со лба пот и пошел вдоль проложенной к реке дороги, всматриваясь во всех попадавшихся навстречу.

Надсмотрщики застывали от удивления при виде Баурджеда — прогулка этого, по-видимому, знатного человека по каменоломне была неслыханным явлением. Навстречу путешественнику группа людей тащила тяжелую глыбу известняка, обмотанную веревками и укрепленную на деревянных салазках. Рабочие упирались то грудью, то спинами в пеньковые лямки, другие помогали им рычагами сзади. Салазки не должны были останавливаться, их было очень трудно сдвинуть с места. Люди, мокрые от пота, надрывались изо всех сил, вздох вырывался разом из нескольких грудей.

Один из передовых тянульщиков, шедший спиной к Баурджеду, внезапно перевернулся в своей лямке, подставив ей грудь вместо наболевшей спины. Путе-

⁸⁸ Позади — то есть на севере. Впереди — на юге. Так обозначали древние египтяне два основных направления.

⁸⁹ Денежная единица.

шественник не удержал восклицания — он узнал Уахенеба...

Бывший кормчий взглянул на своего начальника, угрюмо отвел глаза и крепче навалился на лямку. Но Баурджед спешил уже навстречу с поднятой рукой. Каменная глыба остановилась, двое подбежавших с бранью надсмотрщиков испуганно согнулись и отступили, когда Баурджед ткнул одному из них прямо в лицо перстень с именем фараона.

Уахенеб, тяжело дыша, приблизился к Баурджеду, грязный, потный и недоумевающий.

— Сколько здесь еще твоих товарищей, Уахенеб? — спросил Баурджед, не теряя времени на объяснения.

— Здесь Нехеб-ка и Антеф, Ахавер и большой Нехси и другие, тебе известные, всего семнадцать человек, — торопливо прохрипел Уахенеб.

Баурджед знаком подозвал перетрусившего надсмотрщика, на лбу которого остался красный отпечаток имени фараона.

Спустя несколько минут вокруг Баурджеда столпились его бывшие сподвижники из простых неджесов. Изможденные лица засветились радостью, люди приветствовали своего начальника.

— Идемте, на реке ждет большая лодка! — нетерпеливо крикнул Баурджед и зашагал назад по широкой дороге к берегу.

Люди поспешили за путешественником, повинаясь ему беспрекословно, как в прежние дни.

Уахенеб догнал Баурджеда.

— Как тебе удалось освободить нас, господин? Разве великий дом...

— Вовсе нет, — перебил кормчего Баурджед, оглянувшись и продолжал вполголоса: — Я тоже в немилости и хожу под угрозой кары!

— Но как же тогда?

— Потому я и спешу. Здесь не знают меня, а перстень их величества дает мне власть... пока. Я разыскал твой дом, Уахенеб, и там узнал, что тебя схватили за смелые рассказы о стране духов и послали сюда ломать камень для великой пирамиды, что вместе с тобой были схвачены еще другие мои люди. Я достал лодку и прибыл сюда... там на веслах тоже твои друзья — вот смотри!

Гребцы уже махали им руками с реки.

Освобожденные каменотесы хотели вымыться, но Баурджед не позволил и велел усаживаться в лодку. Только когда они отчалили, Баурджед облегченно вздохнул.

— Что хочешь ты делать дальше, господин? — осторожно спросил Уахенеб. — До Белой Стены нам плыть вверх всего тридцать тысяч локтей, но ведь там скоро узнают...

— Мы не пойдем к городу, а поплывем вниз, к краю Дельты, на запад, к горе Рогов Земли. Там укроетесь вы все где-нибудь до времени, а я вернусь в город просить милости у великого дома — позволения нам быть в береговой страже или на кораблях Зеленого моря: Черной Земле требуется много дерева для построек!

— Я опасюсь за тебя и за всех нас, господин, — угрюмо проворчал Уахенеб. — По себе я узнал, как твердо сердце великого дома и его царедворцев. Плохо надеяться на их милость, и особенно нам, беднякам, на которых все большие люди смотрят, как на врагов.

— Напрасно так говоришь, Уахенеб, — нахмурился Баурджед, — я уверен...

Путешественник оборвал разговор, вглядываясь в берег. Неясный шум неся из каменоломен, большая толпа людей бежала к реке, а впереди мчались, путаясь в полах своих длинных рубах, несколько надсмотрщиков и два чиновника, начальствовавшие над работами.

— Погоня за нами! — взволнованно крикнул Баурджед.

Уахенеб покачал головой, глаза его загорелись, он вытянул шею, будто стараясь приблизиться к берегу. Его товарищи возбужденно вскочили, гребцы подняли весла.

Шум разрастался, гулко раскатываясь по реке. В пыли на берегу мелькали неясные фигуры бегущих, кое-где воины взмахивали копьями и, окруженные со всех сторон, падали. Кучки дерущихся таяли и рассыпались и опять возникали в другом месте.

— Это мятеж, господин! — воскликнул Уахенеб. — Неугасимо горит пламя гнева в согнутых тяжелой рабо-

той, не знающих вещей⁹⁰, осужденных свирепо и безвинно... Придавлены они силой, палками и угрозами, но жажда правды и свободы не умирает. Видишь, маленькой причины достаточно, чтобы всколыхнуть толпу. Сюда, к нам, явился ты и освободил нас, смутил надсмотрщиков и воинов, разъярил всех рабочих. И вот, видишь, они тоже хотят освобождения.— Кормчий встал на колени на дно лодки и поднял умоляющий взгляд на Баурджеда.— Господин, ты храбр и справедлив, мы знаем тебя много лет... Там тоже наши товарищи, мы сроднились с ними. Так же, как и они, мы не ждем свободы и счастья от знатных правителей и беспощадных судей. Ты узнал, что в том далеком пути рабы оказались такими же людьми, как и мы, храбрыми и сильными, нашими товарищами. Так было и тут для нас, потерявших тебя, беззащитных и осужденных. И мы все просим тебя, господин,— поверни лодку, возьми начальство над толпой. Ближе к Белой Стене есть еще каменоломня и рабочие дома. Мы пойдем туда, откроем их, число наше умножится, и придем мы в город, где мало сейчас войска...

— И что же дальше? — встревоженно спросил Баурджед.

— Весь бедный народ, стонущий под пятой великой пирамиды, пойдет с нами. Мы разгоним воинов, уничтожим чиновников, разобьем дома больших людей... Ты тоже был большим, ведомы тебе пути и склады оружия, и можешь ты управлять военной силой! — Уахенеб замолк вне себя от волнения. Другие освобожденные спутники Баурджеда согласно закивали головами, все глаза были устремлены на путешественника.

Баурджед беспомощно огляделся.

Толпа на берегу все увеличивалась, воины и чиновники исчезли, сотни рук делали призывные жесты лодке, неясные крики становились все громче, и путешественник разобрал имя Уахенеба.

Никогда не думал бывший казначей фараона о возможности мятежа. Подняться против божественной власти казалось ему высшим преступлением. С детства

⁹⁰ Не знающий вещей — египетский термин, означавший бедняков.

воспринятые им поучения повторяли только одно,— что завистливые и неумелые бедняки всегда враждебны богатым и знатым, олицетворяющим добро и правду. «Не пристрастен тот, кто богат, ибо он владыка вещей, не имеющий нужды»⁹¹ — таково было любимое изречение его отца.

В своих скитаниях Баурджед узнал нужду, увидел величие человека в простых людях. Все это пошатнуло первоначальное воззрение знатного царедворца на жизнь. Но мятеж! Встать во главе грязных бедняков и рабов, вести их на столицу, на дворцы приближенных фараона, может быть, на самого владыку... Нет, это невозможно! Баурджед отстраняюще выставил вперед руку.

— Нет, Уахенеб, я этого не могу сделать. И без того всех нас обвинят в том, что мы дали разъяриться толпе. Надо плыть скорее вниз, укрываться и дальше делать, как я сказал!

Лицо кормчего замкнулось и сделалось непроглядно суровым.

— Тогда, господин, верни меня на берег. Я не верю в милость великого дома и не могу оставить тех, кто долгое время делил со мной и труд, и голод, и побои. Я пойду с ними... А вы? — властно обернулся Уахенеб к остальным товарищам.

— Мы с тобой! — без раздумья ответили четырнадцать человек, только трое отделились и умоляюще взглянули на Баурджеда.

— Ты погибнешь, Уахенеб! — резко вскричал изумленный и возмущенный Баурджед.

— И ты, господин, тоже,— спокойно, с оттенком печали отозвался кормчий.— Прощай, ты был хорош для нас и мог бы сделаться хорошим для всей Черной Земли... Прикажи править к берегу, господин!

Плотная толпа сгрудилась вокруг выскочивших на пристань бывших спутников Баурджеда, приветствуя их восторженным воплем.

Уахенеб пристально посмотрел прямо в лицо своего начальника, и в глазах старого кормчего Баурджед прочитал последний вопрос, мольбу и тоскливую тревогу.

— Они пойдут за мной,— тихо сказал Уахенеб,—

⁹¹ Подлинный текст.

и я знаю, где правда, но не знаю путей... Как прийти к другой, хорошей жизни, куда нанести удары?

— И я не знаю,— так же тихо ответил Баурджед,— и не верю, чтобы это могло быть...

— А я верю. Мы можем погибнуть, но погибнем все вместе. И товарищи простят мне мое незнание, если до конца я буду с ними...— Кормчий замолк и вдруг встрепнулся, словно вспомнив что-то: — Где хранится оружие для новых воинов в городе? Скажи мне это, господин, и мы всегда будем хорошо вспоминать тебя...

— В большой кладовой около сокровищницы бога, рядом с улицей Кузнецов,— без колебания ответил Баурджед.— Ты узнаешь этот дом по красной и белой полосе сверху стен, под крышей...

Уахенеб поклонился начальнику.

Баурджед вздохнул и знаком велел гребцам оттолкнуть лодку.

Внезапно четыре гребца — все товарищи по плаванию в страну духов — выпрыгнули на пристань.

Баурджед сделал вид, что ничего не заметил. Весла схватили трое из оставшихся. Лодка отчалила.

Мятежники, окружившие Уахенеба и внимательно слушавшие его, не обратили внимание на отъезжавших. Чувствуя себя усталым, Баурджед опустился на кормовое сиденье.

И опять, как тогда, давно-давно, при разговоре с Уахенебом о повелении фараона идти в страну духов, тоскливое недовольство собой и стыд овладели Баурджедом. Словно опять его кормчий оказался в чем-то выше его, более мужественным и более правым.

— Достойный Мен-Кау-Тот, помнишь, как ты мудро остерегал нашего гостя?

— Говори дальше! — воскликнул старый жрец.— Скажи все, что узнал ты в Белой Стене.

— Баурджед освободил сосланных в каменоломни, разъярил толпу. Мятежники дошли до города, захватили его окраины. Во главе были спутники Баурджеда, которым он повелел начальствовать бунтовщиками. Они захватили оружие, но победа их длилась недолго. Мятежники разбрелись, а воины фараона, стража хра-

мов и молодые джаму⁹² соединили свою силу, истребив всех порознь. Сам Баурджед скрылся в Дельте, но почему-то вздумал вернуться. Мятежник из Дельты в руке бога⁹³, и теперь он исчез без следа и слова.

— Проходит жизнь мятежника на земле, не продлится она,— мрачно пробормотал старый жрец,— бьет бог грехи его кровью его!⁹⁴ Не ожидал я, что Баурджед окажется зачинщиком мятежа... Впрочем, он отдал нам все, что имел, исполнил свое назначение и более не был нужен. В великой тайне будем мы хранить все записанное. Будет открыто оно только тому властителю, которого найдем и направим по нашим путям.

— Истинно так, мудрый Мен-Кау-Тот. Да не воспользуются знанием служители Ра и Пта, не будет и простой народ пленяться рассказами о свободной жизни. Все будет сокрыто в наших подземельях!

Но мудрый верховный жрец ошибся.

По-прежнему в хижинах бедных землевладельцев, казармах воинов, храмовых сторожках, рабочих домах рассказывалась повесть о великом и отважном путешествии сынов Кемт. Неведомые певцы из народа слагали все новые песни, вплетая в действительность исконные мечты о справедливости и свободе, дополняли повесть тем, что хотелось бы всякому видеть в своей настоящей жизни. И все большее число умов начинало задумываться над поисками путей к правде и сомневаться в божественности величия фараонов.

⁹² Джаму — добровольцы-воины из знатной молодежи и богатей.

⁹³ Подлинный текст.

⁹⁴ Подлинный текст.

ЭЛЛИНСКИЙ СЕКРЕТ

Рассказ

— Я очень благодарен всем вам,— тихо обратился к собравшимся профессор Израиль Абрамович Файнциммер, и запавшие темные глаза его засветились.— В трудные дни войны вы не забыли о моем скромном юбилее... В благодарность я расскажу вам один замечательный случай недавнего времени. Мы, ученые, не любим раскрывать еще не подтвержденные многими фактами теории, или еще хуже — факты, не нашедшие объяснения, поэтому примите рассказ, как знак моего уважения и доверия к вам.

Вы знаете, что я посвятил свою жизнь исследованию человеческого мозга и работы психики. Но не с одной стороны, не в рамках одной узкой специальности подходил я к этому интереснейшему разделу науки, а старался охватить деятельность и строение мозга во всей его сложности, как мыслительного аппарата. Был я прилежным анатомом, физиологом, психиатром и прочая, пока не основал своего направления — психофизиологии мозга. Последние годы я усиленно работал над выяснением природы памяти и, должен сознаться, сделал мало, уж очень тяжела эта задача. Пробираясь ощупью среди хаоса необъяснимых фактов, бродя, как в потемках, в сложнейших взаимосвязях нервных клеток мозга, я собрал лишь отдельные, ставшие ясными, крупницы, еще не будучи в силах создать из них достоверный фундамент учения о памяти. Попутно я натолкнулся на ряд явлений, которые еще очень темны, и я даже не пытался сообщать о них в печати. Эти явления я назвал памятью поколений, или геной памятью. Не буду представлять вам доказательства, а скажу только, что по наследству передается ряд довольно сложных, бессознательных, иногда вполне автоматических действий нервного механизма животного. Инстинкты и сложные рефлексы не могут, по-моему, быть только в подкорковых, низших, центрах мозга. Здесь обязательно принимает участие

кора, — следовательно, весь механизм гораздо сложнее, чем это представлялось до сих пор. Упрощение механизмов инстинктов — крупнейшая ошибка современной физиологии. Но это еще не память, память стоит много выше в цепи все усложняющихся организаций, ведающих восприятием и осмыслением окружающего мира. Как и принято современной наукой, память не наследственна, то есть те отпечатки внешнего мира, которые хранит в себе мозг и накапливает во все время жизни индивида, навсегда исчезают со смертью его и никак не обогащают, ничего не передают возникшему от этого индивида потомству.

Суть моего открытия заключается в том, что я нашел факты, доказывающие передачу некоторых отпечатков памяти по наследству, из поколения в поколение. Вы уж извините меня за длинное вступление, но вопрос настолько сложен, что я должен подвести вас к нему подготовленными, иначе мое необычайное вы без мистики и чертовщины себе никак не объясните. Не стоит усмехаться, это общая для всех, или для очень многих, слабость человеческой природы. Не вы первые, не вы последние факт достоверный, но совершенно для вас необъяснимый посчитаете сверхъестественным.

Продолжаю. Все вы замечали, но ни с чем не связывали факт, что, например, красота форм, будь то архитектурных, будь то местности какой-нибудь, будь то человеческого тела и так далее, чувствуется и в общем одинаково оценивается всеми людьми самых различных категорий развития и воспитания. А дайте вы проанализировать эту красоту соответствующему специалисту: зданию — архитектору, ландшафт — географу, тело — анатому, — тот сразу скажет, что красота есть совершенство в исполняемом назначении, совершенство целесообразности, экономии материала, прочности, силы, быстроты. Я и думаю, что опыт бесчисленных поколений дал нам бессознательное понимание совершенства, воспринимаемого в виде красоты, и это понятие отпечатывается уже в памяти, той бессознательной памяти, которая передается по наследству из поколения в поколение. Есть и другие примеры этой бессознательной памяти поколений, но о них говорить сейчас не буду.

В представлении современной науки, память гнез-

дится как бы в ячейках, создаваемых сложнейшими переплетами отростков нервных клеток, мозга, в течение индивидуальной жизни, жизни одного человека. Я добавлю, что некоторые из этих ячеек, поскольку окружающая нас природа в течение сотен веков в основных чертах одна и та же, возникали одинаково у всех людей из поколения в поколение и наконец стали передаваться по наследству. Вот эта бессознательная или подсознательная память поколений составляет общую всем нам канву нашего мышления, вне зависимости от образования и воспитания. Исследования в этом направлении очень трудны, и я еще не имею ни одного опытом доказанного факта.

Однако я иду дальше и допускаю, что в редких случаях комбинации ячеек памяти могут передаваться по наследству, сохраняя от жизни прошлых поколений память, как бы всплывающую на поверхность сознания.

Это известные, но обычно считающиеся недостоверными факты совершенно точного описания людьми тех мест, в которых они никогда не были; сны, воспроизводящие точную обстановку прошедших событий, никогда тоже не виданных и не слыханных, и многое такое же. Все подобные явления верующими мистиками и другими чудаками считаются за доказательство переселения душ, а ученые только пожимают плечами, по известной пословице об обезьяне, которой нечего сказать. Вероятно, есть люди с более обостренной памятью поколений, также и наоборот, с полным ее отсутствием.

Так вот, дорогие мои, сейчас, в дни великой войны, я неожиданно получил доказательства действительного существования памяти поколений. Война вынудила меня оторваться от чисто научной работы. Я не мог, по своему характеру, не принять непосредственного участия в медицинской работе Советской Армии и стал консультантом сразу в нескольких крупных госпиталях, где многочисленные контузии, шоки, психозы и другие травмы мозга требовали применения всех накопленных мною знаний.

Домой я попадал только к ночи. В своей квартире на Сретенском бульваре я обычно просиживал часа два в кресле перед письменным столом, отдыхая и в то же время размышляя о способах лечения

особо трудных ранений. Иногда записывал важные факты или рылся в литературе, охотясь за описаниями сходных клинических случаев.

Такое времяпрепровождение вошло у меня в привычку. С друзьями и товарищами-учеными я виделся редко, — поздние возвращения домой совсем не оставляли времени, а телефонных разговоров я очень не люблю и пользуюсь этим прибором только в самых крайних случаях. Мое необычайное подошло ко мне совсем незаметно, в такой обычный тихий вечер. В тишине, время от времени нарушаемой привычным мерзким лязгом трамвая, стройно шли одна за другой четкие мысли. Я думал о случае потери речи у одного старшего лейтенанта, контуженного миной. Когда только что начало вырисовываться будущее заключение, зазвонил телефон. Я не ждал звонка, в тишине и сосредоточенности вечера он показался мне настолько громким, что я дернул трубку, морщась от досады. Ухо врача отметило нервную напряженность голоса, осведомившегося, квартира ли это профессора Файнциммера. Затем произошел следующий диалог:

— Вы профессор Файнциммер?

— Я.

— Простите, пожалуйста, за поздний звонок. Я звонил пять раз днем, пока мне не сказали, что вы раньше одиннадцати не приходите.

— Ничего, я раньше часу не ложусь. Чем могу служить?

— Видите ли, меня направил к вам профессор Новгородцев. Он сказал, что вы единственный, кто может мне помочь. Он сказал еще, что я буду для вас интересным объектом. Я и подумал...

— Хорошо, кто вы?

— Я лейтенант, был ранен, недавно из госпиталя, и мне нужно...

— Вам нужно повидаться со мной. Завтра в два часа в первом отделении второй хирургической клиники. А, вы знаете адрес... Хорошо, спросите меня, и вас проведут.

Голос, застенчиво бормочущий благодарности, угас, и я повесил трубку. Имя моего друга-хирурга, не раз находившего очень важные для меня случаи заболеваний, говорило об интересном больном. Я попытался догадаться, что это может быть, потом оставил это за-

нятие как бесполезное, закурил и возобновил прерванное размышление о контузии.

Спецгоспиталь занимал прекрасное помещение, и я часто пользовался кабинетом главного хирурга для ответственных консультаций. В два часа я оказался в коридоре клиники и пошел вдоль огромных окон, по мягкой дорожке, прекрасно заглушавшей шаги. У последнего окна стоял человек с рукой на перевязи. Подойдя поближе, я разглядел сосредоточенное и измученное молодое лицо. Военная гимнастерка с отпечатками недавно снятых лейтенантских кубиков очень шла его подтянутой стройной атлетической фигуре. Раненый поспешно подошел ко мне и сказал:

— Вы профессор Файнциммер. Я сразу почувствовал, что это вы. А я тот, кто звонил вам вчера.

— Очень хорошо, идемте.

Я отпер дверь и провел его в кабинет.

— Давайте познакомимся, — и по своей обычной привычке, я протянул ему руку. Раненый лейтенант, смущаясь, подал мне левую руку (правая беспомощно висела на широкой перевязи защитного цвета) и назвал себя Виктором Филипповичем Леонтьевым.

Закурив сам, я предложил ему папиросу, но он отказался и сидел, наклонившись грудью вперед, в то время как длинные гибкие пальцы его здоровой руки нервно ощупывали резные украшения массивного стола. Я с профессиональной тщательностью внимательно изучал его внешность.

Правильное лицо, с тонким носом, густыми четкими бровями и маленькими ушами. Приятный рисунок губ, темные волосы и темно-карие глаза. «Впечатлительная и страстная натура», — подумал я и отметил виновато-смущенное выражение его лица, характерное для очень нервных или сильно больных людей. Пока я выжидательно смотрел на него, он взглянул раза два мне в глаза, сейчас же отвел взгляд и сделал несколько движений горлом, как бы проглатывая что-то. «Ваготоник», — мелькнуло в моем мозгу.

Наконец лейтенант заговорил, заметно волнуясь, тихим голосом, иногда слегка задыхаясь. Он улыбнулся, и я был очарован этой беглой, но какой-то особенно ясной улыбкой, совершенно снявшей вымученную хмурость с его очень молодого лица.

— Профессор Новгородцев сказал мне, что вы

давно изучаете разные, трудно объяснимые мозговые заболевания. Это, знаете, очень чуткий человек,— всю жизнь буду помнить о нем с благодарностью... Я сейчас в плохом состоянии — меня преследуют галлюцинации и нарастает какое-то дикое напряжение. Кажется, я вот-вот сойду с ума. Вдобавок бессонница и сильные боли в голове, вот тут,— и он показал на верхнюю часть затылка.— Разные врачи по-разному пробовали меня лечить, не помогло.

— Расскажите-ка мне историю вашего ранения,— потребовал я, и снова очаровательная беглая улыбка переродила его лицо.

— О, это вряд ли может иметь отношение к моей болезни. Я ранен осколком мины в сустав правой руки, но контузии никакой не было. Осколок разбил кость, ее вынули, когда-нибудь сделают пересадку кости, а пока рука болтается, как плеть.

— Значит, ни при ранении, ни после никаких явлений контузии у вас не замечали?

— Нет, никаких.

— А когда у вас началось такое особое психическое состояние?

— Недавно, так месяца полтора... Да, пожалуй, еще в госпитале, где я лежал, у меня вместе с выздоровлением все увеличивалось ощущение беспокойства. Потом оно прошло, а теперь вот что получилось. Из госпиталя я уже два месяца с лишним как вышел.

— А теперь расскажите мне — почему, как вы сами считаете, возникло ваше заболевание?

Лейтенант боролся с нарастающим смущением. Я поспешил прийти ему на помощь, строго заявив, что, если он хочет моей помощи, он должен дать мне как можно больше сведений. Я не пророк и не знахарь, а просто ученый, которому для решения любого вопроса нужна определенная фактическая основа. Пусть не стесняется, у меня есть сегодня время, и расскажет все подробнее. Раненый справился постепенно с застенчивостью и начал рассказывать, вначале запинаясь и с усилием подбирая выражения, но потом привык к моему спокойному вниманию и изложил всю свою историю даже, я сказал бы, с художественным вкусом.

До войны лейтенант Леонтьев был скульптором, и я, действительно, вспомнил, что видел некоторые его работы на одной из выставок на Кузнецком. Это были

преимущественно небольшие статуэтки спортсменов, танцовщиц и детей, выполненные просто, но с таким глубоким знанием природы движения и тела, которые присущи лишь подлинному таланту.

Художник и сам был порядочным спортсменом-плотцом. На одном из состязаний по плаванию он встретился с Ириной — девушкой, поразившей художника совершенной красотой своего тела. Глаза лейтенанта сияли глубоким внутренним восторгом, в то время как он рассказывал о своей возлюбленной, и я очень живо, даже с каким-то намеком на зависть, представил себе эту прекрасную молодую пару. Нужно иметь сердце влюбленного и душу художника, чтобы так живо, скромно и коротко рассказать о любимой девушке. Короче говоря, лейтенант совсем покорила меня и заочно очаровал своей Ириной.

С этой любовью, где гармонически сочетались восторг художника и радость влюбленного, к Леонтьеву пришло властное желание работы — приобщения всех людей к тому прекрасному чувству, которое было создано Ириной и им. Он решил сделать статую своей любимой и передать в ней весь блеск ее существа, весь огонь бьющей ключом жизни. Это, вначале смутное, желание постепенно оформилось и окрепло, пока наконец художник не был всецело захвачен своей идеей.

— Вы понимаете, профессор,— сказал он, наклоняясь ко мне,— в этой статуе было бы не только служение миру, не только моя идея, но и великая благодарность Ирине.

И я понял его.

Замысел художника оформился очень скоро — его любимая не разлучалась с ним, но Леонтьев долго не мог решить, какой материал взять ему для статуи. Призрачная белизна мрамора не годилась, и так же не соответствовала его идее резкая смуглость бронзы. Другие сплавы или мертвили воображение, или были недолговечны, а художник хотел сохранить векам расцвет красоты своей Ирины.

Решение пришло, когда Леонтьев познакомился с древнегреческими авторами, которые упоминали о недошедших до нашего времени статуях из слоновой кости. Слоновая кость — вот нужный ему материал, плотный, позволяющий выделить мельчайшие детали,

именно те, которые волшебством искусства создают впечатление живого тела. Наконец, цвет, совершенство поверхности и долговечная прочность,— да, этот материал стоил того, чтобы его искать.

Зная, что отдельные куски кости могут быть склеены без следов соединений, художник посвятил все свое время приобретению и подбору нужных кусков слоновой кости. Нужно сказать, что это был очень упорный труд: у нас в стране слоновая кость не в ходу. Возможно, что весь материал так и не был бы собран, если бы Леонтьев не получил помощи от своего друга-геолога, только что открывшего на побережье севера Сибири громадное кладбище мамонтовых бивней. Залегающие в вечном льду в обрывах береговых террас, бивни были так свежи, будто принадлежали животным, погибшим только вчера, а не двенадцать тысяч лет тому назад. Леонтьев быстро подобрал нужное количество превосходной кости и вернулся в Москву, полный желания немедленно приступить к работе.

Разразилась война и увела его далеко и от любимой, и от мира его чувств. Он честно выполнил свой долг; храбро сражался за все дорогое ему в родной стране, но через два месяца снова очутился в Москве после тяжелого ранения. Здесь его встретила та же Ирина — почти ничего не изменилось в ней, только глубже стала нежность к нему, раненому, да большую печальную веселость сменила задумчивая печаль.

Прежние мечты с новой силой захватили художника. Но теперь к ним примешивалась горечь сознания, что он с одной рукой не может создать статую, а если и попытается, то весь его творческий порыв растворится в трудностях техники исполнения, исполнения убийственно медленного. Вместе с тоской беспомощности явился страх: грозная разрушающая сила современной войны только теперь по-настоящему была осознана. Страх не успеть выполнить своего замысла, не уловить, не остановить момента расцвета сияющей красоты Ирины уже в госпитале заставлял его часто беспомощно метаться по постели или не спать ночами в цепях бесконечных дум.

Мысль металась в поисках выхода, беспокойство проникало в глубину сознания, и росло нервное напряжение.

Недели шли, и психический накал делался невы-

носимым. Что-то поднималось со дна души и билось в поисках выхода, неосознанное, большое. Леонтьеву казалось, что он должен что-то вспомнить, и тогда сразу откроется выход для бьющейся внутри силы, вернется прежняя ясность мира. Он мало спал, мало ел, ему было трудно общаться с людьми. Сон был некрепок — напряжение натянутой в мозгу струны и тут не покидало художника. Чаще вместо сна, в полубытии, скользили вереницы туманных мыслеобразов. Казалось, что еще немного — лопнет струна, vibrating в мозгу, и придет полное сумасшествие. Так, после нескольких попыток с другими врачами, Леонтьев пришел ко мне.

Я спросил, не было ли повторяющихся галлюцинаций, или, как он их называл, мыслеобразов. Лейтенант только покачал головой и сказал, что этот же вопрос ему задавали все другие врачи.

— Ну и что же из этого,— возразил я,— опорные точки у всех нас должны быть одинаковыми, раз мы пользуемся одной наукой. Но я задам вам этот же вопрос по-другому — постарайтесь вспомнить, нет ли чего-нибудь во всех ваших видениях общего, какой-нибудь основной связующей их идеи?

— Да, безусловно.

— Что же это?

— Мне кажется — древняя Эллада.

— То есть вы хотите сказать, что все картины, проходящие в мыслях перед вами, как-то связаны с вашими представлениями об Элладе?

— Да, это верно, профессор.

— Хорошо. Сосредоточьтесь, дайте спокойно течь вашим мыслям и расскажите мне для примера две-три из ваших галлюцинаций, наиболее яркие и законченные.

— Ярких много, а вот законченных нет, профессор. В том-то и дело, что любое мое видение как бы постепенно растворяется в тумане, ускользает и обрывается.

— Это очень важно, что вы сказали, но об этом потом, а сейчас мне нужны примеры ваших мыслеобразов.

— Вот одно из особенно ярких: берег спокойного моря в ярком солнце. Топазовые волны медленно набегают на зеленоватый песок, и верхушки их почти

достигают опушки небольшой рощицы темно-зеленых деревьев с густыми и широкими кронами. Налево низкая прибрежная равнина, расширяясь, уходит в синеватую даль, в которой смутно вырисовываются контуры небольших зданий. Направо от рощи круто поднимается высокий скалистый склон. На него, извиваясь, поднимается дорога, и эта же дорога чувствуется за деревьями рощи, позади нее... — Лейтенант замолк и посмотрел на меня с прежним виноватым выражением. — Видите, это и все, что я могу сказать вам, профессор.

— Отлично, отлично, но, во-первых, откуда вы знаете, что это Эллада, а по-вторых, не похожи ли видения, подобные только что рассказанному, на картины художников, воспроизводящих Элладу и ее воображаемую жизнь?

— Я не могу сказать, почему я знаю, что это Эллада, но я знаю это твердо. И ни одно из этих видений не является отражением виденных мною картин на темы древнегреческой жизни. А в деталях есть и похожие, есть и непохожие на общие всем нам представления, сложившиеся по излюбленным художественным произведениям.

— Ну, сегодня не стоит больше утомлять вас. Расскажите еще какой-нибудь другой мыслеобраз ваших галлюцинаций, и довольно.

— Опять каменистый высокий склон, пышущий зноем. По нему поднимается узкая дорога, усыпанная горячей белой пылью. Ослепительный свет в мерцающей дымке нагретого воздуха. Высоко на ребре склона видны деревья, а за ними высится белое здание с рядом стройных колонн над кручей обрыва. И больше ничего...

Рассказы лейтенанта не дали мне ни одной трещины в стене неизвестного, ничего такого, за что можно было бы зацепиться мыслью. Я распрощался с моим новым пациентом без чувства уверенности в том, что я действительно смогу ему помочь, и обещал дня через два, обдумав сообщенное им, позвонить ему.

Следующие два дня я был очень занят и, то ли веледствие усталости мозга, то ли потому, что заключение еще не созрело, не имел никакого суждения о болезни Леонтьева. Однако назначенный срок кончился, и вечером я, с чувством вины, взялся за трубку

телефона. Леонтьев был дома, и мне стыдновато было слышать, какая надежда сквозила в тоне его вопроса. Я сказал, что не смог еще в куче других дел как следует подумать, а потому позвоню еще через несколько дней, и спросил, видел ли он еще что-нибудь.

— Конечно, опять многое, профессор, — ответил Леонтьев.

Я попросил его рассказать тут же по телефону о наиболее ярком видении, и вот что услышал:

— Высоко над морем стоит белое здание, и кажется, что портик его с шестью высокими колоннами опасно выступает над обрывом. В стороны от портика разбегаются белые колоннады, полускрытые зеленью деревьев. К портику ведет широкая белая лестница, обрамленная парапетом из мраморных глыб, пригнанных с геометрической точностью. Верхний край парапета плавно закруглен, и под ним бегут четкие барельефы движущихся обнаженных фигур. На каждом уступе — широкая площадка, обсаженная кипарисами, и на ней статуи. Я не могу разглядеть эти статуи, мешает блеск ослепительного солнца на мраморных ступенях...

Кончив разговор, я откинулся в кресле и долго думал над странным случаем заболевания Леонтьева. Не нужно передавать вам всех моих попыток разрешения задачи. Они так же неинтересны, как и обычная цепь фактов нашего повседневного существования, неинтересны, пока не случится что-то, вдруг изменяющее все.

Такое и случилось. Ток мыслей замкнулся мгновенной вспышкой, в которой пришло сознание, что виденные художником в его бредовых картинах отрывки представляют собою кусочки одного целого в его постепенном развитии. А если это так, то... неужели я встретился с примером памяти поколений, сохранившейся и выступившей из веков именно в этом человеке?! Весь захваченный своим предположением, я продолжал нанизывать известные мне факты на внезапно появившуюся нить. Леонтьев жаловался на боли в верхней части затылка, а именно там, по моим представлениям, в задних областях больших полушарий, гнездятся наиболее древние связи — ячейки памяти. Очевидно, под влиянием огромного душевного напряжения из недр мозга начали проступать

древние отпечатки, скрытые под всем богатством памяти его личной жизни. И его навязчивое ощущение усилия вспомнить что-то, без сомнения, было отзвуком подсознательного скольжения мысли по непроявленным отпечаткам памяти. Как у художника, зрительная память у него была необыкновенно сильно развита. Это помогало проявляющимся кусочкам отражаться в мышлении в виде картин.

Найдя себе точку опоры, я продолжал еще и еще подкреплять свою догадку, но прервал рассуждения и с волнением снова взялся за телефон. Если мои рассуждения верны, то я сейчас услышу от Леонтьева именно то, что и нужно услышать. Если не услышу — все неверно и снова впереди гладкая непроницаемая стена неизвестного. Я забыл даже о позднем времени. Леонтьев по обыкновению не спал и сразу подошел к телефону.

— Это вы, профессор? — услышал я в трубке его по-обычному напряженный голос. — Значит, вы что-то решили?

— Вот что, известна ли вам ваша родословная?

— О, сколько раз меня уже спрашивали об этом? Насколько я знаю, у нас в роду нет сумасшедших, пьяниц и венериков.

— Бросьте сумасшедших, мне совсем не то требуется. Знаете ли вы, кто по национальности были ваши предки, откуда они, из какой страны? Вы должны быть южанином?

— Это так, профессор, но я не могу понять, как...

— Объясню потом, не перебивайте меня! Так кто же у вас в роду южанин?

— Я не знатная персона и точной генеалогии не знаю. Родители моего деда оба были родом с острова Кипра. Но это было очень давно. Дед переселился в Грецию, а оттуда в Россию, в Крым. Я и сам крымчак по месту рождения. Но зачем это вам нужно, профессор?

— Поймите, если моя догадка верна... — не скрывая своей радости, ответил я и договорился с Леонтьевым о приеме на завтра.

Лежа в постели, я еще долго размышлял. Задача была ясна, и диагноз верен, теперь нужно было усилить и продолжить проявление памяти поколений до какого-то важного для Леонтьева предела. Но что это за

предел, — Леонтьев, конечно, не знал, и я тоже не мог догадаться. Уже засыпая, я решил, что будущее само покажет.

На следующий день в том же кабинете и в прежней позе сидел Леонтьев. Его бледное лицо уже не было хмурым, и он безотрывно следил глазами за мной, пока я расхаживал по кабинету и посвящал его в свою теорию. Кончив, я опустился в кресло за столом, а он сидел в глубокой задумчивости. Я пошевелился, и Леонтьев вздрогнул, затем, глядя мне прямо в глаза, спросил:

— А не думаете ли вы, профессор, что и сама идея статуи из слоновой кости не случайно возникла именно у меня?

— Что ж, может быть, — коротко ответил я, не желая отвлекаться от пришедшего мне в голову способа дальнейшего выяснения воспоминаний Леонтьева.

— А не имеет ли то, что я должен вспомнить, отношение к моей статуе? — продолжал настаивать художник.

— О, вот это очень вероятно, — сразу отозвался я, так как слова художника как бы поставили точку в мыслях.

Моя догадка сильно подействовала на него. Может быть, он инстинктивно чувствовал правильность пути к разрешению загадки и сам уже помогал мне в поисках.

Мы условились, что Леонтьев постарается немедленно изолироваться от всех внешних воздействий. Запершись в своей квартире, в полутьме, он будет стараться сосредоточиться на своих видениях, а когда картины начнут исчезать, попробует их снова вызывать. Не бороться с ощущением необходимости что-то вспомнить, а, наоборот, усиливать его, возбуждая память некоторыми особыми лекарствами, по моим указаниям. В усилиях вспомнить нервное возбуждение может достичь опасного предела, но на этот риск придется пойти. О видениях и о своем состоянии Леонтьев будет сообщать мне по телефону вечером.

На этот раз лейтенант заторопился домой. Провожая глазами его стройную фигуру, я еще раз подумал о редкой привлекательности этого человека, который, неведомо как, стал мне дорог. Вечером, против ожидания, звонка не последовало. Слегка

беспокоясь, я собирался уже позвонить сам, но раздумал, решив не мешать одинокой сосредоточенности своего пациента. Однако меня грызло сомнение в безопасности изобретенной мной системы лечения, и когда на следующий вечер зазвонил телефон, я посмотрел на противный аппарат с облегчением.

— Профессор, вы, наверное, правы. Я вошел,— без предисловия сообщил мне Леонтьев, и в голосе его, как мне показалось, не чувствовалось нездоровой напряженности.

— Что такое? Куда вошли? — не понял я.

— Да в этот дом или дворец, ну в то белое здание на обрыве,— торопясь, говорил художник.— Конечно, все это, запоминающиеся мне так отчетливо картины, постепенно вводят одна в другую. Теперь я вижу, что внутри этого здания. Это большая комната или зал. Вместо двери широко распахнутая медная решетка. Медные же листы выстилают пол. Здесь много статуй и других каких-то вещей, но я их не могу разглядеть ясно. У стены, противоположной решетке, в центре главной оси зала — широкая аркада, в которую видно сверкающее небо. У этой аркады еще белая статуя и рядом какие-то столики и сосуды... О, бог мой, сообразил: ведь это мастерская скульптора! До свидания, профессор.

Трубка глухо щелкнула. Я теперь не меньше самого художника горел нетерпением, отчетливо сознавая необычайность встреченного мною. Но, как ученый, я был обучен терпению и мог по-прежнему заниматься своими делами, несмотря на то, что телефон молчал два следующих вечера. Звонок раздался рано утром, когда я только еще собирался начинать трудовой день и не ждал никакого сообщения от Леонтьева. Художник устало попросил меня сразу же приехать к нему.

— Я, кажется, кончил свои странствия по древнему миру, ничего не могу понять, профессор, и очень боюсь,— он не договорил.

— Хорошо, постараюсь, ждите, или приеду, или позвоню,— поспешил согласиться я.

Обеспечив себе свободное утро, я поехал на Таганку и не без труда разыскал серый небольшой дом с башенкой, расположившийся в садике, глубоко запрятанном в изломе улицы. Художник быстро ввел меня

в свою комнату, весьма простую, без всякого нарочитого беспорядка, почему-то принятого у людей искусства.

Окно, завешанное толстым ковром, не давало света. Маленькая лампочка, закрытая чем-то голубым, едва давала возможность различать предметы. Я усмехнулся, увидев, с какой точностью были выполнены все мои указания.

— Зажгите же свет, ни черта не видно.

— Если можно, то не стоит зажигать, профессор,— робко попросил мой пациент,— я боюсь, вдруг опять не то, боюсь потерять свою сосредоточенность. Сосредоточиться заново у меня уже не хватит сил.

Я, разумеется, согласился, и Леонтьев, откинув голубое покрывало лампочки, усадил меня на широкой тахте и сел сам. Даже в скудном свете я мог увидеть, как ввалились и как бледны его щеки.

— Ну, рассказывайте,— подбодрил я художника, вытаскивая папиросы и внимательно следя за его блестящими глазами.

Леонтьев медленно потянулся к столику, взял с него лист бумаги и молча подал мне. Большой лист был покрыт неровными строчками непонятных знаков. Какие-то крестики, уголки, дуги и восьмерки, не написанные, а скорее старательно зарисованные, шли группами, очевидно образуя отдельные слова. Я в общих чертах имел представление о разных алфавитах, как древних, так и современных, но никогда ничего похожего не видел. Сверху были написаны две короткие строчки, по-видимому, обозначающие заглавие. У меня в записной книжке зарисованы эти знаки — вот смотрите, чтобы иметь представление об этой кабалистике:

✱ F, # 8 ✱ l Y I W)
≡ F ✱ I

Я долго смотрел на страницу неведомых письмен, и предчувствие необыкновенного постепенно охватывало меня, замечательное ощущение простора неизвестности, знакомое всякому, сделавшему какое-либо большое открытие. Вскинув глаза на художника,

я увидел, что он следит за мной,— даже губы его полуоткрылись, придавая лицу ребячески внимательное выражение.

— Вы понимаете что-нибудь, профессор? — тревожно спросил Леонтьев.

— Конечно, ничего,— отвечал я,— но надеюсь понять после ваших разъяснений.

— О, это все та же цепь видений. Помните, я звонил вам и рассказывал о внутренности здания. Во время разговора с вами я сообразил, что это мастерская скульптора или художественная школа. Еще одна связь с моей мечтой поразила меня, и я поспешил снова вернуться к галлюцинациям, уже понимая в них какую-то определенную линию, какой-то смысл, который я и должен был, наверное, разгадать.

Еще и еще я поддавался своим видениям, усиливая их и сосредоточиваясь по вашим указаниям, но картины, ранее мелькавшие передо мной, как-то ступевались, делались невнятными. Едва наступал момент появления отчетливых и долгих видений — неизменно возвращался зал в белом здании, художественная мастерская. Больше ничего я не смог увидеть и начал уже приходить в отчаяние. Ощущение замкнутости воспоминания, о котором вы говорили, не приходило.

Вдруг я подметил, что часть комнаты с каждым новым видением становится все отчетливее, и понял: продолжение мысленных картин нужно было искать только внутри скульптурной мастерской — дальше мои видения уже не шли. Как я ни старался, так сказать, выйти из пределов мастерской скульптора, ничего другого не мог увидеть.

Но все отчетливее становилась правая сторона стены против решетки, там, где было широкое и низкое окно-арка. Видение гасло, снова появлялось, и с каждым разом я замечал все больше подробностей.

Слева, силуэтом на фоне сосен и неба, видимых сквозь аркаду, выделялась небольшая статуя в половину человеческого роста, сделанная из слоновой кости. Я очень старался ее рассмотреть, но она не становилась яснее, а, наоборот, гасла. Так же угасла новая подробность, вначале ставшая более отчетливой, чем статуя, — низкая и длинная ванна из серого камня, налитая до краев какой-то темной жидкостью. В этой ванне смутно виднелись очертания скульптурной

фигуры, как бы обнаженного тела, утопленного в ней. Но и эта деталь ступевалась, а рядом с ванной выявился стол с толстой каменной столешницей. Посредине стола лежала квадратная плита из гладкой меди, без всяких украшений, покрытая какими-то знаками, а перед нею — черный кинжал и синяя стеклянная чаша.

Эта плита, или, вернее, медный лист, становился все отчетливее, и наконец все видение сосредоточилось именно на нем. Отчетливо стояла передо мной его позеленевшая поверхность с вырезанными на ней знаками. Ничего не понимая, я все-таки интуитивно сообразил, что тут конец серии мысленных картин, замыкание цепи видений, по-вашему. Томимый необъяснимой тревогой, я стал зарисовывать знаки медной плиты. Вот видите, профессор, — и гибкие его пальцы перебрали целый ворох листов, — нужно было повторять снова и снова. Видение потухало и иногда часами не возвращалось вновь, но я терпеливо сидел, пока не смог составить вот этот лист, который у вас в руках. А сейчас — я больше ничего не вижу, усталость, все безразлично... Только уснуть никак не могу, смутно боюсь ошибки. Раньше я почувствовал очень резко — это мое, скульптуры, статуя из слоновой кости, а сейчас ничего не понимаю. Что же все это, профессор?

— Вот что, — отвечал я, запинаясь от сильного волнения, — примите-ка дозу снотворного, я приготовил на случай, если вы переборщите с вашими видениями. Вы заснете, это вам больше всего нужно, а я возьму запись, и к вечеру мы получим представление, что все это значит. Действительно, ваши галлюцинации пришли к концу. Я не понимаю еще всего, но думаю, что вы вспомнили именно то, что вам нужно... Вот только неожиданные диковинные письмена... Еще раз спрошу, почему вы уверены, что ваши видения... Эллада?

— Профессор, я не могу объяснить почему, но уверен — видел Элладу, или, правильнее сказать, кусочек ее.

— Так. Старайтесь уснуть, а потом долой все эти затворнические шторы, милый мой, вы вернетесь в жизнь! Ну, довольно, довольно! — прервал я дальнейшие вопросы художника и быстро вышел, унося таинственную запись.

«Еще немного терпения,— соображал я, направляясь к трамваю,— и все должно решиться. Или это действительно вырванная из глубины прошлого запись чего-то важного, или... бредовая чепуха. Нет, на последнее не похоже. Одни и те же знаки часто повторяются, группы неравного количества знаков разделены промежутками, вверху, очевидно, заголовок. Итак, раз художник уверен, что это Эллада,— нужно к эллинисту. Кто у нас в Москве самый крупный спец по этой части?» — продолжал я свои рассуждения, но не мог ничего вспомнить. Дойдя до своей квартиры, с помощью справочника научных работников, календаря Академии и презренного телефона, я узнал нужного мне человека. Повезло, не более чем через сорок минут я раскуривал очередную папиросу в его кабинете, в то время как ученый впился взглядом в поданный мною лист с таинственными знаками.

— Где вы взяли, вернее, списали это?! — воскликнул эллинист, пронизывая меня прищуренными подзорными глазками.

— Я расскажу вам все без утайки, только прежде, ради всего святого, объясните мне, что это такое?

Ученый нетерпеливо вздохнул и снова склонился над листом, говоря размеренным, без интонации голосом:

— Принесенный вами отрывок написан так называемыми кипрскими письменами, слоговой азбукой, справа налево, то есть наиболее древним для Эллады способом. Похоже на эолийское наречие древнегреческого языка, поэтому я затрудняюсь быстро перевести весь отрывок. Вот заглавная строчка — да, это интересно! — состоит из трех слов: вверху — м а л а к т е р э л е ф а н т о с, под ними внизу — з и т о с. Первые два слова означают буквально смягчитель слоновой кости, а в переносном значении — скульптор по слоновой кости. Наше название «мастер» тоже происходит от этого корня. Зитос — особая неизвестная жидкость, средство для размягчения слоновой кости. Вы знаете, что в древней Элладе художники знали секрет делать слоновую кость мягкой, как воск, и благодаря этому лепили из нее весьма совершенные произведения, которые после затвердевали, снова превращаясь в обычную слоновую кость. Этот секрет был безвозвратно утрачен, и никто до сих пор...

— О, черт побери, все понял! — вскочив со стула, закричал я, но, увидев испуганно-недоумевающее лицо ученого, спохватился и поспешно добавил: — Простите, бога ради, но это очень важно для меня, вернее, для моего пациента. Не можете ли вы мне сейчас же передать, хотя бы в самых общих чертах, содержание дальнейшего?

Эллинист пожал плечами и не ответил. Однако я видел, что его глаза бегают по строчкам листа, я постарался застыть в кресле, сдерживая волнение и закипавшую бешеную радость. После нескольких, казавшихся очень долгими, минут ученый сказал:

— Насколько я могу разобрать без специальных справок, здесь записан химический рецепт, но названия веществ нужно будет особо истолковывать. Тут сказано о морской воде, затем о порошке этакены, каком-то масле Посейдона и так далее. Наверное, это и есть рецепт средства, о котором я сейчас вам говорил. Это очень важно,— заключил эллинист, как показалось мне, слишком сухо при таком значении его слов. Но так или иначе, все стало ясно.

На медной плите, то есть здесь на листе, был записан рецепт средства для размягчения слоновой кости. Художник вспомнил наконец его через десятки поколений, и, действительно, теперь он сможет создать статую Ирины, просто вылепив ее!

Ученый выжидательно смотрел на меня. С торжеством я поднялся и, шагая взад и вперед, рассказал ему историю своего пациента. Когда я кончил, выражение недоверчивого изумления окончательно исчезло с лица эллиниста. Маленькие глазки стали совсем добрыми и, пожалуй, слишком влажными. Я еще прощался, а ученый уже рылся в книжных шкафах, извлекая книгу за книгой. Спокойный, что обещанный перевод листа будет сделан так быстро, как это только будет возможно, я направился было к двери, но остановился на полпути, вспомнив рассказ художника о внутреннем убранстве белого здания.

— А зачем могли быть около плиты на столе кинжал и синяя хрустальная чаша?

— Если мы уж начали строить предположения, то почему не подумали о том, что рецепт жидкости «зитос» сообщался только избранным мастерам, с клятвой и угрозой смерти за раскрытие тайны? Тогда кин-

жал и чаша для яда — обычные атрибуты тысячелетиями практиковавшегося обряда посвящения. В памяти веков от него остались лишь главные вехи...

Ощущение покоя и счастья одержавшего победу разума не оставляло меня и в привычной тишине моего кабинета. Но нетерпение заставило меня сразу же позвонить Леонтьеву. Волнуясь, он коротко сказал:

— Сейчас еду!

Мне очень живо запомнилось в тот вечер изможденное лицо Леонтьева с резкими тенями от настольной лампы и его напряженные до иступления глаза, с пробегаящими в них искрами торжества.

— Так я открыл, нет, вспомнил, утраченный секрет древних мастеров? — воскликнул художник, все еще не веря случившемуся. — Но как я мог это сделать?

Я объяснил ему, что точных данных наука еще не имеет, но, по-видимому, в предыдущих поколениях его предков были мастера, знавшие этот секрет. Долгая работа и жизненно важное значение этого рецепта обусловили то, что в памяти одного из его предков образовались какие-то очень прочные связи, закрепившиеся для передачи в механизме наследственности. Эти связи, хранясь под спудом его личной памяти, возникли и у него, Леонтьева. Таким образом, здесь чудесно только одно — замечательное совпадение наличия звена древней памяти и значения эллинского секрета именно для него, тоже ставшего скульптором, как и его предки. Огромное желание создать статую Ирины, воля и напряжение всех сил помогли ему вызвать из области подсознательного картины древней зрительной памяти. Сам того не понимая, он все же чувствовал, что знает, и знает именно то, что так для него необходимо.

Конец моего объяснения художник слушал уже рассеянно кивая головой и как бы намекая, что он все понял. Едва я кончил, как последовал быстрый вопрос:

— Значит, когда ученый сделает перевод, у меня будет рецепт этого средства, профессор? Вы вполне уверены в этом?

Мне трудно передать радость и волнение художника после моего утвердительного ответа.

— Подумайте только, теперь я и с одной рукой выполню свою мечту, свою цель... — И его длинные пальцы зашевелились, как бы уже обрабатывая вол-

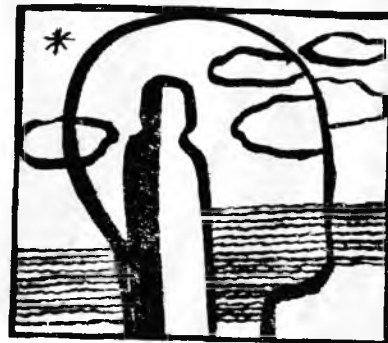
шебный материал — мягкую слоновую кость. — Теперь, завтра... — голос его задрожал, — и это дали мне вы, профессор, ваша наука...

Художник вскочил, схватил меня за руку, весь потянулся ко мне, как ребенок к отцу, но устыдился своего порыва, отвернулся и сел к столу, опустив голову на здоровую руку. Плечи его слегка вздрагивали. Я вышел в другую комнату, сам взволнованный до глубины души, и тихо сел там, покуривая...

Дни шли, весна сменилась летом, незаметно подошла осень. Я устал от большой нагрузки (возраст давал себя знать!), немного прихворнул и отсиживался дома. Неожиданно ко мне явились двое молодых людей. Я узнал Леонтьева и угадал его Ирину. Рука художника по-прежнему висела на перевязи, но это был уже совсем другой человек, и я редко встречал на человеческом лице столько ясности и доброты. Про Ирину я скажу только, что она стояла любви художника и всех наших трудов в поисках эллинского секрета.

Ирина крепко поцеловала меня, без слов глядя мне в глаза, и, право же, я был больше тронут этой безмолвной благодарностью, чем тысячей дифирамбов.

Леонтьев, волнуясь, сказал, что статую уже готова, он посвящает ее науке и мне, как дань спасенного — спасителю, чувства — разуму. Ну, статую я видел. Описывать ее не берусь. Как анатом, я увидел в ней то самое высшее совершенство целесообразности, что все вы назовете красотой. Любовь автора придала этому совершенному телу радостное движение, почти полет, как песня об Айсигене, так легко ступившей по земле.

ТЕНЬ МИНУВШЕГО

Рассказ

— Наконец-то! Вечно вы опаздываете! — весело воскликнул профессор, когда в его кабинет вошел Сергей Павлович Никитин, молодой, но уже широко известный своими открытиями палеонтолог. — А у меня сегодня были гости. Прямо с сельскохозяйственной выставки. Два знатных чабана из восточных степей. Вот и подарок из уважения к ученым. Смотрите: дыня, большущая, желтая... и как пахнет! Давайте ее вместе того... за здоровье знатных пастухов.

— Вы меня за этим и звали, Василий Петрович?

— Уж очень вы нетерпеливы, молодой человек! Повернитесь-ка налево, вот к этому столику...

Никитин быстро подошел к маленькому столику в углу кабинета.

На сером картоне были аккуратно разложены гладкие темно-коричневые обломки крупных ископаемых костей. Палеонтолог схватил лежавшую слева кость, постучал по ней ногтем, повернул другой стороной. Поочередно пересмотрел все восемь кусков, тяжелых и плотных, пропитанных кремнием и железом.

Многолетняя практика в анатомии скелета давала возможность сразу же мысленно дополнять, восстанавливать недостающие части костей и за их характерной формой угадывать полный скелет вымершего животного.

— Ну, теперь я все понимаю, Василий Петрович. На костях темная полированная корка — пустынный загар¹. Значит, чабаны их собрали прямо с поверхности, в пустыне... Василий Петрович, ведь это динозавры! Такой сохранности! Это первая находка в Союзе.

¹ Пустынный загар — блестящая черная корка, которой покрываются долго находящиеся на поверхности в пустыне камни, даже кирпичи в развалинах старых городов.

Нужно что-то сделать, чтобы отблагодарить этих чабанов.

— Вы думаете — премию? Да они, мой дорогой, богаче всех нас! Спрашивали, не нужно ли нам чего от их колхоза... Нет, тут чистый интерес к науке. Они завтра придут опять — хотят с вами встретиться и еще принесут какое-то сыляу¹. Ну-ка, давайте дыньку разрежем да рассудим на досуге.

С ломтем ароматной дыни в руке Никитин присел на корточки перед огромной картой на стене кабинета, вглядываясь в левый нижний угол, испещренный мелкими точками — знаком грозных песков. Старый ученый перегнулся с кресла, следя за пальцем Никитина.

— Это огромное поле костей динозавров примерно здесь, — говорил палеонтолог. — Триста пятьдесят километров от родников Талды-сай. Поблизости — колодцы Биссекты. Ехать придется песками до бугров Лайили. Дальше — каменистая пустыня и местами степь...

Ослепительный солнечный свет, отражаясь от белых стен низких построек, с непривычки резал глаза. Никитин, болезненно щурясь, шел через просторный двор товарной станции по мягкому ковру желтой пыли.

Три новенькие автомашины уже выехали из ворот и стояли гуськом у края дороги, поджидая начальника. Высоко горбились их белые брезентовые верха, на светло-сером, еще блестящем лаке уже лежала красноватая пудра пыли. Вдоль дороги, в ту же сторону, куда были повернуты машины, по крупным камням широкого арыка, журча, стремилась чистая вода, словно смеясь над зноем и пылью. И в тон ей тихо гудели на малых оборотах заведенные моторы машин.

Никитин сел в кабину передней машины. Хлопнула дверца; косым столбом взвилась и зазолотилась пыль. Машины пошли в город белых домов и зеленых аллей, раскинувшийся у северного склона опаленных солнцем холмов.

Никитин, возвращаясь с позднего заседания, мед-

ленно шел вдоль тихо шепчущего арыка. У домов, под густой листвой деревьев, стало темно.

Прямо перед ним выскользнула из тени аллеи, легко перескочила арык и пошла по дороге девушка в белом платье. Голые загорелые ноги почти сливались с почвой, и от этого казалось, что девушка плывет по воздуху, не касаясь земли. Толстые черные косы, резко выделяясь на белой материи, тяжело лежали на ее спине и спускались своими распушившимися концами почти до колен.

Глядя на быстро удалявшуюся фигуру, Никитин остановился, поддавшись минутной задумчивости, потом зашагал быстрее и скоро очутился у больших дощатых ворот прикрывшего экспедицию дома.

На обширном дворе, освещенном электричеством, Никитин увидел всех участников своей экспедиции, собравшихся у машин. Люди весело смеялись над чем-то, даже угрюмый старший шофер добродушно ухмылялся.

К Никитину быстро подошла черноглазая Маруся — препаратор экспедиции, на днях выбранная парторгом.

— Где вы пропадаете, Сергей Павлович? Мы собрание решили провести, а вас нет. Ждали, ждали, да как-то само собой и началось.

— Веселое собрание! — улыбнулся Никитин.

— Все из-за названий машин, — отозвалась Маруся.

— Каких названий?

— Вы знаете, мы решили начать соревнование между экипажами машин. А тут Мартын Мартынович и предложил: для удобства дать имя каждой машине.

— И на чем же порешили?

В разговор вмешался Мартын Мартынович, пожилой латыш в круглых очках, специалист по раскопкам.

— Вашу назвали «Молния», а две другие — «Истребитель» и «Динозавр».

Мощный гудок в три тона раздался на улице; в воротах вспыхнули и снова погасли фары черного «ЗИСа».

Никитин пошел навстречу секретарю обкома, с которым уже встречался по делам экспедиции.

— Недурно устроились, — огляделся тот. — Когда же в дорогу?

¹ Сыляу — дружеский дар в Средней Азии.

— Послезавтра.

— Отлично, товарищ Никитин! А у меня к тебе просьба...— Секретарь сделал паузу.— Я прямо с заседания... Там, как раз у Биссекты, оказывается, есть месторождение асфальта. Необходимо исследовать. Мои геологи настаивают... Короче, нужно захватить сотрудника из Геологического управления...

Никитин озабоченно нахмурился. Секретарь взял его под руку, и оба пошли в глубину двора.

— Как будто все?

— Все, Сергей Павлович. Можно приступать к погрузке.

— Действуйте вместе с Мартыном Мартыновичем. На нашу «Молнию» — передовую — горючее и инструменты, на «Динозавра» — горючее, доски и оборудование лагеря, на «Истребителя» — воду, продукты и резину.

В низкую открытую дверь врывалось знойное дыхание дня. Никитин собирал в сумку разбросанные по столу бумаги, торопясь на телеграф.

— Можно? — раздался со двора мягкий женский голос.

В слепящем ярком четырехугольнике двери возник стройный силуэт, обведенный горящим ореолом по освещенному краю белого платья. Пришедшая слегка наклонилась, взглядываясь в полумрак комнаты, и перед Никитиным мелькнули вчерашние черные косы.

Смутное предчувствие чего-то хорошего заставило забиться сердце Никитина. Он поднялся навстречу гостье, державшей в руке небольшой чемоданчик, и знакомство состоялось.

— Мириам... а дальше как? — спросил палеонтолог.

— Нургалиева. Но достаточно Мириам, — улыбнулась девушка.

— Так вас не пугает, Мириам, что экспедиция наша трудная и далекая?

Черные глаза насмешливо блеснули:

— Нет, не пугает. Ваша экспедиция так снаряжена... Вчера диспетчер заявил мне, что эта поездка может заменить путевку на курорт.

— Ну, хорошо.— Никитин протянул ей руку.— Выбирайте себе машину, какая понравится.

— Мне, если можно, на «Истребитель», к Марусе, — попросила девушка.

— Как это женщины успели сговориться? — рассмехался палеонтолог, выходя во двор вместе с Мириам.— Да, — спохватился он, — ведь я, собственно, с вами познакомился еще вчера вечером, на улице Энгельса...

Он поклонился и пошел к воротам, а девушка недоуменно посмотрела ему вслед.

Машины шли гуськом, раскачиваясь и ныряя по бездорожью. Сероватая плоская степь, поросшая полынью, сторала под высоким солнцем. Однообразным, бескрасочным было блеклое грозное небо без единой тучки, тяжело нависшее над равниной.

Четыре дня ровно шумели моторы. Несмотря на медленный ход машин, экспедиция удалилась на четыреста километров от белого города и железной дороги.

На протяжении четырехсот километров, развертываясь, высокие барханы песков сменялись каменистыми холмами, ровной полынной степью, желто-белыми солончаками.

Надрывно скрежетали шестерни передач. Гудели моторы, черные круги рулей скользили в потных, усталых руках шоферов. И летели, летели сизым дымком в необъятную степь сотни литров драгоценного бензина.

Только один раз на этом пути, поздним вечером, из-за высоких холмов встало приветливое зарево электрического света — серный завод. А дальше лишь изредка попадались круглые войлочные юрты — временное жилье человека здесь, где вечна лишь неизменная и безликая пустыня...

Миновав завод, ехали долго, пользуясь яркой луной и последним участком сносной дороги. Гладкие такыры¹ блестели в лунном свете, как бесчисленные маленькие озера; машины ускоряли ход на их твердой поверхности. Ночью степь казалась таинственной и приветливой.

¹ Такыр — участок степи, покрытый засохшей гладкой и твердой глиной, без растительности.

Никитин дал распоряжение остановиться на ночлег только тогда, когда машины снова начали нырять, вздымая густую пыль на кочковатой поверхности пухлых глин.

Ярко осветили бивак электрические лампочки, прицепленные к задкам автомобилей. Но место ночлега оказалось неприветливым. Ноги проваливались, как в плотный снег, в кочковатую пыльную почву, из которой кое-где торчали хрупкие стебли какой-то высохшей травы.

Впереди, еле различимые за завесой лунного света, виднелись бугры Лайили — начало наиболее безводной каменистой пустыни, скрывающей в своей глубине кладбище ископаемых чудовищ.

За бесконечными рядами бугров, усыпанных серым щебнем, особенно сильно чувствовалась оторванность от мира. В неисчислимых поворотах, объездах, спусках и подъемах экспедиция потерялась, словно ушла в небытие.

Три серые машины миновали холмы и вышли на мертвую неоглядную равнину, занесенную тонким слоем мелкого песка. Над пустыней дрожала дымка разогретого воздуха, дрожащие струи которого скрывали и затушевывали неприглядный пейзаж.

Перед участниками экспедиции возникали манящие голубые озера, чудесные роции, мерцающие вдаль зубцы снежных гор. Иногда перед тупыми носами машин совсем близко плескалось море, легкие туманные волны взметывали белую пену... Через несколько минут на месте моря появлялись ряды белых домов, затененных густыми деревьями, похожие на оставшийся далеко на юге, за песками, город. Да и очертания самих машин, такие строгие и отчетливые, расплывались, то удлиняясь до невероятных размеров, то, наоборот, росли в высоту и вздымались подобно исполинским слонам.

Темнело. В последний раз в багровых лучах заката показались высокие голубые и зеленые башни нового призрачного замка и исчезли.

«Молния», вздымая столбы пыли и далеко освещающая равнину своими сильными фарами, продолжала путь во главе колонны — здесь можно было ехать и

ночью. «Динозавр» и «Истребитель» отстали, чтобы не тонуть в скрывающей дорогу пыли, как это всегда делалось при езде по пыльной местности.

Равномерно шумел мотор, навевая сон. Никитин заснул, сидя в кабине, но был скоро разбужен резкими гудками шедшего позади «Динозавра». «Молния» остановилась; медленно подошли две другие машины.

— Что случилось? — спросил Никитин у водителя «Динозавра».

— Не могу ехать, товарищ начальник, — смущенно ответил шофер. — Мерещится разная чепуха...

— Что такое?

— Да ведь верно, Сергей Павлович, — поддержал шофера Мартын Мартынович. — Днем миражи видятся вдаль, а сейчас — прямо под носом, ужас берет.

— Но я-то еду! — бросил старший шофер, водитель «Молнии».

— Ты едешь впереди, Владимир, — сказал подошедший шофер «Истребителя», — а мы за твоей пылью. Фары на пыль светят, и черт-те что видится. Нельзя ехать.

— Чушь городите! — обозлился старший шофер. — Я знаю, иной раз на пыли мерещится, но чтобы ехать нельзя было...

— Попробуй сам. Давай я вперед поеду! — обиженно крикнул водитель «Динозавра».

— Ладно, давай, — угрюмо согласился старший.

Люди разошлись по кабинам, зажужжали стартеры.

«Динозавр», покачивая высоким верхом, медленно миновал «Молнию» и исчез в туче пыли, набирая ход. Водитель «Молнии» подождал, пока пыль, осев, не начала золотиться редкими пылинками в лучах фар, и двинулся следом.

Заинтересованный, Никитин следил за дорогой, протерев ветровое стекло. Несколько километров они пролетели, ничего не встретив, и шофер начал насмешливо фыркать, что-то бурча себе под нос. Машина шла ровно, внимание стало ослабевать. Вдруг Никитин почувствовал, что водитель резко повернул руль и машина вильнула в сторону. Впереди отчетливо виднелась огромная круглая яма, обложенная белыми изразцами. Никитин изумленно протер глаза — по

обе стороны коридора, проложенного светом фар, в кружащихся пылинках выстроились ряды высоких домов. Видение было так правдоподобно, что палеонтолог вздрогнул и тут же услышал злобное «тьфу» шофера.

Дома исчезли, степь разбежалась узором черных и желтых полос, а на дороге зияла черная трещина. Стиснув зубы, шофер вцепился в руль, стараясь преодолеть обман зрения. Несколько минут — и впереди выгнулся невероятно крутой сводчатый мост, совершенно ясно видимый, настолько реально, что Никитин тревожно повернулся к шоферу, но тот уже тормозил машину. Сзади раздавались настойчивые сигналы «Истребителя». Остановив машину, шофер покурил, промыл глаза, поднял стекло и упрямо двинулся дальше.

И снова перед машиной вставали все новые пыльные призраки, пугающие, близкие и реальные. Нервное напряжение росло. «Молния» тормозила и вертелась в попытках избежать несуществующие препятствия, и, наконец, шофер застонал, плюнул и, остановив машину, стал сигналить «Динозавру» о сдаче. Когда улеглась пыль, подошел и давно уже остановившийся «Истребитель».

На стоянках безумный, призрачный мир исчезал. Ночь раздвигала горизонт в темную бесконечность. Огромные звезды спокойно светились, и привычные очертания созвездий радовали своей неизменностью. А днем в рокоте моторов и покачивании машин вновь мерцали и переливались фантастические видения. И все начинало казаться несуществующим.

Никитин очень обрадовался, когда из-за переливчатой стены очередного миража внезапно поднялись угрюмые черные контуры гор Аркарлы. Сперва их вершины долго держались на уровне пробки радиатора «Молнии», потом они стали быстро вырастать, закрывая собой весь горизонт на северо-западе. Проводник показал на испещренную трещинами гору, чей крутой передний склон имел очертания правильной трапеции. «Молния» немедленно направилась прямо к ней. Почва опять становилась неровной, вадымаясь каменными валами все выше и выше.

Но вот, наконец, кренясь на склоне, «Молния» сделала поворот, заскрипели тормоза, и машина медленно спустилась на обширную равнину — дно огромной древней межгорной впадины.

С запада угрюмо торчали темные утесы, обрывистые склоны восточных холмов были сложены ярко-красными песчаниками. В высоте над равниной медленно кружили два орла.

По указанию проводника экспедиция двинулась вдоль красных утесов к северу. Там, в месте стыка темных и красных пород, должен был находиться родник Биссекты с выкопанным в незапамятные времена колодцем.

Ровная поверхность долины была кое-где изборозжена неглубокими промоинами и обильно усеяна гладкой галькой, покрытой пустынным загаром. Эти гальки придавали почве неестественно темный цвет, на фоне которого мириадами огоньков сияли на солнце бесчисленные кристаллы прозрачного гипса, рассыпанные между гальками.

— Стой, стой! — вдруг закричал Никитин и быстро выскочил из машины.

Следом за ним ринулись его верные помощники, тоже увидевшие ископаемых.

Слева от пути машин лежали под углом друг к другу два больших ствола окаменевших деревьев. В ярком солнце отчетливо выступали их прямослойная древесина и следы сучьев. Вокруг стволов и дальше к западу были разбросаны огромные кости с темной блестящей поверхностью.

Восхищенные исследователи рассыпались по равнине. С волнением они отыскивали все новые и новые сокровища.

Превосходно сохранившиеся кости гигантских ящеров покрывали большую часть долины. Палеонтологи с радостными восклицаниями бросались то в одну, то в другую сторону. Шоферы и рабочие заразились их энтузиазмом и приняли участие в осмотре, весело удивляясь необыкновенному зрелищу.

Только часть костей свободно лежала на поверхности, другие еще находились в темном песчанике и гальке. Кости торчали повсюду в промоинах, переполняли обнаженную на бугорках породу, громоздились целыми скоплениями.

Знатные пастухи были совершенно правы — они открыли невиданное по размерам кладбище гигантских вымерших ящеров, где скопились остатки тысяч разнообразных животных.

Странное впечатление производила эта раскаленная черная, безжизненная долина, заваленная исполинскими костями. Невольно на ум приходили древние легенды о битвах драконов, о могилах великанов, о скопищах погубленных потоком гигантов. И сразу становилось понятным возникновение этих легенд, несомненно имевших своей основой подобные открытые скопления огромных костей.

— Не прибавилось?

— Нет, Сергей Павлович.

— Нужно копать еще глубже.

— Глубже некуда, там пошла скала.

— Скала!

Никитин бросил записи, вскочил и устремился к роднику. Убедившись в правоте латыша, палеонтолог почувствовал, как внутри у него что-то оборвалось. Скрывая страх, Никитин медленно пошел от лагеря к горам, чтобы поразмыслить наедине.

Страшное открытие пришло уже на вторые сутки их пребывания в долине: количества воды, даваемой родником Биссекты, не хватало для экспедиции. Если воды было достаточно для двух-трех путников с их верблюдами, ее было мало для большой экспедиции с рабочими и машинами.

Может быть, родник был хорош сто лет тому назад, а теперь иссяк.

Пришлось начать аварийный запас.

А вода на обратный путь?

Нужно, бросив все, как можно скорее пробиваться на восток — в двухстах километрах отсюда есть хорошие колодцы. Если привезти воду оттуда? Но тогда не хватит горючего на возвращение.

Ошеломленный внезапным ударом судьбы, ученый остро почувствовал свою беспомощность перед окружающей беспощадной природой. Что может сделать он, вся его великолепно снаряженная экспедиция без воды? Откуда взять ее здесь, в опаленных камнях,

оживляемых только крохотной струйкой древнего колодца?

Попытки расчистить источник ни к чему не привели. Неужели эта неожиданная беда сорвет так тщательно организованную экспедицию, лишит успеха, заставит рисковать людьми?

Погруженный в безотрадные думы, Никитин машинально углубился в горы. Он тихо шел вверх по небольшому ущельищу, глубоко врезавшемуся в черный бок седловидной горы. Накаленные черные обрывы обдали ученого душным жаром. Никитин остановился и увидел Мириам.

Девушка сидела на камне, подобрав ноги и изогнув тонкий стан. Она держала на коленях раскрытую записную книжку и так глубоко задумалась, что не слышала приближения Никитина. Тяжелые косы, казалось, обременяли ее склоненную голову, лицо было обращено к туманящейся жаркой дали. Весь облик девушки и ее поза вдруг поразили палеонтолога соответствием с окружающей природой. Никитин впервые почувствовал, что Мириам — дитя своей страны: от нее веяло спокойной твердостью, скрытой под маской внешнего покоя. Никитин застыл на месте, боясь потревожить Мириам.

Страна палящего мертвого простора, где ничего не дается сразу... Только упорный труд многих поколений приносит победу над жестокой природой. Идти напролом в страстном порыве нельзя — этот путь не приведет здесь к цели. Нужно медленно, терпеливо и верно продвигаться вперед, быть всегда наготове для борьбы с новыми и новыми трудностями, подавляя волей свойственную каждому человеку жажду чудесного, внезапного счастья...

Девушка, почувствовав взгляд Никитина, оглянулась, вскочила и пошла к нему навстречу. Мириам пылливо заглянула в глаза молодого ученого.

— Что с вами, Сергей Павлович? — как всегда медленно, произнесла она.

Ученый уловил неподдельную заботу в ее тоне. В безотчетной потребности быть откровенным с ней он рассказал Мириам о крахе, ожидающем экспедицию. Девушка молчала, и только когда они возвращались обратно, у самого лагеря, смущаясь, сказала будто сама себе:

— Я слышала, что в прошлом году при работах на Дюрт-Кыре удалось увеличить дебит¹ источников...— Мириам сделала паузу,— с помощью динамита. Вот если бы у нас был...

— Черт возьми, ведь аммонал у нас есть! — вскричал Никитин.— Подорвать место выхода родника — это не всегда помогает, но иногда получается! Совсем упустил из виду... Попробуем сейчас же! — повеселел палеонтолог, убыстряя шаги.— Рискнем на самый большой заряд.

...Громовой удар взрыва потряс мертвые горы. Высокий столб пыли взвился над родником, и несколькими секундами позже что-то со страшным грохотом обрушилось в горах. Все участники экспедиции бросились к роднику и стали молча разбирать завал породы, снова раскапывая выход ключа. Еще тише стало в лагере, когда Никитин и Мириам начали замерять приток воды. Начальник экспедиции вдруг выпрямился.

— Спасибо, Мириам! — Он схватил руку девушки и крепко пожал.

— Качать Мириам! — раздался дружный крик.

Девушка стрелой помчалась искать спасения за спиной старшего шофера. Тот, расправил могучие плечи, грозно заявил:

— Не дам!

— Как ваши дела с асфальтом, Мириам? — весело спросил Никитин.

— Здесь очень интересное месторождение, Сергей Павлович. Это не асфальт, а какая-то особенная, очень твердая смола.

— Покажите мне ее завтра, хорошо? А сейчас советую познакомиться и с нашими успехами.

На равнине повсюду виднелись горки нарытой земли. Поднимался легкий дымок костра, на котором варился жидкий столярный клей. Мартын Мартынович, в одних трусах, загорелый до черноты, усердно

¹ Дебит — количество воды, даваемой источником в определенный промежуток времени.

пропитывал клеем рыхлые кости. Ближе к центру равнины работало несколько человек. Большая площадка расчищенной сверху породы была обрыта глубокими канавками. Двое рабочих осторожно ковыряли рыхлый песчаник большими ножами, разделяя окопанную глыбу на три части. Маруся доканчивала расчистку черепа, поливая шеллаком¹ поврежденные участки.

Никитин подвел Мириам к глыбе, и удивленная девушка увидела на ее поверхности распластавшийся скелет огромного ящера. Он лежал на боку, подвернув длинный хвост и скрестив тяжелые задние лапы. На позвонках, ребрах, даже на тупых копытцах — всюду виднелись четко написанные цифры. Череп чудовища, около двух метров длины, на затылке переходил в огромный костяной воротник, усаженный тупыми шипами. Над глазами торчали два длинных, косо направленных вперед рога, третий рог сидел на носу, а морда оканчивалась огромным клювом.

— Это трицератопс — трехрогий травоядный динозавр, хорошо вооруженный против хищников, — пояснил Никитин.— Скелет сохранился полностью, и мы его разделим на три части, заделаем в крепкие рамы, — палеонтолог указал на приготовленные брусья, — зальем гипсом и увезем в виде тяжелых монолитов, чтобы окончательно освободить от породы уже на месте, в лаборатории.

— Каковы же были хищники, если против них такое страшное оружие? — спросила Мириам.

— Хищники! — воскликнул палеонтолог.— Ну вот, например, — и он выбрал из ящика плоский зуб с загнутой верхушкой и пильчатой нарезкой по обоим краям, около пятнадцати сантиметров в длину.— Это тиранозавр², владыка ящеров, ходивший на задних лапах исполин... Скоро переедем с раскопками к самым горам, — продолжал ученый, — там Мартын Мартынович нашел сразу три скелета панцирных динозавров с костяной броней, усаженной шипами. Настоящие танки, только без пушек, в отличие от современных

¹ Шеллак — индийская смола; после растворения в спирте дает прочный лак.

² Тиранозавр (в переводе с греческого — «владыка ящеров») — самый крупный из всех хищных динозавров.

танков, которые являются оружием нападения. Ведь травоядное животное может только пассивно защищаться: оно прячется за броней или выставляет рога, не нападая само.

Не доходя до восточного ущелья, Мириам свернула налево и повела Никитина вдоль подножия горы, меж разбросанных каменных глыб.

Перед палеонтологом и его спутницей неожиданно встала плотная стена красновато-черных пород. Ее просекал узкий проход, похожий на след от удара исполинского меча. По обе стороны этой каменной щели возвышались две скалистые башни, высоко вверх снабженные нависающими над проходом выступами.

Узкий проход был прям, как ружейный ствол, с гладкими, словно отполированными, стенами. Пройдя по нему несколько десятков шагов, Мириам и Никитин попали в просторную долинку, замкнутую со всех сторон крутыми утесами. Противоположная проходу сторона изгибалась правильным полукругом, в самой середине которого выступал огромный куб очень твердого бурого песчаника. Подножие куба утопало в груде плоских, по-видимому недавно обрушившихся глыб, а на скошенной поверхности блестело громадное черное зеркало. Палеонтолог в недоумении осматривался вокруг.

— Месторождение асфальта, — тихо заговорила Мириам, — вернее, затвердевшей смолы, здесь. Смола залегает ровными слоями в твердых железистых песчаниках, по всей вероятности отложенных ветром, — нечто вроде древних дюн. Когда мы взорвали источник, здесь обвалились скалы и открыли свежий пласт ископаемой смолы. Его гладкая поверхность еще не повреждена выветриванием и блестит, как зеркало.

— Когда, по вашему мнению, отлагались смола и песчаник? — быстро спросил палеонтолог.

— Примерно одновременно с костями динозавров, — ответила Мириам. — Все эти отложения накопились тут, в долинах древних гор, и остались почти неприкосновенными.

Никитин одобрительно кивнул головой и уселся на

крупный хрустящий песок. Девушка устроилась напротив в своей любимой позе, поджав под себя ноги.

В закрытой со всех сторон долине почему-то было не очень жарко. Удивительная тишина стояла вокруг. Едва слышно, точно далекие хрустальные колокольчики, звенели сухие травы, росшие на дне этого естественного горного зала. Никитин впервые в жизни услышал их шелестящий печальный зов и удивленно посмотрел на Мириам. Девушка наклонила голову и приложила палец к губам.

Вскоре в этот слабый, точно призрачный звон вплелись такие же безмерно далекие, редкие аккорды низкого тона — голоса кустарников, окаймлявших подножие кольца скал.

Под эту едва различимую музыку молчаливой пустыни Никитин погрузился в глубокую задумчивость.

Травы звенели и звали заглянуть в глубину природы, говорили о том скрытом, что обычно проходит мимо нашего сознания, притупленного укоренившимися привычками и лишь в редкие минуты жизни раскрывающегося с настоящей остротой.

Никитин думал о том, что природа безмерно богаче всех наших представлений о ней, но познание ее никогда не дается даром. В тесном общении, в постоянной борьбе с природой человек подходит вплотную к ее скрытым тайнам. Но и тогда нужно, чтобы душа была ясной и чистой, подобно тонко настроенному музыкальному инструменту, и она отзовется на звучание природы...

Медленно поднял Никитин свой взгляд и увидел устремленные прямо на него глаза Мириам. Палеонтолог неловко поднялся на ноги и голосом, показавшимся ему самому грубым, погасил нежные звоны трав:

— Пора идти, Мириам!

Девушка безмолвно встала.

Уходя, Никитин с удовольствием оглядел полную покоя долинку.

— Что же вы раньше не говорили об этом хорошем месте? — укорил он девушку.

— Вы были поглощены своей работой, — тихо ответила Мириам.

— Я перенесу лагерь к подножию каменных башен

завтра же,— решил Никитин.— Кстати, главные раскопки теперь будут совсем рядом.

Уверенным, щегольским ударом Мартын Мартынович вогнал последний гвоздь в длинный ящик.

— Конец, Сергей Павлович! — весело воскликнул латыш и вытер потное лицо.

— Конец,— откликнулся Никитин.— Завтра отдых и сборы, вечером — в путь, домой! Больше задерживаться нам нельзя.

— Сергей Павлович,— просительно вмешалась Маруся,— вы давно уже обещали рассказать про этих...— девушка показала на лежавшие повсюду ящики,— зверей, да все некогда было. Что бы сегодня? Еще три часа только.

— Хорошо. После обеда пойдем в ту долинку, там побеседуем,— согласился начальник экспедиции.

Все четырнадцать человек сотрудников внимательно слушали своего начальника. Он рассказал, как еще в древние эпохи развития наземной жизни медленно, в миллионах поколений, совершенствовался организм животного, как появлялись подчас причудливые, странные формы четвероногих земноводных и пресмыкающихся. Как в борьбе за существование, в преодолении влияния окружающих условий постепенно отмирали все менее совершенные, менее жизнеспособные виды; жестокая гребенка естественного отбора прочесывала поток поколений во времени, отмечая все слабое и непригодное.

К началу мезозойской эры¹, около ста пятидесяти миллионов лет назад, на древних материках повсюду расселялись пресмыкающиеся и одновременно от них же возникли наиболее совершенные из всех животных — млекопитающие, развивавшиеся в суровых условиях конца палеозойской эры¹. Но вскоре сравнительно резкий и сухой климат повсюду сменился влажным и жарким, обильная пышная растительность покрыла сушу. Эти условия существования были более легкими, более благоприятными, и вот по всей земле

распространились огромные пресмыкающиеся. Они завоевали сушу, море и воздух, достигли небывалой величины и численности.

Гигантские травоядные для защиты от хищников имели чудовищные рога или броню из костяных шипов и щитков. Другие, не защищенные броней, прятались в воде прибрежных морских лагун или озер. Они достигали двадцати пяти метров длины и шестидесяти тонн веса.

В воздухе реяли летающие ящеры; из всех летающих животных они имели наибольшее удлинение крыла и, следовательно, были лучшими летунами.

Хищники ходили на задних ногах, опираясь на толстый хвост. Их передние лапы превращались в слабые, почти ненужные придатки. Для нападения служила огромная голова с большими острыми зубами в пасти.

Это были чудовищные треножки, до восьми метров высоты, безмозглые боевые машины страшной силы и беспощадной свирепости.

В окружении исполинских ящеров жили древние млекопитающие — маленькие зверьки, похожие на ежа или крысу. Пресмыкающиеся в благоприятных условиях мезозойской эры подавили эту прогрессивную группу животных, и с этой точки зрения мезозой был эпохой мрачной реакции, длившейся около ста миллионов лет, замедлившей прогресс животного мира. Но едва только начали вновь изменяться климатические условия, стала происходить смена растительности — сразу же плохо пришлось громадным ящерам. Травоядные великаны требовали обильной, легко усвояемой пищи. Изменение кормовой базы явилось катастрофой для травоядных и одновременно для гигантских хищников. Естественный баланс животного населения резко нарушился. Произошло великое вымирание пресмыкающихся и бурный расцвет млекопитающих, которые стали хозяевами Земли и в конце концов дали мыслящее существо — человека.

— Представьте себе на миг бесконечную цепь поколений без единой мысли, прошедших за эти сотни миллионов лет,— закончил палеонтолог,— все невозразимое число жертв естественного отбора по слепому пути эволюции...

Ученый умолк. Высоко в уже посиневшем небе

¹ Мезозойская эра, палеозойская эра — большие эпохи истории Земли. Эра средней жизни — 60—170 миллионов лет назад, эра древней жизни — 170—600 миллионов лет назад.

раздался клекот орла. Слушатели продолжали тихо сидеть, глядя на палеонтолога.

Никитин задумчиво улыбнулся и снова заговорил:

— Да, величие моей науки — в необъятной перспективе времени. В этом отношении палеонтология сравнима разве только с астрономией. Но у палеонтологии есть одна слабая сторона, очень слабая, мучительная для стремящихся к глубокому познанию: неполнота материала. Только очень малая часть ранее живших животных сохраняется в пластах земной коры, и сохраняется лишь в виде неполных остатков. Возьмем наши раскопки — мы добыли только кости. Правда, по этим костям мы можем восстановить полный внешний облик животных, но только в известных пределах. Хуже всего то, что мы никогда не сможем узнать в подробностях внутреннее строение животного, полностью представить его живым. Тем самым мы никогда не сможем проверить точность наших представлений, установить ошибки. Физические законы неизблемы. Сила человеческого разума и заключается в том, чтобы прямо взглянуть им в лицо, не обольщаясь сказками...

Глубокая тоска зазвучала в голосе Никитина, передаваясь слушателям. Палеонтолог резко встал:

— Ничего. Для вас, неискушенных в науке, остается вольная и могучая фантазия писателей. Не стесненные узостью точных фактов, они ярко и убедительно воскрешают исчезнувший животный мир. Советую вам прочитать «Затерянный мир» Конан Дойла и «Борьбу за огонь» Рони Старшего. Это мой любимый писатель, который даже на палеонтолога может действовать силой своего воображения, прекрасным описанием древней жизни, удачно схваченной тенью минувшего... — Палеонтолог, увлекшись, начал цитировать: — «Вместе со сгустившимися сумерками упала смутная тень минувшего, и по степи, весь красный, катился зловещий поток...»

Легкий вскрик Маруси заставил ученого прервать цитату и обернуться.

В следующее мгновение дыхание его остановилось и он замер, потрясенный.

Над отливающей синью плитой ископаемой смолы встал откуда-то из ее черной глубины гигантский зелено-серый призрак. Громадный динозавр замер не-

подвижно в воздухе, над верхним краем скалистого обрыва, вздыбившись на десять метров над головами остолбеневших людей.

Чудовище высоко несло свою горбоносую голову; большие глаза тускло и мрачно смотрели куда-то вдаль; безгубая широкая пасть обнажала длинный ряд загнутых назад зубов. Спина животного, слегка согнутая, круто спадала в невероятно мощный хвост, подпиравший динозавра сзади. Огромные задние лапы, согнутые в суставах, не уступали в мощности хвосту, подобные двум колоннам, трехпалые, с широко распластанными пальцами, вооруженными кривыми исполтинскими когтями. И почти под самой шеей, на наклонно нависшей над землей передней части туловища, нелепо и беспомощно торчали две тонкие когтистые передние лапки, такие крошечные по сравнению с гигантским туловищем и головой.

Сквозь призрак просвечивали черные утесы гор и в то же время можно было различить малейшую подробность тела животного. Испещренная мелкими костными бляшками спина чудовища, его шероховатая кожа, местами обвисшая тяжелыми складками, странный вырост на горле, выпуклости исполтинских мышц, даже широкие фиолетовые полосы вдоль боков — все это придавало видению изумительную реальность. И неудивительно, что пятнадцать человек стояли онемевшие и зачарованные, пожирая глазами гигантскую тень, реальную и призрачную в одно и то же время.

Прошло несколько минут. В неуловимом повороте солнечных лучей видение неподвижного динозавра растаяло и угасло. Перед людьми не было ничего, кроме черного зеркала, потерявшего синий отлив и отблескивавшего медью.

Громкий вздох вырвался одновременно у всех. Никитин облизнул пересохшие губы.

Долгое время никто не был в состоянии произнести хотя бы слово. Невероятное появление призрака чудовища разрушило все установленные образованием и жизненным опытом представления. Каждый чувствовал, что в его жизнь ворвалось неожиданно нечто совсем необычайное. Более всех потрясен был сам Никитин — ученый, привыкший анализировать и объяснять загадки природы. Но сейчас никакое разум-

ное объяснение происшедшего не приходило ему в голову.

Все терялись в догадках.

Лагерь шумел до поздней ночи, пока, наконец, Никитин не успокоил страсти заявлением, что в этой стране миражей нет ничего удивительного увидеть мираж чудовищного ископаемого. Этот призрак, по определению Никитина, никем иным, как тиранозавром, не мог быть.

Гудели проверяемые перед дальней дорогой моторы. Голубоватый дымок стлался над коричневыми гальками равнины.

Никитин взглянул на часы и поспешно направился к узкой щели в скалах.

Черное зеркало взглянуло на него глубоко и бесстрастно. Прежней тишины не было в этом месте пока — из-за скалистых стен неся шум моторов. Неясное ощущение чего-то оборвавшегося, утраченного охватило Никитина. Он ожидал появления вчерашнего призрака, но призрак не появлялся. Должно быть, Никитин неточно заметил время его появления и опоздал.

Сожалея об упущении и сам удивляясь силе своего огорчения, Никитин долго стоял перед грудой камней, образовавших пьедестал зеркала. Позади него послышался хруст песка — Мириам быстро подошла к нему.

— Мартын Мартынович говорит, можно ехать. Я вызвалась сбежать за вами... захотелось еще раз взглянуть... — отрывисто и быстро проговорила запыхавшаяся девушка.

— Сейчас иду, — нерешительно отозвался палеонтолог, помолчал и добавил: — Подождите, Мириам!

Девушка послушно приблизилась и стала так же, как и он, всматриваться в черное зеркало.

— Что вы будете делать, когда вернетесь, Мириам? — вдруг спросил Никитин.

— Работать, учиться, — коротко ответила девушка. — А вы?

— Также работать — над этими динозаврами и думать... — ученый запнулся и неожиданно резко закончил: — О вас!

Мириам опустила голову, ничего не ответив.

— Если бы я была на вашем месте, я бы все силы отдала на решение загадки с призраком динозавра. Ведь это не просто мираж... — заговорила она через минуту.

— Я и сам знаю, что не мираж! — недовольно воскликнул Никитин. — Но ведь я только палеонтолог. Если бы я был физиком...

Никитин оборвал разговор с неясной досадой на самого себя и подошел ближе к пласту удивительной окаменевшей смолы. Он долго вглядывался в его черную безответную глубину, и почти нестерпимое, дикое желание нарастало в его душе. На секунду раскрылась непроницаемая, недоступная человеку за века времени. Из всего огромного числа людей только ему и его спутникам было дано заглянуть в прошлое. И из них только он достаточно вооружен знаниями, опытом научной работы. Мириам права... Никитина охватило властное стремление раскрыть тайну природы.

Внезапно Никитин сообразил, что видит какие-то серебристые тени, всплывающие из черной глубины. Палеонтолог стал вглядываться уже осмысленно, напрягая зрение и внимание. Разрозненные части быстро сложились в неясное, но цельное изображение; оно было подобно плохо проявленному снимку огромных размеров. В центре проступала перевернутая фигура вчерашнего тиранозавра, однако сильно уменьшенная, слева виднелась группа огромных деревьев, а позади и внизу совсем смутно угадывались вершины каких-то скал.

Достав записную книжку, Никитин окликнул Мириам и стал зарисовывать новое призрачное видение. Оба жадно вглядывались в серебристо-серые тени, но изображение не становилось яснее. Скоро перед уставшими от напряжения глазами поплыли световые пятна, и снова глубокая чернота зеркала стала слепой и беспредметной.

С усилием Никитин заставил себя уйти из загадочного места. Он сознавал, что следовало бы остаться еще на несколько дней для наблюдения над зеркалом.

По редкому капризу судьбы, ему довелось встретиться с невероятным, из ряда вон выходящим явлением. Очень скоро, может быть через несколько дней,

солнце и ветер разрушат гладкую поверхность слоя смолы, и навсегда исчезнет загадка, так и не понятая им. Долг ученого — да что долг! — весь смысл существования — не упустить случайно открывшееся ему, передать всем людям.

И, вопреки всему, приходится оставить чудесное окно в прошлое у далеких, труднодоступных гор. У него больше нет времени. Оттягивать отъезд опасно. И без того для полноты раскопок экспедиция работала до последнего дня. Впереди — трудный обратный путь с перегруженными машинами. Рисковать из-за полубредового, необъяснимого явления человеческими жизнями, доверенными ему? Нет, нельзя.

Никитин быстро, почти бегом, вернулся к машинам.

Подойдя к «Молнии» он еще раз оглянулся на Мириам. Она неподвижно стояла у «Истребителя», повернувшись ко входу в ущелье. Это было последним впечатлением палеонтолога, которое он увозил с собой, покидая загадочное место.

— Поехали! — громко крикнул он и, захлопнув дверцу кабины, стал смотреть, как засверкали, убегая под крылья машины, искры гипса в долине костей.

Холодный, пасмурный свет быстро мерк в свинцовом небе. Сквозь двойные рамы виднелась черная обледенелая крыша с большими пятнами снега. Выходящий из трубы дым срывало резкими порывами ветра.

Никитин отодвинул книгу и выпрямился в кресле, охваченный глухой тоской.

Упрямо разум ученого не хотел сдаваться, но где-то внутри уже зрело горькое сознание бессилия.

С грустью вспоминал Никитин, что только безупречная репутация спасла его от явных насмешек, даже подозрений в ненормальности.

Помощь, за которой он обратился к физикам, вылилась в шутливое недоумение — мало ли в конце концов какие бывают обманы зрения, миражи, галлюцинации! И, ставя себя на их место, Никитин не мог осудить ученых.

Еще там, в горах, у кладбища динозавров, Никитин понял, что гладкая поверхность черной смолы хранила в себе что-то вроде фотографического снимка, непонятным образом отразившегося в воздухе. Но как

мог получиться снимок без бромосеребряных пластинок¹, без проявления и фиксирования? И, главное, обычный рассеянный свет не создает никакого изображения — нужна камера-обскура, то есть темная камера с узкой щелью или отверстием, проходя через которое световые лучи дают перевернутую картину того, что находится в фокусе². И тиранозавр в глубине черного зеркала казался перевернутым! Но...

Чтобы разгадать эту тайну, нужен был необычный порыв, страстное напряжение ума и воли, слившихся в достижении единственной цели. Нужно было вдохновение, но вдохновение здесь, в размеренном, привычном существовании, не приходило. Более того — все дальше отодвигалось случившееся там, за четыре тысячи километров отсюда, за степью и буграми знойных песков. Разве можно рассказать кому-нибудь, разве можно самому верить в призрачное видение страны миражей здесь, в бледном и трезвом свете холодного зимнего вечера? И Мириам... Разве не ушла Мириам из его жизни, не стала таким же исчезнувшим миражем?

Никитин закрыл глаза.

Миг — и исчезло потемневшее окно, снег и холод. Перед мысленным взором Никитина возникали одна за другой картины.

Слепящие, яркие белые стены, темная, пронизанная горячим золотом зелень листвы, журчащие арыки, медные клубы пыли...

Снова шли, покачиваясь, машины под мерный гул моторов в дрожащем, жарком воздухе, прорезая голубые цепи причудливых миражей. Сквозь дымку фантастического, ускользающего мира, повисшего над беспредельной сожженной равниной, все ярче выступал такой знакомый облик далекой Мириам. Палеонтолог вскочил, громыхнув креслом.

«Как я не понял этого сразу? Почему не сказал ей тогда? — думал он, шагая по комнате. — Но ведь можно и сейчас: поехать, написать...»

Никитин заволновался — к сердцу подступало что-

¹ Бромосеребряные пластинки — фотографические пластинки, покрытые слоем бромистого серебра, разлагаемого светом.

² Фокус — установка объектива на наиболее отчетливое изображение.

то властное, требовавшее немедленного решения... Он поедет к ней, скажет все. Теперь же.

Никитин неуклюже взмахнул рукой и задел позвонок динозавра, лежавший недалеко от края стола. Тяжелая кость с грохотом упала на пол, разбилась на несколько кусков. Ученый опомнился и бросился подбирать рассыпавшиеся осколки. Ему стало стыдно, точно его сокровенные грезы подглядел кто-то чужой. Никитин торопливо оглянулся, и окружавшее его опять неумолимо заполнило душу.

Это его мир, спокойный, простой и светлый, хотя временами, может быть, и слишком узкий. Высокий шкаф со стеклянными дверцами хранит на своих полках еще много неизученных сокровищ — остатков древней жизни...

И, кроме всего этого, великая загадка тени минувшего. Разве этого мало для него, неповоротливого тяжелодума, вечно опаздывающего, как говорил его учитель? Вот и с Мириам — он опоздал, безнадежно опоздал сказать ей там, в горах Аркарлы, в долине звенящих трав... А сейчас, чтобы завоевать Мириам, ему нужно все свои помыслы, все силы отдать этому. Как раз тогда, когда так много времени и энергии требует от него разгадка тени минувшего. Разве он сумеет, разве его хватит на все? Да и почему он так уверен, что Мириам готова полюбить его? А если она любит другого?

Никитин внезапно успокоился и снова сел в кресло. Человеческий ум не мог опустить свои мощные крылья перед непостижимым. Призрак динозавра должен был иметь какое-то объяснение!

Эта непреклонность перед самыми трудными задачами, протест против слепой веры и есть самая замечательная черта человеческого ума...

И все же думы Никитина невольно возвращались к экспедиции в пустыню. Он припоминал все до мелочей, особенно последние дни перед возвращением в Москву.

Цепкая память натуралиста неожиданно оказалась ему большую услугу.

Никитин вспомнил, как он в день отъезда из белого города ожидал машину в гостинице. Он растянулся на широком диване. Окно комнаты выходило на улицу, залитую солнцем. Ставни были закрыты, в полумрак

комнаты из щели между ставнями вонзался прямой и слабый световой луч.

На стене против окна промелькнули какие-то тени. Невольно проследив их движение, Никитин вдруг увидел ясное перевернутое изображение противоположной стороны улицы. Совершенно четко вырисовывались голые ветви тополей, приземистый дом с новой крышей, решетка железных ворот. Вот быстро прошел человек, вскидывая лапами халата, смешной, маленький, перевернутый вверх ногами...

Подобно свежему ветру, в голове Никитина пронеслось быстрое сообщение: маленькая, замкнутая, затененная нависшими скалами впадина в горах Аркарлы... узкая щель — проход на просторную равнину — и точно напротив нее смоляное зеркало... Ведь это огромная естественная камера, фокус, который можно вычислить!

Теперь для него ясно, как могло получиться изображение, но... но главное все еще непонятно: как же запечатлелся снимок, как могла сохраниться в тысячах веков мимолетная игра света и теней? Фотография не дала пока никакого ответа.

А! Стой!..

Никитин вскочил и зашагал по комнате.

Изображение было цветным! Нужно тщательно просмотреть теорию цветной фотографии.

Весь следующий день Никитин, забыв обо всем на свете, изучал толстую книгу по цветной фотографии. Он уже успел ознакомиться с теорией цветов и анализом человеческого зрения и теперь, просматривая последний отдел, «Особые способы цветной фотографии», внезапно наткнулся на письмо Ниэпса к Дагерру¹, написанное еще в 30-х годах прошлого столетия.

«...причем оказалось, что лакировка (асфальтовая смола) пластинки изменялась под действием света, что давало в проходящем свете нечто подобное изображению на диапозитиве, и все цветные оттенки можно было видеть очень отчетливо», — писал Ниэпс.

¹ Дагерр Луи — французский изобретатель и ученый; разработал первые методы фотографии. Ниэпс Жозеф — французский физик; ему принадлежит сама идея фотографии и изобретение камеры-обскуры.

Никитин глухо вскрикнул и, стиснув виски, как будто сдерживая разбегающиеся мысли, стал читать дальше:

«Когда полученное изображение рассматривалось под определенным углом в падающем свете, то можно было видеть очень красивый и интересный эффект. Явление это следовало бы поставить в связь с ньютоновским явлением цветных колец: возможно, что какая-либо часть спектра¹ действует на смолу, создавая тончайшие различия в толщине слоев...»

Драгоценная нить объяснения призрака тиранозавра потянулась через страницы. Вначале тонкая и хрупкая, она постепенно становилась крепче и надежнее.

Никитин узнал, что под воздействием стоячих световых волн изменяется структура гладкой поверхности фотографических пластинок, что эти стоячие волны создают определенные цветовые отпечатки, не зависящие от обычного черного изображения, получаемого в результате химического воздействия света на бромистое серебро фотопластинки. Эти отпечатки сложных отражений световых волн, совершенно невидимые даже при сильных увеличениях, отличаются только одной способностью — избирательно отражать свет только определенного цвета, при освещении изображения под одним, строго определенным углом. Сумма этих отпечатков и дает великолепное изображение в естественных цветах.

Значит, в природе существует непосредственное воздействие света на некоторые материалы, достаточное для получения изображения и без помощи разлагаемых светом соединений серебра.

Именно это и было той зацепкой, которой так не хватало ученому.

Никитин ускорил шаги. С подтаявших крыш падали редкие капли. Ученый, волнуясь, спешил в институт. Три месяца работы не прошли даром — он знал, что и где искать, и теперь помощь оптиков, физиков и фотографов далеко продвинула решение задачи.

¹ Спектр — разноцветная полоса, получающаяся при прохождении светового луча через призму.

И вот сегодня он впервые решается выступить перед ученым миром.

Тема доклада и имя Никитина собрали значительную аудиторию. Палеонтолог рассказал о невероятном случае с призраком тиранозавра и сейчас же заметил веселое оживление собравшихся. Никитин нахмурился, но продолжал неторопливо и четко:

— Этот свежескрытый слой ископаемой смолы, оказывается, хранил в себе световые отпечатки — снимок одного момента существования природы мелового периода. Солнечные лучи, отражаясь от этого черного зеркала под определенным углом, отбросили, вроде проекционного фонаря, на какие-то создающие мираж струи воздуха гигантский призрачный облик живого динозавра уже не в перевернутом виде. Получилось своеобразное слияние отраженного изображения с миражем, увеличившее размеры светового отпечатка.

Без сомнения, выдержка, нужная для получения светового отпечатка в смоле, была велика... Но, возможно, сила солнечного освещения в те времена с тропическим климатом была несколько больше, а может быть, и динозавры могли целыми часами стоять неподвижно. Современные крупные пресмыкающиеся — крокодилы, черепахи, змеи, большие ящерицы — по несколько часов остаются неподвижными, не меняя положения. Их нельзя сравнивать с бурлящими энергией млекопитающими. Поэтому при условии большой выдержки вполне возможны снимки живых ящеров, что и доказано виденным мною динозавром.

Я рассчитал место, с которого был запечатлен снимок, — ученый показал на большой план местности, приколотый к доске, — оно в ста тридцати девяти метрах от подножия каменных башен. Полученный благодаря сильному освещению или особенному расположению облаков, или еще каким-либо другим условиям снимок, очевидно, был немедленно закрыт натеками последующих слоев асфальтовой смолы и таким образом сохранен от уничтожения. Сотрясение от взрыва отделило все верхние слои, вскрыв непосредственно асфальтовый снимок...

Никитин помолчал, стараясь преодолеть охватившее его волнение.

— В конце концов, — продолжал он, — важно не это

чудесное происшествие, не то, что несколько человек впервые в мире увидели живой облик ископаемого животного. Величайшее значение только что доложенного вам наблюдения заключается в реальном существовании световых отпечатков древнейших эпох, запечатленных в горных породах и сохраняющихся десятилетиями, может быть сотни миллионов лет. Это реальные тени минувшего из таких глубин времени, которых мы даже не можем охватить своим разумом. Мы не подозревали об их существовании. Никому и в голову не приходило, что природа может фотографировать самоё себя, поэтому мы и не искали этих световых отпечатков.

Конечно, снимки минувшего требуют такого количества совпадений различных условий, что могут получаться и сохраняться только в невероятно редких случаях. Но ведь за огромное количество прошедшего времени и число таких случаев должно быть очень большим! К примеру: каждый случай сохранения ископаемых костей тоже требует очень редких совпадений. Тем не менее мы знаем уже очень много вымерших животных, и их число возрастает чрезвычайно быстро по мере развития палеонтологических исследований.

Световые отпечатки, снимки минувшего, могут образоваться и сохраниться не только на асфальтовых смолах. Без сомнения, мы можем искать их в некоторых распространенных веществах горных пород — солях окиси и закиси железа, марганца и других металлов. Давно известно фотографирование методом выцветания, путем разрушения светом какой-нибудь нестойкой к нему краски и получения таким образом дополнительного цвета¹. Где искать их, эти картины прошлого? В тех отложениях горных пород, где мы можем предполагать очень быстрое наслоение на открытом воздухе или в очень мелкой воде. Вскрывая без повреждения поверхность напластований и улавливая световые отражения какими-нибудь приборами, облегчающими восприятие световых отпечатков, мы

¹ *Дополнительные цвета.* — Существуют только три основных цвета: красный, синий и желтый; цвет, дополнительный к основному, получается из смешения двух основных цветов.

должны научиться понимать эти следы световых волн минувших времен.

Наконец мы вправе предположить, что природа фотографировала свое минувшее не только с помощью света. Вспомните еще не объясненные наукой до конца снимки окружающего, которые оставляет изредка молния на деревянных досках, стекле, коже пораженных ею людей. Можно представить себе запечатленные изображения с помощью электрических разрядов, невидимых излучений вроде радия.

Отдайте себе только ясный отчет в том, что вы ищете, и вы будете знать, где искать, и найдете!..

Никитин закончил доклад. Последовавшие выступления были полны скептицизма. Особенно горячился один известный геолог, который с присущим ему красноречием охарактеризовал выступление Никитина как увлекательную, но с научной точки зрения гроша медного не стоящую «палеофантазию». Но все нападки не задели ученого. У него давно уже окрепло твердое решение.

Металлические удары глухо разносились по огромному залу. Никитин остановился у входа. В двух стоявших друг против друга витринах приземистые ящеры скалили черные зубы. За витринами пол был завален брусками, железными трубами, болтами и инструментами. Посередине на скрещенных балках поднимались вверх две высокие вертикальные стойки — главные устои большого скелета динозавра. К задней стойке уже присоединились сложно изогнутые железные полосы. Два препаратора осторожно прикрепляли к ним громадные кости задних лап чудовища. Никитин скользнул взглядом по плавному изгибу трубы, обрамлявшей каркас сверху и щетинившейся медными хомутиками. Здесь будут установлены все восемьдесят три позвонка тиранозавра по контуру хищно изогнутой спины.

У передней стойки Мартын Мартынович с большим газовым ключом балансировал на шаткой стремянке. Другой препаратор, мрачный и худой, в холщовом халате, карабкался по противоположной стороне лестницы с длинной трубой в руках.

— Так не выйдет! — крикнул палеонтолог. — Осторожнее! Не ленитесь передвинуть леса.

— Да ну, что тут канителиться, Сергей Павлович! — весело отвечал сверху латыш. — Мы — да не сумеем? Старая школа!

Никитин, улыбнувшись, пожал плечами. Мрачный preparator вставил нарезку трубы в верхний тройник, которым заканчивалась стойка. Мартын Мартынович энергично повернул ее ключом. Труба — опора массивной шеи — повернулась и повлекла за собой мрачного preparatora. Он и латыш столкнулись грудью с грудью на узенькой верхней площадке стремянки и рухнули в разные стороны. Грохот упавшей трубы заглушил звон стекла и испуганный крик. Мартын Мартынович поднялся, смущенно потирая свежую шишку на лысой голове.

— Падать — это тоже старая школа? — спросил палеонтолог.

— А как же ж! — подхватил находчивый латыш. — Другие бы покалечились, а у нас пустяк — одно стекло, и то не зеркальное... Леса-то придется передвинуть, неладно же ж, — как ни в чем не бывало закончил Мартын Мартынович.

Никитин надел халат и присоединился к работающим.

Наиболее медленная часть работы — предварительная сборка скелета и изготовление железного каркаса — была уже пройденным этапом. Теперь каркас был готов, оставалось собрать его и прикрепить на уже припаянных и привинченных к нему упорах, хомутиках и болтах тяжелые кости — тоже результат многомесячного труда; preparatory освободили их от породы, склеили все мельчайшие отбитые и рассыпавшиеся части, заменили гипсом и деревом недостающие куски.

Каркас был прилажен удачно, исправления в ходе монтажки скелета оказались незначительными. Ученые и preparatory работали с энтузиазмом, задерживаясь до поздней ночи.

Всем хотелось скорее восстановить в живой и грозной позе вымершее чудовище.

Через неделю работа была закончена. Скелет тиранозавра поднялся во весь рост; задние лапы, похожие на ноги гигантской хищной птицы, застыли в полу-

шаге; длинный выпрямленный хвост волочился далеко позади. Громадный ажурный череп был поднят на высоту пяти с половиной метров от пола; полураскрытая пасть напоминала согнутую под острым углом пилу с грубыми редкими зубьями.

Скелет стоял на низкой дубовой платформе, сверкающей черной полированной поверхностью подобно крышке рояля.

Косые лучи вечернего солнца проникали через высокие сводчатые окна, играя красными отблесками на зеркальных стеклах витрин и утопая в черноте полированных постаментов.

Никитин стоял, облокотившись на витрину, и придирчиво оглядывал в последний раз скелет, стараясь найти какую-нибудь не замеченную ранее погрешность против строгих законов анатомии.

Нет, пожалуй, все достаточно верно. Огромный динозавр, извлеченный из кладбища чудовищ в пустыне, теперь стоит доступный тысячам посетителей музея. И уже заготавливаются каркасы для других скелетов рогатых и панцирных динозавров — великолепный результат экспедиции...

Блеск солнца на черной крышке постамента живо напомнил палеонтологу смоляное зеркало в горах Аркары...

Да, конечно, скелет поставлен им в той же позе, в какой неизгладимо врезался в память призрак живого тиранозавра. И эта поза производит впечатление полной естественности, что нельзя сказать про монтажки других музеев.

«Если бы мои уважаемые коллеги знали, чем я руководствовался! — усмехнулся про себя Никитин. — Впрочем, победителей не судят».

И снова мысли ученого, подобно стрелке компаса, повернулись в разгаданной тени минувшего. Призрак перестал быть загадкой, явление было ясно ученому. Исчезла и страстная напряженность мысли, возмущение разума перед непостижимой тайной природы. Ход размышлений стал спокоен, холоден и глубок.

Ученый хорошо понимал, что до тех пор, пока он не докажет миру действительное существование световых отпечатков прошлого, ему придется работать одному. У него, по всей вероятности, не будет ни специальных средств, ни лишнего времени — все ему при-

дется делать попутно со своей основной работой. Огромная, непосильная задача! И сама геология против него.

В процессах, создающих осадочные горные породы, то есть те наслоения, которые могут воспринимать световые отпечатки, чрезвычайно редки случаи быстрого наслоения, отложенные со скоростью, достаточной для того, чтобы избежать последующего воздействия света. И это должно совпасть с условиями, хотя бы отдаленно подобными камере-обскуре, чтобы на поверхность слоя упал не просто рассеянный свет, а световое изображение. А сколько уже полученных снимков может погибнуть в дальнейшем при уплотнении, перекристаллизации или других химических изменениях осадочных пород!

Какие шансы найти в бесконечно большом числе напластований именно ту поверхность, которая одна из миллионов подобных сохранила снимок минувшего?

Неужели глубины времен навсегда останутся безответными и недостижимыми для нас?

Нет, именно эта бесконечная, бездонная глубина прошлого должна помочь нам. Нужна редчайшая случайность, та, которая может быть раз в тысячу лет, и нет никаких шансов наткнуться именно на нее. Но если этих тысячелетий прошли миллионы, то миллион случайностей — это уже вполне доступное для наблюдений число.

И оно во много раз увеличивается еще тем, что поверхность Земли огромна.

Территория нашей Родины — это сотни миллионов квадратных километров, сложенных разными горными породами, образовавшимися в самых различных условиях. Имея дело с большими числами, нужно отказать от узких, рожденных житейским опытом представлений... «В поисках минувшего моя Родина за меня, — думал ученый. — Где же еще обнаружить новые снимки прошлого, как не на ее необозримых просторах!»

Уверенность и стремление к новым поискам, новой борьбе снова воскресли в душе Никитина.

Прежде всего необходим аппарат, улавливающий отраженный от слоя породы свет. Может быть, камера с очень светосильным и в то же время широкоуголь-

ным объективом¹. Очень важно правильно установить угол отражения... Может быть, сделать вращающуюся призму?

Никитин, не взглянув более на скелет тиранозавра, поспешил в свой кабинет.

— Нет, не сюда, товарищ профессор. — Бородастый колхозник с суровым лицом остановил шедшего в задумчивости Никитина. — Тропинка эта верховая, а нам надо налево, в овраг.

— А далеко еще до красных обрывов? — спросил один из помощников Никитина.

— Как спуститься оврагом до реки — с километр, да берегом километра четыре. — И проводник деловито зашагал вперед.

Огромные, толстые ели стеснили тропинку. В промежутках между серовато-зелеными стволами и косыми замшелыми нижними ветками глубоко внизу поблескивала река, как разбросанные осколки разбитого зеркала. Воздух был насыщен сладковатым запахом еловой смолы, более мягким и приторным, чем запах сосны. Овраг, заросший ольхой, походил на длинный крытый коридор, устланный толстым слоем побуревших старых листьев. Листья становились все чернее и мокрее, под ними захлюпала вода. Овраг кончился. Исследователи оказались на берегу быстрой и холодной реки, узкое русло которой пролегалось в высоких крутых берегах. Каждый поворот реки и тихое плесо обозначались издали ярким блеском солнца. Быстрины были тусклые и от этого казались хмурыми и холодными.

Недалеке виднелись крутые обрывы темно-пурпурных глин, окаймленные сверху зелеными арками заросшей верхней кромки склона.

Вскоре маленький отряд достиг обрывов, и рабочие приступили к делу. В дюжих руках быстро замелькали лопаты и кирки. Глина крупными зернами, шурша, катилась в реку, словно дождь орехов. Осторожно

¹ Светосильный объектив — фотообъектив, пропускающий много света, для быстрой съемки. Широкоугольный объектив — фотообъектив, захватывающий с близкого расстояния большую площадь.

подбивая клинья, обнажили блестящую, гладкую поверхность слоя глины. Пласт лежал с небольшим наклоном, и Никитину пришлось соорудить помост и установить свой аппарат высоко над вскрытым слоем. Кончив свое дело, рабочие ушли, помощники отправились вверх по берегу с удочками, и палеонтолог остался один.

Часы шли. Никитин дежурил у аппарата, изредка позволяя себе на две-три минуты закрыть усталые глаза. Ученый не волновался, почти совершенно уверенный в очередной неудаче. Неоднократно и в разных местах Никитин устанавливал свой прибор, в томительном ожидании вглядываясь в мертвую гладь камня. С каждым разом волнение и ожидание нового открытия слабели, угасала надежда, но ученый упорно продолжал свои наблюдения во всех подходящих, по его мнению, местах. Так и теперь, почти без интереса, связанный лишь взятым на себя тяжелым долгом, Никитин наблюдал в аппарат свежевскрытый слой затвердевшей пурпурной глины. Солнце медленно изменяло углы освещения, могучие ели слабо качали своими верхушками, чуть слышно плескала вода в прибрежной оспе.

И вдруг в однообразном ровном освещении появились редкие темные пятна, стали резче, разбросались по всему вскрытому слою. Подбирая наклон отражения с помощью вращающейся призмы, Никитин добился, наконец, ясной видимости.

Перед ним был очень светлый берег необычайно прозрачного зеленого моря. Почти идеальная плоскость серебряно-белого песка неуловимо переходила в изумрудную воду. Длинные прямые гребешки маленьких волн застыли в своем взлете, прочертив кристально ясную поверхность воды яркими синевато-зелеными полосами. На более далеком плане полосы дробились в треугольники, заостренные верхушки волн заворачивались вниз, показывая вспышки ослепительно белой, тоже серебряной пены. В чистой зелени воды даль казалась голубой, чувствовались дивная прозрачность воздуха и поразительная яркость света.

Почти со страхом смотрел Никитин на этот кусочек несказанно светлого и ясного мира, сознавая, что гребешки волн застыли в солнечных лучах, светивших

более четырехсот миллионов лет назад. Это был берег силурийского¹ моря...

Видение исчезло очень скоро с ничтожным поворотом солнца. Дневной свет, вызывая видение, сам же и гасил его, не давая возможности пустить в ход фотографический аппарат.

Никитин остался ночевать тут же, под помостом. Только завтра в этот же час солнце снова могло вызвать к жизни призрачные тени.

Но напрасно дрожал ученый от ночной сырости, отбивался от надоедливых комаров. Переменчиво северное лето: пасмурное утро закончилось дождем. В промозглом тумане ученый с отчаянием следил, как струилась вода по гладкой поверхности глины, как струйки дождя постепенно краснели и как, наконец, снимок чудесного силурийского моря превратился в липкую бурю грязь.

Второй раз удалось Никитину увидеть тень минувшего, только на миг восхитившись прекрасным видением. Но все же, если поиски удались однажды, нужно пробовать снова и снова!

Теперь Никитин решил попытаться искать снимки прошлого на стенах пещер — этих естественных камер-обскур. Там снимок защищен от капризов погоды, от изменений солнечного освещения. А он, наученный горьким опытом, будет теперь готовить фотоаппарат заранее, перед наблюдением. Тогда минувшее не ускользнет. Нужно искать в неглубоких пещерах, где в известковых натеках окажутся изменяющиеся от света вещества.

Над густой масляной водой медленно полз редкий серый туман. Берега светились от инея, а круто спадавшие горные склоны угрюмо чернели, оттаяв в лучах поднявшегося солнца.

Тупой нос неуклюжего карбаза, закрытый просмоленным брезентом, был направлен на далекую отвесную скалистую кручу, встававшую поперек могучей реки.

Широкое плесо дышало пронизывающим холодом,

¹ Силурийский период — эпоха в истории Земли, около 400 миллионов лет назад.

струилось беззвучно и быстро. Издалека неся рокочущий, тяжелый рев. Никитин стоял на осклизлых досках рулевого помоста рядом с лоцманом, крепко державшимся за деревянные колышки, вбитые в бревно рулевого весла.

Лоцман потер неуклюжей рукавицей покрасневший нос.

— То Боллоктас ревет,— хрипло сказал он, двигаясь к Никитину,— самый страшный порог!

— За поворотом? — медленно спросил Никитин.

Лоцман хмуро кивнул.

— Там и есть пещера? — продолжал Никитин.— На левом берегу?

— Взаправду причаливаться хотите? — тревожно прохрипел лоцман.

— Да, другого исхода нет — берегом по кручам не пройти,— твердо ответил ученый.

Поверхность воды начала вспучиваться длинными и плоскими волнами. Карбаз — тяжелый плоскодонный ящик с треугольным носом — стал медленно покачиваться и нырять. Под носом захлопала вода. Рев приближался, нарастая и отдаваясь в высоких скалах. Казалось, самые камни грозно ревели, предупреждая пришельцев о неминуемой гибели.

Лоцман подал команду, гребцы заворочали тяжелыми веслами. Карбаз повернулся, ныряя. Река входила в узкое ущелье, сдавившее ее мощный простор. Гигантские утесы метров четырехсот высотой надменно вздымались, сближаясь все больше и больше. Русло реки напоминало широкий треугольник, вершина которого, вытягиваясь, исчезала в изгибе ущелья. У основания треугольника высокий пенистый вал обозначал одиночный большой камень, а за ним треугольник пересекался рядом острых, похожих на черные клыки камней, окруженных неистово крутящейся водой. Ущелье вдали было заполнено острыми стоячими волнами, точно целый табун вздыбленных белых коней протискивался в отвесные темные стены. Налево в каменную стену вдавался широкий полукруглый залив, искривляя левую сторону треугольника, и туда яростно била главная струя реки, взметывая столбы сверкающих брызг.

Никитин опустил бинокль и схватился за рулевое весло, помогая лоцману. Навстречу летел, оглуши-

тельно шумя, средний камень. Карбазу нужно было пройти не по сливу, а с опасной левой стороны, иначе непреодолимая сила воды отбросит судно к гряде камней и... к пещере можно будет попасть лишь в будущем году. А это значит — никогда, потому что работы экспедиции были закончены, предстояло спешное возвращение.

— Бей пуще! Пуще! — заорал лоцман.

Карбаз взлетел на гребень высокого вала — за камнем вода падала в глубокую темную яму. Карбаз рухнул туда. Раздался тупой стук днища о камень, рывок руля едва не сбросил Никитина и лоцмана с мостков, но оба крепко уперлись в бревно и пересилили. Судно слегка повернуло и несло теперь под тупым углом к берегу, отклоняясь к грозным каменным клыкам.

Карбаз, заливаемый водой и пеной, отчаянно держался, прыгая на высоких волнах.

— Гребите! — надсаживался лоцман.

Промокшие и вспотевшие гребцы — рабочие и сотрудники экспедиции Никитина — изо всех сил рвали непослушные весла. Менее опытные со страхом ожидали крушения, взглядывая на упрямого начальника. Его лицо, обросшее темной бородой, казалось грозным.

Никитин стоял, широко расставив ноги, на дрожащих мостках, мысленно измеряя и рассчитывая расстояние до белой пенной линии — границы отраженного обратного течения. Лоцман, закусив губу, смотрел туда же. Карбаз замедлил ход, потом снова рванулся вперед и бросился прямо в кипящую пену. Хотелось зажмурить глаза и сжаться в комочек — секунда, и судно неминуемо разобьется в щепы о скалы. Однако ход карбаза снова стал замедляться. С резким толчком судно остановилось и, подхваченное обратным течением, вошло в глубокую черную воду, тихо плескавшуюся у подножия гнейсовых уступов, круто спадавших в реку.

Никитин не сдержал вздоха облегчения. В конце концов рискованное исследование пещер Боллоктаса вовсе не входило в задание его экспедиции, и если бы в погоне за тенью минувшего случилось несчастье... Но карбаз уже причалил, мягко ткнувшись в скалу. Коллектор лихим прыжком соскочил на выступ скалы и закрепил за камень причальный канат.

— С благополучным прибытием, товарищ начальник! — шутливо согнулся перед Никитиным лоцман.

— Лихо прошли! — одобрительно отозвался ученый.

— По-русски, верняком! — отрубил лоцман.

Крутые склоны поднимались над карбазом метров на полтора. Выше склон образовал широкий уступ, длинную площадку, полукольцом огибавшую выступ берега. Над площадкой склон горы становился пологим. У его основания располагалось девять черных отверстий — входы в пещеры. Весь склон зарос невысокими кудрявыми соснами, белел сухим оленьим мхом.

Никитину и его помощникам без особого труда удалось поднять вверх все нужное снаряжение. Весь остаток дня провел палеонтолог в пещерах, пока не убедился, что был прав в своих предположениях.

На плоской задней стене пещеры тонкие гладкие натеки наслаивались последовательно. Порода была окрашена в густой желто-зеленый цвет. Никитин надеялся, что примеси солей железа и хрома, изменившись под действием света, могут сохранить в каком-либо слое световой отпечаток той эпохи, когда здесь били горячие ключи и еще не потухла окончательно вулканическая деятельность, — около шестидесяти тысяч лет назад.

Помощники ученого расчистили вход. Круглое отверстие отбрасывало свет на заднюю стену. Пещера и в самом деле была похожа на внутренность фотографического аппарата.

С бесконечным терпением и тщательностью Никитин приступил к работе. Счищая слой за слоем, он освещал поверхность каждого слоя специально сконструированной им магниевой лампой¹.

Ученый поворачивал то лампу, то призму, меняя углы освещения и отражения, но ни малейшего намека на видение не проступало в стеклах прибора.

Больше десяти тонких слоев уже было осмотрено и сбито со стены. Оставалась очень тонкая корка натека. Никитин незаметно проработал всю ночь, но, озлобленный неудачей, не чувствовал усталости. Только

¹ *Магниевая лампа* — лампа, в которой сжигается металлический магний.

рябило в глазах от яркого света да подходил к концу запас магниевой смеси.

Неужели еще одно потерянное лето — сейчас, когда он достаточно вооружен для поимки тени прошлого!

Одиннадцатый слой показался Никитину еще более гладким, чем все прежние. Ученый снова зажег магниевую лампу. Несколько поворотов шаровой головки — и в приборе проступило круглое смутное изображение. Серая, неясная тень в правом углу походила на согнутую человеческую фигуру с какой-то косой линией за плечом; налево смутные пятна очерчивали нечто округленное и непонятное. Никитин регулировал прибор, но видение не становилось яснее. Он понимал, что перед ним новый снимок минувшего, однако настолько неясный, что было бы затруднительно даже описать его, не только сфотографировать. Никитин всыпал новую порцию магниевой смеси, увеличив до предела свет лампы. Да, это, без сомнения, человеческая фигура. Значит, все дело в силе освещения. Хотя магниевый свет и дает спектр, подобный солнечному, но сила его недостаточна. Только могучее солнце может дать жизнь им же порожденным теням! И чувствительность его аппарата недостаточна — он слишком прост, этот копирующий фотокамеру прибор.

Перегревшаяся лампа, вспыхнув в последний раз, погасла. В тьме пещеры явственно выделялось круглое отверстие входа... Рассвет! Обычное спокойствие оставило ученого — в ярости он стукнул кулаком по ни в чем не повинному прибору.

Никитин совсем разъярился. В пещере ему не хватало воздуха, он бросился наружу и, сильно стукнувшись головой о свод, упал на колени. Удар несколько образумил ученого, но ярость, клокотавшая в нем, не угасла. Прищуренным глазом он оглядел нависшую над входом глыбу. Так, его лампа не годится! Но он увидит тень минувшего при солнечном свете! Он всегда имел при себе аммонал, чтобы при случае быстро вскрыть нужные слои, взорвав лежащую на них породу.

Палеонтолог деловито осмотрел склон над пещерой, заметил длинные вертикальные трещины, расщелившиеся гнейсовые глыбы. Обрушить этот каменный завал — пустяки!

Ученый начал спускаться к берегу, где расположились на ночлег его спутники, но передумал и вернулся в пещеру. Там он определил угол, под которым падал на поверхность известкового слоя свет его лампы, и взял по компасу направление. Отлично! Солнце будет тут между двумя и тремя часами! Можно успеть выспаться как следует, а то глаза так устали, что и при солнце он ничего не увидит. Хорошо, что утро обещало погожий день!

Как только рассеялась пыль от взрыва, Никитин стал поспешно устанавливать аппарат, балансируя на грудах каменных осколков. Гладкая зеленоватая стена, не поврежденная взрывом, влажно отблескивала в ярком дневном свете.

Нет, теперь он не будет наивен — приготовленная кассета¹ крепко зажата в руке. Едва мелькнет в стекле прибора рожденное солнцем изображение — и он установит фокус, сразу же кассета будет вставлена в аппарат. В результате удачного снимка будет доказано существование, более того — возможность сохранения и передачи теней минувшего. Решительный поворот в трудном пути — дальше он пойдет уже не один! Что значат усилия одиночки в сравнении с дружной работой многих людей, очень хорошо известно каждому, кто пытался проложить новые дороги в науке или технике.

Никитин посмотрел на часы — два часа двадцать три минуты — и прильнул к стеклу, вцепившись в поворотный винт призмы. Снова медленно потянулось время, но сейчас ожидание было напряженным — ученый знал, что увидит минувшее.

Медленно, очень медленно солнце изменяло свое положение на небе. Никитин забыл про все окружающее...

Вот серая согнутая тень направо постепенно вырисовалась четким контуром человеческой фигуры. Косая линия обрисовала копье.

Вобрав голову в широкие плечи со вздутыми, напряженными мускулами, человек уселся, пригнув-

¹ Кассета — коробка с выдвижной стенкой (шибером), в которую закладывается фотопластинка или пленка.

шись, выставив вперед длинное копье. Широкое, изобретенное морщинами лицо было наполовину повернуто к Никитину, но глаза устремлены на синеющие вдали округлые, заросшие лесами горы, открывавшиеся за обрывом площадки. Никитин успел заметить густые всклокоченные волосы, обрамлявшие довольно высокий лоб, выдающиеся скулы, массивные челюсти. Ученому показалось, что на лице человека он прочел тревожное и мучительное раздумье, словно тот в самом деле пытался заглянуть в будущее. Все это Никитин рассмотрел за несколько мгновений. Несмотря на жгучий интерес к другим деталям картины, палеонтолог не мог разрешить себе дольше всматриваться в аппарат, ему нужен был снимок. Никитин быстро вставил кассету и схватился за шибер, чтобы открыть пластинку, но замер на месте, так и не сделав нужного движения. Блеск гладкой стены внезапно потух, вокруг потемнело, и, оглянувшись, Никитин увидел массивную длинную тучу, медленно наползавшую на солнце. А за ней сомкнутыми рядами, оседая на вершины окрестных сопок, ползли из-за гор тяжкие свинцовые облака того зловещего лилового оттенка, который предвещает сильный снегопад.

С отчаянием в душе ученый осматривал небо. Если пойдет снег, то он больше ничего не увидит — тончайшие отпечатки света неминуемо будут стерты.

Затаив смутную надежду, Никитин покрыл аппарат плащом, оставив его на месте до следующего дня, и апатично поплелся к палаткам. Нелепая случайность, новая неудача отравили сознание, обессилили тело.

Спутники Никитина притихли, глядя на подавленного, молча сидящего начальника; они переговаривались вполголоса, как у постели тяжело больного.

В скалах жалобно завыв ветер, закрутились крупные хлопья снега.

Никитин налил себе спирту, выпил и приказал принести сверху аппарат. Не только погибла всякая надежда увидеть снова образ древнего человека — больше нельзя было допускать ни одного лишнего часа задержки. Приходилось взять себя в руки: запоздание могло привести к тому, что карбаз попадет в ледостав и застрянет в замерзшей реке ниже порогов, среди безлюдной тайги.

Наутро, едва лишь на небе резко выступили вершины сопков, люди засуетились, укладывая вещи.

Причальный канат тихо плеснул, упав в воду; карбаз едва заметно продвигался к пенной границе главной струи. Вдруг словно чудовищная мягкая лапа подхватила судно. Карбаз рванулся вперед и понесся в ущелье, где исчез, прыгая, как щепка, в реве и пене острых волн.

Настольная лампа с глубоким колпаком бросала круг света на заваленный книгами стол. В большом кабинете было полутемно. Никитин в напряженном раздумье неподвижно сидел у стола.

Три года, как он не знает покоя... Прежняя работа кажется ему теперь такой спокойной и ясной, так манит снова отдаться ей целиком! А он не может и разрывается между старым и новым, стараясь добросовестно выполнять свои прежние задачи, в то время как вся душа его — в погоне за тенью минувшего. За эти три года еще дважды минувшее было у него в руках, два раза он видел то, что не дано было никому увидеть. И он так же далек от выполнения задачи, как в тот незабываемый момент в горах Аркарлы. И аппарат... он не годится. Он слишком груб.

Должно быть, он сделал ошибку в прошлом. Человек не должен быть одинок...

Никитин зажег верхний свет и, щурясь, стал собирать разбросанные бумаги. Бросил взгляд на свой прибор, стоявший на отдельном столике, потертый и ищарапанный в путешествиях. На секунду сравнил себя с ним, горько усмехнулся и вышел.

В музее было темно. Кабинет Никитина находился в конце огромного зала, заполненного витринами и скелетами вымерших животных. Выйдя из освещенной комнаты, Никитин как бы ослеп. Он знал проходы между витринами, но знал также, что в нескольких местах в проходе выступают рога и оскаленные пасти скелетов, стоящих на открытых платформах. В темноте легко было ушибиться или, что еще хуже, разбить хрупкие кости.

Ученый остановился и стал ждать, пока глаза привыкнут к темноте. Вот едва заметно заблестели стекла витрин, но темные кости скелетов сливались с тем-

ным пространством зала, который качался пустым. Многолетней привычкой Никитин чувствовал незримое присутствие мертвого населения музея. Странное впечатление овладевало палеонтологом — словно зал был наполнен призраками, ощущаемыми, но невидимыми.

Никитин двинулся вперед, ворча на несовершенство собственных глаз. Он знает все, что здесь находится, знает, что где стоит, и ничего не видит. Не хуже тени минувшего! Скелеты существуют и в то же время исчезли — для глаз слишком мало света...

И вдруг Никитин остановился — сравнение с тенью минувшего поразило его. Как он был наивен, надеясь только на свои глаза! Почему он упустил из виду, что тончайшие отпечатки световых волн могут в огромном большинстве случаев отражать лишь ничтожные количества света, количества, не воспринимаемые аппаратом? Потому и искусственное освещение не могло вызвать вполне отчетливо запечатленные картины минувшего. А сколько, значит, пропущено более слабых отпечатков!

Никитину стало стыдно. Он, ученый, действовал при создании своего прибора кустарно, по-дилетантски! Он забыл про мощь современной техники, обладающей приборами, чувствующими самые ничтожные количества света!

Медленно переступая, подвигался палеонтолог по темному залу музея, и с каждым шагом крепло представление о новой конструкции его аппарата. Он обратился снова к физикам и техникам. Ему нужно получить восприятие отраженного от снимка света не непосредственно, а через комбинацию чувствительных фотоэлементов, перевести свет в электрический ток, усилить его и снова превратить в свет, уже видимый глазом.

Затруднение предвидится в точной передаче цветов, но тут можно комбинировать. Можно дать усиление контуров, а цвет получится из непосредственного отражения.

Никитин задел плечом витрину и шарахнулся в сторону... Да, тут есть над чем подумать, но, кажется, ключ к решению вопроса найден. «Если удастся создать такой аппарат, — продолжал думать ученый, — мне ничего не страшно. На открытом воздухе я делаю навес, даю искусственный свет. А под землей и говорить

нечего! Тогда тень минувшего — тут! — Палеонтолог сжал пальцы в кулак. — С несколькими фотоэлементами¹ я могу менять настройку аппарата, повышая или понижая чувствительность к разным лучам спектра».

Веселый молодой машинист придвинулся поближе к инженеру, провожавшему в шахту группу явно наземных людей.

— Как их, Андрей Яковлевич? — шепотом спросил он. — С ветерком или с подпояской? — Машинист выразительно подмигнул на пришедших.

— Что ты, что ты! — ужаснулся инженер. — Это ведь знаменитый ученый! — Он украдкой указал на замешкавшегося Никитина. — И аппарат их повредишь... Посмей только! — угрожающе закончил инженер.

Никитин, отличавшийся тонким слухом, расслышал весь этот короткий и непонятный для непосвященных разговор и поспешил вмешаться.

— Давайте и с ветерком и с подпояской! — громко обратился он к машинисту. — Ни мне, ни аппарату ничего не делается. Люблю вспомнить старые времена! А моим ребятам полезно — пусть привыкают.

Смутившийся машинист удивленно посмотрел на ученого, потом широко улыбнулся и кивнул головой.

Клеть медленно начала спускаться и внезапно рухнула вниз, точно оборвался канат. Ноги отделились от пола, сердце, показалось, подступило к горлу, дыхание оборвалось. Падение клетки все ускорялось, затем так же внезапно и резко замедлилось. Огромная тяжесть придавила людей к полу. словно невидимые руки перетянули каждого широким, неумолимо стягивающим поясом.

Это ощущение длилось не более секунды, и снова пол ушел из-под ног, тело стало невесомым, а замирающее сердце устремилось вверх.

— Ох! — вскрикнул помощник Никитина.

Но клеть уже плавно замедляла свой спуск и оста-

¹ Фотоэлемент — прибор, в котором под действием света возникает электрический ток.

новила на одном из наиболее глубоких горизонтов шахты.

Чтоб им пусто было! — выругался помощник, стараясь унять дрожь в коленях.

Никитин задорно расхохотался, к негодованию своих перепуганных сотрудников.

Палеонтолог спускался в шахту с небывалой уверенностью в успехе. Причиной этой уверенности был и заново переконструированный аппарат, и то, что здесь горняки обнаружили слой окаменевшей смолы, подобный черному зеркалу, впервые показавшему ему призрак динозавра, и... только что полученное им письмо.

Никитин улыбнулся, перебирая в памяти немногие строки. Писала Мириам, не забывшая ни его, ни тени минувшего.

Она писала, что через год ей удалось снова побывать на асфальтовом месторождении. Черное зеркало оказалось разрушенным, но ничто не могло разрушить впечатления от призрака динозавра, глубоко запавшего ей в душу... Ей удалось заинтересовать тенью минувшего талантливого исследователя Каржаева. И теперь у них ведутся поиски слоев, сохранивших отпечатки световых волн.

Она не писала ему раньше потому, что это не было ему нужно — тут Никитин почувствовал скрытый между строками упрек, — но она все время следила за его работой и верила в то, что он доведет дело до конца. А теперь они нашли интересное наслоение и просят его приехать к ним.

Никитин еще не успел осознать все значение для него письма Мириам. Слишком мало времени было у него для размышлений в последний день подготовки к исследованию. Только вернулась к нему легкость прежних молодых дней, и эта возвращенная молодость удивляла окружающих его людей.

Из длинного старого штрека тянуло пощипывающей горло гарью, тихо шелестел всасываемый мощным вентилятором воздух. Никитин спешил приступить к испытанию сразу после отпалки¹ заложенных по его

¹ Отпалка — взрыв шпура.

указанию шпуров¹. Здесь, в старых выработках, в стороне от оживленного движения электровозов, грохота вагонеток, мелькания фонарей, было пусто и тихо. Беспросветный подземный мрак, плотно обняв идущих, сливался с безыменной чернотой угольных стен.

Где-то едва слышно сочилась вода, далеко в стороне мерно потрескивала крепь, предупреждая горняков о тяжком давлении породы.

— Кто показал это замечательное место? — вполголоса спросил Никитин шедшего рядом помощника.

Тот кивнул на маленького старика, замыкавшего шествие вместе с инженером.

— Он редкостный горный мастер, знает каждый слой во всех забоях. Если бы не он, потребовались бы годы поисков в этих бесконечных выработках...

Палеонтолог посмотрел с немой благодарностью на старого горняка.

Впереди забелела чистая колоннада новых крепежных столбов. Уже по их числу можно было догадаться, что ход заканчивался обширной камерой. Действительно, черные стены разошлись, открывая большое пустое пространство с высоким потолком.

Помощники Никитина замешкались, протаскивая громоздкий аппарат между столбами. Инженер выступил вперед и высоко поднял сильный фонарь. Истерзанная взрывами толща углистых сланцев окружила исследователей, грозя бесчисленными острыми выступами, отсвечивая сталью на гладких сколах...

В самом начале камеры по обеим сторонам стояли чуть покачнувшиеся толстые рубчатые стволы. Вросшие одной стороной в массу угля, они выделялись лишь ромбическим узором коры. На расчищенной поверхности пола распластались, словно громадные пауки, могучие пни с разветвленными корнями. Корни стлались по древней почве, служившей им опорой в бесконечно давно минувшие времена. Все пни были срезаны под один уровень — уровень воды в затопленном каменноугольном лесу². В уцелевших больших стволах мрачно зияли большие дупла.

¹ Шпур — скважина глубиной до четырех метров, пробуренная в горной породе для закладки взрывчатого вещества.

² Каменноугольный период — эпоха в истории Земли, около 350 миллионов лет назад.

Участок мертвого, превращенного в уголь и известь леса подавлял глубокой древностью, как будто над головами людей висела не двухсотметровая толща пород, а почти ощутимая глубина сотен миллионов лет, пронесшихся над этими стволами и пнями.

В конце камеры груды обвалившихся сланцев обозначала место произведенного взрыва. Над ними блестела косая черно-бурая плита — затвердевший натек битума¹. Это и был намеченный к испытанию прослой, отлагавшийся в крутом склоне небольшого холма в каменноугольном лесу.

Скоро магниевая лампа уперлась ярким белым лучом в плиту, и Никитин установил фокус отражательной камеры. Ученый, волнуясь, кашлянул и хрипло сказал:

— Будем пробовать...

Что скажет сейчас эта так тщательно выбранная поверхность слоя? Палеонтолог включил фотоэлементы и усилил ток. Повернув винт призмы, Никитин снова посмотрел в аппарат: порода уже не была черной — на прозрачном сером фоне проступали неясные вертикальные штрихи.

Терпеливо и осторожно ученый регулировал прибор, пока с невиданной ясностью не проявилась четвертая тень минувшего, открытая им, — тень, которую теперь увидят тысячи людей!

Никитин смотрел на прогалину в чаще затопленного леса. Бледно-серые стволы деревьев с насеченной ромбиками корой обступили маслянистую черную воду. Вверху каждое дерево разделялось на две расходящиеся под углом толстые ветки, исчезающие в густой тени плотно стеснившихся крон. Толстый чешуйчатый ствол лежал поперек воды, упав на небольшой бугорок, выступавший налево. Бугорок зарос странными растениями, похожими на грибы, высокие и узкие фиолетовые бокалы которых усеивали мокрую красную почву. Мясистые отвороты чашечки каждого гриба показывали маслянистую желтую внутренность. За бугорком, над изогнутыми стеблями без листьев, виднелся просвет, заполненный вдали мутным, слабо розовеющим туманом. Впереди из тумана торчал

¹ Битум — смолообразное вещество, обычно отход от сухой перегонки угля или нефти.

какой-то искривленный голый сук, а на нем съежилось, втянув голову, непонятное живое существо.

Всматриваясь в изображение, Никитин вздрогнул — из-под фиолетовых грибов, скрывая тело в их гуще, выступала широкая параболическая голова, покрытая слизистой лиловато-бурой кожей. Огромные выпуклые глаза смотрели прямо на Никитина, бесмысленно, непреклонно и злобно. Огромные зубы выступали из нижней челюсти, обнажаясь во впадинах края морды. Справа лился, освещая всю картину какой-то тусклый жемчужный свет. Освещенный воздух казался черноватым, словно через закопченное, но прозрачное стекло...

Долго смотрел Никитин в это волшебное окно в прошлое, в жизнь мира каменноугольной эпохи. Триста пятьдесят миллионов лет легли уже между настоящим и тем временем, когда в редкой игре случая световые волны запечатлели свой снимок. Невероятно отчетливо виднелись злобные глаза невиданной твари, фиолетовые грибы, неподвижная вода и странный серый воздух. А в шахте слабо шипел прожектор и слышалось прерывистое дыхание людей...

Никитину показалось, что он сходит с ума. Он отшатнулся от аппарата. Реальные, грубо изломанные угольные стены, древние пни — может быть, остатки тех самых деревьев, которые сейчас, живые и стройные, видны в его аппарат... Сосредоточенные лица окружающих людей... Овладев собой, ученый поспешно приготовил камеру и сделал несколько цветных снимков.

На столе висилась стопка оттисков статьи Никитина, и к каждому была приложена цветная репродукция пойманной тени прошлого. Надписав последний из назначенных к рассылке оттисков, палеонтолог вздохнул.

Давно уже не было ему так легко и радостно.

Теперь по его дороге пойдут многие, более молодые, может быть более талантливые. Раскрыта первая страница тайной книги природы. Кончилось одиночество на долгом и трудном пути! Но одиночество — оно было только в познании... В работе ему помогали многие десятки людей, не говоря уже о его сотрудни-

ках, совсем чужие, казалось бы, люди, далекие от науки...

Вереница знакомых лиц прошла перед мысленным взором ученого. Вот они, горняки, рабочие каменноломен, колхозники, охотники. Все они доверчиво и бескорыстно, не спрашивая о конечной цели, уважая в нем известного ученого, помогли ему найти и схватить тень минувшего.

Значит, он работал и пользовался их помощью в долг... Да, и теперь этот долг уплачен — вот откуда громадное облегчение!

Никитин вспомнил, как в этом же кабинете он не раз тосковал и сомневался в правильности своего жизненного пути.

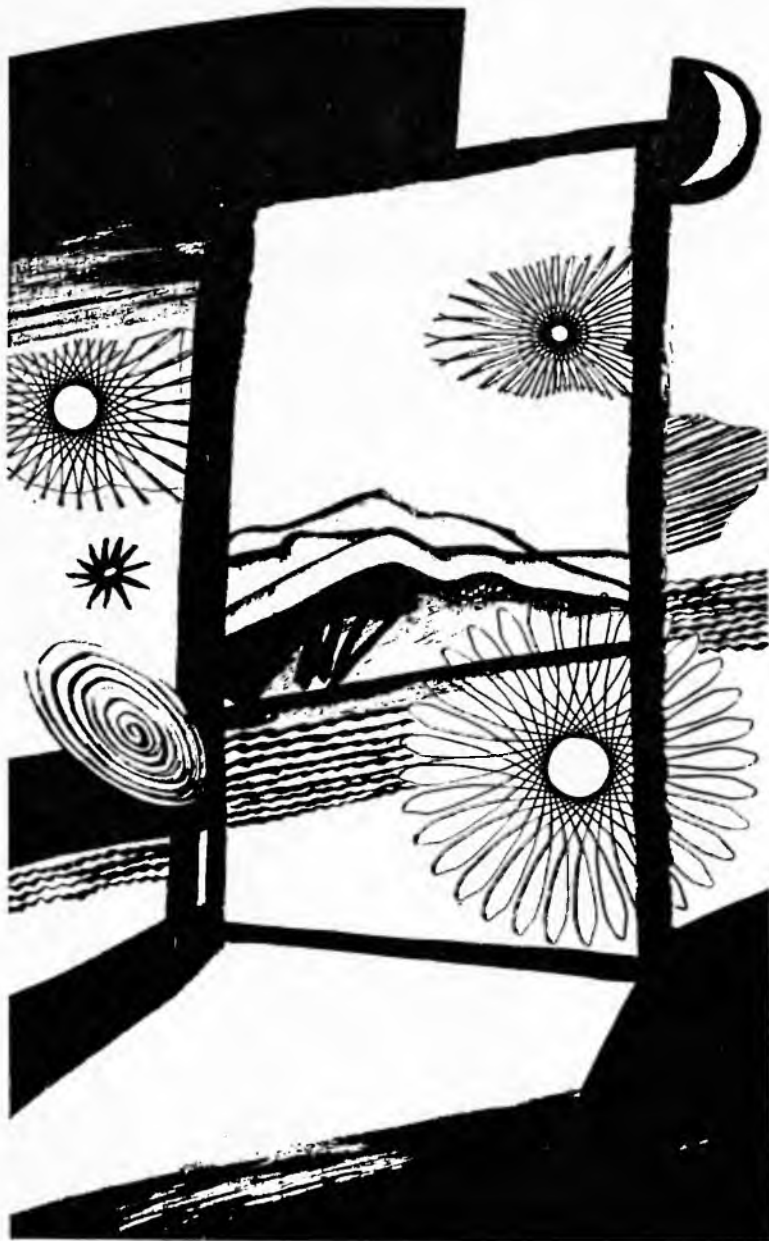
Ученый улыбнулся, быстро набросал текст телеграммы Мириам, извещавшей ее о завтрашнем выезде. Уверенность в дальнейшем пути переполняла его радостью. Нет, он не сделал ошибки, не зря потратил годы на трудную борьбу с загадкой природы!

ЗВЕЗДНЫЕ КОРАБЛИ

Повесть

Глава первая

У ПОРОГА ОТКРЫТИЯ

— Когда вы приехали, Алексей Петрович? Тут много людей вас спрашивали.

— Сегодня. Но для всех меня еще нет. И закройте, пожалуйста, окно в первой комнате.

Вошедший снял старый военный плащ, вытер платком лицо, пригладил свои легкие светлые волосы, сильно поредевшие на темени, сел в кресло, закурил, опять встал и начал ходить по комнате, загроможденной шкафами и столами.

— Неужели возможно? — подумал он вслух.

Подожел к одному из шкафов, с усилием распахнул высокую дубовую дверцу. Белые поперечины лотков выглянули из темной глубины шкафа. На одном лотке стояла кубическая коробка из желтого блестящего, твердого, как кость, картона. Поперек грани куба, обращенной к дверце, проходила наклейка серой бумаги, покрытая черными китайскими иероглифами. Кружки почтовых штемпелей были разбросаны по поверхности коробки.

Длинные бледные пальцы человека коснулись картона.

— Тао Ли, неизвестный друг! Пришло время действовать!

Тихо закрыв дверцы шкафа, профессор Шатров взял потертый портфель, извлек из него поврежденную сыростью тетрадь в сером гранитолевом переплете. Осторожно разделяя слипшиеся листы, профессор просматривал через увеличительное стекло ряды цифр и время от времени делал какие-то вычисления в большом блокноте.

Груда окурков и горелых спичек росла в пепельнице; воздух в кабинете посинел от табачного дыма.

Необычайно ясные глаза Шатрова блестели под густыми бровями. Высокий лоб мыслителя, квадратные челюсти и резко очерченные ноздри усиливали

общее впечатление незаурядной умственной силы, придавая профессору черты фанатика.

Наконец ученый отодвинул тетрадь.

— Да, семьдесят миллионов лет! Семьдесят миллионов! Ок! — Шатров сделал рукой резкий жест, как бы протыкая что-то перед собой, оглянулся, хитро прищурился и снова громко сказал: — Семьдесят миллионов!.. Только не бояться!

Профессор неторопливо и методически убрал свой письменный стол, оделся и пошел домой.

Шатров окинул взглядом размещенные во всех углах комнаты «бронзюшки», как он называл коллекцию художественной бронзы, уселся за покрытый черной клеенкой стол, на котором бронзовый краб нес на спине огромную чернильницу, и раскрыл альбом.

— Устал я, должно быть... И старею... Голова седеет, лысеет и... дурнеет, — пробормотал Шатров.

Он давно уже чувствовал вялость. Паутина однообразных ежедневных занятий плелась годами, цепко опутывая мозг. Мысль не взлетала более, далеко простирая свои могучие крылья. Подобно лошади под тяжким грузом, она переступала уверенно, медленно и понуро. Шатров понимал, что его состояние вызвано накопившейся усталостью. Друзья и коллеги давно уже советовали ему развлечься. Но профессор не умел ни отдыхать, ни интересоваться чем-то посторонним.

«Оставьте! В театре не был двадцать лет, на даче отродясь не жил», — угрюмо твердил он своим друзьям.

И в то же время ученый понимал, что расплачивается за свое длительное самоограничение, за нарочитое сужение круга интересов, расплачивается отсутствием силы и смелости мысли. Самоограничение, давая возможность большей концентрации мысли, в то же время как бы запирало его наглухо в темную комнату, отделяя от многообразного и широкого мира.

Прекрасный художник-самоучка, он всегда находил успокоение в рисовании. Но сейчас даже хитро задуманная композиция не помогла ему справиться с нервным возбуждением. Шатров захлопнул альбом, вышел из-за стола и достал пачку истрепанных нот. Вскоре старенькая фисгармония заполнила комнату

певучими звуками брамсовского интермеццо. Играл Шатров плохо и редко, но всегда смело брался за трудные для исполнения вещи, так как играл только наедине с самим собой. Близоруко щурясь на нотные строчки, профессор вспомнил все подробности своей необычайной для него, кабинетного схимника, недавней поездки.

Бывший ученик Шатрова, перешедший на астрономическое отделение, разрабатывал оригинальную теорию движения солнечной системы в пространстве. Между профессором и Виктором (так звали бывшего ученика) установились прочные дружеские отношения. В самом начале войны Виктор ушел добровольцем на фронт, был отправлен в танковое училище, где проходил длительную подготовку. В это время он занимался и своей теорией. В начале 1943 года Шатров получил от Виктора письмо. Ученик сообщал, что ему удалось закончить свою работу. Тетрадь с подробным изложением теории Виктор обещал выслать Шатрову немедленно, как только перепишет все начисто. Это было последнее письмо, полученное Шатровым. Вскоре его ученик погиб в грандиозной танковой битве.

Шатров так и не получил обещанной тетради. Он предпринял энергичные розыски, не давшие результатов, и наконец решил, что танковую часть Виктора ввели в бой так стремительно, что ученик его попросту не успел послать ему свои вычисления. Уже после окончания войны Шатрову удалось встретиться с майором, начальником покойного Виктора. Майор участвовал в том самом бою, где был убит Виктор, и теперь лечился в Ленинграде, где работал и сам Шатров. Новый знакомый уверил профессора, что танк Виктора, сильно разбитый прямым попаданием, не горел и поэтому есть надежда разыскать бумаги покойного, если только они находились в танке. Танк, как думал майор, должен был и теперь стоять на месте сражения, так как оно было сильно заминировано. Профессор и майор совершили совместную поездку на место гибели Виктора.

И сейчас перед Шатровым из-за строчек потрепанных нот вставляли картины только что пережитого.

— Стойте, профессор! Дальше ни шагу! — закричал оставший майор.

Шатров послушно остановился.

Впереди, на залитом солнцем поле, неподвижно стояла высокая сочная трава. Капли росы искрились на листьях, на пушистых шапочках сладко пахнущих белых цветов, на конических лиловых соцветиях иван-чая. Насекомые, согревшиеся под утренним солнцем, деловито жужжали над высокой травой. Дальше лес, иссеченный снарядами три года назад, раскидывал тень своей зелени, прорванной неровными и частыми просветами, напоминавшими о медленно закрывающихся ранах войны. Поле было полно буйной растительной жизни. Но там, в гуще некошенной травы, скрывалась смерть, еще не уничтоженная, не побежденная временем и природой.

Быстро растущая трава скрыла израненную землю, взрытую снарядами, минами и бомбами, вспаханную гусеницами танков, усеянную осколками и политую кровью...

Шатров увидел разбитые танки. Полускрытые бурьяном, они мрачно горбились среди цветущего поля, с потоками красной ржавчины на развороченной броне, с приподнятыми или опущенными пушками. Направо, в маленькой впадине, чернели три машины, обгоревшие и неподвижные. Немецкие пушки смотрели прямо на Шатрова, будто мертвая злоба и теперь еще заставляла их яростно устремляться к белым и свежим березкам опушки.

Дальше, на небольшом холме, один танк вздыбился, надвинувшись на опрокинутую набок машину. За зарослями иван-чая была видна лишь часть ее башни с грязно-белым крестом. Налево широкая пятнистая серо-рыжая масса «фердинанда» склоняла вниз длинный ствол орудия, утопавший концом в гуще травы.

Цветущее поле не пересекалось ни одной тропинкой, ни одного следа человека или зверя не было видно в плотной заросли бурьяна, ни звука не доносилось оттуда. Только встревоженная сойка резко трещала где-то вверх да издали доносился шум трактора.

Майор взобрался на поваленный ствол дерева и долго стоял неподвижно. Молчал и шофер майора.

Шатрову невольно вспомнилась полная торжественной печали латинская надпись, обычно помещав-

шаяся в старину над входом в анатомический театр: «*Nic Locus est, ubi mors gaudet succurrere vitam*», в переводе означавшая: «Это место, где смерть ликует, помогая жизни».

К майору подошел маленького роста сержант, начальник группы саперов. Веселость его показалась Шатрову неуместной.

— Можно начинать, товарищ гвардии майор? — звонко спросил сержант. — Откуда поведем?

— Отсюда. — Майор ткнул палкой в куст боярышника. — Направление — точно на ту березку...

Сержант и приехавшие с ним четыре бойца приступили к разминированию.

— Где же тот танк... Виктора? — тихо спросил Шатров. — Я вижу только немецкие.

— Сюда посмотрите, — повел рукой майор налево, — вот вдоль этой группы осин. Видите — там маленькая березка на холме? Да? А правее ее — танк.

Шатров старательно присмотрелся. Небольшая береза, чудом уцелевшая на поле сражения, едва трепетала своими свежими нежными листочками. И среди бурьяна в двух метрах от нее выступала груда исковерканного металла, издавала казавшаяся лишь красным пятном с черными провалами.

— Видите? — спросил майор и на утвердительный жест профессора добавил: — А еще левее, туда, вперед, — там мой танк. Вот тот, горелый. В тот день я...

К ним подошел кончивший работу сержант:

— Готово! Тропочку проложили.

Профессор и майор направились к желанной цели. Танк показался Шатрову похожим на огромный исковерканный череп, зияющий черными дырами больших проломов. Броня, погнутая, закругленная и оплавленная, багровела кровоподтеками ржавчины.

Майор с помощью своего шофера взобрался на разбитую машину, долго рассматривал что-то внутри, засунув голову в открытый люк. Шатров вскарабкался следом и встал на расколотой лобовой броне против майора.

Тот высвободил голову, сощурился на свету и угрюмо сказал:

— Самому вам лезть незачем. Подождите, мы с сержантом все осмотрим. Если уж не найдем, тогда, чтобы убедиться, пожалуйста.

Ловкий сержант быстро нырнул в машину и помог влезть майору. Шатров озабоченно склонился над люком. Внутри танка воздух душный, пропитанный прелью и слабо отдавал запахом машинного масла. Майор для верности зажег фонарик, хотя внутрь машины проникал свет через пробоины. Он стоял согнувшись, стараясь в хаосе исковерканного металла определить, что было полностью уничтожено. Майор попробовал поставить себя на место командира танка, вынужденного спрятать в нем ценную для себя вещь, и принялся последовательно осматривать все карманы, гнезда и закоулки. Сержант проник в моторное отделение, долго ворочался и кряхтел там.

Вдруг майор заметил на уцелевшем сиденье планшетку, засунутую позади подушки, у перекладки спинки. Он быстро вытащил ее. Кожа, побелевшая и вздувшаяся, оказалась неповрежденной; сквозь мутную сетку целлулоида проглядывала испорченная плесенью карта. Майор нахмурился, предчувствуя разочарование, с усилием отстегнул заржавевшие кнопки. Шатров с нетерпением переминался с ноги на ногу. Под картой, сложенной в несколько раз, была серая тетрадь в твердом гранитолевом переплете.

— Нашел! — И майор подал в люк планшетку. Шатров поспешно вытащил тетрадь, осторожно раскрыл слипшиеся листы, увидел ряды цифр, написанные почерком Виктора, и вскрикнул от радости. Майор вылез наружу.

Поднявшийся легкий ветер принес медовый запах цветов. Тонкая береза шелестела и склонялась над танком, будто в неутешной печали. В вышине медленно плыли белые плотные облака, и вдали, сонный и мерный, слышался крик кукушки...

...Шатров не заметил, как тихо раскрылась дверь и вошла жена. Она с тревогой взглянула добрыми голубыми глазами на мужа, застывшего в раздумье над клавишами.

— Будем обедать, Алеша?

Шатров закрыл фисгармонию.

— Ты что-то задумал опять, не так ли? — тихо спросила жена, доставая тарелки из буфета.

— Я еду послезавтра в обсерваторию, к Бельскому, на два-три дня.

— Не узнаю тебя, Алеша. Ты такой домосед, я ме-

сяцами вижу только твою спину, согнутую над столом, и вдруг... Что с тобой случилось? Я в этом вижу влияние...

— Конечно, Давыдова? — рассмеялся Шатров. — Ей-ей, нет. Олюшка, он ничего не знает. Ведь мы с ним не виделись с сорок первого года.

— Но переписывается-то вы каждую неделю!

— Преувеличение, Олюшка. Давыдов сейчас в Америке, на конгрессе геологов... Да, кстати напомни-ла, — он на днях возвращается. Сегодня же напишу ему.

Обсерватория, куда приехал Шатров, была только что отстроена после варварского разрушения ее гитлеровцами.

Прием, оказанный Шатрову, был сердечным и любезным. Профессора приютил сам директор, академик Бельский, в одной из комнат своего небольшого дома. Два дня Шатров присматривался к обсерватории, знакомился с приборами, звездными каталогами и картами. На третий день один из наиболее мощных телескопов был свободен, к тому же и ночь благоприятствовала наблюдениям.

Бельский вызвался быть проводником Шатрова по тем областям неба, которые упоминались в рукописи Виктора.

Помещение большого телескопа скорее походило на цех крупного завода, чем на научную лабораторию. Сложные металлические конструкции были непонятны далекому от техники Шатрову, и он подумал, что его друг, профессор Давыдов, любитель всяких машин, гораздо лучше оценил бы виденное. В этой круглой башне было несколько пультов с электрическими приборами. Помощник Бельского уверенно и ловко управлял различными рубильниками и кнопками. Глухо заревели большие электромоторы, башня повернулась, массивный телескоп, подобный орудию с ажурными стенками, наклонился ниже к горизонту. Гул моторов смолк и сменился тонким завыванием. Движение телескопа сделалось почти незаметным. Бельский пригласил Шатрова подняться по легкой лесенке из дюрала. На площадке находилось удобное кресло, привинченное к настилу и достаточно широкое, чтобы вместить обоих ученых. Рядом — столик с какими-то приборами. Бельский выдвинул назад, в

себе, металлическую штангу, снабженную на концах двумя биноклями, похожими на те, которыми постоянно пользовался в своей лаборатории Шатров.

— Прибор для одновременного двойного наблюдения,— пояснил Бельский.— Мы будем смотреть оба на одно и то же изображение, получающееся в телескопе.

— Я знаю. Такие же приборы применяются и у нас, биологов,— отвечал Шатров.

— Мы теперь мало пользуемся визуальными наблюдениями,— продолжал Бельский,— глаз скоро утомляется и не сохраняет виденного. Современная астрономическая работа вся идет на фотоснимках, особенно звездная астрономия, которой вы интересуетесь... Ну, вы хотели посмотреть для начала на какую-нибудь звезду. Вот вам красивая двойная звезда — голубая и желтая — в созвездии Лебедя. Регулируйте по своим глазам так же, как и обычно... Впрочем, подождите. Я лучше совсем выключу свет — пусть ваши глаза привыкнут...

Шатров прильнул к объективам бинокля, умело и быстро отрегулировал винты. В центре черного круга ярко сияли две очень близкие друг к другу звезды. Шатров сразу понял, что телескоп не в силах увеличить звезды, как планеты или Луну,— настолько велики расстояния, отделяющие их от Земли. Телескоп делает их яркими, более отчетливо видимыми, собирая и концентрируя лучи. Поэтому в телескоп видны миллионы слабых звезд, вовсе не доступных невооруженному глазу.

Перед Шатровым, окруженные глубокой чернотой, горели два маленьких ярких огонька красивого голубого и желтого цвета, несравненно ярче самых лучших драгоценных камней. Эти крошечные светящиеся точки давали ни с чем не сравнимое ощущение одновременно чистейшего света и безмерной удаленности; они были погружены в глубочайшую пучину темноты, пронзенную их лучами. Шатров долго не мог оторваться от этих огней далеких миров, но Бельский, лениво откинувшийся в кресле, поторопил его:

— Продолжим наш обзор. Не скоро выдастся такая прекрасная ночь, да и телескоп будет занят. Вы хоте-

ли посмотреть центр нашей Галактики¹, ту «ось», вокруг которой вращается ее «звездное колесо»?

Снова завывли моторы. Шатров ощутил движение площадки. В стеклах бинокля возник рой тусклых огоньков. Бельский замедлил движение телескопа. Огромная машина двигалась незаметно и беззвучно, а перед глазами Шатрова медленно проплывали участки Млечного Пути в области созвездий Стрельца и Змееносца.

Короткие пояснения Бельского помогали Шатрову быстро ориентироваться и понимать видимое.

Тускло светящийся звездный туман Млечного Пути рассыпался неисчислимым роем огоньков. Этот рой сгущался в большое облако, удлиненное и пересеченное двумя темными полосами. Местами ярко горели, как бы выпирая из глубин пространства, отдельные редкие звезды, более близкие к Земле.

Бельский остановил телескоп и повысил увеличение окуляра. Теперь в поле зрения было почти целиком звездное облако — плотная светящаяся масса, в которой отдельные звезды были неразличимы. Вокруг нее роились, сгущаясь и разрежаясь, миллионы звезд. При виде этого обилия миров, не уступавших нашему Солнцу в размере и яркости, Шатров ощутил смутное угнетение.

— В этом направлении центр Галактики,— пояснил Бельский,— на расстоянии в тридцать тысяч световых лет². Самый центр для нас невидим. Только недавно в инфракрасных лучах удалось сфотографировать расплывчатый, неясный контур этого ядра. Вот здесь, направо,— черное пятно чудовищных размеров: это масса темной материи, закрывающей центр Галактики. Но вокруг него обращаются все ее звезды, вокруг него летит и Солнце со скоростью двухсот пятидесяти километров в секунду. Если бы не было темной завесы,

¹ Галактика — гигантская звездная система (иначе называемая Млечным Путем), в которой в качестве рядовой звезды находится и наше Солнце. Солнце описывает вокруг динамического центра Галактики гигантскую орбиту с периодом обращения примерно в 220 миллионов лет.

² Световой год — единица расстояния в астрономии, равная количеству километров, пробегаемых лучом света в год ($9,45 \times 10^{12}$ км, то есть почти 10^{13} км). Ныне как единица расстояния в астрономии применяется парсек, равный 3,26 светового года.

Млечный Путь здесь был бы несравненно ярче, и наше ночное небо казалось бы не черным, а пепельным... Поехали дальше...

В телескопе появились черные прогалины в звездных роях, протяжением в миллионы километров.

— Это облака темной пыли и обломочной материи, — пояснил Бельский. — Отдельные звезды просвечивают сквозь них инфракрасными лучами, как это установлено фотографией на специальных пластинках... А есть еще множество звезд, которые совсем не светятся. Мы распознаем присутствие лишь ближайших таких звезд по их излучению радиоволн — потому и называем их «радиозвездами»...

Шатрова поразила одна большая туманность. Похожая на клуб светящегося дыма, испещренная глубочайшими черными провалами, она висела в пространстве, подобная разметанному вихрем облаку. Сверху и справа от нее виднелись тусклые серые клочья, уходившие туда, в бездонные межзвездные пропасти. Жутко было представить себе огромные размеры этого облака пылевой материи, отражавшего свет дальних звезд. В любом из черных его провалов утонула бы незаметно вся наша солнечная система.

— Заглянем теперь за пределы нашей Галактики, — сказал Бельский.

В поле зрения перед Шатровым возникла глубокая тьма. Едва уловимые светлые точки, такие слабые, что их свет умирал в глазу, почти не вызывая зрительного ощущения, редко-редко встречались в неизмеримой глубине.

— Это то, что отделяет нашу Галактику от других звездных островов. А теперь вы видите подобные нашей Галактике звездные миры, чрезвычайно удаленные от нас. Здесь, в направлении на созвездие Пегаса, открываются перед нами самые глубокие известные нам части пространства. Сейчас мы посмотрим на самую близкую к нам галактику, размерами и формой похожую на нашу исполинскую звездную систему. Она состоит из мириад отдельных звезд различной величины и яркости, имеет такие же облака темной материи, такую же полосу этой материи, стелющуюся в экваториальной плоскости, и так же окружена шаровыми звездными скоплениями. Это так называемая туманность М31 в созвездии Андромеды. Она косо

наклонена к нам, так что мы видим ее отчасти с ребра, отчасти с плоскости...

Шатров увидел бледно светящееся облако в форме удлинённого овала. Приглядываясь, он смог различить светящиеся полосы, расположенные спирально и разделенные черными промежутками.

В центре туманности видна была наиболее плотная светящаяся масса звезд, слившихся в одно целое на колоссальном расстоянии. От нее отходили едва уловимые спирально загибающиеся выросты. Вокруг этой плотной массы, отделенные темными кольцами, шли полосы более разреженные и тусклые, а на самом краю, в особенности у нижней границы поля зрения, кольцевые полосы разрывались на ряд округлых пятнышек.

— Смотрите смотрите! Вам, как палеонтологу, это должно быть особенно интересно. Ведь свет, который сейчас попадает к нам в глаза, ушел от этой галактики миллиона полтора лет назад. Еще человека-то на Земле не было!

— И это самая близкая к нам галактика? — удивился Шатров.

— Ну конечно! Мы знаем уже такие, которые расположены в расстояниях порядка сотен миллиардов световых лет. Миллиарды лет бежит свет со скоростью в десять триллионов километров в год. Вы видели такие галактики в созвездии Пегаса...

— Непостижимо! Можете не говорить — все равно нельзя себе представить подобные расстояния. Бесконечные, неизмеримые глубины...

Бельский еще долго показывал Шатрову ночные светила. Наконец Шатров горячо поблагодарил своего звездного Вергилия, вернулся к себе и улегся в постель, но долго не мог заснуть.

В закрытых глазах роились тысячи светил, плыли колоссальные звездные облака, черные завесы холодной материи, гигантские хлопья светящегося газа...

И все это — простирающееся на биллионы и триллионы километров, рассеянное в чудовищной, холодной пустоте, разделенное невообразимыми пространствами, в беспросветном мраке которых мчатся лишь потоки мощных излучений.

Звезды — эти огромные скопления материи, сдвигаемой силой тяготения и под действием непомер-

ного давления развивающей высокую температуру. Высокая температура вызывает действие атомных реакций, усиливающих выделения энергии. Чтобы звезды могли существовать, не взрываясь, в равновесии, энергия должна в колоссальных количествах выбрасываться в пространство в виде тепла, света, космических лучей. И вокруг этих звезд, словно вокруг силовых станций, работающих на ядерной энергии, вращаются согреваемые ими планеты.

В чудовищных глубинах пространства несутся эти планетные системы, вместе с мириадами одиночных звезд и темной, остывшей материей составляющие огромную, похожую на колесо систему — галактику. Иногда звезды сближаются и снова расходятся на миллиарды лет, точно корабли одной галактики. А в еще более огромном пространстве отдельные галактики также подобны еще большему кораблям, светящим друг другу своими огнями в неизмеримом океане тьмы и холода.

Неведомое до сих пор чувство овладело Шатровым, когда он живо и ярко представил себе Вселенную с ее ужасающим холодом пустоты, с рассеянными в ней массами материи, раскаленной до невообразимых температур; представил себе недоступные никаким силам расстояния, неимоверную длительность совершающихся процессов, в которых пылинки, подобные Земле, имеют совершенно ничтожное значение.

И в то же время гордое восхищение жизнью и ее высшим достижением — умом человека — прогоняло страшный облик звездной Вселенной. Жизнь, скоротечная, настолько хрупкая, что может существовать только на планетах, похожих на Землю, горит крохотными огоньками где-то в черных и мертвых глубинах пространства.

Вся стойкость и сила жизни — в ее сложнейшей организации, которую мы едва начали понимать, организации, приобретенной миллионами лет исторического развития, борьбы внутренних противоречий, бесконечной смены устаревших форм новыми, более совершенными. В этом сила жизни, ее преимущество перед неживой материей. Грозная враждебность космических сил не может помешать жизни, которая, в свою очередь, рождает мысль, анализирующую законы природы и с их же помощью побеждающую ее силы.

У нас на Земле и там, в глубинах пространства, расцветает жизнь — могучий источник мысли и воли, который впоследствии превратится в поток, широко разлившийся по Вселенной. Поток, который соединит отдельные ручейки в могучий океан мысли.

И Шатров понял, что впечатления, пережитые им ночью, вновь разбудили застывшую было силу его творческого мышления. Тому залогом открытие, заключенное в коробке Тао Ли...

Он будет действовать дальше, не боясь нового, как бы невероятно оно ни было.

Старший помощник капитана парохода «Витим» небрежно облокотился на сверкающие в солнечных лучах поручни. Большой корабль словно уснул на мерно колышавшейся зеленой воде, окруженный медленно перебегающими бликами света. Рядом густо дымил длинный, высоконосый английский пароход, лениво кивая двумя белыми крестами массивных мачт.

Южный край бухты, почти прямой и черный от глубокой тени, обрывался стеной красно-фиолетовых гор, изборожденных лиловыми тенями.

Офицер услышал внизу твердые шаги и увидел на трапе мостика массивную голову и широкие плечи профессора Давыдова.

— Что так рано, Илья Андреевич? — приветствовал он ученого.

Давыдов прищурился, молча осмотрел солнечную даль, а потом взглянул на улыбающегося старшего помощника:

— Хочу попрощаться с Гавайями. Хорошее место, приятное место... Скоро отходим?

— Хозяина нет — оформляет дела на берегу. А так все готово. Вернется капитан — сейчас же пойдем. Прямо домой.

Профессор кивнул головой и полез в карман за паниросами. Он наслаждался отдыхом, днями вынужденного безделья, редкими в жизни настоящего ученого. Давыдов возвращался из Сан-Франциско, куда ездил делегатом на съезд геологов и палеонтологов — исследователей прошлого Земли.

Ученому хотелось проделать обратный путь на своем, советском, пароходе, и «Витим» подвернулся

очень кстати. Еще более приятным был заход на Гавайские острова. Давыдову за время стоянки удалось познакомиться с природой этой страны, окруженной необъятными водными просторами Тихого океана. И сейчас, оглядываясь кругом, он ощущал еще большее удовольствие от сознания скорого возвращения на родину. Много интересных мыслей накопилось за дни неторопливого, тихого раздумья. Новые соображения теснились в голове ученого, властно требуя выхода — проверки, сопоставлений, дальнейшего развития. Но этого нельзя было сделать здесь, в каюте парохода: не было под рукой нужных записей, книг, коллекций...

Давыдов погладил пальцами висок, что означало у профессора затруднение или досаду...

Правее выдававшегося угла бетонного пирса как-то внезапно начиналась широкая аллея пальм; густые перистые кроны их отливали светлой бронзой, прикрывая красивые белые дома с пестрыми цветниками. Дальше, на выступе берега, прямо к воде подступала зелень низких деревьев. Там едва покачивалась голубая, с черными полосами лодка. Несколько юношей и девушек в лодке подставляли утреннему солнцу свои загорелые стройные тела, громко пересмеиваясь перед купанием.

В прозрачном воздухе дальнзоркие глаза профессора различали все подробности близкого берега. Давыдов обратил внимание на круглую клумбу, в центре которой возвышалось странное растение: внизу густой щеткой торчали ножевидные серебряные листья; над листьями почти на высоту человеческого роста поднималось красное соцветие в форме веретена.

— Вы не знаете, что это за растение? — спросил заинтересованный профессор у старшего помощника.

— Не знаю, — беспечно ответил молодой моряк. — Видел его, слышал, что редкостью у них считается... А скажите, Илья Андреевич, верно, что вы были моряком в молодости?

Недовольный переменной разговор, профессор нахмурился.

— Был. Какое это сейчас имеет значение? — буркнул он. — Вы лучше...

Где-то за строениями слева завыл гудок, гулко раскатившийся по тихой воде.

Старший помощник сразу насторожился. Давыдов недоуменно огляделся.

Тот же покой раннего утра реял над маленьким городом и бухтой, широко раскрытой в голубую даль океана. Профессор перевел взгляд на лодку с купальщиками.

Смуглая девушка, очевидно гавайка, выпрямилась на корме, приветливо помахав русским морякам высоко поднятой рукой, и прыгнула. Красные цветы ее купального костюма разбили изумрудную стеклянistou воду и скрылись. Легкая моторка быстро промчалась в гавань. Минуту спустя на пристани показался автомобиль, из него выскочил капитан «Витима» и бегом устремился на свой корабль. Вереница флагов поднялась и затрепетала на сигнальной мачте. Капитан, задыхаясь, взлетел на мостик, стирая лившийся по лицу пот прямо рукам белоснежного кителя.

— Что случилось? — начал старший помощник. — Я не разбираю этого сиг...

— Аврал! — закричал капитан. — Аврал! — и схватился за ручку машинного телеграфа. — Готова машина?

Капитан склонился к переговорной трубе и после короткого разговора с механиком отдал ряд отрывистых приказаний.

— Все наверх! Задраить люки! Очистить палубу! Отдать швартовы!

— Russians, what shall you do? — вдруг тревожно проревел рупор с соседнего корабля.

— Go ahead!² — немедленно ответил капитан «Витима».

— Well! At full speed!³ — с большей уверенностью откликнулся англичанин.

Глухо зажурчала вода под кормой, корпус «Витима» дрогнул, пристань медленно поплыла вправо. Тревожная беготня на палубе смущала Давыдова. Он несколько раз бросал вопросительные взгляды на капитана, но тот, поглощенный маневрированием корабля, казалось, не замечал ничего кругом.

А море по-прежнему плескалось спокойно и мерно,

¹ Русские, что вы собираетесь делать?

² Идти навстречу!

³ Правильно! На полной скорости!

ни одного облака не было видно в знойном и чистом небе.

«Витим» развернулся и, набирая ход, двинулся навстречу простору океана.

Капитан перевел дух, достал из кармана платок. Окинув зорким взглядом палубу, он понял, что все с тревогой ждут его разъяснений.

— Идет гигантская приливная волна от норд-оста. Я полагаю, единственное спасение судна — встретить ее в море, на полном ходу машины... Подальше от берега!

Он повернулся к отдаляющейся пристани, как бы оценивая расстояние.

Давыдов посмотрел вперед и увидел несколько рядов больших волн, бешено мчавшихся к земле. А за ними, как главные силы за передовыми отрядами, стирая голубое сияние далекого моря, тяжело несясь плоский серый холм гигантского вала.

— Команде укрыться внизу! — приказал капитан, резко двинув ручку телеграфа.

Передние волны по мере приближения к земле вырастали и заострялись. «Витим» резко дернулся носом, взлетел вверх и нырнул прямо под гребень следующей волны. Мягкий тяжелый шлепок отдался в поручнях мостика, крепко зажатых в руках Давыдова. Палуба ушла под воду, облако сверкающих водяных брызг туманом встало перед мостиком. Через секунду «Витим» вынырнул, нос его опять понесся вверх. Мощные машины содрогались глубоко внизу, отчаянно сопротивляясь силе волн, задерживавших корабль, гнавших его к берегу, стремившихся разбить «Витим» о твердую грудь земли.

Ни одного пятна пены не белело на обрыве исполинского вала, который поднимался со злобным хрипом и становился все круче. Тусклый блеск водяной стены, стремительно надвигавшейся, массивной и непроницаемой, напомнил Давыдову кручи базальтовых скал в горах Приморья. Тяжелая, как лава, волна вздымалась все выше, заслоняя небо и солнце; ее заостряющаяся вершина всплыла над передней мачтой «Витима». Зловещий сумрак сгустился у подножия водяной горы, в черной глубокой яме, куда соскальзывало судно, как будто покорно склонявшееся под смертельный удар.

Люди на мостике невольно опустили головы перед лицом стихии, готовой обрушиться на них. Корабль судорожно дернулся, грубо задержанный в своем стремлении вперед, к океану. Шесть тысяч лошадиных сил, вращавших винты под кормой, были смяты чудовищно превосходявшей их мощью.

Первый толчок придавил людей к поручням, и сейчас же ревущая вода обрушилась на мостик откуда-то сверху, оглушая и ослепляя.

Цепляясь за поручни, полузадохшийся профессор всем телом ощутил, как заскрежетал корпус корабля, как накренился «Витим» на левый борт, выпрямился, перевалился на правый и снова стал выпрямляться, в то же время поднимаясь из поглотившей его пучины. Медленно-медленно корабль поднимался вверх и вдруг быстро взлетел из клубящегося серого хаоса к яркому, безмятежному небу.

Оглушительный рев прекратился с потрясающей внезапностью. С гребня исполинской волны широко раскинулось море, и корабль плавно понесся носом вниз по спине ушедшего к берегу вала. Новые гряды волн шли навстречу с моря, но по сравнению с побежденным чудовищем они казались уже не страшными. Капитан шумно отфыркнулся и удовлетворенно чихнул. Давыдов, мокрый до нитки, протер глаза, увидел справа быстро нырявший в волнах английский пароход и, словно что-то вспомнив, устремился к концу мостика. Оттуда хорошо были видны только что покинутые пристань и город. С ужасом смотрел ученый, как гигантский вал еще больше вырос у самого берега, как стена движущейся воды заслонила от моря и зелень садов, и белые домики города, и прямые, четкие линии пристаней...

— Вторая! Вторая! — кричал старший помощник прямо над ухом Давыдова.

Действительно, второй гигантский вал несясь на судно. Его приближение не было замечено, словно громадная волна тайно подкралась, внезапно вспучившись со дна океана.

С ревом поднимался этот закругленный сверху водяной хребет, как будто рыча от накипавшего в нем бешенства. И опять остановленное судно судорожно заметалось под тяжестью чудовищной волны, отчаянно борясь за свое существование. Вал скользнул за корму,

череда его меньших спутников предстала перед «Витимом». Две-три минуты отдыха — и третья исполинская волна вздыбилась над морем. На этот раз машины, послушные телеграфу в руке капитана, своевременно сработали назад, толчок был мягче, и корабль легче поднялся на гребень волны.

Эта борьба с таинственными волнами при странном отсутствии ветра и ясном, солнечном дне продолжалась несколько минут. «Витим», начисто обмытый, отделавшийся небольшими повреждениями, еще долго покачивался на ровной зыби, пока капитан не убедился, что опасность миновала, и не повернул корабль обратно в порт.

Всего час назад Давыдов любовался красивым городком с мостика «Витима». Теперь берег был неузнаваем. Исчезли пестрые цветники, правильные аллеи. Вместо них груды поваленных балок, куски изуродованных крыш и обломки вперемешку с корявыми безлистыми сучьями обозначали место, где были прибрежные дома. Густая роща у края бухты, там, где купалась веселая молодежь, превратилась в болото с редкими расщепленными пнями. Несколько больших каменных домов, стоявших вдоль пристани, угрюмо смотрели черными провалами окон. А у подножия их громоздились наваленные как попало разбитые деревянные домики и лавки.

Большой моторный катер, выброшенный на сушу, увенчивал все это скопище обломков, словно памятник победы грозного моря.

Извиваясь по слоям свеженанесенного песка, повсюду текли ручьи соленой воды, поблескивая на солнце. Жалкие фигурки людей копошились среди развалин, отыскивая погибших или спасая остатки своего имущества.

Потрясенные советские моряки молчаливо столпились на палубе и хмуро смотрели на берег, не в силах радоваться собственному спасению. Едва только «Витим» снова пришвартовался к уцелевшей бетонной пристани и капитан обратился к команде с призывом помочь жителям, как на корабле, кроме вахтенных, не осталось ни одного человека.

Давыдов вернулся на корабль вместе с командой только к ночи, угрюмо умылся, перевязал пораненную руку и долго ходил по палубе, дымя папиросой.

Не успел еще пострадавший от страшных волн остров скрыться за горизонтом, как к Давыдову явился второй механик, председатель судкома, и упросил его «рассказать ребятам, что это такое было» Беседу решили провести прямо на палубе. Никогда еще профессор не выступал в такой своеобразной обстановке. Слушатели собрались толпой, сидя, стоя и лежа у первого трюма, а Давыдов опирался на закрывшую чехлом лебедку, служившую ему кафедрой. Безмятежно спокойный океан не задерживал хода стремившегося к родине корабля.

Профессор рассказал морякам о Тихом океане — гигантском углублении на поверхности Земли, занятом величайшей водной массой планеты. Вокруг этого углубления, недалеко от материков, кольцом проходят цепи исполинских складок земной коры, медленно выпучивающихся со дна глубочайших впадин. Все цепи островов — Алеутских, Японских, Зондских — именно и представляют собой образующиеся в настоящий момент складки.

Смятие складок неуклонно продолжается; каждая складка, вершина которой есть тот или другой из перечисленных островов, поднимается все выше, иногда со скоростью до двух метров в год, и в то же время все более наклоняется в сторону океана.

— Представьте себе, — продолжал профессор, — что воды океана отхлынули куда-нибудь на миг... Тогда вы увидите на месте островов гряды высоких гор, наклоненных к центру океана и грозно нависающих над впадинами, подобно застывшим волнам. Противоположный, обращенный к материку скат менее крут, но также образует довольно глубокую впадину, заполненную морем. Таково, например, Японское море. Вдоль обращенных к материку скатов располагаются цепи вулканов. Давление внутри складок настолько велико, что расплавляет породы их внутреннего ядра, прорывающиеся сквозь трещины в виде расплавленных лав. Впадины с океанской стороны проседают все глубже под давлением подножия складок, и вдоль них располагаются центры крупных землетрясений.

Одно из таких землетрясений и было причиной вчерашнего бедствия. Где-то на севере, наверно в Алеутской пучине, у подножия алеутских складок, под дав-

лением их просел участок дна океана, вызвав сильное землетрясение под водой. Толчок, один или несколько, образовал исполинскую волну, покотившуюся по океану на юг за тысячи миль от места своего возникновения и через несколько часов достигшую Гавайских островов. В открытом океане эта волна для нашего «Витима» прошла бы незамеченной — ее перечник настолько велик (около ста пятидесяти километров), что подъем судна на всю ее высоту никак бы не почувствовался. Другое дело — около суши. Когда эта волна, катящаяся по океану, встречает препятствие, она поднимается, растет и обрушивается на берег с невероятной силой. Да что говорить — все вы видели. Вид и характер волны определяются подводной отмелью берега.

Подобные волны вовсе не так редки на Тихом океане, потому что здесь идут процессы формирования современных складок в земной коре... За последние сто двадцать лет Гавайские острова подвергались нашествию волн двадцать шесть раз. Волны шли с разных сторон — и от Алеутских островов, как наша, и от Японских, и от Камчатки, от Филиппин, от Соломоновых, от Южной Америки и один раз даже со стороны Мексики. Последняя по времени волна была в ноябре 1938 года. Средняя скорость хода волн исчисляется примерно от трехсот до пятисот узлов.

Заинтересованные моряки задали Давыдову много вопросов, и беседа затянулась бы на несколько часов, если бы смена вахт не разогнала собрание. Профессор еще долго рассказывал под навесом тента, хмурясь и кривя губы в напряженном раздумье.

Мгновенное разрушение прекрасного острова оставило глубокий след в душе ученого. И почти все вопросы, заданные ему моряками, как-то совпадали с направлением его собственных мыслей. Нужно знать не только, как идет это тихоокеанское складкообразование, но и почему развивается этот процесс. Какие причины там, в глубине Земли, вызывают эти медленные могучие движения, сжимающие огромные толщи пород в складки, выпячивающие их все выше на поверхность Земли? Какими ничтожными сведениями располагаем мы о глубинах нашей планеты, о состоянии вещества там, о физических или химических процессах, совершающихся под давлением в миллионы атмосфер, под

тысячекилометровыми толщами неизвестного состава!

Достаточно незначительных молекулярных перегруппировок, ничтожного увеличения объема этих невообразимых масс, чтобы на тонкой пленке известной нам земной коры произошли громадные сдвиги, чтобы кора, разломанная на куски, была поднята на десятки километров в высоту. Однако мы знаем, что таких сильных сдвигов и потрясений не бывает, значит, вещество внутри планеты находится в спокойном, уравновешенном состоянии.

Только время от времени, с промежутками в миллионы лет, какими-то полосами, поясами горные породы размягчаются, сминаются в складки, частично расплавляясь и изливаясь в вулканических извержениях. И потом все это, смятое и раздавленное, выпирает на поверхность огромным валом.

Действие воды и атмосферы расчленяет вал на системы речных долин и горных хребтов, образуя то, что мы называем горными странами.

Самое удивительное, что вулканические очаги и эти зоны смятия пород залегают сравнительно неглубоко — на несколько десятков километров от земной поверхности, в то время как центральные части планеты скрыты под слоем вещества в три тысячи километров толщины, по-видимому находящегося в длительном покое...

Давыдов подошел к борту, как бы стараясь мысленно пронизать толщу воды океана и его дно, чтобы разгадать происходящее на глубине шестидесяти километров...

Твердое, остывшее вещество нашей планеты облечено в форму устойчивых химических элементов — тех девятиста двух кирпичей, из которых состоит вся Вселенная. Эти элементы здесь, на Земле, почти все устойчивы и неизменны, за исключением немногих радиоактивных — самораспадающихся — элементов, к которым относится приобретающий столь широкую известность уран, а также торий, радий, полоний. Сюда же надо отнести, по-видимому, полностью распавшиеся 42-й, 61-й, 85-й и 87-й элементы менделеевской таблицы (технеций, прометий, астатин и франций).

Другое дело в звездах, где под воздействием гигантских давлений и температур идут реакции перехода одного элемента в другой: водорода, лития, бериллия

в гелий или углерода в кислород и снова в углерод, — реакции с выделением колоссальных количеств энергии: тепла, света и других не менее мощных излучений.

Но какую бы гипотезу образования нашей планеты ни принимать, ясно, что была эпоха, когда вещество Земли находилось в сильно разогретом состоянии, было сгустком раскаленной материи, похожей на звездную. А что, если в массе остывшего вещества планеты остались еще неизвестные нам неустойчивые элементы, остатки атомных процессов той эпохи, подобные искусственно изготавливаемым в наших лабораториях зауроновым элементам нептуниевой группы?

Очевидно, что элементы эти, как это имеет место с ураном, рассеяны в сравнительно поверхностных слоях Земли и потому бездействуют до того времени, пока в бесконечных перемещениях и перегруппировках вещества не создаются достаточно крупные их скопления очень большого атомного веса, как уран или торий.

Тогда могут, как мы знаем теперь, развиваться мощные цепные реакции распада, выделяющие массу энергии.

Значит, неизвестные нам силы движений земной коры являются отголоском бесконечно давно затухших атомных превращений элементов группы нептуния. Но если это так, если горообразование на Земле обязано глубинным атомным реакциям, то у нас есть надежда в будущем овладеть их очагами. Искать их надо возле поднимающихся складчатых гор и вулканических областей, вот как здесь, на Тихом океане... Возможно, что в моменты наибольшего развития глубинных цепных реакций на поверхность прорываются сильные излучения, по которым можно нащупать область атомного распада.

Но в таком случае в прошлые геологические эпохи эти излучения могли оказывать большое воздействие на живое население планет в местах, где происходило образование складок и гор...

Давыдов вспомнил про гигантские скопления костей вымерших ящеров, изучением которых занимался в Средней Азии, тщетно пытаясь дать удовлетворительное объяснение накоплению остатков миллионов ящеров в одних и тех же местах. Инстинктом ученого

он чувствовал важность своих догадок. Весь уйдя в мысли, он не заметил времени и, только случайно взглянув на часы, понял, что пропустил обед, и крепко выругался.

Глава вторая

ЗВЕЗДНЫЕ ПРИШЕЛЫЦЫ

Шатров остановился перед дверью со стеклянной дощечкой: «Заведующий отделом проф. И. А. Давыдов», переложил в другую руку большую коробку, хитро усмехнулся и постучал. Низкий голос недовольно рявкнул: «Да!» Шатров вошел в кабинет по обыкновению быстро, слегка согнувшись и блестя исподлобья глазами.

— Вот это да! — вскочил сидевший за рукописью хозяин. — Никак не ждал! Сколько лет, дорогой друже!

Шатров поставил коробку на стол, друзья крепко обнялись и расцеловались.

Сухой, среднего роста Шатров казался совсем небольшим рядом с громоздкой фигурой Давыдова. Друзья во многом были противоположны. Огромного роста и атлетического сложения, Давыдов казался более медлительным и добродушным в отличие от нервного, быстрого и угрюмого приятеля. Лицо Давыдова, с резким, неправильным носом, с покатым лбом под шапкой густых волос, ничем не походило на лицо Шатрова. И только глаза обоих друзей, светлые, ясные и пронизательные, были сходны в чем-то не сразу уловимом, скорее всего — в одинаковом выражении напряженной мысли и воли, исходившем из них.

Давыдов усадил Шатрова, оба закурили и стали оживленно обмениваться накопившимися за ряд лет впечатлениями, не высказанными в письмах. Наконец Давыдов погладил пальцами за ухом, встал и извлек из висевшего в углу пальто порядочный сверток. Он развернул его и положил перед Шатровым.

— Слушай-ка, Алексей Петров, извольте съесть... Не возражать! — вдруг зыкнул он на протестующий жест Шатрова, и оба рассмеялись.

— Совсем как в сороковом! — развеселился Шатров. — Опять забыли съесть! Попадет?

Давыдов закатился хохотом.

— Попадет, если домой принесу. Будьте добры, уважьте, «как в сороковом».

— Сейчас мы его! — двинул рукой Шатров. — Ок!

— Ну конечно, и «ок» этот по-прежнему! Как приятно слышать!.. Слушайте, Алексей Петрович, пойдем в музей, покажу интересные новости... Есть для вас работа. Такие выкопаны звери!..

— Нет, Илья Андреевич, у меня ведь очень важное дело. Нужно крепко потолковать с вами, нужна ваша голова. Она работает хорошо, без промаха...

— Интересно! — Давыдов провел пальцем по последней строчке рукописи и сложил исписанные листы. — Кстати, письмо ваше получил неделю назад и еще не собрался ответить. Не одобряю...

— Не одобряете моих жалоб? Минута жизни трудная, — слегка смутился Шатров. — Я позаимствовал у вас одну философскую идею, которая часто мне помогает. Но для ее применения надо иметь некоторую силу духа. А бывает, что ослабеешь...

— Какую такую идею? — недоуменно спросил Давыдов.

— Она выражается только одним магическим словом «ништо». Мне так часто не хватало вашего «ништо» в военные годы...

Давыдов захохотал и, отдышавшись, еле выговорил:

— Именно «ништо»! Будем работать дальше. Оно, конечно, бывает трудно. Наука наша очень хлопотна — тут и раскопки, и огромные коллекции, и сложная обработка, а работников совсем мало. Приходится непродуктивно тратить время, смотреть за пустяковыми вещами... Но у вас ведь был важный разговор, а я отклонился в сторону.

— Разговор будет необыкновенный. У меня в руках — невероятное, настолько невероятное, что я никому, кроме вас, не решился бы сказать о нем.

Наступила очередь Давыдова выказать нетерпение. Шатров хитро улыбнулся, как при входе в кабинет, и, развернув свой пакет, извлек из него небольшую кубическую коробку из желтого картона, украшенную китайскими иероглифами и почтовыми штемпелями.

— Вы помните Тао Ли, Илья Андреевич?

— Как же! Это молодой китайский палеонтолог, очень способный. Убит в тысяча девятьсот сороковом

году фашистскими бандитами при возвращении из экспедиции. Погиб за свободный Китай.

— Совершенно верно. Я описал некоторые его материалы, состоял с ним в переписке. Он собирался приехать к нам... Так мы и не встретились! — вздохнул Шатров. — Короче говоря, из своей последней экспедиции он прислал мне посылку с необычайно любопытной вещью. Посылка эта вот, на столе. При ней короткая записка с обещанием подробного письма, написать которое ему не удалось. Его убили в Сычуани, на пути в Чунцин.

— А где он был в экспедиции? — спросил Давыдов.

— В провинции Сикан.

— Ну и ну! Однако забрался!.. Погодите — это горный узел на восточном конце Гималайской дуги, между нею и Сычуаньскими горами... Да ведь знаменитый Кам, куда стремился Пржевальский, — это тоже там!

Шатров одобрительно посмотрел на друга.

— Ей-ей, в географии с вами не потягаешься! Я только с картой в руках разобрался. Кам — это северо-западная часть Сикана, и, между прочим, Тао Ли вел исследования именно в Каме, на востоке его, в районе Энь-Да.

— Ясно, ясно. Показывайте, что у вас за штука. Оттуда можно ждать чего угодно!

Шатров извлек из коробки нечто завернутое в несколько слоев тонкой бумаги, развернул и подал Давыдову обломок твердой ископаемой кости, на первый взгляд бесформенной. Давыдов повернул раза два тяжелый светло-серый кусок и сказал:

Кусок затылочной части черепа крупного хищного динозавра. Что же тут особенно удивительного?

Шатров молчал. Давыдов еще раз осмотрел кость и внезапно издал глухое восклицание. Положив обломок на стол, он поспешно вытащил из желтого полированного ящика биноклярную лупу, выдвинул плечо штатива, прикрепил тубус. Широкая спина профессора согнулась над прибором, он прильнул глазами к двойному окуляру, сунув под лупу свои большие руки с зажатой в них костью динозавра. Некоторое время в кабинете царил молчание. Шатров чиркнул спичкой.

Давыдов поднял от бинокля расширившиеся от изумления глаза:

— Невероятно! Не могу подыскать объяснение! Череп пробит насквозь в самой толще кости. Отверстие настолько узко, что не могло быть сделано рогом или зубом какого-нибудь животного. Если бы это была болезнь — некроз, костоеда, — тогда края имели бы следы болезненных изменений. Нет, это отверстие было пробито! Пробито в живой кости! Несомненно. Обе стенки черепа. Насквозь, точно пулей. Да, если бы это не было бредом, я сказал бы, что пулей... Впрочем, нет, отверстие не круглое — это овальная узенькая щель, точно вырезанная и потом уже, в процессе окаменения кости, заполнившаяся рыхлой породой. — Давыдов отодвинул штатив бинокля. — Поскольку я не склонен был до сих пор к бредовым видениям и явно трезв, то могу лишь сказать — странный случай. Необъяснимый случай!

Он холодно посмотрел на Шатрова. Тот вытащил из коробки второй пакет, снова зашелестел бумагой.

— Я не могу спорить с вами, — медленно сказал Шатров, — это действительно случай, и если хорошенько подумать, то можно найти ему даже не одно объяснение. Но второй такой же случай заставит вас отказаться от сомнений. Вот он, второй случай! Ок!

На стол перед Давыдовым легла вторая кость — плоская, с изломанными краями.

Давыдов затаился, должно быть, очень глубоко папиросой, побагровел и закашлялся.

— Обломок левой лопатки хищного динозавра, — говорил Шатров, склоняясь через плечо приятеля, — но не того животного, чей череп. Это более старый и крупный индивид...

Давыдов кивнул головой, не отрывая глаз от маленького овального отверстия в костяной пластине — обломке лопатки могучего ящера.

— То же самое, то же самое! — взволнованно шептал он, водя пальцем по краю загадочного отверстия.

— Теперь записка Тао Ли, — методически продолжал Шатров, скрывая радостное торжество.

Ему, уже пережившему потрясающее значение открытия, было легче сохранять хладнокровие.

Вместо плавной русской речи в кабинете зазвуча-

ли отрывистые английские слова. Шатров медленно прочитал короткое сообщение погибшего ученого:

— «...В сорока милях к югу от Энь-Да, в системе левых притоков Меконга, я наткнулся на обширную котловину, ныне занятую долиной реки Чжу-Чже-Чу. Это межгорная впадина, залитая покровом третичной лавы.

Там, где ущелье реки прорезает насквозь лавовый покров, видно, что он всего в тридцать футов мощности. Под ним лежат рыхлые песчаники, содержащие множество костей динозавров, среди которых я открыл образцы со странными повреждениями. Два из них я посылаю вам, пораженный своей находкой настолько, что мне необходима уверенность в том, что ошибки нет. Не все повреждения одного типа. Есть образцы, в которых часть кости как бы срезана огромным ножом, но также, несомненно, по живой кости, до гибели животного, вернее — в момент ее. Я везу в Чунцин более тридцати таких образцов, собранных в разных местах долины, где обнаружено большое количество динозавров, причем — их полных скелетов. Этикетки с точными данными места — при образцах.

Я настолько спешу отправить вам эту посылку, что не успел написать подробное письмо. Его я пошлю, когда вернусь в более комфортабельную обстановку в Сычуани...»

Шатров замолчал.

— Все? — нетерпеливо спросил Давыдов.

— Все. Коротко настолько, насколько велико значение его находки.

— Погодите, Алексей Петрович, дайте прийти в себя... Это сон какой-то! Сядем спокойно и обсудим, а то у меня все в голове завертелось — одурел.

— Очень хорошо вас понимаю, Илья Андреевич. Надо признаться, что ученому для выводов из этого факта требуется большая смелость. Ломка всех установившихся представлений... Я не так смел в своих работах, как вы, но тут и вы спасовали...

— Хорошо, давайте рассуждать смело, благо мы наедине и никто не подумает, что два палеонтологических кита, мягко выражаясь, рехнулись. Начинаю! Итак, эти хищные динозавры были у б и т ы каким-то могучим оружием. Его пробивная способность, видимо, превосходила мощные современные ружья. Такое ору-

жие могло создать только мыслящее существо, вдобавок стоящее на высокой ступени культуры. Верно?

— Безусловно. Ergo¹ — человек! — вставил Шатров.

— Так. Но эти динозавры жили в меловом периоде — скажем, семьдесят миллионов лет назад. Все факты нашей науки неопровержимо, несомненно говорят, что человек появился на Земле как одно из последних звеньев великой цепи развития животного мира шестьдесят девять миллионов лет спустя, да еще много сотен тысяч лет пребывал в животном состоянии, пока его последний вид не научился мыслить и трудиться. Раньше человек возникнуть не мог, а человек, вооруженный техникой, тем более. Это абсолютно исключено. Следовательно, вывод может быть только один: те, кто убил динозавров, не родились на Земле. Они пришли из другого мира...

— Да, из другого — твердо сказал Шатров. — И я...

— Одну минуту. Пока еще все вразумительно. Но дальше уже становится невероятным. Последние достижения астрономии и астрофизики изменили старые представления. Много романов было написано на тему о пришельцах из других миров. Правда, еще недавние утверждения большинства ученых, что наша солнечная система планет есть исключительное явление, ныне отвергнуты. Теперь мы имеем основание предполагать, что многие звезды имеют планетные системы. И так как число звезд во Вселенной бесконечно велико, то и число планетных систем чудовищно. Следовательно, считать дальше, что жизнь есть исключительная прерогатива Земли, не приходится. Смело можно сказать, что во Вселенной есть обитаемые миры. Утверждаю не менее твердо, что повсюду жизнь продвигает путь эволюционного развития и, следовательно, вполне возможно появление мыслящих существ. Все это так. Но в то же самое время мы знаем теперь, что расстояния до ближайших звезд с планетными системами чрезвычайно велики. Настолько, что требуются десятки лет полета со скоростью светового луча, то есть трехсот тысяч километров в секунду. Такая скорость недостижима по физическим законам ни для какого аппарата, а путешествие с меньшими

скоростями превратит полет в тысячелетнее странствование...

В последнее время открыты темные, невидимые звезды, которые распознаются лишь по своему радиоизлучению. Этих радиозвезд в окрестностях нашей солнечной системы довольно много, но, во-первых, они все же далеки для достижения их ракетными снарядами, во-вторых, вряд ли обладают населенными планетами из-за слабости своего излучения, неспособного достаточно обогревать планеты.

А в нашей планетной системе, кроме нашей Земли, только Марс и Венера подают надежды. Но надежды слабые. На Венере слишком горячо, вращается она медленно, атмосфера ее густа и без свободного кислорода. Вряд ли жизнь смогла развиваться на Венере, и совершенно исключено присутствие там мыслящих существ с высокой культурой. Так же и Марс. Его атмосфера слишком тонка и разрежена, тепла там мало, и если жизнь существует, то в каких-то бедных, угнетенных формах. Я не сомневаюсь, что там нет буйной энергии развития жизни, которая на нашей Земле смогла выработать человека. О далеких больших планетах я и не говорю: Сатурн, Юпитер, Уран, Нептун — это страшные миры, холодные, темные, как нижние круги Дантова ада. Возьмите, например, Сатурн — в центре планеты скалистое ядро, на котором лежит слой льда в десять тысяч километров толщиной. И все это окутано густой атмосферой в двадцать пять тысяч километров толщины, непроницаемой для солнечных лучей и богатой ядовитыми газами — аммиаком и метаном. Значит, под такой атмосферой — вечный мрак при морозе в сто пятьдесят градусов и давлении в миллион атмосфер... Жутко представить себе...

— Я тоже думаю, — перебил Шатров, — что в нашей планетной системе нет собратьев нам по мысли. И я...

— Вот видите. На наших планетах, следовательно, нет, а с далеких звездных систем прилететь невозможно. Тогда откуда же могли взяться эти пришельцы? Вот в чем невероятность!

— Вы меня не дослушали, Илья Андреевич. Я хоть не обладаю вашей эрудицией в самых различных областях, но сообразил, в общем, то же самое.

¹ Ergo (лат.) — следовательно.

Звезды ведь не неподвижны. Внутри нашей Галактики они перемещаются, сама Галактика вращается да еще вся куда-то движется, как и все великое множество других галактик. За миллионы лет могли происходить существенные сближения и расхождения звезд...

— Ну, это вряд ли нам поможет. Ведь пространство Галактики настолько велико, что сближение именно нашей солнечной системы с другими имеет вероятность практически нулевую. Да и как разгадать эти звездные пути?

— И это верно, но верно лишь в том случае, если движения звезд не закономерны, не подчинены каким-то определенным путям. А если они закономерны? И если эту закономерность можно вычислить?

— Мм!.. — скептически промычал Давыдов.

— Ладно, я открываю свои карты. Один мой бывший ученик, сбежавший с третьего курса на математические науки, в астрономию, занялся вопросом движения нашей солнечной системы в пределах Галактики и создал интересную, хорошо обоснованную теорию. Буду краток. Наша солнечная система описывает внутри Галактики огромную эллиптическую орбиту с периодом обращения в двести двадцать миллионов лет. Эта орбита несколько наклонена относительно горизонтальной плоскости — экватора звездного «колеса» нашей Галактики. Поэтому Солнце с планетами в определенный период прорезает завесу черного вещества — пылевой и обломочной застывшей материи, — стелющуюся в экваториальной плоскости «колеса» Галактики. Тогда оно приближается к сгущенным звездным системам некоторых областей. А в этом случае возможно сближение нашей солнечной системы с другими неведомыми системами, сближение настолько значительное, что перелет становится реальным...

Давыдов не шевелясь слушал друга, рука его застыла на штанге бинокля.

— Такова теория, — продолжал Шатров. — Я только вернулся с места гибели своего бывшего ученика, где разыскал его рукопись. Он погиб в сорок третьем году... — Шатров остановился, зажег папиросу. — Так, теория показывает нам только возможность, — подчеркнул он последнее слово, — но еще не дает права считать невероятное за реальный факт. Но когда мы видим сцепление двух совершенно независимых

наблюдений, это показывает, что мы на верном пути. — Шатров картинно выпрямился и задрал вверх подбородок. — В теории моего ученика прямо сказано, что приближение солнечной системы к центральным сгущениям ветви внутренней спирали Галактики произошло примерно семьдесят миллионов лет назад!

— Ехидная сила! — Давыдов употребил свое излюбленное ругательство.

Шатров торжественно продолжал:

— Одно невероятное, сцепившись с другим, превращается в реальное. Я полагаю, что вправе утверждать: в меловом периоде произошло сближение нашей планетной системы с другой, населенной мыслящими существами — людьми в смысле интеллекта, и они переправились со своей системы на нашу, как с корабля на корабль в океане. А затем в громадном протяжении протекшего времени эти корабли разошлись на неимоверное расстояние. Они — те, с другой звезды — были на нашей Земле недолго и не оставили поэтому заметных следов. Но они были, и они могли преодолевать межзвездное пространство за семьдесят миллионов лет до того, как мы также подошли к этому... Имеете возражения?

Давыдов встал, молча поглядел на друга и протянул руку:

— Вы меня убедили, Алексей Петрович. Но не все еще ясно. Ну, например, зачем им было попадать сюда, именно на нашу Землю, эту маленькую козявку среди звезд и планет? Есть и еще вопросы, но основное, по-моему, достаточно убедительно. Неслышанно, невероятно, но реально. Однако как вы думаете: можно ли опубликовать?

Шатров замотал головой:

— Ни в коем случае! Поспешность убьет все. Для такого открытия она недопустима.

— Верно, верно, друже. Всегда умнее выждать, чем забегать вперед. Но выждать подготовленными ко всему! Необходимо добыть аргументы настолько веские, как наш «аргумент» в Ленинграде!

Шатров вспомнил «аргумент», который хранился в углу кабинета Давыдова во время их совместной работы.

Это была массивная железная стойка от каркаса

скелета, которой Давыдов грозился вразумлять упрямого и увлекающегося друга при их постоянных спорах. Шатров невольно улыбнулся:

— Как же, помню! Вот именно. Отсюда и начинается вторая часть моего дела к вам. Я не геолог, не полевой работник — я кабинетный схимник. А это предприятие под силу только вам и никому другому. Ваш авторитет...

— Ха-ха! Словом, надо раскапывать место побоища звездных пришельцев с динозаврами... Ну и ну!

Давыдов задумался, потом медленно заговорил:

— Интересное место этот Сикан. А для нас, палеонтологов, там ведь черт знает что! Вы знаете, конечно, Алексей Петрович, что там одновременно существовали в конце третичного периода древние и новые формы вымерших млекопитающих. Дикая смесь того, что в других местах Земли вымерло уже десятки миллионов лет назад, с тем, что недавно появилось. А самое то место! — воодушевился Давыдов. — Высокие снеговые горы, холодные плоскогорья, сухие и пустынные, а между ними — глубочайшие долины с роскошной тропической растительностью. Непроходимые пропасти, разделяющие селения. От одной деревеньки до другой, скажем, два километра, но между ними лежит чудовищно глубокая долина, и жители этих двух селений никогда не встречаются друг с другом, хотя и могут видеть соседей издалека. Станные, неизвестные еще науке звери живут в густых лесах, на дне долин, а наверху воют холодные бури. Там начинаются величайшие реки Индии, Китая, Сиамы — Брахмапутра, Янцзы, Меконг. Изумительное место! Но представляете себе этот стык Тибета, Индии, Сиамы и Бирмы? Хо-хо! Разве империалисты пустят туда ученых-коммунистов? Где уж пытаться науке проникнуть туда!¹ — Давыдов вытащил огромные старые часы. — Еще нет двух. Что значит большое переживание: кажется, будто весь день прошел! — Он встал и подал Шатрову кольцо с ключами. — Коробку спрячьте в этот шкаф, слева... Что бы там ни было, но мы обязаны сделать все, что возможно. Пойдем узнаем, не примет ли нас Тушилов... Вы надолго в Москву, Алексей Петрович?.. До выяснения? Значит, с неделю пробудете — раньше вряд ли что-

нибудь решится. Остановитесь у меня, конечно? Я сейчас позвоню секретарю и потом домой, что задержимся.

В просторной, скромно меблированной квартире Давыдова было тихо. Сквозь огромные окна проникал синеватый полусвет летних сумерек. Шатров, сгорбившись, долго молча ходил взад и вперед. Давыдов угрюмо откинулся в кресле перед своим большим письменным столом.

Друзья размышляли, каждый по-своему. Не хотелось зажигать свет, как будто медленно наступавшая в комнате темнота умеряла их огорчение.

— Завтра я уеду, — наконец проговорил Шатров, — больше мне нельзя задерживаться, да и не к чему. Отказ бесповоротный. Впрочем, вряд ли могло быть иначе. Наши потомки разберут это дело, когда исчезнут проклятые эти границы.

Давыдов, не отвечая, смотрел в окно, где над крышей соседнего дома робко загорались мелкие и тусклые звезды городского неба.

— Горько стоять, как нищему, у порога великого открытия и не иметь возможности войти! — опять заговорил Шатров. — Не будет мне теперь покоя до конца дней, и не утешат никакие другие достижения!

Давыдов вдруг потряс над головой сжатыми кулаками:

— Мы не можем поступиться этим! И нам помогут! Черт с ним, с Камом! В конце-то концов, какая уверенность, что там, где сохранились остатки убитых «ими» динозавров, мы найдем следы «их» самих? Никакой. Раз «они» явились к нам зачем-то, то вовсе не обязательно «им» было сидеть на одном месте. Почему бы не поискать в меловых отложениях у нас? И заранее могу сказать: если подобные остатки есть, то их можно найти только в системах высоких и молодых горных хребтов. В Каме находка не случайна. Почему? Да потому, что там, где земная кора расколота на бесчисленные небольшие участки, из которых одни поднимаются, другие опускаются, только там разные маленькие и случайные отложения могут сохраниться от неминуемых перемываний и размываний. Если какая-нибудь маленькая впадина начала опускаться еще в мелу и потом так и осталась впадиной среди гор, там,

¹ Время действия рассказа 1946 год.

под слоями все нарастающих наносов, может уцелеть то, что в других местах, на равнине, будет перемыто, переотложено и разрушено. У нас есть подходящие для этого места в горах Казахстана, Киргизии, Узбекистана, вообще Средней Азии. Эти горы как раз относятся к великой эпохе альпийского горообразования, начавшегося в конце мелового периода. У нас есть где искать, но надо знать, что искать, иначе...

— Ей-ей, не понимаю вас, Илья Андреевич! — перебил Шатров. — Разве не ясно, что... вернее — кого искать?

— Вот и неверно. Нам надо решить, каков облик этих пришельцев, что они такое — может быть, протоплазма какая-нибудь, не могущая сохраниться? Это раз. И что они делали здесь — два. Первое поможет понять, с какими остатками мы можем столкнуться при раскопках, второе — где легче можно натолкнуться на их остатки, если они есть вообще. По каким местам нашей планеты должны они были бродить? Ох, если вдуматься, наше предприятие пахнет безнадежностью... Но это, конечно, не значит отказаться! Так вот, разделим задачу, как в добрые старые времена, когда писали совместные работы. Вы берете биологическую сторону — первый вопрос. Я возьму второй и вообще всю геологию, направление и развитие поисков. Кое-какие мыслишки у меня есть — ведь я исследовал все наши громадные среднеазиатские местонахождения динозавров.

— Вы задали мне нелегкую задачу! — воскликнул Шатров. — Мало ли какие формы жизни могли существовать в иных мирах! Тут, пожалуй, никому не под силу решить что-либо определенное, ей-ей.

— Гниль, гнусь и жалкая интеллигентщина! — внезапно разъярился Давыдов. — Конечно, задача трудна, потому что нет фактов, надо идти только умозрительно. Вся надежда на мощь ума. Проломить стену. Но если ваша голова не сообразит ничего путного, то кто же еще из нашего наличного состава одолеет это? А потом, о разных формах жизни — всяких там каменных или металлических существах, —

это вы оставьте писателям. Нам не к лицу. Помните об энергетике жизни — она сложилась не случайно, а вполне закономерно. Основные положения, по-моему, следующие, и из них нам и надо исходить, чтобы оставаться учеными до конца. Строение живых существ не случайно. Во-первых, единство материи Вселенной доказано — всюду и везде девяносто два основных элемента, как и на нашей Земле. Доказана общность химических и физических законов во всех глубинах мирового пространства. А если так, то, — Давыдов стукнул кулаком по столу, — живое вещество, состоящее из наиболее сложных молекул, в основе своей должно иметь углерод — элемент, способный образовывать сложные соединения. Во-вторых, основа жизни есть использование энергии излучения Солнца, использование наиболее распространенных и эффективных химических кислородных реакций. Так?

— Все верно, — кивнул Шатров, — но пока...

— Одну минуту. Чем сложнее строение молекул, тем легче они распадаются при повышении температуры. В веществе раскаленных звезд вообще нет химических соединений. В менее сильно нагретых звездах, как, например, в спектрах холодных красных звезд, в солнечных пятнах, мы обнаруживаем лишь простейшие химические соединения. Поэтому можно утверждать, что появление жизни в любой, самой необычной ее форме может быть только при сравнительно низкой температуре. Но не очень низкой, иначе движение молекул замедлится чересчур сильно, химические реакции перестанут происходить и энергия, нужная для жизни, не будет производиться. Следовательно, заранее, без всяких особых допущений можно говорить об узких температурных пределах существования живых организмов. Не буду утруждать вас длительными рассуждениями, вы и так легко поймете, когда я скажу, что эти температурные пределы определяются еще точнее: это те пределы, в которых существует жидкая вода. Вода — носитель основных растворов, посредством которых осуществляется жизнедеятельность организма. Жизнь для своего появления и постепенно нарастающего усложнения требует длительного исторического, эволюционного развития. Следовательно, условия, необходимые для ее существования, должны быть устойчивыми, длительными во времени, в узких

¹ Альпийское горообразование — последний период горообразования в истории Земли, когда возникли высочайшие горные страны современности.

пределах температуры, давления, излучения и всего того, что мы понимаем под физическими условиями на поверхности Земли.

А что касается мысли, она может появиться только у весьма сложного организма, с высокой энергетикой, организма, в известной мере независимого от окружающей среды. Значит, для появления мыслящих существ пределы еще уже — это как бы узкий коридор, проходящий через время и пространство.

Возьмите, например, растения с их синтезом углеводов при помощи света. Это энергетика более низкого порядка, чем у животных с их кислородным горением. Поэтому растения хотя и достигают колоссальных размеров, но при условии неподвижности. Движения могучего и быстрого, как у животного, у больших растений быть не может. Не та машина, грубо говоря.

Итак, жизнь в той же общей форме и тех же условиях, как на Земле, не случайна, а закономерна. Только такая жизнь может проходить длительный путь исторического усовершенствования, эволюции. Следовательно, вопрос сводится к оценке возможных эволюционных путей от простейших существ до мыслящего животного. Все другие решения — бред, беспочвенное фантазирование невежд!

— Строго, Илья Андреевич! Я вовсе не отказываюсь думать над этим вопросом. И все, что придет в голову, буду сообщать вам...

— Илья Андреевич, вас к телефону. Уже который раз звонят, но вы отсутствовали несколько дней.

Давыдов яростно крикнул, оторвавшись от корректуры. Большая кипа гранок топорщилась на столе с приколотым сверху листом: «Проф. Давыдову, срочно! Просьба не задерживать!» Под гранками лежали две статьи, присланные на отзыв и уже задержанные профессором. За несколько дней, потраченных на попытку добиться разрешения экспедиции в Кам, накопилось много срочной работы — той работы, которая облепляет каждого крупного ученого и не имеет прямого отношения к его исследованиям. На квартире Давыдова лежала толстая диссертация. Диссертант ожидал рецензии. Через три часа должно было состояться длинное заседание. Явился препарат с просьбой осмотреть работу и дать указания для ее

продолжения. И в то же время нужно было написать несколько писем для осуществления необычайного шатровского дела.

Профессор, вернувшись к столу после разговора по телефону, схватился за корректуру. Перо черкало сердито и резко, отрывистые ругательства сыпались на корректоров. Наконец у Давыдова строчки стали сливаться в глазах, он пропустил две поправки и понял, что нужно сделать перерыв. Давыдов потер глаза, потянулся и вдруг запел громко и неимоверно фальшиво на однообразный унылый мотив

— «Ой ты, Волга-матушка, русская река, пожалей, кормилица, силу бурлака!»

В приоткрытую дверь стукнули. Вошел профессор Кольцов, заместитель директора института, в котором работал Давыдов. На лице Кольцова, обрамленном короткой бородкой, блуждала язвительная усмешка, а темные глаза печально смотрели из-под длинных, загнутых, как у женщины, ресниц.

— Жалобно поете, сэр! — усмехнулся Кольцов.

— Еще бы! Невпроворот работы, мелких делишек, к настоящему делу не подойти. Чем старше становишься, тем больше наматывается разной чепухи, а силы уже не те, ночами трудно сидеть... Мышиная возня! — прогремел Давыдов.

— Пфф, сколько шуму! — поморщился Кольцов. — Вы тащить можете, сэр, у вас фигура могучая — статуя командора... Ха-ха-ха! Вот вам письмо от Корпаченко из Алма-Аты. Оно вас, думаю, заинтересует.

Небо над крышами посветлело, наступивший рано летний день боролся с желтым светом настольной лампы у раскрытого настежь окна. Давыдов закурил. Папироса уже потеряла всякий вкус, табак тяжело оседал на утомленное сердце. Но намеченная программа была выполнена — одиннадцать писем к геологам, работавшим в области меловых отложений Средней Азии, лежали на загроможденном бумагами и книгами столе. Оставалось запечатать конверты, и тогда письма уйдут с утренней почтой. Давыдов принялся надписывать адреса и не заметил, как в комнату вошла жена, по-детски протирая кулачками заспанные глаза.

— Как тебе не стыдно! — негодуя воскликнула

она. — Рассветает! А где же обещание не сидеть ночами? Ведь сам жаловался на усталость, на потерю работоспособности... Фу, как нехорошо!

— Я уже кончил... Вот видишь — пять конвертов надпишу, и все, — виновато оправдывался Давыдов. — И больше я не буду сидеть. Это надо было во что бы то ни стало сделать... Иди спи, маленькая, я сейчас лягу.

Давыдов надписал последний конверт и погасил лампу. Бледный свет и прохладный воздух утра заполнили комнату бесстрастной ясностью.

Давыдов посмотрел на небо, потер лоб. Внезапно поставленная им задача поисков звездных пришельцев в горных котловинах Средней Азии предстала во всей своей безнадежной трудности.

В самом деле, если сравнительно часто находятся остатки ископаемых животных, то ведь это потому, что миллиарды их жили на поверхности Земли и многие остатки неизбежно попадали в условия, способствующие их сохранению и окаменению. Но пришельцев из чужого мира не могло быть много. Даже если следы их сохранились где-то, то найти эти следы в огромных массах осадочных отложений, в тысячах кубических километров горных пород можно только при раскопках колоссального объема. Тысячи людей должны просматривать тысячи кубометров породы, сотни мощных экскаваторов — снимать верхние пласты. Химера! Ни одна страна в мире, как бы богата она ни была, не может тратить миллиарды рублей на раскопки такого масштаба. А обычные палеонтологические раскопки, даже самые крупные, с вскрытием площадок в триста-четыре квадратных метра, — капля в море, пустяк при поставленной задаче. Вероятность, равная нулю!

Истина, обнаженная и беспощадная, заставила Давыдова опустить усталую голову. Его попытки показались ему смехотворными, планы — безнадежными.

Шатров был прав, более прав, оценивая своим ясным умом всю негодность средств, имевшихся в их распоряжении.

«Беда! — огорченно подумал Давыдов. — Не уснешь теперь вовсе: одолеют проклятые сомнения. Что бы еще сделать, чем отвлечься? Да, вот письмо, переданное Кольцовым, еще не просмотрел».

Профессор извлек из портфеля письмо известного геолога, работавшего в Казахской академии наук. Тот

писал в институт о том, что в текущем году начинаются грандиозные работы в ряде больших межгорных котловин Тянь-Шаня — народная стройка целой сети крупных каналов и гидроэлектростанций. Два из этих строителей — кстати, наиболее крупные: номер два — в низовьях реки Чу и номер пять — в области Каркаринской котловины — вскроют верхнемеловые отложения, в которых известны большие скопления костей динозавров. Поэтому необходимо организовать постоянное наблюдение палеонтологов во время земляных работ. Необходимо связаться с Госпланом и после этого координировать действия непосредственно с начальниками строительства...

По мере чтения письма отступала безнадежность, заполнившая душу Давыдова. Он понял, что ему на помощь приходит редкая удача. Интересы его науки совпали с производственными интересами страны, и теперь огромная мощь труда осуществит такие раскопки, какие даже не снились ни одному ученому! Пожалуй, есть надежда проверить невероятную находку Тао Ли и, если опять повезет, подарить человечеству ясное доказательство того, что оно не одиноко во Вселенной...

Солнце, свежее и яркое, вставало над городом, облака казались полосами лиловой пены на прозрачной золотой воде. Шум просыпающегося города несся в комнату.

Давыдов встал, жадно вдохнул несколько раз свежий воздух, задернул портьеру и стал раздеваться.

Шатров смял и бросил в корзину только что законченный рисунок черепа. Потом извлек из груды книг на столе брошюру и задумался, не раскрывая книги.

Тяжелая дорога — путь новых исканий! Редкие взлеты мысли — как сказочно легкие прыжки над пропастями грубых ошибок. И все время тащишься по крутым склонам медленного восхождения под тяжким бременем фактов, задерживающих, влекущих назад, вниз... Ничего! Поставленная задача велика и важна. А те, кто был здесь семьдесят миллионов лет назад? Бесстрашная воля и ум человека не испугались даже грозных межзвездных пространств. Те, неведомые, сумели перебраться с одного корабля на другой в то время, когда они на огромных скоростях расходились

друг с другом. Не испугались того, что каждая секунда времени удаляла их на сотни километров от родной планеты. И, выполнив какую-то задачу, сумели вернуться или вскоре погибли, ибо те великие изменения, которые разумный труд производит в природе, не ускользнули бы от нас, изучающих теперь, семьдесят миллионов лет спустя, свою планету.

Если мы до сих пор не нашли этих изменений, то пришельцы были на Земле очень короткое время. Неведомые гости неведомого мира!

Хорошо! Он будет размышлять дальше над своей долей задачи, искать возможные облики людей иных миров. И скоро он сообщит Давыдову... Но Давыдов... Он пишет ему регулярно о чем угодно, кроме самого интересного: как идут поиски. Полтора года прошло уже с момента памятного разговора в Москве над пробитыми костями вымерших ящеров. Видимо, ничего не удалось большому другу...

В этот самый момент машина Давыдова быстро шла по пыльной, выбитой дороге. Белесая пыль бежала под дергающийся вперед и назад свет фар, облаком взвивалась позади, застилая звезды у низкого горизонта.

Вдали перед ветровым стеклом машины вставало в ночи красноватое обширное сияние. Оттуда доносился низкий гул, прорывавшийся сквозь шум мотора...

Через полчаса Давыдов в сопровождении прораба и своего сотрудника, прикомандированного к стройке, направлялся к северному концу участка, слегка оглушенный исполнением размахом работы.

Тысячечные фонари на высоких столбах казались окруженными легким туманом, облако более густой пыли окутывало левую сторону участка. Там скрежет, грохот и лязг мощных экскаваторов совершенно заглушали стук сотен вагонеток, с шумом опрокидывавшихся на откаточной горке.

Толща отложений была глубоко прорезана ложем будущего канала. Двухметровые стены высились по сторонам; на их ровных, точно оглаженных исполнимым ножом крутых скалах выступали мощные галечники, целые нагромождения валунов, сменявшиеся желтыми песками и слоистыми песчаниками с миллионами блесток слюды и гипса.

Ночь, расстилавшаяся вокруг, в просторах пустынной степи, здесь не существовала, как не существовала и самая степь. Здесь был особый мир напряженного гигантского труда, по-своему изменивший лицо древней казахстанской пустыни. Давыдов проходил мимо загорелых, покрытых потом и пылью людей, не обращавших на него никакого внимания. Отбойные молотки сотрясались в умелых руках, разрыхляя выступы твердых скал. Грузные, похожие на огромные железные скелеты машины тяжело ворочались в пыли. Грузовики стадами толклись у погрузочных конвейеров, без конца ссыпавших убираемый грунт.

— Вот это раскопки, Илья Андреевич! — прокричал сотрудник Давыдова.

Профессор весело усмехнулся и хотел что-то сказать, но в этот момент застланное пылью небо осветилось широкой дугой вспышки, тяжкий гул передался по земле.

— Взрыв на выброс, — пояснил прораб. — Выкинули разом сотни три тысяч кубометров. Там, на восьмом участке, готовят канавку для экскаваторов.

Давыдов оглядел «канавку», вдоль которой шел. Она тянулась насколько хватал глаз в рядах фонарей, прямо и неуклонно рассекая степь, на севере расширяясь в котлован чуть ли не полкилометра в поперечнике. Там было вскрыто кладбище динозавров — колоссальное нагромождение огромных окаменелых костей. Кости тянулись грядой поперек всего котлована и, по-видимому, еще далеко за его пределами. Они беспорядочно громоздились, подобные обрубок бревен, наваленные друг на друга слоем в восемь метров толщины, смешанные с большим количеством крупной гальки. Здесь не было цельных скелетов, только обломки костей разной величины и разных пород вымерших ящеров, перемешанные как попало. Экскаваторы врезались в это скопление остатков сотен тысяч чудовищ, разгребая и расчищая площадь котлована. Разбросанные и наваленные горами кости угрюмо чернели на краю выемки в тусклом свете начинающегося утра...

Высоко поднявшееся солнце жгло уже в полную силу. Горы черных костей раскалились, как в банной печи.

— Можно считать осмотр оконченным, — сказал Давыдов, непрерывно вытирая мокрое от пота лицо. — Здесь то же самое, что и на втором участке. Вторая гряда костей. Я исследовал двадцать лет назад к северу отсюда, в урочище Бозабы, на правом берегу Чу, еще большую гряду костей — тридцать километров в длину. Подобные гигантские кладбища есть и в долине реки Или, и в Каратау, и около Ташкента. И все они такие — из беспорядочно перемешанных миллионов костей, но ни одного целого скелета или черепа. Для изучения материал почти непригоден. Это остатки размытых когда-то кладбищ динозавров, кладбищ, которые превосходят всякое воображение по своим размерам.

— У вас какие-нибудь новые соображения относительно этих «полей смерти», Илья Андреевич? — спросил помощник. — В опубликованных работах вы...

— Высказался неясно? — перебил Давыдов. — Не только неясно, но и неверно. Я тогда не представлял себе полностью масштабов явления.

— А теперь что вы думаете, Илья Андреевич?

— Не знаю... Просто не знаю и не думаю! — резко сказал Давыдов. — Ну хорошо, нужно идти. Если я через три часа уеду, то к вечеру буду на Луговой. Поезд в Москву идет в час ночи.

— А мне продолжать наблюдения?

— Разумеется. Подыщите помощников для разборки костей. В массе обломков кое-что попадаетесь и путное. Наконец, на других участках опять могут встретиться новые скопления. Хотя если будут продолжаться галечники и конгломераты, то все будет то же самое. Я не надеюсь уже на это строительство. Вот номер пять — там другой характер отложений: пески и гравий, песчаники почти без гальки. Отложения мелких, спокойных потоков и даже частично ветровые. Но Старожилов оттуда за полгода работ не сообщил ничего интересного. Сидит безрезультатно. Захандрил, бедняга...

В большой комнате для занятий аспирантов находилось трое молодых людей. Один, взгромоздясь на стол, оживленно беседовал с девушкой, сидевшей в углу.

— Настоящий исторический момент, — говорил си-

девший на столе, яростно теребя свои густые рыжеватые волосы, — определяет очень многое в будущей судьбе человечества. Атомная энергия в руках агрессоров угрожает гибелью цивилизации, всем достижениям культуры. Наши геология и палеонтология вовсе не самое важное, и это-то заставляет меня сомневаться, правильно ли я выбрал специальность. Я чувствую себя как-то в стороне от настоящей жизни. Хочется быть в рядах тех, кто создает атомную энергетику для нашей Родины. Страна социализма должна иметь самую могучую и передовую физику. Верно, Женя?

— Все это верно, — отвечала ему девушка, — но если кто не способен к математике? Я вот не люблю ее — как же я могу работать по физике?

— Не так страшно. По-моему, для некоторых разделов физики вовсе не требуется много математики... Ты что качаешь головой? — повернулся он к другому аспиранту, молчаливо прислушивавшемуся к разговору.

— А все-таки как интересна палеонтология! — вздохнула девушка. — Конечно, физика важнее. Но мне кажется, и тут можно принести много пользы... Знание...

Дверь с шумом распахнулась, и в комнату влетела худенькая, стройная девушка со свертком миллиметровки в руках.

— Ребята, приехал Илья Андреевич! Я видела его в канцелярии. Сказал — сейчас к нам зайдет. Надо подготовиться! А вы тут разговорами занимаетесь с Мишкой.

Женя оглянулась на дверь.

— Мы с Михаилом о серьезных вещах говорили.

— Знаю, о каких серьезных вещах: бросать палеонтологию, идти заниматься атомной энергией. Так тебя сразу и возьмут. Гений пропадает непризнанный! Давайте-ка спросим у Ильи Андреевича, как он к этому делу отнесется. Он, когда сердитый, говорят, мастер ругаться черными словами.

— Ты с ума сошла, Том! — заволновался Михаил. — Разве можно сказать большому ученому: мы, мол, не считаем его науку важной! Мы, его аспиранты!

— А вот возьму и спрошу! — заупрямилась Тамара. — Надо наконец поставить точку на всех ваших

разговорах. Ты Женю ими замучил, да и мне надоел...

В дверь громко постучали. Михаил мгновенно спрыгнул со стола, Женя невольно поправила волосы. Вошел Давыдов, широко улыбаясь, бодрый и веселый, поздоровался, в нескольких словах рассказал о своей поездке.

— А теперь вы рассказывайте. Какие достижения и вопросы? Начнем хотя бы с вас, Тамара Николаевна.

Тамара улыбнулась слегка смущенно.

— А можно вас сначала спросить по общему вопросу, Илья Андреевич? — начала она. — Вы не торопитесь?

Михаил за спиной Давыдова в комическом ужасе закатил глаза.

— Нисколько не тороплюсь, — ответил Давыдов. — И вы знаете, я люблю, когда меня спрашивают.

— Илья Андреевич, Михаил... мы все обсуждали, правильно ли сделали выбор специальности. В такое время наши ископаемые кости... Вот Михаил говорит — надо бы заниматься физикой... И мы были на докладе Петрова — не совсем понятно, но страшно интересно! — Тамара выпалила все это одним духом, запнулась, вздохнула и поспешно закончила: — Я хотела спросить ваше мнение по этому вопросу. Что вы нам посоветуете?

Давыдов стал серьезным, нахмурился и против ожидания Тамары нисколько не рассердился. Он медленно вытащил портсигар.

— Окно открыто, значит, можно курить... Вопрос серьезный. Я вас понимаю. Во время крупных переходов в технике те дисциплины, которые стоят в стороне, должны казаться неважными. И вы, молодежь, естественно, колеблетесь, несмотря на уже приобретенную специальность. Я бы тоже колебался... Но вот что я вам скажу...

Давыдов зажег папиросу, задумчиво посмотрел на поднимавшийся вверх дым.

— Есть люди, — медленно начал профессор, — безразличные в выборе научного пути. Случай, выгода — и они будут заниматься чем угодно. И даже с большим успехом, с хорошими результатами. Но я не считаю их настоящими учеными. Выбор науки, что там ни говори, определяется личными склонностями, способностями и вкусами. Только тогда, когда ваш ум будет требовать знания, ловить его, как задыхающийся

ловит воздух, тогда вы будете подлинными творцами науки, не шадящими сил в своем движении вперед, сливающимися сою личностью с наукой. Я сам вначале колебался. По образованию я инженер, люблю технику, и все же основные мои склонности — исторические. Вот я и занимаюсь древнейшей историей Земли и жизни. Худо ли, хорошо ли, но это заполняет всю мою жизнь, целиком. Конечно, может быть, жаль, что я не физик, не творю важнейшее для настоящего момента, но тут дело в комбинации моих способностей и интересов, которые принесут наибольший эффект, если будут гармонизировать с избранным путем. И не стоит преуменьшать значение нашей науки. Ее «завтрашний день» дальше, чем у других отраслей знания, она сделается необходимой позже других, но сделается, когда мы сможем вплотную взяться за человека. Наш организм — это исторически сложившаяся сложнейшая комбинация эволюционных наслоений от рыбы до высшего млекопитающего. Понять биологию человека по-настоящему без изучения всей эволюционной лестницы нельзя. А от этого целиком зависит медицина будущего, сохранение человека как вида и еще многое другое. Сейчас эти вопросы еще далеки от нас, но приближаются с каждым днем. И мы готовим для них точную основу знания. Бросить наше дело нельзя еще и потому, что человеку, строящему будущее, необходим общий подъем культуры, знания и широкий кругозор. Наука имеет свои законы развития, не всегда совпадающие с практическими требованиями сегодняшнего дня. И ученый не может быть врагом современности, но и не может быть только в современности. Он должен быть впереди, иначе он будет лишь чиновником. Без современности — фантазер, без будущего — тупица. А ведь еще Петр Великий это хорошо понимал. Вспомните его указ о неперменном сборе ископаемых костей — это в те-то тяжелые времена, в бедной и бескультурной стране!

Давыдов потушил папиросу и по рассеянности бросил ее на пол. Аспиранты этого не заметили. Женя перегнулась боком через стол, глядя на Давыдова. Тамара стояла с победно поднятой головой, а Михаил хмуро опустил глаза.

— Теперь о другой стороне вашего вопроса, — продолжал Давыдов. — Тут тоже не следует преуве-

личивать. Говорить о гибели цивилизации и безнадежно опускать руки нельзя — так поступают многие интеллигенты на Западе, пытаясь оправдать свое бездействие. И без того сейчас там культура сильно отстает от техники. Люди приобретают все большую власть над природой, забывая о необходимости воспитания и переделки самого человека, часто недалеко ушедшего от своих предков по уровню общественного сознания. А вы, советская молодежь, хотите быть бойцами за культуру, за будущее счастье человечества. Тогда верьте в могущество нашей страны и не колеблясь идите по выбранному пути! Возможно, что впереди, вряд ли очень скоро, — новая грозная война, решающая схватка старого с новым. Делая наше дело, мы будем бороться за нашу культуру. Благородная задача — отстоять ее от варварства, вооруженного последним словом техники. Потом, представляете ли вы как следует, что такое атомная энергия сегодня? Большая часть элементов из числа всех девятидесяти двух обладает весьма и весьма устойчивыми ядрами. Чтобы разбить их, нужно приложить энергию, большую, чем мы получим от их распада. И это не случайно. За миллиарды лет формирования нашей планеты, как и других планет, в процессах изменения материи произошел как бы отбор — все неустойчивое распалось, перешло в устойчивые формы. Сейчас мы подошли к использованию цепных реакций в последних элементах менделеевской таблицы, самых тяжелых по своему атомному весу. Это тоже не случайно — самые тяжелые элементы очень богаты нейтронами и легко распадаются, осуществляя цепную нейтронную реакцию¹ — единственную, которую мы можем технически использовать в настоящий момент. И этот распад отнюдь не следует представлять как полный распад всего атома. Атом тяжелого элемента как бы раскалывается на две части, каждая из которых дает устойчивые элементы середины менделеевской таблицы. При этом частично освобождается энергия. Тут еще очень далеко до полного распада и не менее далеко до цепной реакции с устойчивыми элементами.

Пока наше владение атомной энергией сводится

¹ Цепная нейтронная реакция — лавинообразное нарастание процесса деления атомных ядер.

к использованию цепных реакций с неустойчивыми изотопами урана и тория, а также реакции перехода изотопа водорода — трития в гелий в очень сложных условиях водородной бомбы. Можно, как вы знаете, повысить атомный вес урана и получить искусственные элементы, выходящие уже за пределы таблицы, — нептуний и плутоний, девяносто третий и девяносто четвертый искусственные элементы. Уран можно превращать и дальше, создавая элементы девяносто пятый и девяносто шестой — америций и кюрий, и так далее — до сорока и больше номера.

Все они неустойчивы, подвергаются распаду. Энергия распада плутония и составляет горючее атомных мирных машин и взрывную силу атомных бомб, так же как и энергия неустойчивых форм урана — изотопов двести тридцать пять и двести тридцать три. Несомненно, в процессах превращения материи ранее существовали элементы вроде нептуния, более тяжелые, чем уран, но впоследствии они перешли в устойчивые формы основных девятидесяти двух. Поэтому уран мы можем рассматривать как остаток этих сверхтяжелых элементов, уцелевший вследствие своего рассеянного состояния, вдобавок встречающийся в верхних зонах земной коры, где он устойчив в условиях сравнительно небольших температур и давлений. Уран и, вероятно, второй близкий к нему тяжелый элемент — торий пока останутся основой атомной энергии, ибо между использованием способности урана к распаду и использованием энергии вещества других элементов лежит техническая пропасть, которую мы вряд ли очень скоро перейдем. Но уран и торий — крайне редкие элементы, запасы их в мире незначительны. Отсюда следует, что пока накопление запасов атомной энергии весьма ограничено...

— Вас к телефону, Илья Андреевич, — вызов с междугородной! — послышался голос из-за двери.

— Сейчас, сейчас! — Давыдов с мучительным выражением наморщил лоб. — Ну, вот то, что я хотел вам рассказать об атомной энергии... Урана немного, его запасы могут быть израсходованы очень быстро. Поэтому, глядя в будущее, мы должны изыскать крупные запасы этого драгоценного вещества. И мы... — Профессор вдруг умолк, поглаживая виски и смотря остановившимся взглядом поверх голов своих себе-

седников.— Крупные запасы урана... огарки формирования планеты,— тихо забормотал Давыдов.— Так...

Профессор словно поперхнулся и быстро вышел из аспирантской комнаты.

— Что это случилось с Ильей Андреевичем? — воскликнула Тамара, нарушая общее недоуменное молчание.— Я могу поклясться, что он чуть было не сказал черное слово!

— Что ты выдумываешь, Тамара! — негодуя возразила Жена. Просто его перебили с этим несчастным телефоном. И все нам испортили... Так интересно он говорил!

— Уверяю тебя, что с ним что-то произошло. Тебе из-за шкафа не было видно. Он изменился в лице, будто привидение увидел.

— Верно, верно, Том,— поддержал Михаил,— я тоже заметил. Может быть, ему пришла в голову интересная мысль?

Догадка Михаила была правильной. Давыдов шагнул по коридору, и все его мысли сосредоточились вокруг внезапно возникшей догадки. Ученый перенесся на два года назад, когда под впечатлением страшной волны, разрушившей остров, он всматривался с борта парохода в глубину океана и в мозгу его формировалась еще робкая идея о силах, вызывающих движения земной коры. С тех пор он непременно подбирал факты и размышлял, постепенно переходя от этих явлений современности к гораздо более крупным во времени и пространстве горообразовательным процессам прошлого. И теперь разве не сама судьба дает ему в руки доказательство правильности его предположений?

Давыдов взял трубку. Ответа не было, но он механически продолжал прижимать трубку к уху, думая о своем. Двадцать лет мучила Давыдова загадка «полей смерти» динозавров в Средней Азии. Вдоль подножия Тянь-Шаня тянутся гигантские скопления костей огромных ящеров. Миллионы особей самого различного возраста погребены в этих скоплениях. Но раньше они были еще гораздо больше, так как мы имеем дело лишь с остаточными местонахождениями, размытыми в третичное время при дальнейшем поднятии гор. Что могло вызвать такую массовую гибель именно в этом месте? Не вымирание же вдруг от каких-то

неизвестных причин? Нет, массовая гибель динозавров совпала по времени с началом великой альпийской эпохи горообразования, поднявшей хребты Тянь-Шаня, Гималаев, Кавказа и Альп. Совпала и в пространстве, территориально. Тогда, семьдесят миллионов лет назад, в конце мелового периода, эти хребты медленно вспучивались рядами параллельных складок — совсем так, как это происходит сейчас на Тихом океане. Разница была только в том, что тянь-шаньские складки мелового периода образовывались не в океане, а на суше, по окраине моря, и эта область была населена наземными животными. Кроме того, в меловую эпоху складкообразование имело гораздо больший масштаб, чем теперь. Одни и те же процессы образования гор тогда и теперь обязаны силам распада сверхтяжелых элементов в глубинах земной коры. Если это предположение верно, то нет ничего невероятного, что энергия атомных реакций в некоторых областях в какие-то моменты прорывалась наружу, хотя бы в виде мощного излучения. Образовывался обширный район, в котором гибло все живое, а также и те животные, которые передвигались сюда из других областей. Следует проверить кости динозавров на радиоактивность! Ничто, разумеется, не могло предупредить безмозглых ящеров о неизбежной гибели. Более мелкие остатки не сохранились в процессах перемыва, а прочные, огромные кости динозавров и сейчас удивляют нас непомерным количеством. Такое совпадение не случайно!..

«А что, если не случайно и другое совпадение? Почему мы нашли следы звездных пришельцев тоже в области горных поднятий того времени? Мощное излучение, губительное для динозавров, которое, разумеется, можно уловить прибором, началось тысячами лет раньше. Тогда, если «они» бродили там, где позже произошла массовая гибель динозавров, значит, «они» искали источники атомной энергии... Но если это так, то вот два важнейших следствия: первое — нам нужно искать следы звездных пришельцев, этих небесных гостей Земли, вдоль Тянь-Шаня и Гималаев — самых молодых горообразовательных зон Земли, именно там, где мы их и ищем. Второе — если горообразовательные процессы и вулканизм возникают потому, что в земной коре время от времени создаются

концентрации сверхтяжелых элементов, вступающих в цепную реакцию, то можно ожидать нахождения остатков этих концентраций на доступных нам глубинах земной коры в соответствующих географических районах... Вот если бы удалось найти еще раз следы небесных гостей в областях горообразования, у меня была бы уже уверенность в том, что...»

— Говорите! — неожиданно раздался в трубке голос. — Соединяю с Алма-Атой!

Давыдов вздрогнул, ход мыслей разом остановился, Алма-Ата могла сообщить важные новости со строительства каналов. Далекий, но отчетливый голос назвал его имя, Давыдов узнал ученого секретаря Геологического института.

— Илья Андреевич, утром звонил Старожилов со строительства номер пять. Там обнаружены скелеты динозавров, не то поврежденные, не то неповрежденные — я не разобрал из-за плохой слышимости. Старожилов просил меня связаться с вами. Он считает ваш приезд необходимым. Что ему передать?

— Передайте, что вылечу с завтрашним самолетом! — быстро сказал Давыдов.

— У меня еще к вам два дела, — продолжал секретарь, — но, поскольку вы будете у нас, на месте поговорим. Значит, ждем. Привет!

— Преогромное спасибо! — радостно закричал в трубку Давыдов. — Привет всем... До свиданья!

Давыдов поспешил к Кольцову, попросив завхоза заказать билет в аэропорте.

Глава третья

ГЛАЗА РАЗУМА

Дорога вилась берегом узкой речки. Высокие стены ущелья перекрещивались вдали своими откосами, круто сбегавшими к руслу справа и слева.

Самый близкий откос сурово чернел в теневой полосе слева; четкие стрелы елей выстроились в ряд вдоль иззубренного скалистого ребра. Следующие вверх по долине откосы становились все светлее, дальние окутывались жемчужной дымкой и казались легкими. Немного в стороне возвышался одетый снегом зубец, вдали переходивший в могучий гребень.

Снег сползал продольными белыми полосами по его серому каменистому скату, а сверху, где ослепительно чистая толща снега плавно сглаживала выступы скал, большое плотное облако медленно плыло, как белая баржа, волоча свое широкое днище по снежному полю седловины хребта.

Дорога обогнула крутой обрыв и начала подниматься к перевалу. Машина выла, разогреваясь; чистый холодный ветер бил навстречу, плотными струями врываясь в щели приоткрытых стекол.

Давыдов не заметил, как поднялись на перевал, и угадал его по затихшему мотору. Машина понеслась вниз, туда, где развertyвалась обширная, ровная, как стол, долина, окруженная тройным кольцом горных уступов.

Внизу, то изрытые причудливыми промоинами, то выступающие узкими башнями и округленными куполами, протянулись красные песчаники и глины. Второй уступ массивных пород был испещрен щетинистыми лентами горных елей, казавшихся почти черными на серо-фиолетовой поверхности склонов. И выше всего, победно сияя своей недоступной белизной, тянулся пильчатый ряд снеговых вершин, словно стена исполинского замка, надежно огородившая долину.

А там, внизу, отчетливо виднелись борозда, расправшая ровную степь, насыпь огромной плотины, груды земли, глубокие котлованы, домики поселка и ряды длинных белых палаток. Давыдов уже привык к поражавшему его вначале зрелищу большой стройки, но сейчас он с волнением смотрел на ажурные плетения каркасов бетонных конструкций. Здесь, по-видимому, и есть головная гидростанция.

В одном из котлованов обнаружены скелеты динозавров, кладбище, образовавшееся тогда, когда вокруг не громоздились эти высокие горы. Они поднялись позже — силами мощных атомных реакций, происшедших в глубинах земной коры. Но излучение могло привлечь звездных пришельцев в их поисках запасов атомной энергии...

Машина остановилась возле длинного беленого дома.

— Приехали, товарищ Давыдов, — сказал шофер, отворяя дверцу. — Задремали маленько? Дорога хорошая, можно поспать...

Давыдов очнулся, вылез из машины, увидев спешившего к нему Старожилова. Скуластое лицо научного сотрудника заросло до глаз густейшей щетиной, серый рабочий костюм весь пропитался желтой пылью. Голубые глаза его радостно сияли.

— Начальник (когда-то Старожилов, еще студентом, много ездил с Давыдовым и с тех пор упорно называл его начальником, как бы отстаивая свое право на походную дружбу), я вас, пожалуй, обрадую! Долго ждал — и дождался! Отдохните, покушайте, и поедом. Это крайний южный котлован, с километр отсюда...

— Нет уж, я не устал. Везите! — прервал Давыдов. Старожилов еще шире улыбнулся.

— Великолепно, начальник! — вскричал он, втискиваясь в машину и стараясь не замечать недовольно косившегося на него шофера, который явно не доверял чистоте одежды Старожилова.

— Мы натолкнулись на останки динозавров сразу же, как вскрыли большой пласт эолового¹ плотного песка, вклинившийся с юга, — спешил рассказать Старожилов. — Сначала мы обнаружили несколько разрозненных костей, потом вскрыли огромный скелет моноклона² прекрасной сохранности. Череп его оказался пробитым — да, насквозь пробитым! Илья Андреевич, что вы думаете... Узенькая овальная дырочка!

Давыдов побледнел.

— И что дальше? — выдавил он из себя.

— Дальше на большой площади ничего не встретилось. А позавчера у самой границы котлована опять нашли кости — грудой, но не разрозненные. Впечатление такое, что лежат кучей несколько скелетов. Странно: хищники и травоядные вместе. По задней лапе я определил крупного карнозавра³, и тут же торчат копыта какого-то цератопса⁴. Некоторые кости переломаны, точно ударом страшной силы. Я не решил

¹ Эоловый — обязанный своим происхождением ветру, ветровому переносу.

² Моноклон — однорогий представитель рогатых травоядных динозавров.

³ Карнозавр — хищный динозавр.

⁴ Цератопс — собирательное название рогатых травоядных динозавров.

ся раскапывать эту грудку без вас. Сюда, правее, там съезд на дно, — обернулся Старожилов к шоферу. — И налево.

Через несколько минут Давыдов склонился над огромным скелетом, белые кости которого выделялись на желтом песке. Старожилов тщательно расчистил его сверху и покрыл для сохранности лаком, оставив до приезда Давыдова.

Давыдов прошел мимо вытянутого хвоста и судорожно скрюченных лап, опустился на колени над безобразной громадной головой с длинным, похожим на кинжал рогом, венчавшим клювообразную морду.

Костяные кольца для защиты глаз, сохранившиеся в пустых орбитах черепа, придавали чудовищу выражение навсегда застывшей свирепости.

Профессор скоро нашел ниже левого глаза овальное отверстие, знакомое по костям из Сикана, найденным Тао Ли. Оно пронизывало череп насквозь; выходное отверстие располагалось на темени, позади правой орбиты, еще погруженной в породу.

Да, несомненно, «они» были и здесь! Решение искать в пределах Союза было правильным. Но какие еще следы пришельцев могут быть обнаружены, да и остались ли эти следы?

Давыдов осмотрел край скопления скелетов, обнаруженный в стене котлована. На тех костях, которые были уже вскрыты, не было признаков ранений. Переломы, о которых рассказывал Старожилов, оказались посмертными. Кости были сломаны уже после захоронения в песках, вследствие осадки и уплотнения пород, как это часто бывает.

Давыдов распорядился снять породу над скоплением костей и постепенно расчищать кости сверху, сразу на всей площади скопления.

— Надо бы захватить пошире, чтобы оконтурить все вокруг, — с сомнением в голосе произнес профессор, — но у нас не хватит средств, чтобы раскопать такую громадную площадку. Здесь нужно тысяч пять кубометров съемки.

— Напрасно беспокоитесь, начальник! — широко осклабился Старожилов. — Рабочие здесь так заинтересовались находками рогатых «крокодилов», как они их зовут, что сами предложили мне помочь «развальной соответствующее» это место. Так и сказал один брига-

дир на моем докладе. Послезавтра воскресенье, и на раскопки выйдут девятьсот человек.

— Девятьсот?! Ехидная сила! — вскричал Давыдов.

— Нет уж, не ехидная, а просто — сила! — гордо ответил Старожилов. — Администрация предоставляет нам четырнадцать экскаваторов, транспортеры, грузовики — словом, все необходимое. Такую раскопку устроим, что в истории не слыхивали!

Профессор крикнул от восхищения. Сам труд во всем его величии шел на помощь науке, бескорыстно и могуче. Давыдов почувствовал небывалую уверенность в успехе своих поисков. Десятки тысяч тонн земли, прятавшей в себе научную тайну, теперь казались вовсе не такими страшными. Забыв о всех сомнениях, трудностях и невзгодах, Давыдов показался себе невероятно сильным. С такой поддержкой он заставит ответить эти косные массы песков, мертво пролежавшие семьдесят миллионов лет... Давыдову даже не пришло в голову, что раскопки могут оказаться безрезультатными. Он не мог сейчас представить себе этого. Особенно когда в полуторах метрах позади лежал скелет ящера, убитого человеческим оружием...

— Намечайте площадь раскопок, начальник! — раздался голос Старожилова. — Имейте в виду, что граница эоловых песков идет вкось, простирается с северо-запада на юго-восток. Левее вклинивается полоса песков речного происхождения.

Профессор взобрался на склон котлована и долго смотрел, соображая и подсчитывая, на участок нетронутой степной почвы, удалявшийся к уступам гор.

— Что, если мы возьмем квадрат вон от того столба направо и сюда?

— Тогда левый угол зацепит речные пески, — возразил Старожилов.

— Прекрасно! Я именно этого и хочу, чтобы мы прошлись берегом древнего потока. Около когда-то бывшей воды... Ну, давайте обмерим да поставим вешки. Рулетка у вас с собой?

— Зачем рулетка? Шагами обмерим, не скупитесь, начальник! Съемку-то сделаем после вскрытия.

— Постараюсь не скупиться, — улыбнулся профессор энтузиазму сотрудника. — Начнем. Идите вон

туда, к холмику... Мне хочется сегодня успеть телеграфировать профессору Шатрову.

...На месте, где двенадцать дней назад Давыдов с помощником мерили шагами кочковатую полынную степь, раскинулась громадная выемка в девять метров глубины. Ветер крутил в ней столбы пыли, вздымавшейся со сглаженной и подсохшей поверхности плотно слежавшихся меловых песков. Вдоль восточного края выемки желтая окраска пород изменялась, переходя в серый, стальной цвет. Старожилов рассказывал взад и вперед, распоряжаясь отрядом своих помощников, перебиравших и перекапывавших пески, расчищавших найденные скелеты. Давыдов вызвал из Москвы всех препараторов института и своих четырех аспирантов, отозвал со строительства номер два научного сотрудника, работавшего там. Тридцать рабочих под наблюдением всех десяти сотрудников перебирали толщу костеносных песков, продвигаясь все ближе к границе серых пород, где встречались только обломки костей и большие окаменелые стволы хвойных деревьев.

Знойное солнце жестоко палило сверху, песок был горяч, но это нисколько не смущало увлеченных своей работой людей. Давыдов спустился в выемку и остановился около большого скопления, обнаруженного еще в котловане. Там оказалось шесть скелетов динозавров, перепутавшихся своими костями. В шестидесяти метрах к востоку был вскрыт скелет гигантского хищника, одиноко лежавший невдалеке от границы речных песков. Вблизи него нашли еще три скелета небольших хищных ящеров размерами с собаку. Больше на всем протяжении выемки ничего не было найдено, не находилось и костей, пробитых таинственным оружием. Давыдов с тревогой осматривал раскопанную часть выемки, как будто подсчитывал оставшиеся шансы.

— Илья Андреевич, подойдите к нам,— донесся голос Жени,— мы нашли черепашу!

Давыдов обернулся и медленно пошел на зов. Женья с Михаилом второй день обкапывали и очищали громадную голову хищного динозавра с раскрытой пастью, наполненной страшными загнутыми зубами.

Женья поднялась из ямы навстречу профессору, сморщилась от боли в затекших ногах, но сейчас же радостно улыбнулась.

Белый платок подчеркивал загар ее лица, покрытого крошечными росинками пота.

— Вот тут,— показала Женя препаровальным инструментом в глубь ямы,— черепаха. Она лежит почти под черепом. Спускайтесь к нам! — и девушка легко прыгнула вниз.— Я расчистила сверху карапакс¹,— продолжала Женя.— Он очень странный — с каким-то перламутровым отливом, и скульптура необычная.

Давыдов с трудом согнул свое массивное тело в тесной траншее, заглядывая под гигантский череп хищного динозавра. Из сыроватой и потому более темной породы выступал маленький купол около двадцати сантиметров в поперечнике. Поверхность этого купола была покрыта орнаментом из ямок и бороздок, хранивших следы радиального расположения. Цвет кости был необычный — темно-фиолетовый, почти черный, резко отделявшийся от белых костей черепа динозавра. Необычным был и перламутровый блеск этой странной кости — гладкая, точно полированная, она смутно светилась в тени на дне ямы.

У Давыдова все расплылось в глазах. Кряхтя, он приблизил лицо к странной находке, с величайшей осторожностью счищая песчинки концами пальцев. Профессор заметил шов между отдельными костями, проходивший посередине купола, и второй, пересекающий его поперек, ближе к одному краю.

— Позовите Старожилова скорее! — поднял Давыдов побагровевшее от прилива крови лицо.— И рабочих сюда!

Жене передалось волнение ученого. Звонкий голос девушки понесся над изрытыми песками. Старожилов прибежал молниеносно, как показало Давыдову, погруженному в рассматривание странной находки.

Терпеливо, медленно и нежно профессор и его сотрудник принялись снимать породу вокруг темно-фиолетового купола. С боков кость не расширялась в глубину, стенки купола стали отвесными и превратились в неправильное, слегка сдавленное полушарие. Давыдов, очищавший свою сторону, вдруг почувствовал, что препаровальная игла погрузилась в податливую рыхлость песка, точно кость окончилась в этом месте.

¹ Карапакс — верхний щит черепашьего панциря.

Некоторое время профессор осторожно нащупывал границы и, наконец решившись, вращательным движением иглы быстро разрыхлил породу. Песок смели мягкой кистью. Нижний край кости здесь оказался закругленным и утолщенным, он врезался в стенку полушария двумя широкими дужками.

Крик, который вырвался из широкой груди Давыдова, заставил вздрогнуть стеснившихся около него сотрудников.

— Череп! Череп! — завопил профессор, уверенно расчищая породу.

Действительно, освобожденные от породы большие пустые глазницы обозначались совершенно отчетливо. Теперь ясно выступил широкий и крутой лоб. Загадочный купол был просто верхней частью черепа, подобного человеческому, немного больших, чем у среднего человека, размеров.

— Попался, небесный зверь или человек! — с бесконечным удовлетворением сказал профессор, с усилием разгибаясь и потирая виски.

Голова закружилась, и он тяжело привалился к стене ямы. Старожилов поспешно схватил профессора за локоть, но тот нетерпеливо отстранил его:

— Действуйте! Приготовьте большую коробку, вату, клей — череп нужно поскорее вынуть. По-видимому, он прочен. Отделяйте осторожно — дальше в глубь должны быть кости скелета, его скелета. Пусть рабочие снимают послойно всю породу вокруг. Скелет динозавра сразу же разобрать и удалить. Перекопайте все — каждый сантиметр этого участка. Весь песок нужно просеять...

Шатров спешил по длинному коридору института, не отзываясь на приветствия встречавшихся с ним сотрудников. Он оказался перед той самой дверью, в которую входил с коробкой Тао Ли два с половиной года назад. Но сейчас Шатров не медлил у входа, не улыбался лукаво, перед тем как поразить друга неожиданностью приезда. Со строгим, сосредоточенным лицом он вбежал прямо в кабинет.

Давыдов немедленно отложил в сторону бумагу, на которой записывал какие-то расчеты.

— Алексей Петрович! Вы прямо дипкурьер! — загудел он, как в бочку.— Для вас такая скорость

даже неприлична... Когда вы получили мое письмо с описанием всех обстоятельств находки?

— Вчера утром. Выехал в пять часов. Но, ей-ей, я на вас обижен. Будто вы не могли сообщить мне раньше! Зачем было писать уже *post factum*? То вы неистовствовали, требуя от меня предполагаемого облика небесного зверя, а когда нашли, молчали до конца раскопок!

Шатров рассерженно дернул плечом и забегал по кабинету.

— Не сердитесь, Алексей Петрович. Я тоже хотел сделать вам сюрприз. Что из того, если бы вы узнали на две недели раньше? Только волновались бы и томились, изнывая от нетерпения в своем Ленинграде.

— Я приехал бы туда, ей-ей! — сердито крикнул Шатров.

— Приехали бы? — изумился Давыдов. — На раскопки? Право, вы совсем переменялись, а я не знал...

Шатров не выдержал и улыбнулся:

— Ну, вот так лучше, дорогой друг. Зато вы увидите небесную бестию сию же минуту. — Давыдов направился к шкафу, взялся за ручку, веселый и торжествующий. — Как это по-вашему — ок! — Давыдов потянул дверцу, она раскрылась...

— Стойте, Илья Андреевич! — вскричал Шатров. — Подождите! Закройте!

Удивленный Давыдов послушно закрыл шкаф.

— Я не успел вам прислать свои предположения, — пояснил Шатров, — теперь я хочу потерпеть еще несколько минут и прочесть их вам, прежде чем увижу череп небесного пришельца. Очень интересная проверка: может ли наш ум предвидеть далеко, верен ли путь аналогий, исходящих из законов нашей планеты, для других миров?

— Превосходно придумали! Давайте!

Давыдов, как бы для верности, запер шкаф на ключ и подошел к столу. Шатров извлек большие листы бумаги, исписанные его ровным, крупным, удивительно четким почерком.

— Я не буду читать всего, не терпится, — сознался он. — Просмотрим лишь общие выводы. Помните, мы согласились, что схема животной жизни, основанная на белковой молекуле и энергии кислорода, должна быть общей для всей Вселенной. Мы согласи-

лись на том, что вещества, слагающие организм, использованы не случайно, а в силу своей распространенности и своих химических свойств. Мы согласились также, что планета, наиболее пригодная для жизни в любой планетной системе, должна быть сходна с нашей Землей. Во-первых, в смысле тепловой энергии, получаемой от своего солнца; если оно больше и ярче нашего, эта планета должна быть дальше; если солнце меньше и холоднее, условия нагрева, подобные Земле, могут быть на более близкой к нему планете.

Во-вторых, эта планета должна быть достаточно велика, чтобы притяжением своей массы удержать вокруг себя достаточно мощную атмосферу, защищающую от холода мирового пространства и космических излучений. И не слишком велика, чтобы она могла потерять во время далекой стадии своего существования, еще в раскаленном виде, значительную часть газов, молекулы которых рассеялись бы в мировом пространстве, иначе вокруг планеты получится слишком густая атмосфера, непроницаемая для солнца и полная вредных газов.

В-третьих, скорость вращения вокруг своей оси также должна быть близкой к скорости вращения Земли. Если вращение очень медленное, получится убийственный для жизни перегрев одной стороны и сильное охлаждение другой; если очень быстрое — нарушатся условия равновесия планеты такой величины, она потеряет атмосферу, сплющится и в конце концов разлетится на куски. Ergo — сила тяжести, температура и давление атмосферы на поверхность такой планеты должны быть, по существу, приблизительно одинаковыми с нашей Землей.

Таковы основные предпосылки. Следовательно, вопрос в основных путях эволюции, создающих мыслящее существо. Каково оно? Что требуется для развития большого мозга, для его независимой работы, для мышления? Прежде всего должны быть развиты мощные органы чувств, и из них наиболее — зрение, зрение двуглазое, стереоскопическое, могущее охватывать пространство, точно фиксировать находящиеся в нем предметы, составлять точное представление об их форме и расположении. Излишне говорить, что голова должна находиться на переднем конце тела, несущем органы чувств, которые опять-таки должны быть в

наибольшей близости к мозгу для экономии в передаче раздражения. Далее, мыслящее существо должно хорошо передвигаться, иметь сложные конечности, способные выполнять работу, ибо только через работу, через трудовые навыки происходит осмысливание окружающего мира и превращение животного в человека. При этом размеры мыслящего существа не могут быть маленькими, потому что в маленьком организме не имеется условий для развития мощного мозга, нет нужных запасов энергии. Вдобавок маленькое животное слишком зависит от пустяковых случайностей на поверхности планеты: ветер, дождь и тому подобное — для него уже катастрофические бедствия. А для того, чтобы осмысливать мир, нужно быть в известной степени независимым от сил природы. Поэтому мыслящее животное должно иметь подвижность, достаточные размеры и силу, ergo — обладать внутренним скелетом, подобным нашим позвоночным животным. Слишком большим оно также быть не может: тогда нарушатся оптимальные условия стойкости и соразмерности организма, необходимые для несения колоссальной дополнительной нагрузки — мозга.

Я слишком распространился... Короче, мыслящее животное должно быть позвоночным, иметь голову и быть величиной примерно с нас. Все эти черты человека не случайны. Но ведь мозг может развиваться тогда, когда голова не является орудием, не отягощена рогами, зубами, мощными челюстями, не роет землю, не хватает добычу. Это возможно, если в природе имеется достаточно питательная растительная еда; например, для нашего человека большую роль сыграло появление плодовых растений. Это освободило его организм от бесконечного пожирания растительной массы, на что были обречены травоядные, а также от удела хищников — погони и убивания живой добычи. Хищное животное хотя и ест питательное мясо, но должно обладать орудиями нападения и убийства, мешающими развитию мозга. Когда есть плоды, тогда челюсти могут быть сравнительно слабыми, может развиться огромный купол мозгового черепа, подавляющий собой морду. Тут можно еще очень много сказать о том, каковы должны быть конечности, но это ясно и так: свобода движений и способность держать орудие, пользоваться орудием, изготавливать ору-

дие. Без орудия нет и не может быть человека. Отсюда последнее. Назначение конечностей должно быть раздельным: одни должны выполнять функцию передвижения — ноги, другие быть органами хватания — руки. Все это связано с тем, что голова должна быть поднята от земли, иначе ослабнет способность восприятия окружающего мира. Вывод: форма человека, его облик как мыслящего животного не случаен, он наиболее соответствует организму, обладающему огромным мыслящим мозгом. Между враждебными жизни силами Космоса есть лишь узкие коридоры строго определяют ее облик. Поэтому всякое другое мыслящее существо должно обладать многими чертами строения, сходными с человеческими, особенно в черепе. Да, череп, безусловно, должен быть человекоподобен. Таковы вкратце мои выводы. — Шатров умолк. Сдерживаемое им нетерпение прорвалось наружу: — Теперь давайте небесного зверя, скорее!

— Сию минуту! — Давыдов остановился у шкафа. — Должен сказать, Алексей Петрович, что вы глубоко правы. Это изумительно! В такие минуты чувствуешь, как могуча наука, чудесное мышление человека...

— Ладно, сейчас увидим. Давайте его.

Давыдов извлек из шкафа широкий лоток.

Перед Шатровым оказался странный темно-фиолетовый череп, покрытый орнаментом из ямок и бороздок, углубленных в кость. Мощный костяной купол — вместилище мозга — был совершенно подобен человеческому, так же как и огромные глазные впадины, направленные прямо вперед и разделенные узким костным мостиком переносицы. Вполне человеческими были и круглый крутой затылок и короткая, почти отвесная лицевая часть, ушедшая под огромный, надвинутый на нее лоб. Но вместо выступающих носовых костей была треугольная ямка. От основания ямки верхняя челюсть, клювообразная, слегка загнутая вниз на конце, резко выдвигалась вперед. Нижняя челюсть соответствовала верхней и также не имела ни малейшего следа зубов. Ее суставные концы упирались почти горизонтально в ямки на концах широких отростков, спускавшихся вниз впереди круглых больших отверстий по бокам черепа, под висками.

— Он прочен? — тихо спросил Шатров и после утвердительного кивка Давыдова взял череп в руки. — Вместо зубов, видимо, режущий роговой край челюсти, как у черепахи? — спросил Шатров и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Строение челюстей, носа, слухового аппарата довольно примитивно... Эти ямки на костях, вся скульптура показывают, что кожа очень плотно прилежала к кости, без подкожного мышечного слоя. Такая кожа вряд ли могла иметь волосы. А отдельные кости... в них, конечно, нужно поразобраться, но смотрите: челюсть из двух костей; это тоже более примитивно, чем у человека...

— Значит, их эволюционный путь до мыслящего существа был короче, — вставил Давыдов.

— Именно так. Там, на их планете, могла быть несколько иная природная обстановка, другой ход геологических процессов, другие условия естественно-го отбора... Интересно, вы исследовали состав этой кости?

— Точно — нет. Но все же знаю, что она в основном не из фосфорно-кислого кальция, как у нас, а...

— Из кремния? — быстро перебил Шатров.

— Вы правы. И это понятно: кремний по химическим свойствам во многом аналогичен углероду и вполне может быть использован в биологических процессах.

— Но скелет? Кости? Неужели ничего не нашли?

— Абсолютно ничего, кроме... — Давыдов вытащил из шкафа второй лоток, — вот этого...

Перд Шатровым оказались два небольших металлических обломка и круглый диск около двенадцати сантиметров в диаметре. Маленькие обломки имели грани одинаковых размеров; в общем, каждый обломок походил на усеченную семигранную призму.

Металл по тяжести походил на свинец, но отличался большей твердостью и желтовато-белым цветом.

— Отгадайте, что это такое, — предложил Давыдов, подбрасывая на ладони тяжелый кусочек.

— Почему я знаю? Сплав какой-нибудь... — буркнул Шатров. — Впрочем, если вы спрашиваете, наверно, что-либо не совсем обыкновенное.

— Да, это гафний, редкий металл, похожий по физическим свойствам на медь, но тяжелее ее и несравненно более тугоплавкий. И у него есть еще одно

интересное свойство: большая способность испускать электроны при высоких температурах. Это кое-что значит, особенно если вы посмотрите еще это странное зеркало.

Шатров взял металлический диск, тоже оказавшийся очень тяжелым. Край диска был закруглен и имел одиннадцать глубоких насечек, располагавшихся по окружности диска на одинаковых расстояниях. С одной стороны поверхность диска была слегка углублена, отполирована и очень тверда. Это был прозрачный, как стекло, слой, под которым виднелся чистый серебристо-белый металл, с одного края разведенный бурым налетом. Прозрачный слой охватывался кольцом твердого сине-серого металла, из которого, собственно, и состоял весь диск. На обратной стороне диска, в центре, располагался кружок такого же прозрачного вещества, покрытого матовым налетом, с выпуклой, а не с вогнутой, как на другой стороне, поверхностью. Диаметр этого кружка не превышал шести сантиметров. Вокруг него был тот же синева-серый металл, по которому кольцом шли вырезанные или выбитые звездочки с разным числом лучей, от трех до одиннадцати. Эти звездочки располагались без видимого порядка, но были разграничены двумя спиральными линиями, вписанными одна в другую.

— Металл, из которого состоит диск, — тантал, твердый, необычайно стойкий, — продолжал Давыдов. — Прозрачная пленка сделана из неизвестного химического соединения. Простой качественный анализ не дал результатов, а более сложное исследование я еще не успел сделать. Но металл под пленкой — это индий, замечательный металл.

— Чем? — не замедлил с вопросом Шатров.

— Этот металл и в наших приборах — лучший показатель наличия нейтронного излучения. А что это индий, я знаю точно, потому что решил высверлить вот здесь для анализа...

— Ведь звездочки — это письмена, или что они такое? — взволнованно спросил Шатров.

— Может быть — письмена, может быть — цифры, а возможно, и схема прибора. Но боюсь, что этого мы никогда не узнаем.

— И это все?

— Все. Разве вам мало, жадный вы человек? И без

того у вас в руках такое, что все человечество взволнуется.

— Но все ли вы там перекопали? — не унимался Шатров. — Почему же с черепом нет скелета? Не может быть, чтобы скелета не было...

— Скелет, конечно, был — ведь у бескостного существа не могло быть и черепа. Перекопано все, даже пески просеяны. Но вряд ли там сохранилось еще что-нибудь...

— Почему вы так уверены, Илья Андреевич? Что дает вам право...

— Простое рассуждение. Мы напали на остаток катастрофы, происшедшей семьдесят миллионов лет назад. Если бы не случилось катастрофы, мы никогда не нашли бы черепа и вообще каких-либо остатков, кроме этих убитых динозавров. Их-то мы, несомненно, еще будем встречать. Я уверен, что «они», — Давыдов указал на череп, недвижно обращавший к друзьям свои орбиты, — были у нас очень недолго... несколько лет, не больше... и снова улетели к себе. Как я пришел к этому заключению, об этом после. Посмотрите сюда, — Давыдов развернул большой лист миллиметровки, — вот план раскопок. «Он», — профессор указал на череп, — находился примерно здесь, около берега речного потока, с каким-то своим прибором и с оружием, по-видимому использовавшим атомную энергию. «Они» знали ее и пользовались ею — это несомненно, это доказывается вообще «их» присутствием здесь. С помощью оружия «он» убил моноклона с большого расстояния. По-видимому, динозавры «им» здорово досаждали. Потом «он» занялся каким-то делом и подвергся нападению гигантского хищного ящера. Замедлил ли «он» пустить в ход оружие или оно испортилось, мы не узнаем. Ясно только одно: хищное чудовище было убито всего в нескольких шагах от этого небесного пришельца и, мертвое, рухнуло прямо на «него». «Его» оружие или сломалось, или взорвалось. Поломка прибора освободила скрытый в нем заряд энергии, и, видимо, образовалось небольшое поле смертоносного излучения. В этом поле погибло несколько случайно попавших в него динозавров — вот эта груда скелетов. На другую сторону, здесь, с юга, излучение не распространялось или было слабое. Отсюда подобралась мелкие хищники, растащившие кости

скелета небесного пришельца. Череп остался то ли потому, что он был велик для них, то ли был придавлен тяжестью головы динозавра. Впрочем, и часть стервятников погибла — вот здесь три маленьких скелета. Все это происходило на дюнных прибрежных песках, и ветер очень скоро захоронил все следы происшедшей трагедии.

— А приборы, оружие? — скептически опустил углы рта Шатров.

— Обратите внимание — остались куски и части, сделанные из чрезвычайно стойких металлов. Все остальное без следа исчезло, окислилось, распалось, растворилось за десятки миллионов лет. Металлы ведь не кости, они не способны окаменевать, пропитываться минеральными веществами, цементировать вокруг себя породу. Кроме того, прибор мог быть разорван и разбросан при взрыве или порче оружия, что еще больше способствовало исчезновению металлических частей.

— Схема ваша верна, надо думать, — согласился Шатров. — Теперь вам как можно скорее нужно изучить череп, проанализировать эволюционный путь, отраженный в структуре костных элементов, и опубликовать. Ведь такая статья как гром грянет!.. — Выпуклые светлые глаза Шатрова не могли оторваться от темного черепа небесного пришельца.

Давыдов обнял друга за плечи и слегка потряс:

— Я не опубликую описания этого черепа.

Шатров изумленно дернулся, но Давыдов крепко прижал его к себе и, прежде чем тот успел что-либо сказать, закончил:

— Изучите и опишите его вы! Вам по праву принадлежит эта честь... Не возражать! Или вы забыли мое упрямство?

— Но, но... — Шатров не находил слов.

— Вот вам и «но». Геологический отчет о раскопках и выводы о катастрофе, с упоминанием всех моих сотрудников, особенно той, которая обнаружила череп, — он готов, вот он. Опубликуйте его под моей фамилией вместе с вашим описанием черепа. Так будет справедливо. Верно, Алексей Петрович? — Давыдов перешел на мягкий, задушевный тон. — У меня есть другое большое дело. Помните, вы удачно сказали, как одно невероятное зацепляется за другое и становит-

ся реальностью? Реальность перед вами — череп небесной бестии. Но эта реальность, в свою очередь, вызывает другое невероятное, зацепляется за него, цепь протягивается дальше. И я хочу протянуть цепь дальше!

— Допустим, что так, хотя и не понимаю вас. Но тут пахнет, и очень заметно, самопожертвованием. Я не могу принять...

— Не нужно, Алексей Петрович! Поверьте, старый друг, я совершенно искренен. Разве мы не делились за всю нашу совместную работу интересными материалами? Позже вы поймете, что и тут произошел такой же раздел. Я не хочу забирать себе всего. Мы одинаково смотрим на науку, и для нас обоих важнее всего ее движение вперед...

Растроганный Шатров опустил голову. Он не умел выражать свои чувства, особенно глубокие переживания. И сейчас он молча стоял перед другом, весело смотревшим на него. Шатров невольно коснулся рукой притягивавшего его черепа обитателя «звездного корабля». Корабль ушел в неимоверную глубину пространства, стал не достижимым никаким силам и машинам. И все же вот его несомненный, неоспоримый след — доказательство, что жизнь проходит неизбежную эволюцию, неотвратимое усовершенствование, пусть чрезвычайно долгим и тяжким путем. В этом движении — закон жизни, необходимое условие ее существования. И если оно не прерывается какими-нибудь случайностями Космоса, то в неизбежном результате — рождение мысли, становление человека и далее — общество, техника, борьба с грозной мощью Вселенной. И эта борьба может идти далеко — прищелец из другого мира тому залогом. Если бы «они» появились на Земле не тогда, а теперь, как много нового узнали бы мы!..

Шатров обернулся к другу спокойно и открыто:

— Я принимаю ваше... предложение. Пусть будет так. Мне, конечно, придется съездить в Ленинград, устроить дела и спешно вернуться. Работать надо здесь. Везить подобную драгоценность недопустимо... Только почему, Илья Андреевич, вы зовете его небесной бестией? Как-то нехорошо звучит — непочтительно.

— Я просто не могу подобрать название. Ведь нельзя называть его человеком, если соблюдать

научную терминологию. Это человек по мысли, по технике, общественности, но ведь он выработался на иной анатомической основе. Его организм явно не родственен нашему. Это другой зверь. Вот я и зову его небесным зверем — «бестия целестис» по-латыни. Можно взять греческий корень для родового названия — пусть будет «терион целестис». Пожалуй, так звучит лучше. А настоящее название — это уж ваша забота.

— Но все-таки, Илья Андреевич, — помолчав, сказал Шатров, — что же останется вам самому?

— Милый друг, я сказал, что протяну цепь дальше. Давно уже думаю я о роли атомных реакций в геологических процессах. А теперь наше необычайное открытие вывело меня из орбиты обычного, подняло на высокий уровень мысли, придало смелости в заключениях, расширило границы представления. И я хочу попытаться доказать возможность использования могучих источников атомной энергии в глубинах земной коры. Разработать глубинную геологию, чтобы приблизить ее к практической осуществимости... А вы, ваше дело — эволюция жизни и становление мысли уже не только в пределах нашей Земли, но во всей Вселенной. Показать этот процесс, дать людям картину великих возможностей, стоящих перед ними. Опрокинуть малодушных скептиков и убогих изуверов, каких еще немало в науке, этим светлым торжеством мысли! Давыдов замолк. Шатров смотрел на друга, как будто впервые увидел его.

— Да что мы стоим? — наконец произнес Давыдов. — Сядем, успокоимся. Я устал.

Оба ученых тихо уселись, закурили и, как по команде, задумчиво уставились на череп, в пустые орбиты странного существа. В кабинете воцарилось молчание.

Давыдов смотрел на выпуклый, изрытый мелкими ямками лоб, представляя себе, что когда-то, безмерно давно, за этой костной стенкой работал большой человеческий мозг. Какие представления о мире, чувства и знания наполняли эту странную голову? Что хранила память жителя чужого мира, какие образы с его родной планеты носил он по нашей Земле?

Зная ли он тоску по родному миру, жажду великих истин, любовь к прекрасному?

Каковы были человеческие отношения там, у них,

какой общественный строй? Достигли ли они высших его ступеней, когда вся планета стала одной трудовой семьей, без угнетения и эксплуатации, без дикой бессмысленности войн, расточающих силы человечества и энергетические запасы планеты? К какому полу принадлежал этот гость с «звездного корабля», навсегда оставшийся на чужой для него Земле?

Череп смотрел на Давыдова пусто и безответно, как символ молчания и загадки. «Ничего этого мы не узнаем,— думал профессор,— но мы, люди Земли, тоже имеем могучий мозг и можем о многом догадаться. Вы явились сюда. Но просторы нашей Земли были заселены лишь страшными чудовищами, воплощением бессмысленной силы. В тупой злобе и бесстрашии чудовища представляли грозную опасность, а вас было немного. Кучка пришельцев, скитавшихся в неведомом мире в поисках источника энергии, в поисках собратьев по мысли...»

Шатров осторожно пошевелился. Его нервная натура протестовала против продолжительного бездействия. Он искоса посмотрел на задумавшегося Давыдова, тихо взял со стола тяжелый диск и принялся рассматривать странный предмет с зоркой наблюдательностью опытного исследователя.

Продвинув диск в яркий круг света специальной микроскопической лампы, профессор поворачивал остаток неведомого прибора во все стороны, пытаясь уловить еще не замеченные детали конструкции. Внезапно Шатров уловил внутри кружка на оборотной стороне диска нечто проступавшее под матовой пленкой.

Ученый затаив дыхание пытался рассмотреть это, подставляя диск свету под разными углами. И вдруг сквозь мутную пелену, наложенную временем на прозрачное вещество кружка, Шатрову почудились глаза, взглянувшие ему прямо в лицо. Сдавленно крикнув, профессор уронил тяжелый диск, и он с грохотом упал на стол. Давыдов подскочил, как подброшенный пружиной. Но Шатров не обратил внимания на гнев друга. Он уже понял, и догадка заставила прерваться его дыхание.

— Илья Андреевич,— закричал Шатров,— есть у вас что-нибудь для полировки — мелкий карборунд или, лучше, крокус? И замша.

— Конечно, есть и то и другое. Но что это с вами стряслось, черт и трижды черт?

— Давайте мне скорее, Илья Андреевич! Не расклетесь! Где это у вас?

Давыдову передалось волнение Шатрова. Он встал, широко шагнул и зацепился за ковер. Профессор сердито пнул завернувшийся край и скрылся за дверью. Шатров вцепился в диск, осторожно пробуя ногтем выпуклую поверхность маленького кружка...

— Вот вам.— Давыдов поставил на стол банки с порошками, чашки с водой и спиртом, положил кусок кожи.

Шатров торопливо и умело приготовил кашку из полировального порошка, намазал на кожу и принялся тереть поверхность кружка размеренным вращательным движением. Давыдов с интересом следил за работой друга.

— Этот прозрачный, неизвестный нам состав необычайно стоек,— пояснил Шатров, не прекращая работы.— Но он, без сомнения, должен быть прозрачен, как стекло, и, следовательно, иметь полированную поверхность. А тут, видите, поверхность стала матовой — она изъедена песком за миллионы лет лежания в породе. Даже это стойкое вещество поддалось... Но если снова отполировать его, то оно опять станет прозрачным.

— Прозрачным? И что же дальше? — усомнился Давыдов.— Вот с другой стороны диска прозрачность сохранилась. Ну, виден слой индия, и все...

— А здесь есть изображение! — возбужденно воскликнул Шатров.— Я видел, видел глаза! И я уверен, что здесь скрыт портрет звездного пришельца, может быть того самого, чей череп перед нами. Зачем он тут — может быть, опознавательный знак на аппарате или такой у них обычай,— этого мы не узнаем. Впрочем, оно и неважно в сравнении с тем, что вообще нам удалось найти изображение... Посмотрите на форму поверхности — это же оптическая линза... Э, полирует хорошо! — продолжал профессор, пробуя пальцем кружок.

Давыдов, перегнувшись через плечо Шатрова, нетерпеливо глядел на диск — на нем под полосами мокрой красной кашицы проступал все более чистый стеклянный отблеск.

Наконец Шатров удовлетворенно вздохнул, стер полировочную массу, смочил кружок спиртом и несколько минут тер его сухой замшей.

— Готово! Ок! — Он поднес диск к свету, придав ему надлежащее положение, чтобы свет отражался прямо на смотрящих.

Оба профессора невольно содрогнулись. Из глубины совершенно прозрачного слоя, увеличенное неведомым оптическим ухищрением до своих естественных размеров, на них взглянуло странное, но несомненно человеческое лицо. Неизвестным способом изображение было сделано рельефным, а главное — необыкновенно, невероятно живым.

Казалось, живое существо смотрит, отделенное только прозрачной стенкой оптической линзы. И прежде всего, подавляя все остальные впечатления, в упор смотрели громадные выпуклые глаза. Они были как озера вечной тайны мироздания, пронизанные умом и напряженной волей, двумя мощными лучами, стремящимися вперед, через стеклянную преграду, в бесконечные дали пространства.

В этих глазах был свет безмерного мужества разума, сознающего беспощадные законы Вселенной, бьющегося в муках и радости познания.

И взгляды ученых Земли, скрестившись с этим необычайным взором, глядевшим из бездны времен, не опустились в смущении. Шатрова и Давыдова пронизало радостное торжество. Мысль, пусть разбросанная на недоступно далеких друг от друга мирах, не погибла без следа во времени и пространстве. Нет, само существование жизни было залогом конечной победы мысли над Вселенной, залогом того, что в разных уголках мирового пространства идет великий процесс эволюции, становления высшей формы материи и творческая работа познания...

Преодолев первое впечатление от смотрящих глаз звездного пришельца, ученые стали рассматривать его лицо.

Большеглазая круглая голова с безволосой толстой и гладкой кожей не казалась уродливой или отвратительной. Могучий, широкий и выпуклый лоб нес в себе столько интеллектуального, человеческого, равно как и удивительные глаза, что они подавляли непривычные очертания нижней части лица. Отсут-

ствие ушей и носа, клювообразный безгубый рот сами по себе были неприятны, но не могли уничтожить ощущения, что неведомое существо было близким человеку, понятным и не чуждым.

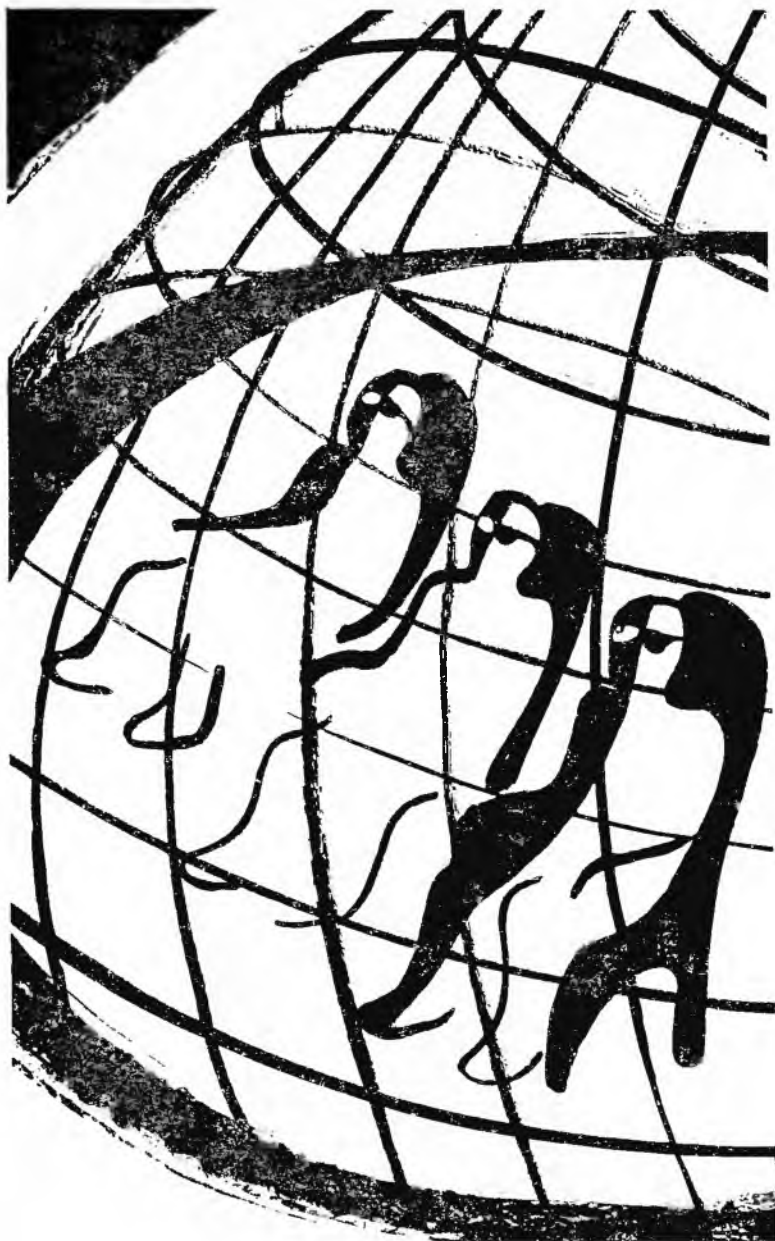
Великое братство по духу и мысли с людьми Земли безотчетно сказывалось в облике гостя нашей планеты.

Шатров и Давыдов увидели в этом залог того, что обитатели различных «звездных кораблей» поймут друг друга, когда будет побеждено разделяющее миры пространство, когда состоится наконец встреча мысли, разбросанной на далеких планетных островках во Вселенной. Ученым хотелось думать, что это случится скоро, но ум говорил о тысячелетиях познания, нужных еще для великого расширения мира.

И прежде всего нужно объединить народы собственной планеты в одну братскую семью, уничтожить неравенство, угнетение и расовые предрассудки, а потом уже уверенно идти к объединению разных миров. Иначе человечество будет не в силах совершить величайший подвиг покорения грозных межзвездных пространств, не сможет справиться с убийственными силами Космоса, грозящими живой материи, осмелившейся покинуть свою защищенную атмосферой планету. Во имя этой первой ступени нужно работать, отдавая все силы души и тела осуществлению этого необходимого условия для великого будущего людей Земли!

1944 г.

СЕРДЦЕ ЗМЕИ

Повість

Сквозь туман забытья, обволакивающий сознание, прорвалась музыка. «Не спи! Равнодушие — победа Энтропии черной!..» Слова известной арии пробудили привычные ассоциации памяти и повели, потащили за собой ее бесконечную цепь.

Жизнь возвращалась. Громадный корабль еще содрогался, но автоматические механизмы неуклонно продолжали свое дело. Вихри энергии вокруг каждого из трех защитных колпаков остановили невидимое вращение. Несколько секунд колпаки, похожие на большие улыбки из матового зеленого металла, оставались в прежнем положении, затем внезапно и одновременно отскочили вверх и исчезли в ячейх потолка, среди сложного сплетения труб, поперечин и проводов.

Два человека остались недвижимы в глубоких креслах, окруженных кольцами — основаниями исчезнувших колпаков. Третий осторожно поднял отяжелевшую голову и вдруг легко встряхнул темными волосами. Он поднялся из глубины мягчайшей изоляции, сел и наклонился вперед, чтобы прочитать показания приборов. Они во множестве усеивали наклонную светлую доску большого пульта, протянувшегося поперек всего помещения в полуметре от кресел.

— Вышли из пульсации! — раздался уверенный голос. — Вы опять очнулись раньше всех, Кари? Идеальное здоровье для звездолетчика!

Кари Рам, электронный механик и астронавигатор звездолета «Теллур», мгновенно повернулся, встретив еще затуманенный взгляд командира.

Мут Анг, с усилием двигаясь, облегченно вздохнул и встал перед пультом.

— Двадцать четыре парсека... Мы прошли звезду. Новые приборы всегда неточны... вернее, мы плохо владем ими... Можно выключить музыку. Тэй проснулся!

Кари Рам услышал в наступившей тишине лишь неровное дыхание очнувшегося товарища.

Центральный пост управления звездолета напоминал довольно большой круглый зал, надежно скрытый в глубине гигантского корабля. Выше пультов приборов и герметических дверей помещение обегал синеватый экран, образуя полное кольцо. Впереди, по центральной оси корабля, в экране был вырез, в котором находился прозрачный, как хрусталь, диск локатора диаметром почти в два человеческих роста. Огромный диск как бы сливался с космическим пространством и, отблескивая в огоньках приборов, походил на черный алмаз.

Мут Анг сделал неуловимое движение, и тотчас все три человека, находившиеся на посту управления, почти одинаковым жестом прикрыли глаза. Колоссальное оранжевое солнце загорелось с левой стороны на экране. Его свет, ослабленный мощными фильтрами, был едва переносим.

Мут Анг покачал головой.

— Еще немного, и мы пронеслись бы через корону звезды. Больше не буду прокладывать точный курс. Гораздо безопаснее пройти стороной.

— Тем и страшны новые пульсационные звездолеты, — ответил из глубины кресла Тэй Эрон, помощник командира и главный астрофизик. — Мы делаем расчет, а затем корабль мчится вслепую, как выстрел в темноту. И мы тоже мертвы и слепы внутри защитных вихревых полей. Мне не нравится этот способ полета в космос, хотя он и быстрее всего, что могло придумать человечество.

— Двадцать четыре парсека! — воскликнул Мут Анг. — А для нас прошел как будто миг...

— Миг сна, подобного смерти, — хмуро возразил Тэй Эрон, — а вообще на Земле...

— Лучше не думать, — выпрямился Кари Рам, — что на Земле прошло больше семидесяти восьми лет. Многие из друзей и близких мертвы, многое изменилось... Что же будет, когда...

— Это неизбежно в далеком пути с любой системой звездолета, — спокойно сказал командир. — На «Теллуре» время для нас идет особенно быстро. И, хотя мы забираемся дальше всех в космос, вернемся почти теми же...

Тэй Эрон приблизился к расчетной машине.

— Все безупречно, — сказал он несколько минут спустя. — Это Кор Серпентис, или, как его называли древние арабские астрономы, Унук аль Хай — Сердце Змеи. Потому что эта звезда в середине длинного созвездия.

— А где же ее близкий сосед? — спросил Кари Рам.

— Скрыт от нас главной звездой. Видите, спектр К — ноль. С нашей стороны — затмение, — ответил Тэй.

— Раздвиньте щиты всех приемников! — распорядился командир.

Их окружила бездонная чернота космоса. Она казалась более глубокой, потому что слева и сзади горело оранжево-золотым огнем Сердце Змеи, затмившее все звезды и Млечный Путь. Только внизу, споря с ней, сияла пламенем белая звезда.

— Эпсилон Змеи совсем близко, — громко сказал Кари Рам.

Молодой астронавигатор хотел заслужить одобрение командира. Но Мут Анг молча смотрел направо, где выделялась чистым белым светом далекая и яркая звезда.

— Туда ушел мой прежний звездолет «Солнце», — медленно проговорил командир, почувствовав за своей спиной выжидательное молчание, — на новые планеты...

— Так это Альфекка в Северной Короне?

— Да, Рам, или, если хотите европейское название, — Гемма... Но пора за дело!

— Будить остальных? — с готовностью спросил Тэй Эрон.

— Зачем? Мы сделаем одну-две пульсации, если убедимся, что впереди пусто, — ответил Мут Анг. — Включайте оптические и радиотелескопы, проверьте настройку памятных машин. Тэй, включите ядерные моторы. Пока будем двигаться на них. Дайте ускорение!

— До шести седьмых световой?

И в ответ на молчаливый кивок командира Тэй Эрон быстро проделал необходимые манипуляции. Звездолет даже не вздрогнул, хотя ослепительное, радужное пламя полыхнуло во весь обзор экранов и совсем скрыло слабые звезды ниже сверкающего

Млечного Пути. Среди тех звезд было и земное Солнце.

— У нас несколько часов, пока приборы завершат наблюдения и окончат четырехкратную проверку программы, — сказал Мут Анг. — Надо поесть, потом каждый из нас может уединиться и отдохнуть немного. Я сменю Кари.

Звездолетчики вышли из центрального поста. Кари Рам пересел во вращающееся кресло посредине пульта. Астронавигатор закрыл кормовые экраны, и пламя ракетных моторов исчезло.

Огненное Кор Серпентис продолжало мерцать дерзкими отблесками на бесстрастной полировке приборов. Диск переднего локатора оставался черным, бездонным колодезцем, но это не смущало, а радовало астронавигатора. Расчеты, занявшие шесть лет труда могучих умов и исследовательских машин Земли, оказались безошибочными.

Сюда, в широкий коридор пространства, свободного от звездных скоплений и темных облаков, был направлен «Теллур» — первый пульсационный звездолет Земли. Этот тип звездолетов, передвигавшихся в нуль-пространстве, должен был достигнуть гораздо больших глубин Галактики, чем прежние ядерно-ракетные, анамезонные звездолеты, летавшие со скоростью пять шестых и шесть седьмых скорости света. Пульсационные корабли действовали по принципу сжатия времени и были в тысячи раз быстрее. Но их опасной стороной было то, что звездолет в момент пульсации не мог быть управляем. Люди также могли перенести пульсацию лишь в бессознательном состоянии, скрытые внутри мощного магнитного поля. «Теллур» передвигался как бы рывками, всякий раз тщательно изучая, свободен ли путь для следующей пульсации.

Мимо Змеи, в почти свободном от звезд пространстве высоких широт Галактики, «Теллур» должен был пройти в созвездие Геркулеса, к углеродной звезде.

«Теллура» послали в невероятно далекий рейс, чтобы его экипаж изучил загадочные процессы превращения материи непосредственно на углеродной звезде, очень важные для земной энергетики. Подозревалось, что звезда была связана с темным облаком в форме вращающегося электромагнитного диска, обращенного ребром к Земле. Ученые ожидали, что они

увидят повторение истории образования нашей планетной системы сравнительно недалеко от Солнца.

«Недалеко» — это сто десять парсеков, или триста пятьдесят лет пути светового луча...

Кари Рам проверил приборы-охранители. Они показывали, что все связи автоматов корабля в исправности. Молодой астролетчик предался размышлениям.

Далеко-далеко, на расстоянии семидесяти восьми световых лет, осталась Земля — прекрасная, устроенная человечеством для светлой жизни и вдохновенного творческого труда. В этом обществе без классов каждый человек хорошо знал всю планету. Не только ее заводы, рудники, плантации и морские промыслы, учебные и исследовательские центры, музеи и заповедники, но и милые сердцу уголки отдыха, одиночества или уединения с любимым человеком.

И от этого чудесного мира человек, предъявляя к себе высокие требования, углублялся все дальше в космические ледяные бездны в погоне за новыми знаниями, за разгадкой тайн природы, не покорявшейся без жестокого сопротивления. Все дальше шел человек от Луны, залитой убийственным рентгеновским и ультрафиолетовым излучением Солнца, от жаркой и безжизненной Венеры с ее океанами нефти, липкой смоляной почвой и вечным туманом, от холодного, засыпанного песками Марса с чуть теплящейся подземной жизнью. Едва началось изучение Юпитера, как новые корабли достигли ближайших звезд. Земные звездолеты посетили Альфу и Проксиму Центавра, звезду Барнарда, Сириус, Эту Эридана и даже Тау Кита. Конечно, не сами звезды, а их планеты или ближайшие окрестности, если это были двойные звезды, как Сириус, лишенные планетных систем.

Но межзвездные корабли Земли еще не побывали на планетах, где жизнь уже достигла своей высшей формы, где обитали мыслящие существа — люди.

Из далеких бездн космоса ультракороткие радиоволны несли вести населенных миров; иногда они приходили на Землю через тысячи лет после того, как были отправлены. Человечество только училось читать эти передачи и стало представлять, какой океан знаний, техники и искусства совершает свой круговорот между населенными мирами нашей Галактики. Мирами, еще не достижимыми. Что уж говорить про

другие звездные острова — галактики, разделенные миллионами световых лет расстояния!.. Но от этого становилось только больше стремление достичь планет, населенных людьми, пусть не похожими на земных, но тоже построившими мудрое, правильно развивающееся общество, где каждый имеет свою долю счастья, наибольшего при их уровне власти над природой. Впрочем, было известно, что есть совершенно похожие на нас люди, и этих, вероятно, больше. Законы развития планетных систем и жизни на них однородны не только в нашей Галактике, но и во всей известной нам части космоса.

Пульсационный звездолет — последнее изобретение гения Земли — дает возможность прийти на призывы далеких миров. Если полет «Теллура» окажется удачным, тогда... Только, как все в жизни, новое изобретение имеет две стороны.

— И вот другая сторона... — Задумавшись, Кари Рам не заметил, что произнес последние слова вслух.

Вдруг позади раздался приятный и сильный голос Мут Анга:

Другая сторона любви —
Что глубоко и широко, как море,
То отзовется душным коридором,
И этого не избежать — оно в крови!

Кари Рам вздрогнул:

— Я не знал, что вы тоже увлекаетесь старинной музыкой, — улыбнулся командир звездолета. — Этому романсу не меньше пяти веков!

— Я вовсе ничего не знаю! — воскликнул астронавигатор. — Я думал о нашем звездолете. О том, когда мы вернемся...

Командир стал серьезным.

— Мы проделали только первую пульсацию, а вы думаете о возвращении?

— О нет! Зачем бы я старался попасть в число избранных для полета? Мне показалось... ведь мы вернемся на Землю, когда там пройдет семьсот лет и, несмотря на удвоившееся долголетие человека, даже правнуки наших сестер и братьев уже будут мертвы...

— Разве вы этого не знали?

— Знал, конечно, — упрямо продолжал Рам. — Но мне пришлось в голову другое.

— Я понял. Кажущаяся бесполезность нашего полета?

— Да! Еще до изобретения и постройки «Теллура» ушли обычные ракетные звездолеты на Фольмагаут, Капеллу и Арктур. Фольмагаутская экспедиция ожидается через два года — уже прошло пятьдесят. Но с Арктура и Капеллы корабли придут еще через сорок — пятьдесят лет: до этих звезд ведь двенадцать и четырнадцать парсеков. А сейчас уже строят пульсационные корабли, которые могут оказаться на Арктуре в одну пульсацию. За то время, пока мы совершим свой полет, люди окончательно победят время или пространство, если хотите. Тогда наши земные корабли окажутся гораздо дальше нас, а мы вернемся с грузом устарелых и бесполезных сведений...

— Мы ушли с Земли, как уходят из жизни умершие, — медленно сказал Мут Анг, — и вернемся отсталыми в развитии, с пережитками прошлого.

— Об этом я и думал!

— Вы правы и глубоко не правы. Развитие знаний, накопление опыта должны быть непрерывны. Иначе нарушатся законы развития, которое всегда неравномерно и противоречиво. Представьте, что древние естествоиспытатели, казущиеся нам наивными, стали бы ожидать, ну, скажем, изобретения современных квантовых микроскопов. Или земледельцы и строители давнего прошлого, обильно полившие нашу планету своим потом, стали бы ждать автоматических машин и... так и не вышли бы из сырых землянок, питаясь крохами, уделаемыми природой!

Кари Рам звонко рассмеялся. Мут Анг продолжал без улыбки:

— Мы так же призваны выполнить свой долг, как и каждый член общества. За то, что мы первые прикоснемся к невиданным еще глубинам космоса, мы умерли на семьсот лет. Те, кто остался на Земле, чтобы пользоваться всей радостью земной жизни, никогда не испытывают великих чувств человека, заглянувшего в тайны развития Вселенной. И так все. Но возвращение... Вы напрасно опасаетесь будущего. В каждом этапе своей истории человечество в чем-то возвращалось назад, несмотря на общее восхождение по закону спирального развития. Каждое столетие имело свои неповторимые особенности и вместе с тем общие всем

черты... Кто может сказать, может быть, та крупница знания, что мы доставим на нашу планету, послужит новому взлету науки, улучшению жизни человечества. Да и мы сами вернемся из глубины прошлого, но принесем новым людям наши жизни и сердца, отданные будущему. Разве мы придем чужими? Разве может оказаться чужим тот, кто служит в полную меру сил? Ведь человек — это не только сумма знаний, но и сложнейшая архитектура чувств, а в этом мы, испытавшие всю трудность долгого пути через космос, не окажемся хуже тех, будущих... — Мут Анг помолчал и совсем другим, насмешливым тоном закончил: — Не знаю, как вам, а мне так интересно заглянуть в будущее, что ради этого одного...

— ...можно временно умереть для Земли! — воскликнул астронавигатор.

Командир «Теллура» кивнул головой.

— Идите мойтесь, ешьте, следующая пульсация уже скоро! Тэй, вы зачем вернулись?

Помощник командира пожал плечами.

— Хочется скорее узнать путь, проложенный приборами. Я готов сменить вас.

И без дальнейших слов астрофизик нажал кнопку в середине пульта. Вогнутая полированная крышка беззвучно отодвинулась, и из глубины прибора поднялась скрученная спиралью лента серебристого металла. Ее пронизывал тонкий черный стержень, означавший курс корабля. Как драгоценные камни, горели на спирали крохотные огоньки — звезды разных спектральных классов, мимо которых шел путь «Теллура». Стрелки бесчисленных циферблатов начали хоровод почти осмысленных движений. Это расчетные машины уравнивали прямую линию следующей пульсации так, чтобы проложить ее в возможно наибольшем удалении от звезд, темных облаков и туманностей светящегося газа, которые могли скрывать еще неведомые небесные тела.

Увлеченный работой, Тэй Эрон не заметил, как прошло несколько молчаливых часов. Громадный звездолет продолжал свой бег в черную пустоту пространства. Товарищи астрофизика тихо сидели в глубине полукруглого дивана, поблизости от массивной тройной двери, изолировавшей пост управления от других помещений корабля.

Веселый звон маленьких колокольчиков сигнализировал окончание вычислений. Командир звездолета медленно подошел к пультам.

— Удачно! Вторая пульсация может быть почти втрое длиннее первой...

— Нет, тут тридцатипроцентная неопределенность! — Тэй показал на конечный отрезок черного стержня, едва заметно вибрировавшего в такт колебаниям связанных с ним стрелок.

— Да, полная определенность — пятьдесят семь парсеков. Отбросим пять на возможность скрытых ошибок — пятьдесят два. Готовьте пульсацию.

Снова проверялись все бесчисленные механизмы и связи корабля. Мут Анг соединился с каютами, где находились погруженные в сон остальные пять членов экипажа «Теллура».

Автоматы физиологического наблюдения отметили, что организм спящих в нормальном состоянии. Тогда командир включил защитное поле вокруг жилых помещений корабля. На матовых панелях левой стены побежали красные струи — потоки газа в спрятанных позади них трубках.

— Пора? — слегка хмурясь, спросил командира Тэй Эрон.

Тот кивнул. Трое дежурных молча опустились в глубокие кресла, закрепляя себя в них воздушными подушками. Когда был застегнут последний крючок, каждый достал из ящичка в левом подлокотнике прибор для впрыскивания, готовый к употреблению.

— Итак, еще на полтора года земной жизни! — сказал Кари Рам, приложив аппарат к обнаженной руке.

Мут Анг зорко посмотрел на него. Глаза юноши светились легкой насмешкой, свойственной здоровому и вполне уравновешенному человеку. Командир подождал, пока его товарищи откинулись в креслах и закрыли глаза — впали в бессознательное состояние. Тогда он включил рычажки на маленькой коробке у своего колена. Бесшумно и неотвратимо, как сама судьба, спустились с потолка массивные колпаки. За минуту до этого Мут Анг включил механических роботов, управлявших пульсацией и защитным полем. Под колпаком в слабом свете голубоватого ночника

командир прочитал показания контрольных приборов и только после этого усыпил себя...

* * *

Звездолет вышел из четвертой пульсации. Теперь загадочное светило — цель полета — выросло на экранах правой, «северной», стороны до размеров Солнца, видимого с Меркурия.

Колоссальная звезда из редкого класса «темных» углеродных звезд подвергалась детальному изучению. «Теллур» шел на субсветовой скорости в расстоянии меньше четырех парсеков от гигантской тусклой звезды КНТ-8008, едва видимый с Земли даже в мощные телескопы. Подобные звезды, их поперечник равнялся ста пятидесяти — ста семидесяти диаметрам нашего Солнца, отличались обилием углерода в своих атмосферах. При температуре в две-три тысячи градусов атомы углерода соединялись в особые молекулы-цепочки, из трех атомов каждая. Атмосфера звезды с такими молекулами задерживала излучение фиолетовой части спектра, и свет гиганта был очень слабым сравнительно с его размерами.

Но центры углеродных гигантов, разогретые до ста миллионов градусов, были могучими генераторами нейтронов и превращали легкие элементы в тяжелые и даже заурановые, вплоть до калифорния и россия, как был назван самый тяжелый из элементов с атомным весом 401, созданный уже четыре столетия назад. Ученые считали, что фабриками тяжелых элементов Вселенной были углеродные звезды. Они рассеивали эти элементы в пространстве после периодических взрывов. Обогащение общего химического состава нашей Галактики идет именно за счет действия темных углеродных гигантов.

Пульсационный звездолет дал наконец человечеству возможность изучить углеродную звезду с близкого расстояния, понять существо происходящих в ней процессов превращения материи. К их разъяснению физики Земли еще не подобрали всех ключей.

Экипаж звездолета проснулся, и каждый занялся исследованиями, ради которых он умер для Земли на семьсот лет. Движение корабля казалось теперь очень медленным, но более скорый бег и не был нужен.

«Теллур» шел, слегка отклоняясь к югу от углеродной звезды, чтобы держать экран локатора вне ее излучения. И его черное зеркало недели, месяцы и годы оставалось по-прежнему беспросветно темным. «Теллур», или, как он значился в реестре космофлота Земли, «ИФ-1 (Зет-685)», первый звездолет обращенного поля, или шестьсот восемьдесят пятый по общему списку космических кораблей, не был так велик, как субсветовые звездолеты дальнего действия. От их постройки отказались лишь недавно — с изобретением пульсационных кораблей.

Те колоссальные корабли несли экипаж до двухсот человек, и смена поколений давала возможность проникать довольно глубоко в межзвездное пространство.

С каждым возвращением дальнего звездолета на Землю появлялось несколько десятков выходцев из другого времени — представителей далекого прошлого. И хотя уровень развития этих пережитков прошлого был очень высок, все же новые времена оказывались для них чуждыми, и часто глубокая меланхолия или отрешенность становилась уделом космических скитальцев.

Теперь пульсационные звездолеты забросят людей еще дальше. Пройдет немного времени, по мерке астролетчиков, и в человеческом обществе появятся тысячелетние Мафусаилы. Те, кому выпадет на долю отправиться на другие галактики, вернутся на родную планету миллионы лет спустя. Таковой оказалась оборотная сторона дальних космических рейсов, коварная препона, поставленная природой своему неугомонному сыну. На новых звездолетах экипажи насчитывали всего восемь человек. Этим путешественникам в безмерные дали космоса и одновременно в будущее было запрещено в отмену прежних поощрительных постановлений иметь детей во время путешествия.

И хотя «Теллур» был меньше своих предшественников, все же он представлял собою огромный корабль, где просторно разместился его малочисленный экипаж.

Пробуждение после продолжительного сна вызвало, как всегда, подъем жизненной энергии. Экипаж звездолета — преимущественно молодые люди — проводил свободное время в гимнастическом зале.

Они придумывали труднейшие упражнения, фан-

тастические танцы или, надев отталкивающие пояса и кольца на руки и на ноги, совершали головокружные трюки в антигравитационном углу зала. Астролетчики любили плавать в большом бассейне с ионизированной светящейся водой, сохранившей прекрасную голубизну колыбели народов Земли — Средиземного моря.

Кари Рам сбросил рабочий костюм и устремился к бассейну, но его остановил веселый голос:

— Кари, помогите! Без вас не получается этот поворот.

Высокая девушка-химик, Тайна Дан, в короткой тунике из зеленой, в тон ее глазам, сверкающей ткани, была самой веселой и молодой участницей экспедиции. Она не раз возмущала спокойного Кари своей порывистой резкостью, но танцы он любил не меньше Тайны, прирожденной плясуньи. Он с улыбкой подошел к ней.

Слева, с высоты помоста над бассейном, его приветствовала Афра Деви, биолог звездолета. Она старательно укладывала массу своих черных волос перед упражнением на трапедии. К Афре приблизился, осторожно ступая по пружинящей пластмассе, Тэй Эрон, протягивая за спиной девушки мускулистую, сильную руку. Раскачиваясь в такт движениям доски, Афра откинулась назад, на эту надежную опору. На секунду оба замерли, смуглые, сильные и уверенные, с гладкой кожей, которую дает человеку лишь здоровая жизнь на воздухе и солнце. Едва уловимым движением молодая женщина выгнулась еще сильнее, сделала полный оборот вокруг руки помощника командира, и оба полетели над залом, сплетаясь точно в танце.

— Он все забыл! — пропела Тайна Дан, прикрывая глаза механика кончиками горячих пальцев.

— Разве не красиво? — ответил тот вопросом и притянул к себе девушку в первом движении танца, войдя в полосу звукового фона.

Кари и Тайна были лучшими танцорами корабля. Только они умели отдавать себя полностью мелодии и ритму, выключая все другие думы и чувства. И Кари унесся в мир танца, не ощущая ничего, кроме наслаждения согласованными легкими движениями. Рука девушки, лежавшая у него на плече, была сильна и нежна. Зеленые глаза потемнели.

— Вы и ваше имя — одно, — шепнул Кари. — Я запомнил, что «тайна» на древнем языке — это неведомое, неразгаданное.

— Вы радуете меня, — без улыбки ответила девушка, — мне всегда казалось, что тайны остались только в космосе, а на нашей Земле их нет более. Нет их у людей — все мы просты, ясны и чисты!

— И вы жалеете об этом?

— Иногда. Мне хотелось бы встретить такого человека, как в давнем прошлом: вынужденного скрывать свои мечты, свои чувства от окружающей злобы, закалять их, вырачивать неколебимыми, полными невероятной силы.

— О, я понимаю! Но я думал не о людях и жалел лишь о неразгаданных тайнах... Как в древних романах: повсюду таинственные развалины, неведомые глубины, непокоренные высоты, а еще раньше — заколдованные, проклятые и обладающие загадочными силами рощи, источники, заповедные тропы, дома.

— Да, Кари! Хорошо бы и здесь, в звездолете, найти тайные уголки, запрещенные проходы.

— И они вели бы в неведомые комнаты, где скрывалось...

— Что скрывалось?

— Не знаю, — помолчав, признался механик и остановился.

Но Тайна вошла в игру и, нахмурившись, потянула его за рукав. Кари последовал за девушкой, и они вышли из спортивного зала в тускло освещенный боковой проход. Указатели вибрации равномерно и неярко мигали, будто стены корабля боролись с надвигавшимся сном. Девушка сделала несколько быстрых бесшумных шагов и замерла. Тень скуки мелькнула на ее лице так быстро, что Кари не мог бы поручиться, что он действительно заметил у нее этот признак душевной слабости. Незнакомое чувство больно резануло его. Механик снова взял руку Тайны.

— Пойдемте в библиотеку. Мне два часа до смены.

Она послушно направилась к центру корабля.

Библиотека, или зал общих занятий, находилась непосредственно за центральным постом управления, как на всех звездолетах. Кари и Тайна открыли герметическую дверь третьего поперечного коридора и вышли к двусторчатому эллипсу люка центрального

прохода. Едва только Кари наступил на бронзовую пластинку и тяжелые створки беззвучно разошлись, как молодые люди услышали могучий вибрирующий звук. Тайна радостно сжала пальцы Кари.

— Мут Анг!

Оба скользнули в библиотеку. Рассеянный свет, казалось, висел дымкой под матовым потолком. Два человека ютились в глубоких креслах между колонками фильмотек, скрытые в тенях углублений. Тайна увидела врача Свет Сима и квадратную фигуру Яс Тина, инженера пульсационных устройств, грезившего о чем-то, закрыв глаза. Слева, под гладкими раковинками акустических устройств, склонился над серебристым футляром ЭМСР сам командир «Теллура».

ЭМСР — электромагнитный скрипкороль — давно уже заменил жестко звучащий темперированный рояль, сохранив его многоголосую сложность и придав ему богатство скрипичных оттенков. Усилители звука этого инструмента могли придавать ему в нужные моменты потрясающую силу.

Мут Анг не заметил вошедших. Он немного подался вперед, подняв лицо к ромбическим панелям потолка. Как и в старинном рояле, пальцы музыканта определяли все оттенки звучания, хотя производили звук не при помощи молоточка и струны, а тончайшими электронными импульсами почти мозговой тонкости.

Гармонично сплетенные темы единства Земли и космоса стали раздваиваться, отдаляться. Противоречия спокойной печали и жестокого дальнего грома накалились, усиливались, прерываясь звенящими нотами, словно криками отчаяния. И вдруг мерное, мелодическое развертывание темы замерло. Удар столкновения был сокрушителен, и все рассыпалось лавиной диссонансов, скользнув, как в темное озеро, в нестройные жалобы невозвратной утраты.

Неожиданно под пальцами Мут Анга родились ясные и чистые звуки прозрачной радости, она слилась с тихой печалью аккомпанемента.

В библиотеку беззвучно скользнула Афре Деви в белом халате. Свет Сим, врач корабля, стал делать командиру какие-то знаки. Мут Анг поднялся, и тишина согнала власть звуков, как быстрая ночь тропиков — вечернюю зарю.

Врач и командир вышли, провожаемые встревожен-

ными взглядами слушателей. Со вторым астронавигатором на дежурстве случилась очень редкая беда — приступ гнойного аппендицита. Вероятно, он не выполнил абсолютно точно программы врачебной подготовки к космическому путешествию. И теперь Свет Сим запросил разрешение командира на срочную операцию.

Мут Анг выразил сомнение. Современная медицина, овладевшая методами импульсного нервного регулирования человеческого организма, как в электронных устройствах, могла устранять многие заболевания.

Но врач звездолета настоял на своем. Он доказал, что у больного останется залеченный очаг, который может дать новую вспышку при огромных физиологических перегрузках, переносимых звездолетчиками.

Астронавигатор лег на широкое ложе, опутанный проводами импульсных датчиков. Тридцать шесть приборов следили за состоянием организма. В затемненной комнате размеренно замигал и слабо зазвенел гипнотизирующий прибор. Свет Сим окинул взглядом аппараты и кивнул Афре Деви, помощнику врача. Каждый член экипажа «Теллура» совмещал несколько профессий.

Афра придвинула прозрачный куб. В синеватой жидкости лежал членистый металлический аппарат, похожий на крупную сколопендру. Афра извлекла из жидкости аппарат и из другого сосуда вытащила коническую втулку с присоединенными к ней тонкими проводами, или шлангами. Легкий щелчок зажима — и металлическая сколопендра зашевелилась, издавая едва слышное жужжание.

Свет Сим кивнул, и аппарат исчез в раскрытом рту астронавигатора, продолжавшего спокойно дышать. Засветился полупрозрачный экран, косо поставленный над животом больного. Мут Анг придвинулся ближе. В зеленоватом сиянии серые контуры внутренних органов были совершенно отчетливы, и по ним медленно двигался членистый прибор. Легкая вспышка мелькнула, когда прибор дал импульс запирающей мышце — сфинктеру желудка, проник в двенадцатиперстную кишку и стал ползти по сложным извилинам тонких кишок. Еще немного — и тупой конец сколопендры уперся в основание червеобразного отростка.

Здесь, в области нагноения, боли были сильнее, и от давления прибора произвольные движения

кишок так усилились, что пришлось прибегнуть к успокоительным лекарствам. Еще несколько минут, и аналитическая машина выяснила причину заболевания — случайное засорение отростка, — установила характер нагноения и рекомендовала нужную смесь антибиотиков и обеззараживающих лекарств. Членистый аппарат выпустил длинные гибкие усики, глубоко погрузившиеся в аппендикс. Гной был отсосан, попавшие в аппендикс песчинки удалены. Последовало энергичное промывание биологическими растворами, быстро заживившими слизистую оболочку отростка и слепой кишки. Больной мирно спал, пока внутри его продолжал действовать замечательный прибор, управляемый автоматами. Операция кончилась, и врачу оставалось лишь извлечь прибор.

Командир «Теллура» успокоился. Как ни велико было могущество медицины, все же нередко непредусмотренные особенности организма (ибо заранее определить их среди миллиардов индивидуальностей было немыслимо) давали неожиданные осложнения, страшные в огромных лечебных институтах планеты, но опасные в небольшой экспедиции.

Ничего не случилось. Мут Анг вернулся к скрипко-роялю, в обезлюдевшую библиотеку. Командиру не захотелось играть, и он погрузился в размышления.

Не раз уже командир звездолета возвращался к мыслям о счастье, о будущем.

Четвертое путешествие в космос... Но еще никогда он не думал совершить такой далекий прыжок через пространство и время. Семьсот лет! При той стремительности жизни, нарастании новых достижений, открытий, при тех горизонтах знания, какие уже достигнуты на Земле! Трудно сравнивать, но семьсот лет значили мало в эпохи древних цивилизаций, когда развитие общества, не подстегнутое знаниями и необходимостью, шло лишь к дальнейшему распространению человека, заселению еще пустых пространств планет. Тогда время было безмерным и все изменения человечества текли медленно, как некогда ледники на островах Арктики и Антарктики. Миллионы лет искали пищу, убивали зверей и друг друга.

Столетия как бы проваливались в пустоту бездействия. Что такое одна человеческая жизнь, что такое сто, тысяча лет?

Почти с ужасом Мут Анг подумал: каково было бы людям древнего мира, если бы они могли знать наперед медлительность тогдашних общественных процессов, понять, что угнетение, несправедливость и неустроенность планеты будут тянуться еще так много лет? Вернуться через семьсот лет в Древнем Египте означало бы попасть в то же рабовладельческое общество, с еще худшим угнетением; в тысячелетнем Китае — к тем же войнам и династиям императоров, или в Европе — от начала религиозной ночи средневековья попасть в разгар костров инквизиции, разгула свирепого мракобесия.

Но теперь попытка заглянуть в будущее сквозь насыщенные изменениями, улучшениями и познанием семь столетий вызывает головокружение от жадного интереса к потрясающим событиям.

И если подлинное счастье — движение, изменение, перемены, то кто же может быть счастливее его и его товарищей? И все же не так просто! Человеческая натура двойственна, как окружающий и создавший ее мир. Наряду со стремлением к вечным переменам нам всегда жаль прошлого, вернее, того хорошего в нем, что отфильтровывается памятью и что прежде вырастало в представления о минувших золотых веках.

Тогда невольно искали хорошее в прошлом, мечтали о его повторении, и только сильные души могли предвидеть, почувствовать поступь неизбежного грядущего улучшения и устройства человеческой жизни. С тех пор в душе человека глубоко лежит сожаление о минувшем, печаль о невозвратно ушедшем, чувство грусти, охватывающее нас перед руинами и памятниками прошлой истории человечества. Это сожаление о прошедшем особенно усиливалось у людей зрелых, пожилых, накапливало печаль у вдумчивого и чуткого человека.

Мут Анг поднялся из-за инструмента и потянулся сильным телом.

Да, все это так ярко и интересно описано в исторических повестях. Что же может пугать молодежь звездолета в момент, когда она совершает прыжок в будущее? Одиночество, отсутствие близких? Пресловутое одиночество человека, попавшего в будущее, столько раз обсуждалось и описывалось в старых романах. Одиночество всегда мыслилось как отсутствие

близких, родных, а эти близкие составляли ничтожную кучку людей, связанных часто лишь формальными родственными узами. Но теперь, когда близок любой из людей, когда нет никаких границ или условностей, мешающих общению людей в любых уголках планеты?!

«Мы, люди «Теллура», потеряли всех своих близких на Земле. Но там, в наступающем грядущем, нас ждут не менее близкие, родные люди, которые будут знать и чувствовать еще больше, еще ярче, чем покинутые нами навсегда наши современники», — вот о чем и какими словами должен говорить командир с молодыми людьми своего экипажа.

В центральном посту управления Тэй Эрон установил излюбленный им режим вечера. Неярко горели только самые необходимые лампы, и большое круглое помещение казалось уютнее в сумеречном свете. Помощник командира мурлыкал простую песенку, занимаясь неустанной проверкой вычислений. Путь звездолета подходил к концу — сегодня надо было повернуть корабль в направлении созвездия Змееносца, чтобы пройти мимо исследованной углеродной звезды. Приближаться к ней стало опасно. Лучевое давление начинает возрастать настолько, что при субсветовой скорости корабля может нанести страшный, непоправимый удар.

Почувствовав чье-то присутствие за спиной, Тэй Эрон обернулся.

Мут Анг наклонился над плечом помощника, читая суммированные показания приборов в квадратных окошечках нижнего ряда. Тэй Эрон вопросительно посмотрел на своего командира, и тот кивнул головой. Повинуясь едва заметному движению пальцев помощника, по всему кораблю зазвучали сигналы внимания и стандартные металлические слова:

— Слушайте все!

Мут Анг придвинул к себе микрофон, зная, что во всех отделениях звездолета люди замерли, невольно обратив лица к замаскированным отверстиям звукопередатчиков: человек еще не отвык смотреть по направлению звука, когда хотел быть особенно внимательным.

— Слушайте все! — повторил Мут Анг. — Корабль начинает торможение через пятнадцать минут. Всем, кроме дежурных, лежать в своих каютах. Первая

фаза торможения окончится в восемнадцать часов, вторая фаза, при шести «Ж», будет продолжаться шесть суток. Поворот корабля произойдет после сигналов УО — ударной опасности. Все!

В восемнадцать часов командир поднялся с кресла и, пересиливая обычную боль торможения в пояснице и затылке, объявил, что, пожалуй, отправится спать на все шесть суток замедления хода. Весь экипаж «Теллура» теперь не оторвать от приборов: ждут последних наблюдений углеродной звезды.

Тэй Эрон хмуро посмотрел на удалявшегося командира. С каждым усовершенствованием возрастали надежность и сила космических звездолетов. Трудно даже сравнить мощь «Теллура» с теми скорлупками, плававшими по морям Земли, которые издавна получили название кораблей. И все же его звездолет тоже не более как скорлупка в бездонных глубинах пространства... Как-то спокойнее, когда командир бодрствует во время маневра.

* * *

Кари Рам чуть не подскочил от неожиданности, услышав веселый смех Мут Анга. Несколько дней назад весь экипаж был встревожен известием о внезапной болезни командира. В его каюту допускался лишь врач, и все невольно понижали голос, проходя мимо гладкой двери, плотно закрытой, как во время аварии. Тэй Эрон вынужден был провести всю намеченную программу — поворот корабля, новый разгон его, чтобы уйти из области лучевого давления углеродной звезды и начать пульсацию назад, к Солнцу. Помощник шел рядом со своим командиром и сдержанно улыбался. Оказалось, командир в сговоре с врачом намеренно устранился от командования, чтобы дать возможность Тэй Эрону провести всю операцию самому, ни на кого не надеясь. Помощник ни за что не признался бы в жестких сомнениях перед поворотом, но корил командира за причиненное всему экипажу волнение.

Мут Анг шутливо оправдывался и убеждал Тэй Эрона в полной безопасности звездолета в пустоте космического пространства. Приборы не могли ошибиться, четырехкратная проверка каждого расчета исключала возможность неточности. Пояса астероидов

и метесритов у звезды не могло быть в зоне сильного лучевого давления.

— Неужели вы более ничего не ждете? — острожно осведомился Кари Рам.

— Неучтенная случайность, конечно, возможна. Но великий закон космоса, названный законом усреднения¹, за нас. Можно быть уверенным, что здесь, в этом пустом уголке космоса, ничего нового не встретится. Мы вернемся немного назад и войдем в пульсацию испытанным нами направлением, прямо к Солнцу, мимо Сердца Змеи... Уже несколько дней, как мы идем к Змееносцу. Теперь скоро!

— Даже странно: нет ни радости, ни ощущения хорошего дела, ничего, что бы оправдывало нашу смерть для Земли на семьсот лет, — задумчиво сказал Кари. — Да, я знаю — десятки тысяч наблюдений, миллионы вычислений, снимков, памятных записей... Новые тайны материи раскроются там, на Земле... Но как незримо и невесомо все это! Зародыш будущего, и ничего более!

— Сколько же борьбы, труда и смертей вынесло человечество, а до него триллионы поколений животных на слепом пути исторического развития из-за вот этих зародышей будущего! — с азартом возразил Тэй Эрон.

— Все так для ума. А для чувства мне важен только человек — единственная разумная сила в космосе, которая может использовать стихийное развитие материи, овладеть им. Но мы, люди, так одиноки, бесконечно одиноки! У нас есть несомненные доказательства существования множества населенных миров, но никакое другое мыслящее существо еще не скрестило своего взгляда с глазами людей Земли! Сколько мечтаний, сказок, книг, песен, картин в предчувствии такого великого события, и оно не сбылось! Не сбылась великая, смелая и светлая мечта человечества, рожденная давным-давно, едва рассеялась религиозная слепота!

— Слепота! — вмешался Мут Анг. — А знаете, как наши недавние предки уже в эпоху первого выхода

¹ Закон усреднения — математическое выражение, в котором конечные результаты подсчетов обозначаются неким средним числом. Крайние наибольшие и крайние наименьшие величины отбрасываются.

в космос представляли осуществление этой великой мечты? Военное столкновение, зверское разрушение кораблей, уничтожение друг друга в первой же встрече.

— Немыслимо! — горячо воскликнули Кари Рам и Тэй Эрон.

— Наши современные писатели не любят писать о мрачном периоде конца капитализма, — возразил Мут Анг. — Вы знаете из школьной истории, что наше человечество в свое время прошло весьма критическую точку развития.

— О да! — подхватил Кари. — Когда уже открылось людям могущество овладения материей и космосом, а формы общественных отношений еще оставались прежними и развитие общественного сознания тоже отстало от успехов науки.

— Почти точная формулировка. У вас хорошая память, Кари! Но скажем иначе: космическое познание и космическое могущество пришли в противоречие с примитивной идеологией собственника-индивидуалиста. Здоровье и будущность человечества несколько лет качались на весах судьбы, пока не победило новое и человечество в бесклассовом обществе не соединилось в одну семью... Там, в капиталистической половине мира, не видели новых путей и рассматривали свое общество как незыблемое и неизменное, предвидя и в будущем неизбежность войн и самоистребления.

— Как могли они называть это мечтами? — недобро усмехнулся Кари.

— Но они называли.

— Может быть, критические точки проходит каждая цивилизация везде, где формируется человечество на планетах иных солнц, — медленно сказал Тэй Эрон, бросая беглый взгляд на верхние циферблаты ходовых приборов. — Мы знаем уже две необитаемые планеты с водой, атмосферой, с остатками кислорода, где ветры вздымают лишь мертвые пески и волны таких же мертвых морей. Наши корабли сфотографировали...

— Нет, — покачал головой Кари Рам, — не могу поверить, чтобы люди, уже познавшие безграничность космоса и то могущество, которое им несет наука, могли...

— ...рассуждать, как звери, только овладевшие логикой? Но ведь старое общество складывалось стихийно, без заранее заданной целесообразности, которая отличает высшие формы общества, построенные людьми. И разум человека, характер его мышления тоже были еще на первичной стадии прямой или математической логики, отражавшей логику законов развития материи, природы по непосредственным наблюдениям. Как только человечество накопило исторический опыт, познало историческое развитие окружающего мира, возникла диалектическая логика как высшая стадия развития мышления. Человек понял двойственность явлений природы и собственного существования. Осознал, что, с одной стороны, он как индивидуальность очень мал и мновенен в жизни, подобен капле в океане или маленькой искорке, гаснущей на ветру. А с другой — необъятно велик, как Вселенная, обнимаемая его рассудком и чувствами во всей бесконечности времени и пространства.

Командир звездолета умолк и в задумчивости начал ходить перед своими помощниками. На их молодые лица легла тень суровой сосредоточенности.

Мут Анг первый нарушил наступившую тишину.

— В моей коллекции исторических книг-фильмов есть одна, очень характерная для той эпохи. Этот перевод на современный язык сделан не машиной, а Санией Чен, историком, умершим в прошлом веке. Прочитаем ее! — Он улыбнулся жадному интересу молодых людей и вышел в коридор носового отсека.

— Никогда я не буду настоящим командиром! — вздохнул виновато Тэй Эрон. — Невозможно знать все, что знает наш Анг.

— А он при мне говорил, что он плохой командир из-за широкого диапазона своих интересов, — отозвался Кари, усаживаясь в кресло дежурного навигатора.

Тэй Эрон удивленно посмотрел на товарища. Они молчали, и негромкое пение приборов казалось неизменным. Громадный корабль, набрав предельную скорость, уверенно устремлялся в сторону от углеродной звезды в избранный квадрат, где в глубочайшей черноте пространства тонули, слабо мерцая, далекие галактики — четыре звездных острова. Они были на таком расстоянии, что свет, шедший оттуда, бесильно умирал в глазу человека — чудесном приборе,

для которого достаточно было всего несколько квант.

Внезапно что-то случилось. На экране большого локатора вспыхнула и заколебалась светящаяся точка. Раздался пронзительный звон, от которого у астролетчиков замерло дыхание.

Тэй Эрон, не раздумывая, дал сигнал общей тревоги — вызов командира, приказывавший всем остальным членам экипажа занимать места аварийного назначения.

Мут Анг ворвался в пост управления и двумя прыжками очутился у пульта. Черное зеркало локатора ожило. В нем, как в бездонном озере, плавал крохотный шарик света — круглый, с резкими краями. Он качался вверх и вниз, медленно сползая направо. Астролетки удивились, что роботы, предупреждавшие столкновение корабля с метеоритами, бездействовали. Значит ли это, что на экране не их отраженный поисковый луч, а чужой?!

Звездолет продолжал идти тем же курсом, и световая точка теперь трепетала в нижнем правом квадрате. Догадка заставила содрогнуться Мут Анга, закусить губы Тэй Эрона, до боли сжать край пульта Кари Рама. Нечно небывалое летело навстречу, испуская сильный луч локатора, такой же, какой бросал далеко вперед себя «Теллур».

Так отчаянно было желание, чтобы догадка оправдалась, чтобы после безумного взлета надежды не свалиться в пучину разочарования, уже сотни раз случавшегося со звездолетчиками Земли, что командир замер, боясь произнести хотя бы одно слово. И как будто его тревога передалась тем, впереди.

Светящаяся точка на экране погасла, зажглась снова и замигала с промежутками, учащая вспышки, по четыре и две. Это регулярность чередования могла быть порождена лишь единственной во всей Вселенной силой — человеческой мыслью.

Больше не оставалось сомнений: навстречу шел звездолет.

Здесь, в безмерной дали пространства, впервые достигнутой земным кораблем, это мог быть только звездолет другого мира, с планет другой, отдаленной звезды.

Луч главного локатора «Теллура» также стал прерывистым. Кари Рам передал несколько сигналов услов-

ного светового кода. Казалось совершенно невероятным, что там, впереди, эти простые движения кнопки вызывают на экране неведомого корабля правильные чередования вспышек.

Голос Мут Анга в репродукторах корабля выдавал его волнение.

— Слушайте все! Навстречу идет чужой корабль! Мы отклоняемся от курса и начинаем экстренное торможение. Прекратить все работы! Экстренное торможение! По местам посадочного расписания!

Нельзя было терять ни секунды. Если встречный корабль шел примерно с той же скоростью, что и «Теллур», то скорость сближения звездолетов была близка к световой, достигая двухсот девяноста пяти тысяч километров в секунду. Тэй Эрон, пока Мут Анг говорил в микрофон, что-то шепнул Кари. Бледный от напряжения, юноша понял с полуслова и произвел какие-то манипуляции на пульте локатора.

— Блестяще! — воскликнул командир, следя, как на контрольном экране луч очертил стрелу, изогнув ее налево, назад, и завился в спираль.

Прошло не больше десяти секунд. На экране промелькнул светящийся стреловидный контур, отогнулся к правой стороне черного круга и завертелся мгновенной спиралью. Вдох облегчения, почти стон, вырвался одновременно у людей на центральном посту. Те, неведомые, летевшие навстречу из таинственных глубин космического пространства, поняли! Пора!

Зазвенели тревожные звонки. Теперь уж не луч чужого локатора, а твердый корпус корабля отразился на главном экране. Тэй Эрон молниеносным движением выключил робота, пилотировавшего корабль, и сам дал «Теллуру» ничтожнейшее отклонение влево. Звон умолк, черное озеро экрана погасло. Люди едва успели заметить световую черту, промелькнувшую на обзорном локаторе правого борта. Корабли разошлись на невообразимой скорости и унеслись вдаль.

Пройдет несколько дней, прежде чем они сойдутся снова. Мгновение не упущено, оба звездолета затормозят, повернут и ходом, рассчитанным точными машинами, снова приблизятся к месту встречи.

— Слушайте все! Начинаем экстренное торможение! Дайте сигналы готовности по секциям! — говорил в микрофон Мут Анг.

Зеленые огни готовности секций выстраивались в ряд над погасшими индикаторами моторных счетчиков. Двигатели корабля замолкли. Весь звездолет замер в ожидании. Командир окинул взглядом пост управления и молча кивнул головой на кресла, включив в то же время робота, предназначенного управлять торможением. Помощники видели, как Мут Анг нахмурился над шкалой программы и повернул главную клемму на цифру «8».

Проглотить пилюлю — понизитель сердечной деятельности, броситься в кресло и нажать включатель робота было делом нескольких секунд.

Звездолет ощутило уперся в пустоту пространства — так в древности спотыкались ездовые животные, и их всадники летели через голову на милость судьбы. И сейчас гигантский корабль как будто поднялся на дыбы. Его «всадники» полетели в глубину гидравлических кресел и в легкое беспамятство.

* * *

В библиотеке «Теллура» собрался весь экипаж. Только один дежурный остался у приборов ОЭС, охраняющих связи сложнейших электронных аппаратов корабля. «Теллур» повернул после торможения, но успел отдалиться от места встречи больше чем на десять миллиардов километров. Звездолет шел медленно, со скоростью в одну двадцатую абсолютной, в то время как все его расчетные машины непрерывно проверяли и исправляли курс. Надо было вновь найти незримую точку в необъятном космосе и в ней совсем уже ничтожную пылинку — чужой звездолет. Восемь суток должно было длиться почти невыносимое ожидание. Если все расчеты и поведение корабля не дадут отклонения более допустимого, если те, неведомые, также не ошибутся и обладают столь же совершенными приборами и послушным кораблем, тогда звездолеты сойдутся настолько близко, чтобы нащупать друг друга в непроглядной тьме лучами локаторов.

Тогда впервые за всю историю человек соприкоснется с братьями по мысли, силам и стремлениям. С теми, чье присутствие давно уже было предугадано, доказано, подтверждено бесконечно прозорливым умом человека. Чудовищные пропасти времени и простран-

ства, разделявшие обитаемые миры, до сих пор оставались непреодолимыми. Но вот люди Земли подадут руку другим мыслящим существам космоса, а от них — еще дальше, новым братьям с других звезд. Цепь мысли и труда протянется через бездны пространства как окончательная победа над стихийными силами природы.

Миллиарды лет надо было копошиться в темных и теплых уголках морских заливов крохотным комочкам живой слизи, еще сотни миллионов лет из них формировались более сложные существа, наконец вышедшие на сушу. В полной зависимости от окружающих сил, в темной борьбе за жизнь, за продолжение рода прошли еще миллионы веков, пока не развился большой мозг — наисильнейший инструмент поисков пищи, борьбы за существование.

Темпы развития жизни все ускорялись, борьба за существование становилась острее, и убыстрялся естественный отбор. Жертвы, жертвы, жертвы — пожираемые травоядные, умирающие от голода хищники, погибающие слабые, заболевшие, состарившиеся животные, убитые в борьбе за самку, во время защиты потомства, погубленные стихийными катастрофами.

Так было на всем протяжении слепого пути эволюции, пока в тяжелых жизненных условиях эпохи великого оледенения дальний родич обезьяны не заменил осмысленным трудом звериный поиск пищи. Тогда он превратился в человека, познав величайшую силу в коллективном труде, в осмысленном опыте.

Но и после того протекло еще много тысячелетий, наполненных войнами и страданием, голодом и угнетением, невежеством и надеждой на лучшее будущее.

Потомки не обманули своих предков: лучшее будущее наступило, человечество, объединенное в бесклассовом обществе, освобожденное от страха и гнета, поднялось к невиданным высотам знаний и искусства. Ему под силу оказалось и самое трудное — покорение космических пространств. И вот наконец вся тяжкая лестница истории жизни и человека, вся мощь накопленного знания и безмерных усилий труда завершились изобретением звездолета дальнего действия «Теллур», заброшенного в глубокую пучину Галактики. Вершина развития материи на Земле и в Солнечной системе соприкоснется через «Теллур» с другой верши-

ной, вероятно, не менее трудного пути, проходившего также миллиарды лет в другом уголке Вселенной.

Эти мысли в той или другой форме тревожили каждого члена экипажа. Сознание величайшей ответственности момента заставило стать серьезной даже юную Тайну. Ничтожная горстка представителей многомиллиардного земного человечества — смогут ли они быть достойными его подвигов, труда, физического совершенства, ума и стойкости?

Как подготовить себя к предстоящей встрече? Помнить о всей кровавой и великой борьбе человечества за свободу тела и духа!

Самым важным, захватывающим и таинственным был вопрос: каковы те, что идут сейчас нам навстречу? Страшны или прекрасны они на наш, земной, взгляд?

Афра Деви, биолог, взяла слово.

Молодая женщина, ставшая еще более красивой от нервного возбуждения, часто поднимала взгляд к картине над дверью. Исполненная перспективными красками, большая панорама Лунных гор Экваториальной Африки с потрясающим контрастом угрюмых лесных склонов и светоносного скалистого гребня как бы оттеняла ее мысли.

Афра говорила, что человечество давно отрешилось от когда-то распространенных теорий, что мыслящие существа могут быть любого вида, самого разнообразного строения. Пережитки религиозных суеверий заставляли даже серьезных ученых необдуманно допускать, что мыслящий мозг может развиваться в любом теле, как прежде верили в богов, являвшихся в любом облике. На самом деле облик человека, единственного на Земле существа с мыслящим мозгом, не был, конечно, случаен и отвечал наибольшей разносторонности приспособления такого животного, его возможности нести громадную нагрузку мозга и чрезвычайной активности нервной системы.

Наше понятие человеческой красоты и красоты вообще родилось из тысячелетнего опыта — бессознательного восприятия конструктивной целесообразности и совершенства приспособленности к тому или другому действию. Вот почему красивы и могучие машины, и морские волны, и деревья, и лошади, хотя все это резко отличается от человеческого облика. А сам человек еще в животном состоянии благодаря развитию

мозга избавился от необходимости узкой специализации, приспособления только к одному образу жизни, как свойственно большинству животных.

Ноги человека не годятся для непрерывного бега на твердой, тем более на вязкой почве и, однако, могут ему обеспечить длительное и быстрое передвижение, помогают взбираться на деревья и лазить по скалам. А рука человека — наиболее универсальный орган, она может выполнять миллионы дел, и, собственно, она вывела первобытного зверя в люди.

Человек еще на ранних стадиях своего формирования развился как универсальный организм, приспособленный к разнообразным условиям. С дальнейшим переходом к общественной жизни эта многогранность человеческого организма стала еще больше, еще разнообразнее, как и его деятельность. И красота человека в сравнении со всеми другими наиболее целесообразно устроенными животными — это, кроме совершенства, еще и универсальность назначения, усиленная и отточенная умственной деятельностью, духовным воспитанием.

— Мыслящее существо из другого мира, если оно достигло космоса, также высоко совершенно, универсально, то есть прекрасно! Никаких мыслящих чудовищ, человеко-грибов, людей-осьминогов не должно быть! Не знаю, как это выглядит в действительности, встретимся ли мы со сходством формы или красотой в каком-то другом отношении, но это неизбежно! — закончила свое выступление Афра Деви.

— Мне нравится теория, — поддержал биолога Тэй Эрон, — только...

— Я поняла, — перебила Афра. — Даже ничтожные отклонения от привычного облика создают уродства, а тут вероятность отклонений слишком велика. Ведь незначительные отклонения формы: отсутствие носа, век, губ на человеческом лице, вызванные травмой, воспринимаются нами как уродство и страшны именно тем, что они на общей человеческой основе. Морда лошади или собаки очень резко отличается от человеческого лица, и тем не менее она не уродлива, даже красива. Это потому, что в ней красота целесообразности, в то время как на травмированном человеческом лице гармония нарушена...

— Следовательно, если они будут по облику очень

далеки от нас, то не покажутся нам уродливыми? А если такие же, как мы, но с рогами и хоботами? — не сдавался Тэй.

— Рога мыслящему существу не нужны и никогда у него не будут. Нос может быть вытянут наподобие хобота (хотя хобот при наличии рук, без которых не может быть человека, тоже не нужен). Это будет частный случай, необязательное условие строения мыслящего существа. Но все, что складывается исторически, в результате естественного отбора, становится закономерностью, неким средним из множества отклонений. Тут-то выступает во всей красоте всесторонняя целесообразность. И я не жду рогатых и хвостатых чудовищ во встречном звездолете — там им не быть! Только низшие формы жизни очень разнообразны; чем выше, тем они более похожи друг на друга. Палеонтология показывает нам, в какие жесткие рамки вправляло высшие организмы эволюционное развитие — вспомните о сотнях случаев полного внешнего сходства у высших позвоночных из совершенно различных подклассов — сумчатых и плацентарных.

— Вы победили! — согласился Тэй Эрон с Афрой и не без гордости за подругу оглядел присутствующих.

Неожиданно стал возражать Кари Рам, слегка покраснев от юношеского смущения. Он говорил, что чужие существа, даже обладая вполне человеческой и красивой оболочкой — телом, — могут оказаться бесконечно далекими от нас по разуму, по своим представлениям о мире и жизни. И, будучи столь отличными, они могут стать жестокими и ужасными врагами.

Тогда на защиту биолога стал Мут Анг.

— Только недавно я думал об этом, — сказал командир, — понял, что на высшей ступени развития никакого непонимания между мыслящими существами быть не может. Мышление человека, его рассудок отражают законы логического развития окружающего мира, всего космоса. В этом смысле человек — микрокосм. Мышление следует законам мироздания, которые едины повсюду. Мысль, где бы она ни появлялась, неизбежно будет иметь в своей основе математическую и диалектическую логику. Не может быть никаких «иных», совсем непохожих мышлений, так как не может быть человека вне общества и природы...

Радостные восклицания заглушили слова командира.

— Не слишком ли сильно? — неодобрительно сказал Мут Анг.

— Нет, — смело возразила Афра Деви, — всегда восхищаешься совпадением мыслей у целого ряда людей. В этом залог их верности и чувство товарищеской опоры... особенно если подходишь с разных сторон науки...

— Вы имеете в виду биологию и социальные дисциплины? — спросил молчавший до сих пор Яс Тин, по обыкновению устроившийся в удобном углу дивана.

— Да! Самым ярким во всей социальной истории земного человечества было неуклонное возрастание взаимопонимания с ростом культуры и широты познаний. Чем выше становилась культура, тем легче было разным народам и расам бесклассового общества понять друг друга, тем ярче светили всем общие цели устройства жизни, необходимость объединения сначала нескольких стран, а затем и всей планеты, всего человечества. Сейчас, при том уровне развития, которое достигнуто Землей и, несомненно, теми, кто идет нам навстречу... — Афра, помолчав, закончила, — готовьтесь встретить друзей.

— Это так, — согласился Мут Анг, — две разные планеты, достигшие космоса, легче сговорятся, чем два диких народа одной планеты!

— Но как же насчет неизбежности войны даже в космосе, в которой были убеждены наши предки с довольно высоким уровнем культуры? — спросил Кари Рам.

— Где она, та знаменитая книга, обещанная вами, — вспомнил Тэй Эрон, — о двух космических кораблях, которые при первой же встрече хотели уничтожить друг друга?

Командир снова направился в свою комнату. На этот раз ничто не помешало, Мут Анг вернулся с маленькой восьмилучевой звездочкой микрофильма и вставил ее в читающую машину. Фантазия древнего американского автора интересовала всех звездолетчиков.

* * *

Рассказ, называвшийся «Первый контакт», в драматических тонах описывал встречу земного звездолета с чужим в Крабовидной туманности, на расстоянии более тысячи парсеков от Солнца. Командир земного звездолета отдал приказ приготовить все звездные карты, материалы наблюдений и вычислений курса к мгновенному уничтожению, а также направить на чужой корабль все пушки для разрушения метеоритов. Затем земные люди начали решать ответственнейшую проблему: имеют ли они право попытаться вступить в переговоры с чужим звездолетом или должны немедленно атаковать и уничтожить его? Смысл великой тревоги людей Земли заключался в опасении, что чужие разгадают путь земного корабля и как завоеватели явятся на Землю.

Дикие мысли командира принимались экипажем корабля за непреложные истины. Встреча двух независимо возникших цивилизаций, по мнению командира, должна неминуемо вести к подчинению одной и победе той, которая обладает более сильным оружием. Встреча в космосе означала либо торговлю, либо войну — ничего другого не пришло в голову автору.

Скоро выяснилось, что чужие очень сходны с земными людьми, хотя видят лишь в инфракрасном свете, а переговариваются радиоволнами; тем не менее люди сразу разгадали язык чужих и поняли их мысли. У командира чужого звездолета были такие же убогие социальные познания, как у людей Земли. Он ломал голову над задачей, как выйти из рокового положения живым и не уничтожать земного корабля.

Долгожданная великолепная случайность — первая встреча представителей разных человечеств — грозила обернуться страшной бедой. Корабли висели в пространстве на расстоянии около семисот миль друг от друга, и звездолеты уже более двух недель вели переговоры через робота — сферическую лодку.

Оба командира заверяли друг друга в миролюбии и тут же твердили, что не могут ничему верить. Положение было бы безвыходным, если бы не главный герой повести — молодой астрофизик. Спрятав под одежду бомбы страшной взрывной силы, он вместе с командиром явился в гости на чужой звездолет. Они предъявили ультиматум: поменяться кораблями.

Часть экипажа черного звездолета должна была перейти на земной, а часть землян — на чужой, предварительно обезвредив все свои пушки для разрушения метеоритов, обучиться управлению разными системами, перевезти все имущество. А пока оба героя с бомбами должны были оставаться на чужом звездолете, чтобы в случае какого-либо подвоха мгновенно взорвать корабль. Командир чужого звездолета принял ультиматум. Размен кораблей и их обезвреживание произошли благополучно. Черный звездолет с людьми, а земной корабль с чужими поспешно удалились от места встречи, скрывшись в слабом свечении газа туманности.

...Гул голосов наполнил библиотеку. Еще во время чтения то один, то другой из молодых астролетчиков выказывал признаки нетерпения, несогласия, сгорая от желания возразить. Теперь они принялись говорить, едва избегая величайшей невежливости, какой считалась попытка перебить собеседника. Все обращались к командиру, будто он стал ответственным за древнюю повесть, извлеченную им из забвения.

Большинство говорило о полном несоответствии времени действия и психологии героев. Если звездолет смог удалиться от Земли на расстояние четырех тысяч световых лет всего за три месяца пути, то время действия повести должно было быть даже позднее современного. Никто еще не достиг таких глубин космоса. Но мысли и действия людей Земли в повести ничем не отличаются от принятых во времена капитализма, много веков назад! Немало и чисто технических ошибок, вроде невозможно быстрой остановки звездолетов или общения чужих мыслящих существ между собою радиоволнами. Если их планета, как указывалось в рассказе, обладала атмосферой почти такой же плотности, как и земная, то неизбежным было развитие слуха, подобного человеческому. Это требовало несравненно меньшей затраты энергии, чем производство радиоволн или сообщение биотоками. Невероятна также и быстрая расшифровка языка чужих, настолько точная, что могла быть закодированной в переводную машину...

Тэй Эрон отметил убогое представление о космосе в повести, тем более удивительное, что великий древний ученый Циолковский за несколько десятков

лет до того, как был написан рассказ, предупреждал человечество, что космос устроен гораздо сложнее, чем мы ожидаем. Вопреки мыслителям-диалектикам некоторые ученые считали, что они находятся почти у пределов познания.

Прошли века, множество открытий бесконечно усложнило наше представление о взаимозависимости явлений и тем самым как будто отдалило и замедлило познание космоса. Вместе с тем наука нашла огромное количество обходных путей для разрешения сложных проблем и технических задач. Примером подобных обходов было создание пульсационных космических кораблей, передвигающихся будто бы вне обычных законов движения. Именно в этом преодолении кажущихся тупиков математической логики и заключалось могущество будущего. Но автор «Первого контакта» даже не почувствовал необъятности познания, скрытой за простыми формулировками великих диалектиков его времени.

— Никто не обратил внимания еще на одно обстоятельство, — вдруг заговорил молчаливый Яс Тин. — Рассказ написан на английском языке. Все имена, прозвища и юмористические выражения оставлены английскими. Это непросто! Я лингвист-любитель и изучал процесс становления первого мирового языка. Английский язык — один из наиболее распространенных в прошлом. Писатель отразил, как в зеркале, нелепую веру в незыблемость, вернее, бесконечную длительность общественных форм. Замедленное развитие античного рабовладельческого мира или эпохи феодализма, вынужденное долготерпение древних народов были ошибочно приняты за стабильность вообще всех форм общественных отношений: языков, религий и, наконец, последнего стихийного общества, капиталистического. Опасное общественное неравенство конца капитализма считалось неизменным. Английский язык уже тогда был архаическим пережитком, потому что в нем было фактически два языка — письменный и фонетический, и он полностью непригоден для переводных машин. Удивительно, как автор не сообразил, что язык меняется тем сильнее и скорее, чем быстрее идет изменение человеческих отношений и представлений о мире! Полузабытый древний язык санскрит оказался построенным наиболее логи-

чески и потому стал основой языка-посредника для переводных машин. Прошло немного времени, и из языка-посредника сформировался первый мировой язык нашей планеты, с тех пор еще претерпевший много изменений. Западные языки оказались недолговечными. Еще меньше прожили взятые от религиозных преданий, из совсем чуждых и давно умерших языков имена людей.

— Яс Тин заметил самое главное, — вступил в разговор Мут Анг. — Страшнее, чем научное незнание или неверная методика, — косность, упорство в защите тех форм общественного устройства, которые совершенно очевидно не оправдали себя даже в глазах современников. В основе этой косности, за исключением менее частых случаев простого невежества, лежала, конечно, личная заинтересованность в сохранении того общественного строя, при котором этим защитникам жилось лучше, чем большинству людей. А если так, то что за дело было им до человечества, до судьбы всей планеты, ее энергетических запасов, здоровья ее обитателей!

Неразумное расходование запасов горючих ископаемых, лесов, истощение рек и почв, опаснейшие опыты по созданию убийственных видов атомного оружия — все это, вместе взятое, определяло действия и мировоззрение тех, кто старался во что бы то ни стало сохранить отжившее и уходящее в прошлое, причиняя страдания и внушая страх большинству людей. Именно здесь зарождалось и прорастало ядовитое семя исключительных привилегий, выдумок о превосходстве одной группы, класса или расы людей над другими, оправдание насилия и войн — все то, что получило в давние времена название фашизма. Им обычно заканчивались националистические распри.

Привилегированная группа неизбежно будет тормозить развитие, стараясь, чтобы для нее оставалось все по-прежнему, а униженная часть общества будет вести борьбу против этого торможения и за собственные привилегии. Чем сильнее было давление привилегированной группы, тем сильнее становилось сопротивление, жестче формы борьбы, и развивалась обоюдная жестокость, и, следовательно, деградировало моральное состояние людей. Перенести это с борьбы классов в одной стране на борьбу привилегированных

и угнетенных стран между собою. Вспомните из истории борьбу между странами нового, социалистического общества и старого, капиталистического, и вы поймете причину рождения военной идеологии, пропаганды неизбежности войн, их вечности и космическом пространстве. Я вижу здесь сердце зла, ту змею, которая, как ее ни прячь, обязательно укусит, потому что не кусать она не может. Помните, каким недобрым красно-желтым светом горела звезда, мимо которой мы направились к нашей цели...

— Сердце Змеи! — воскликнула Тайна.

— Сердце Змеи! И сердце литературы защитников старого общества, пропагандировавшей неизбежность войны и капитализма, — это сердце ядовитого пресмыкающегося.

— Следовательно, наши опасения — тоже отголоски змеиного сердца, еще оставшиеся от древних! — серьезно и печально сказал Кари. — Но я, наверно, самый змеиный человек из всех нас, потому что у меня еще есть опасения... сомнения, как там их назвать.

— Кари! — с укором воскликнула Тайна.

Но тот упрямо продолжал:

— Командир хорошо говорил нам о смертных кризисах высших цивилизаций. Все мы знаем погибшие планеты, где жизнь уничтожена из-за того, что люди на них не успели справиться с военной атомной опасностью, создать новое общество по научным законам и навсегда положить конец жажде истребления, вырвать это змеиное сердце! Знаем, что наша планета едва успела избежать подобной участи. Не появившись в России первое социалистическое государство, положившее начало великим изменениям в жизни планеты, расцвел бы фашизм, и с ним — убийственные ядерные войны! Но если они там, — молодой астронавигатор показал в сторону, с которой ожидался чужой звездолет, — если они еще не прошли опасного пика?

— Исключено, Кари, — спокойно ответил Мут Анг. — Возможна некая аналогия в становлении высших форм жизни и высших форм общества. Человек мог развиваться лишь в сравнительно стабильных, долго существующих благоприятных условиях окружающей природы. Это не значит, что изменения совсем отсутствовали, наоборот — они были даже довольно резкие, но лишь в отношении человека, а не

природы в целом. Катастрофы, большие потрясения и изменения не позволили бы развиваться высшему мыслящему существу. Так и высшая форма общества, которая смогла победить космос, строить звездолеты, проникнуть в бездонные глубины пространства, смогла все это дать только после всепланетной стабилизации условий жизни человечества и, уж конечно, без катастрофических войн капитализма... Нет, те, что идут нам навстречу, тоже прошли критическую точку, тоже страдали и гибли, пока не построили настоящее, мудрое общество!

— Мне кажется, есть какая-то стихийная мудрость в историях цивилизаций разных планет, — сказал с загоревшимися глазами Тэй Эрон. — Человечество не может покорить космос, пока не достигнет высшей жизни, без войн, с высокой ответственностью каждого человека за всех своих собратьев!

— Совершив подъем на высшую ступень коммунистического общества, человечество обрело космическую силу, и оно могло обрести ее только этим путем, другого не дано! — воскликнул Кари. — И не дано никакому другому человечеству, если так называть высшие формы организованной, мыслящей жизни.

— Мы, наши корабли — руки человечества Земли, протянутые к звездам, — серьезно сказал Мут Анг, — и эти руки чисты! Но это не может быть только нашей особенностью! Скоро мы коснемся такой же чистой и могучей руки!

Молодежь не выдержала и восторженными криками встретила заключение командира. Но и старшие, достигшие мужественной сдержанности чувств, окружили Мут Анга с явным волнением.

* * *

Где-то впереди, все еще на чудовищном расстоянии, летел навстречу корабль с планеты чужой и далекой звезды. И люди Земли впервые за миллиарды лет развития жизни на своей планете должны соприкоснуться с другими... тоже людьми. Неудивительно, что астролетчики, как ни сдерживали себя, пришли в лихорадочное возбуждение. Удалиться на отдых, остаться наеди-

не с собой в горячем нетерпении ожидания казалось невозможным. Но Мут Анг, рассчитав время встречи звездолетов, приказал Свет Симу дать всем успокоительного лекарства.

— Мы, — твердо отвечал он на протесты, — должны встретить своих братьев в наилучшем состоянии души и тела. Предстоит еще огромный труд: нам придется понять их и суметь рассказать о себе. Взять их знание. И отдать свое! — Мут Анг сдвинул брови. — Никогда еще я так не опасался своего неумения, некомпетентности. — Тревога изменила обычно спокойное лицо командира, пальцы стиснутых рук побелели.

Астролетчики, может быть, только сейчас ощутили, какую ответственность налагала на каждого небывалая встреча. Они беспрекословно приняли пилюли и разошлись.

Мут Анг оставил только Кари, потом поколебался, окидывая взглядом могучую фигуру Тэй Эрона, и жестом пригласил его тоже в пост управления. Со вздохом усталости командир вытянулся в кресле, склонил голову и закрыл лицо руками.

Тэй и Кари молчали, опасаясь нарушить раздумья командира. Звездолет шел очень медленно, делая двести тысяч километров в час, — так называемой тангенциальной скоростью, употреблявшейся при вхождении в зону Роша какого-либо небесного тела. Роботы, управлявшие кораблем, держали его на тщательно вычисленном обратном курсе. Пора было появиться лучу локатора чужого корабля, и то, что его не было, заставляло Тэй Эрона с каждой минутой тревожиться сильнее.

Мут Анг выпрямился с веселой и немного грустной улыбкой, хорошо знакомой каждому члену экипажа.

«Приди, далекий друг, к заветному порогу...»

Тэй нахмурился, вглядываясь в беспросветную черноту переднего экрана. Песенка командира показалась ему неподходящей в такой серьезный момент. Но Кари подхватил еще более веселый припев, лукаво поглядывая на угрюмого помощника.

— Попробуйте помахать нашим лучом, Кари, — вдруг сказал Мут Анг, прерывая себя, — по два градуса в каждую сторону и наперекрест!

Тэй слегка покраснел. Не додумался до простой меры, а мысленно укорил командира!

Прошло еще два часа. Кари представлял себе, как луч их локатора там, впереди, в колоссальном удалении скользит налево, направо, вверх и вниз, пробегая с каждым взмахом сотни тысяч километров черной пустоты. Такие взмахи сигнального «платка» превосходили самую буйную фантазию старых земных сказок о великанах.

Тэй Эрон погрузился в созерцательное оцепенение. Мысли текли медленно, не вызывая эмоций. Тэй вспомнил, как после отлета с Земли его не покидало чувство странной отрешенности.

Наверно, это чувство было свойственно человеку в первобытной жизни — ощущение полной несвязанности, отсутствия каких-либо обязательств, забот о будущем. Вероятно, подобные ощущения появлялись у людей во времена больших бедствий, войн, социальных потрясений. И у Тэй Эрона прошлое, все, что было оставлено на Земле, ушло навсегда и невозвратно; неизвестное будущее отделено пропастью в сотни лет, за которой ждет только совсем новое. Поэтому никаких планов, проектов, чувств и пожеланий для того, что впереди. Только принести туда добытое из космоса, вырванное из его глубин новое познание. Вперед, только вперед! И вдруг случилось такое, что заслонило собою и ожидание новой земли, и заботы помощника командира.

Мут Анг пытался представить себе жизнь идущего навстречу корабля. Командир представлял себе корабль чужих и его обитателей сходными с земным кораблем, земными людьми, земными переживаниями. Он убедился, что легче представить чужих, выдумывая самые невероятные формы жизни, чем подчинить свою фантазию строгим рамкам законов, о которых так убедительно говорила Афра Деву.

Еще не подняв опущенной головы, по внезапному напряжению товарищей Мут Анг почувствовал появление сигнала на экране локатора. Он не увидел ее, эту световую точку, — так быстро она исчезла, черкнув по черному блестящему диску. Сигнальный звонок едва звякнул. Астролетчики вскочили и перегнулись через столы пультов, инстинктивно стараясь приблизиться к экрану. Как ни мгновенно было появление светящейся точки, оно означало очень многое. Чужой звездолет повернул им навстречу, а не скрылся в глубинах

пространства. Кораблем управляют не менее искусные в космических полетах существа, они сумели рассчитать обратный курс достаточно точно и быстро и теперь нащупывают «Теллур» лучом на огромном расстоянии. Две невообразимо маленькие точки, затерявшиеся в необъятной тьме, ищут друг друга... И в то же время это два огромных мира, полных энергии и знания, касаются один другого напразленными пучками световых волн. Кари повел луч главного локатора с деления «1488» на «375». Еще, еще... Световая точка вернулась, исчезла, снова мелькнула в черном зеркале, сопровождаемая мгновенно умиравшим звуковым сигналом.

Мут Анг взялся за верньеры локатора и стал описывать спираль от периферии к центру того колоссального круга, который очерчивался лучом в районе приближавшегося звездолета.

Чужие, видимо, повторили маневр. После долгих усилий световая точка укрепилась в пределах третьего круга черного зеркала. Она металась лишь от вибрации обоих кораблей. Звонки раздавались теперь непрерывно, и его пришлось приглушить. Не было сомнения, что луч «Теллура» также уловлен приборами чужого звездолета и корабли идут навстречу, сближаясь за час не меньше чем на четыреста тысяч километров.

Тэй Эрон извлек из машины заданные ей расчеты и определил, что корабли разделяет расстояние около трех миллионов километров. До встречи звездолетов осталось семь часов. Через час можно было начинать интегральное торможение, которое отодвинет встречу еще на несколько часов, если чужой звездолет сделает то же самое и если он тормозится по сходным расчетам. Возможно, чужие смогут остановиться быстрее или же придется снова миновать друг друга, и это опять отдалит встречу, а ожидание становится почти невыносимым.

Но чужой звездолет не причинил лишних мучений. Он начал тормозиться сильнее, чем «Теллур», потом, установив темп замедления земного звездолета, повторил его. Корабли сходились ближе и ближе. Экипаж «Теллура» снова собрался в центральном посту. Звездолетчики следили, как в черном зеркале локатора световую точку заменило пятно.

Это собственный луч «Теллура», отразившись от чужого звездолета, вернулся к кораблю. Пятно стало

похоже на крохотный цилиндр, опоясанный толстым валиком (форма, даже отдаленно не напоминавшая «Теллур»). Еще ближе — и на концах цилиндра появились куполовидные утолщения.

Сияющие контуры увеличивались и расплывались, пока не достигли периферии черного круга.

— Слушайте все! По местам! Окончательное торможение при восьми «g»!

Гидравлические кресла долго вдавливались в свои подставки, в глазах у людей краснело и темнело, на лицах выступал липкий пот. «Теллур» остановился и повис в пустоте, где не было верха и низа, сторон или дна, в ледящей космической тьме, в ста двух парсеках от родной звезды — желтого Солнца.

Едва придя в себя после торможения, астролетчики включили экраны прямого обзора и гигантский осветитель, но ничего не увидели, кроме яркого светового тумана впереди и левее носа корабля. Осветитель погас, и тогда сильный голубой свет ударил в глаза всем смотревшим на экран, окончательно лишив их возможности что-либо увидеть.

— Поляризатор-сетку, тридцать пять градусов и фильтр световых волн! — распорядился Мут Анг.

— На длину волны шестьсот двадцать? — осведомился Тэй Эрон.

— Вероятно, это будет наилучшим!

Поляризатор погасил голубое сияние. Тогда могучий оранжевый поток света вонзился в черную тьму, повернул, задел край какого-то сооружения и, наконец, осветил весь чужой звездолет.

Корабль с другой звезды находился всего в нескольких километрах. Такое сближение делало честь как земным, так и чужим астронавигаторам. С расстояния трудно было точно определить размеры звездолета. Внезапно из чужого корабля ударил в зенит толстый луч оранжевого света, по длине волны совпадавшего с тем, который излучал «Теллур». Видимо, чужие так же, как и земляне, использовали свет для сигнализации, делая его лучи видимыми в космической пустоте. Луч появился, исчез, возник снова и остался стоять вертикально, возносясь к незнакомым созвездиям на краю Млечного Пути.

Мут Анг потер лоб рукой, что делал всегда в минуты напряженного раздумья.

— Вероятно, сигнал, — осторожно сказал Тэй Эрон.

— Без сомнения. Я понял бы его так: неподвижный столб нашего света означает «Стойте на месте, буду подходить я». Попробуем ответить.

Земной звездолет погасил свой прожектор, переключил фильтр на волну четырехста тридцать и повел голубым лучом к своей корме. Столб оранжевого света на чужом корабле мгновенно погас.

Астролетчики ожидали чуть дыша. Чужой корабль больше всего походил на катушку: два конуса, соединенных вершинами. Основание одного из конусов, видимо переднего, прикрыто куполом, на заднем установлена широкая, открытая в пространство воронка. Середина корабля выступала толстым, слабо светившимся кольцом неопределенных очертаний. Сквозь кольцо просвечивали контуры цилиндра, соединявшего конусы. Внезапно кольцо сгустилось, сделалось непроницаемым, закрутилось вокруг середины звездолета, как колесо турбины. Чужой корабль стал вырастать на обзорных экранах: за три-четыре секунды он заполнил собою все поле видимости. Люди Земли поняли, что перед ними корабль больше «Теллура». Он превосходил земной звездолет (по величине) раза в три.

— Афра, Яс и Кари — в шлюзовую камеру, к выходу из корабля вместе со мной! Тэй останется на посту. Планетарный осветитель включить! Зажжем посадочное освещение левого борта! — отдавал распоряжения командир.

В лихорадочной спешке названные астролетчики надели легкие скафандры, применявшиеся для планетных исследований и для выхода из корабля в космическое пространство, в отдалении от смертоносного излучения звезд.

Мут Анг критически осмотрел всех, проверил работу своего скафандра и включил насосы. Они мгновенно всосали воздух из шлюзовой камеры внутрь корабля. Едва показатель разрежения достиг зеленой черты, командир повернул одну за другой три рукоятки. Беззвучно, как и все, что происходило в космосе, сдвинулись в стороны бронеовые плиты, изоляционный слой и коробка воздушной ячейки. Отскочила круглая крышка выходного люка, и тотчас гидравлические шланги выдавили вверх пол шлюзовой камеры. Четверо астролетчиков оказались на высоте четырех мет-

ров над передней частью «Теллура», на круглой, огражденной площадке, так называемой площадке верхнего обзора.

Чужой звездолет в поясе голубых огней оказался совершенно белым. У него была не зеркальная металлическая поверхность, отражающая все виды излучений космоса, как броня «Теллура», а матовая, светившаяся ярчайшей белизной горного снега. Только центральное кольцо продолжало испускать слабое голубое сияние.

Исполинская громада корабля заметно приближалась к «Теллуру». В космическом пространстве, далеко от любых полей тяготения, оба звездолета ощутили притягивали друг друга, и это служило порукой тому, что корабль чужого мира не был из антиматерии. «Теллур» выставил с левого борта гигантские причальные упоры в виде телескопических пружинных труб.

Концы упоров были снабжены подушками из упругой пластмассы с предохранительным слоем на тот случай, если бы то, к чему предстояло прикоснуться в космосе, оказалось из антиматерии. Куполовидный нос чужого звездолета прорезался наверху черным зиянием, похожим на раскрывшийся в наглой усмешке рот. Оттуда выдвинулся балкон, огражденный частыми тонкими столбиками. В черной пасти зашевелилось что-то белое. Три товарища Афры услышали вырвавшийся у нее стон разочарования. Пять мертвенно-белых, непомерно широких фигур появились на выступающей площадке звездолета. Ростом примерно соответствуя людям Земли, они были гораздо толще, спины горбились гребневидными выступами. Вместо круглых прозрачных шлемов землян на приподнятых поперечными валиками плечах чужих помещалось нечто вроде большой известковой раковины, обращенной выпуклостью назад. Спереди веером расходились и торчали большие шипы, образуя навес, под которым неразличимая темнота чуть отблескивала черным стеклом.

Первая появившаяся белая фигура сделала резкий жест, из которого стало ясно, что у чужих две руки и две ноги. Белый корабль повернулся носом к борту

земного звездолета и выдвинул более чем на двадцать метров гармонику из пластин красного металла.

Мягкий пружинящий толчок — и оба корабля соприкоснулись. Но на концах стержней не вспыхнула ослепительная молния полного атомного распада, закапсულიрованного мощным магнитным полем: материя встретившихся звездолетов была одной и той же.

Стоявшие на обзорной площадке «Теллура» услышали в своих телефонах тихий довольный смешок командира и переглянулись в недоумении.

— Я думаю утешить всех, и прежде всего Афру, — сказал Мут Анг. — Представьте себе нас с их стороны! Пузырчатые куклы с суставчатыми конечностями и огромными круглыми головами... пустыми на три четверти!

Афра звонко рассмеялась.

— Все дело в начинке скафандров, в том, что там внутри, а снаружи — дело произвольное!

— Ног и рук столько же, сколько у нас, — начал Кари.

Но тут вокруг выдвинутого белым кораблем металлического каркаса возник складчатый белый футляр, пустым рукавом протянувшись к «Теллуру». Передняя фигура на площадке, в которой Мут Анг чутьем угадал равного себе по рангу командира, стала делать не оставляющие сомнений жесты, приближая к груди вытянутые к «Теллуру» руки. Люди не заставили себя ждать и выдвинули из нижней части корпуса соединительную трубу-галерею, употреблявшуюся для сообщения между кораблями в пространстве. Галерея «Теллура» была круглого сечения, у белого звездолета — вертикально-эллиптическая. Земные техники быстро изготовили из мягкого дерева переходную раму. На космическом морозе дерево мгновенно изменило свою молекулярную систему и стало прочнее стали. За это время на выступе чужого корабля появился куб из красного металла с черной передней стенкой — экраном. Две белые фигуры склонились над ним, выпрямились и отступили. Перед взглядами землян на экране засветилось подобие человеческой фигуры, верхняя часть которой ритмически расширялась и опадала. Маленькие белые стрелки то устремлялись внутрь фигуры, то вылетали наружу.

— Гениально просто: дыхание! — воскликнула Аф-

ра. — Они покажут нам, чем дышат, состав своей атмосферы, но как?

Будто отвечая на ее вопрос, дышащая модель на экране исчезла, заменившись новой фигурой. Черная точка в сероватом кольцевидном облачке — несомненно ядро атома, окруженное тонкими орбитами светящихся точек — электронов. Мут Анг почувствовал, как сжалось горло, он не мог произнести ни слова. На экране были уже четыре фигуры: две в центре, одна под другой, связанные толстой белой чертой, и две боковые, соединенные черными стрелками.

Все земляне с бьющимися сердцами считали электроны. Нижний, видимо — основной элемент океана: один электрон вокруг ядра — водород. Верхний, главный элемент атмосферы и дыхания: девять электронов вокруг ядра — фтор!

— О-о! — жалобно вскрикнула Афра Деви. — Фтор!..

— Считайте, — перебил командир, — налево вверху — шесть электронов: углерод, направо — семь: азот. Вот и все ясно. Передайте, чтобы изготовили такую же таблицу нашей атмосферы и нашего обмена вещества — все будет то же, только вместо центрального верхнего, фтора, у нас кислород с его восемью электронами. Как жаль, отчаянно жаль!

Когда земляне выдвинули свою таблицу, астролетки заметили, как пошатнулась передняя белая фигура на мостике своего корабля и поднесла руку к раковине скафандра жестом, понятным человеку Земли. Видимо, те же чувства, но еще более сильные, были у командира чужого звездолета.

Эта же белая фигура перегнулась через ограждение мостика и сделала рукой резкий взмах, как бы разрубая что-то в пустоте. Шиповидные выросты его головной раковины угрожающе наклонились к «Теллуру», который находился на несколько метров ниже белого корабля. Потом командир чужих поднял обе руки и провел ими вниз на некотором расстоянии одна от другой, как бы показывая две параллельные плоскости.

Мут Анг повторил его жест. Тогда командир чужого звездолета высоко поднял одну руку жестом безмолвного приветствия, повернулся и скрылся в черной пасти. За ним последовали остальные.

— Пойдемте и мы, — сказал Мут Анг, нажимая опускающий рычаг.

Афра даже не успела поглядеть на великолепное сверкание звезд в черной пустоте космоса, которое всегда приводило ее в особенный созерцательный восторг.

Люк закрылся, вспыхнуло освещение шлюзовой камеры, стало слышно легкое шипение насосов — первый признак того, что воздух достиг земной плотности. Звездолетки стали снимать скафандры.

— Будем строить перегородки, а потом соединять галереи? — спросил Яс Тин командира, едва освободившись от шлема.

— Да. Это и хотел сказать командир их звездолета. Какое горе: у них на планете газ жизни — фтор, смертельно ядовитый для нас! А им так же смертелен наш кислород. Многие наши материалы, краски и металлы, стойкие в кислородной атмосфере, могут разрушиться при соприкосновении с их дыханием. Вместо воды у них жидкий фтористый водород — та самая плавиковая кислота, которая у нас разъедает стекло и разрушает почти все минералы, в состав которых входит кремний, легко растворимый во фтористом водороде. Вот почему нам придется ставить прозрачную перегородку, стойкую против кислорода, а они поставят свою, из вещества, не разрушаемого фтором. Но пойдемте, надо спешить. Мы обсудим все, пока будет изготовляться переборка!

Матово-синий пол гасительной камеры, отделявшей жилые помещения от машин «Теллура», превратился в химическую мастерскую. Толстый лист хрустально-прозрачной пластмассы был отлит из заготовленных еще на Земле составов и теперь медленно цементировался, прогреваемый отопительными коврами. Неожиданное препятствие сделало невозможным прямое общение людей Земли с чужими.

Белый корабль не проявлял никаких признаков жизни, хотя наблюдатели непрерывно следили за ним у обзорных экранов.

В библиотеке «Теллура» кипела работа. Все члены экипажа отбирали стереофильмы и магнитные фото-записи о Земле, репродукции лучших произведений искусства. Спешно готовились диаграммы и чертежи математических функций, схемы кристаллических ре-

шеток веществ, наиболее распространенных в земной коре, на других планетах и на Солнце. Регулировали большой стереоэкран, заделывали в устойчивый к фтору чехол обертонный звучатель, точно передающий голос человека.

В короткие перерывы еды и отдыха астролетчики обсуждали необыкновенную атмосферу родины встречаемых путешественников космоса.

Круговорот веществ, использующий лучистую энергию светила и позволяющий жизни существовать и накапливать энергию в борьбе с рассеянием энергии — энтропией, — обязательно должен был и у чужих следовать общей схеме земных превращений. Свободный активный газ, будь то кислород, фтор или какой-нибудь еще, мог накопиться в атмосфере только в результате жизнедеятельности растений. Животная жизнь и человек в том числе расходовали кислород или фтор, связывая его с углеродом — основным элементом, из которого состояли тела и растений и животных.

На чужой планете должен был быть фтористоводородный океан. Расщепляя с помощью лучистой энергии своего светила фтористый водород, как у нас на Земле воду (кислородистый водород), растения той планеты накапливали углеводы и выделяли свободный фтор, которым в смеси с азотом дышали люди и животные, получая энергию от сгорания углеводов во фторе. Животные и люди должны выдыхать фтористый углерод и фтористый водород.

Подобный обмен веществ дает в полтора раза больше энергии, чем земной с его кислородной основой. Не мудрено, что он послужил для развития высшей мыслящей жизни. Но диалектически большая активность фтора по сравнению с кислородом требует и более сильной радиации светила. Чтобы лучистая энергия была в состоянии расщепить молекулу фтористого водорода в растительном фотосинтезе, нужны не желто-зеленые лучи, как для воды, а лучи более мощных квант, голубые и фиолетовые.

Очевидно, что светило чужих — голубая высокотемпературная звезда.

— Противоречие! — вмешался в разговор вернувшийся из мастерской Тэй Эрон. — Фтористый водород легко превращается в газ.

— Да, при плюс двадцати градусах, — ответил, заглядывая в справочник, Кари.

— А замерзает?

— При минус восьмидесяти.

— Следовательно, их планета должна быть холодной! Это не вяжется с голубой горячей звездой.

— Почему? — возразил Яс Тин. — Она может быть удалена от светила. Океаны могут находиться в умеренных или полярных зонах планеты. Или...

— Вероятно, может быть еще много «или», — сказал Мут Анг. — Как бы то ни было, звездолет с фторной планеты перед нами, и мы скоро узнаем все подробности их жизни. Важнее сейчас понять другое: фтор очень редок во Вселенной. Хотя последние исследования передвинули фтор с сорокового по степени распространения места на восемнадцатое, но наш кислород занимает во Вселенной третье место по общему количеству своих атомов после водорода и гелия, а уже за ним следуют азот и углерод. По другой системе подсчета кислорода в двести тысяч раз больше, чем фтора. Это может означать только одно: планет, богатых фтором, чрезвычайно мало в космосе, а планет со фторной атмосферой, то есть таких, на которых долго существовала растительная жизнь, обогатившая атмосферу свободным фтором, и совсем ничтожное число, исключение из правила.

— Теперь мне понятен жест отчаяния у командира их звездолета, — задумчиво произнесла Афра Деви. — Они ищут себе подобных, и их разочарование было очень сильно.

— Если очень сильно, то, значит, они ищут давно и, кроме того, уже встречались с мыслящей жизнью...

— И она была обыкновенная, нашего типа, кислородная, — подхватила Афра.

— Но могут быть и другие типы атмосферы, — возразил Тэй Эрон, — хлорная, например, или серная, еще сероводородная.

— Не годятся они для высшей жизни! — торжествующе воскликнула Афра. — Все они дают в обмене веществ в три и даже в десять раз меньше энергии, чем кислород, наш могучий живительный кислород Земли!

— Только не серная, — пробурчал Яс Тин, — у нее энергия одинакова с кислородом.

— Вы подразумеваете атмосферу из сернистого ангидрида и океан из жидкой серы? — спросил Мут Анг.

Инженер согласно кивнул.

— Но ведь в этом случае сера заменяет не кислород, а водород нашей Земли, — нахмурилась Афра, — то есть самый обычный элемент космоса? Вряд ли редкая во Вселенной сера сможет быть частой заменительницей водорода. Ясно, что такая атмосфера — явление еще более редкое, чем фтор.

— И лишь для очень теплых планет, — ответил Тэй, листая справочник, — океан из серы будет жидким только выше ста и до четырехсот градусов тепла.

— Мне кажется, что Афра права! — вмешался командир. — Все эти предполагаемые атмосферы — слишком большая редкость по сравнению с нашей стандартной из наиболее распространенных в космосе элементов. Это не случайно!

— Не случайно, — согласился Яс Тин. — Но случайностей в бесконечном космосе немало. Возьмем нашу «стандартную» Землю. На ней да и на соседях ее — Луне, Марсе, Венере — много алюминия, вообще редко-го во Вселенной.

— И тем не менее найти повторения этих случайностей в той же бесконечности — дело десятков, если не сотен, тысячелетий, — угрюмо сказал Мут Анг. — Даже с пульсационными звездолетами. Если они ищут давно, то как я понимаю их!

— Как хорошо, что наша атмосфера из самых обычных элементов Вселенной и нас ждет встреча с великим множеством подобных же планет! — сказала Афра.

— А впервые встретились с отнюдь не подобной! — отозвался Тэй.

Афра вспыхнула и только собралась возразить, как явился химик корабля с докладом, что прозрачный щит готов.

— Но мы можем войти в их звездолет запросто в космических костюмах? — осведомился Яс Тин.

— Так же, как и они в наш. Вероятно, состоится не один обмен визитами, но первые знакомства начнем с показа, — ответил командир.

Астролетчики закрепили прозрачную стену на конце передаточного рукава, а белые фигуры чужих

начали ту же работу в своей галерее. Затем земляне и чужие встретились в пустоте, помогая друг другу скреплять распоры и переходную раму. Поглаживание по рукаву скафандра или по плечу — жест нежности и дружбы был в равной мере понятен тем и другим.

Грозь рогообразными выростами головных раковин, чужие пытались рассмотреть лица землян сквозь дымчатые шлемы. Но если головы земных людей были видны сравнительно отчетливо, то слабо выпуклые передние щитки шлемов чужих, укрытые под шипастыми навесами «раковин», оставались непроницаемы для земных глаз. Только безошибочное человеческое чутье говорило, что из этой темноты следят внимательные глаза, напряженно и доброжелательно.

На приглашение войти в «Теллур» белые фигуры ответили отрицательными жестами отталкивания. Один из них коснулся своего скафандра и затем быстро развел руками, как бы разбрасывая что-то.

— Боятся за скафандр в кислородной атмосфере, — догадался Тэй.

— Они хотят, как и мы, начать со встречи в галерее, — сказал командир.

* * *

Оба звездолета — снежно-белый и металлически-зеркальный — составляли теперь одно целое, неподвижно повисшее в бесконечности космоса. «Теллур» включил мощные обогреватели, и его экипаж смог войти в соединительную трубу-галерею в обычных рабочих костюмах — плотно облегающих синих комбинезонах из искусственной шерсти.

На чужой стороне галереи вспыхнуло голубое освещение, похожее на свет горных высот Земли. На границе двух по-разному освещенных камер прозрачные перегородки казались аквариумными, будто из застывшей чистой воды моря.

Наступившая тишина нарушалась только учащенным дыханием взволнованных землян. Тэй Эрон коснулся локтем плеча Афры и почувствовал, что молодая женщина вся дрожит. Помощник командира крепко прижал к себе биолога, и Афра ответила ему быстрым благодарным взглядом.

В глубине соединительной галереи показалась группа из восьми чужих... Чужих ли? Люди не поверили зрению. В глубине души каждый ожидал необычайного, никогда не виданного. Полное сходство чужих с людьми Земли казалось чудом. Но то было лишь при первом взгляде. Чем дольше всматривались земляне, тем больше различий находили в том, что не было скрыто под темной одеждой — сочетанием коротких просторных курток с длинными шароварами, напоминавшими старинные одежды Земли.

Погас голубой свет — они включили земное освещение. Прозрачные перегородки потеряли свой зеленый цвет и стали белыми, почти невидимыми. За этой едва заметной стеной стояли люди. Можно ли было поверить, что они дышат ядовитейшим для Земли газом и купаются в морях всеразъедающей плавиковой кислоты! Пропорциональные очертания тел, рост, соответствующий среднему росту землян. Станный чугуносерый цвет кожи с серебристым отливом и скрытым кроваво-красным отблеском, какой бывает на полированном красном железяке — гематите. Серый тон этого минерала был одинаков с кожей обитателей фторной планеты.

Круглые головы поросли густыми иссиня-черными волосами... Но самой замечательной особенностью их лиц были глаза. Невероятно большие и удлинённые, с резко косым разрезом, они занимали всю ширину лица, косо поднимались наружными уголками к вискам, выше уровня глаз земных людей. Белки густого бирюзового цвета казались непропорционально удлинёнными по отношению к черной радужине и зрачкам.

Соответственно размерам и положению глаз прямые и четкие, очень черные брови смыкались с волосами высоко на висках и почти сходились к узкой переносице, образуя широкий тупой угол. Волосы над лбом от середины спускались к вискам такой же четкой и прямой линией, совершенно симметричной бровям. Поэтому лоб имел очертания вытянутого горизонтального ромба. Нос, короткий и слабо выступавший, обладал, как у землян, направленными вниз ноздрями. Небольшой рот с фиолетовыми губами показывал правильный ряд зубов такого же чистого небесного цвета, как и белки глаз. Верхняя половина лица казалась

очень расширенной. Ниже глаз лицо сильно суживалось к подбородку с чуть угловатыми очертаниями. Строение ушей осталось невыясненным: виски у всех пришельцев прикрывались через темя золотистыми жгутами.

Среди чужих были женщины и мужчины. Женщины угадывались по высоте стройных шей, округлости очертаний лиц и по очень пышной массе коротко стриженных волос. У мужчин был более высокий рост, большая массивность тела, более широкие подбородки — в общем, те же черты, какими различались оба пола землян.

Афре показалось, что руки чужих имеют только по четыре пальца. Соответствуя человеческим пропорциям, пальцы людей фторной планеты как будто не обладали суставами: они сгибались плавно, не образуя угловатых выступов.

Ног нельзя было разглядеть: ступни их утопали в мягком настиле пола. Одежды в свете, естественном для земных глаз, казались темно-красного, почти кирпичного цвета.

Чем дольше вглядывались астролетчики, тем менее странным казался облик пришельцев с фторной планеты. Более того, людям Земли становилась понятнее своеобразная экзотическая красота чужих. Их главным очертанием были огромные глаза, смотревшие сосредоточенно и ласково на людей, излучая тепло мудрости и дружбы.

— Какие глаза! — не удержалась Аффа. — С такими легче становиться людьми, чем с нашими, хотя и наши великолепны!

— Почему так? — шепнул Тэй.

— Чем крупнее глаза, тем большее количество элементов сетчатки, тем большее число деталей из окружающего мира может усвоить такой глаз.

Тэй кивнул в знак понимания.

Один из чужих выступил вперед и сделал приглашающий жест. Тотчас же земное освещение на той стороне галереи погасло.

— Ох! — горестно воскликнул Мут Анг. — Я не предусмотрел!

— Я сделал, — спокойно отозвался Кари, — выключил обычный свет и зажег две сильные лампы с фильтрами четырехста тридцать.

— Мы выглядим мертвецами,— огорченно сказала Тайна,— неважный вид у человечества в таком свете! Смотрите, какие все мы зеленые, будто из ботота.

— Ваши опасения напрасны,— сказал Мут Анг.— Их спектр наилучшей видимости уходит далеко в фиолетовую сторону, может быть, и в ультрафиолетовую. Это подразумевает гораздо больше теплоты и оттенков, чем видится нам, но я не могу представить как.

— Пожалуй, мы им покажемся много желтее, чем на самом деле,— сказал, подумав, Тэй.

— И это гораздо лучше, чем синеватый трупный цвет. Только посмотрите вокруг! — не унималась Тайна.

Земляне сделали несколько снимков и вытолкнули в маленький шлюз оберточный звучатель, работающий на кристаллах осмия. Чужие подхватили его и поставили на треножник. Кари направил в чашечную антенну узкий пучок радиоволн. Во фторной атмосфере звездолета зазвучали речь и музыка Земли. Тем же путем был передан прибор для анализа воздуха, который позволил установить температуру, давление и состав атмосферы неведомой планеты. Как и следовало ожидать, внутренняя температура белого звездолета оказалась ниже земной и не превышала семи градусов. Давление атмосферы было больше земного, и почти одинаковой — сила тяжести.

— Сами они, вероятно, теплее,— сказала Афра,— как мы теплее нашей привычной двадцатиградусной температуры. Я думаю, что у них теплота тела около четырнадцати наших градусов.

Чужие передали свои приборы закрытыми в двух сетчатых ящичках, не позволявших угадать их назначение.

Из одного ящичка послышались высокие, прерывистые чистые звуки, как бы тающие вдаль. Земляне поняли, что чужие слышат более высокие ноты, чем они. Если их слух по диапазону был примерно равен земному, то часть низких нот человеческой речи и музыки пропадала для обитателей фторной планеты. Чужие снова зажгли земное освещение, и земляне выключили голубой свет. К прозрачной стенке подошли двое — мужчина и женщина. Они спокойно сбросили

свои темно-красные одежды и замерли, взявшись за руки, потом стали медленно поворачиваться, давая землянам рассмотреть их тела, которые оказались более сходны с земными, чем их лица. Гармоничная пропорциональность фигур фторных людей полностью отвечала понятиям красоты на Земле. Несколько более резкие переходы в очертаниях, какая-то резкость всех линий впадинок и выпуклостей создавали впечатление некоторой угловатости, вернее, более четкой скульптурности тела чужих. Вероятно, впечатление усиливалось серым цветом кожи, более темной в складках и впадинах.

Их головы красиво и гордо были посажены на высоких шеях; мужчина обладал широкими плечами человека труда и борьбы, а широкие бедра женщины — матери мыслящего существа — нисколько не противоречили ощущению интеллектуальной силы посланцев неведомой планеты.

Когда чужие отступили со знакомым приглашающим жестом и погасили желтый земной свет, земляне уже не колебались.

По просьбе командира перед прозрачной преградой встали, взявшись за руки, Тэй Эрон и Афра Деви. Несмотря на неземное освещение, придавшее телам людей холодный оттенок голубого мрамора, все астролетчики вздохнули с восхищением — настолько очевидной была нагая красота их товарищей. Это поняли и чужие. Смутно видимые в неосвещенной галерее, они стали обмениваться между собой взглядами и непонятными короткими жестами.

Афра и Тэй стояли гордо и открыто, полные того нервного подъема, который появляется в моменты исполнения трудных и рискованных задач. Наконец чужие кончили съемку и зажгли свой свет.

— Теперь я не сомневаюсь, что у них есть любовь,— сказала Тайна,— настоящая, прекрасная и великая человеческая любовь... если их мужчины и женщины так красивы и умны!

— Вы совершенно правы, Тайна, и от этого еще радостнее, потому что они поймут нас во всем,— отошел Мут Анг.

— Да! Взгляните на Кари! Кари, не полюбите девушку с фторной планеты, это было бы катастрофой для вас.

Астронавигатор очнулся от транса и отвел глаза, прикованные к обитателям белого звездолета.

— А я мог бы! — грустно улыбнулся он. — Мог бы, невзирая на всю разницу наших тел, на чудовищную удаленность наших планет. Сейчас я понял все могущество и силу человеческой любви.

В это время чужие выдвинули вперед зеленый экран. На нем начали двигаться маленькие фигурки. Они шли процессией, поднимаясь на крутой склон, и несли на себе какие-то большие предметы. Поднявшись на плоскую вершину, каждая фигурка сбрасывала свою ношу и падала лицом вниз. Похожая на земную мультипликацию, картина свидетельствовала об утомлении, желании отдыха. Земляне тоже почувствовали, насколько утомили их напряженное многочасовое ожидание и первые впечатления встречи. Жители фторной планеты, видимо, надеялись на встречу с другими людьми и подготовились к ней, создав, например, подобные «разговорные» фильмы.

Экипаж «Теллура», не готовый к встрече, вышел из затруднения. К перегородке придвинули экран для скорых зарисовок, и художник «Теллура» Яс Тин начал набрасывать последовательные серии рисунков. Сначала он изобразил таких же утомленных человечков, затем нарисовал одну большую рожицу с таким явно вопросительным выражением, что чужие оживились, как при появлении Тэй Эрона и Афры Деви. Потом художник изобразил Землю, обходящую по орбите Солнце, разделил орбиту на двадцать четыре части и зачернил ее половину. Чужие вскоре ответили похожей схемой. С той и с другой стороны включились метрономы, которые помогли установить продолжительность малых делений времени, а затем вычислить и большие. Астролетчики узнали, что фторная планета вращается вокруг своей оси приблизительно за четырнадцать земных часов, а обегает свое голубое солнце в течение девятисот суток. Перерыв на отдых, который предложили чужие, равнялся пяти земным часам.

Ошеломленные, расходились люди из соединительной трубы. Погасли огни в галерее, потухло и наружное освещение кораблей. Оба звездолета, темные, замерли неподвижно рядом друг с другом, как будто все живое в них погребено, заледенело в чудовищном холоде и глубочайшем мраке пространства.

Но внутри кораблей жизнь, горячая, пытливая и деятельная, шла своим чередом. Бесконечно изобретательный человеческий мозг изыскивал новые способы, как передать братьям по мысли, рожденным на планетах удаленных звезд, знания и надежды, взращенные тысячелетиями безмерных трудов, опасностей и страданий. Знания, освободившие человека сначала от власти дикой природы, затем от произвола дикого общественного строя, болезней и преждевременной старости, поднявшие людей к бездонным высотам космоса.

Вторая встреча в галерее началась с показа звездных карт. И землянам, и обитателям фторной планеты были совершенно неизвестны рисунки созвездий, мимо которых шли пути кораблей. (Лишь на Земле астрономам удалось установить точное положение голубого светила: в небольшом звездном облаке Млечного Пути, около Тау Змееносца.) Путь чужого звездолета шел к звездному скоплению на северной окраине Змееносца и пересекался с ходом «Теллура», когда тот достиг южных границ созвездия Геркулеса.

В галерее чужих встала какая-то решетка из пластин красного металла высотой в рост человека. Что-то завертелось позади нее, видимое в просветах между пластинами. Внезапно все они сдвинулись, повернулись ребром и исчезли. На месте решетки показалось громадное пустое пространство с проносящимися в отдалении слепяще синими шарами спутников фторной планеты. Медленно приближалась и она сама. Широкий синий пояс непроницаемой облачности обвивал ее экватор. На полюсах и в околополярных зонах планета светилась серовато-красными отблесками, а умеренные зоны своей чистейшей белизной были похожи на оболочку чужого звездолета. Здесь, сквозь слабо насыщенную парами атмосферу, смутно угадывались контуры морей, материков и гор, чередовавшихся неправильными вертикальными полосами. Планета была больше Земли. Ее быстрое вращение возбуждало вокруг нее мощное электрическое поле. Сиреневое сияние вытягивалось длинными отростками по экватору в черноту окружающего пространства.

Затаив дыхание час за часом сидели люди перед прозрачной стенкой, за которой неведомое устройство продолжало развешивать с потрясающей реальностью картины фторной планеты. Люди Земли увидели лило-

вые волны океана из фтористого водорода, омывавшие берега черных песков, красных утесов и склонов иззубренных гор, светящихся голубым лунным сиянием. Ближе к полюсам окружающий воздух синел все больше, становился глубже и чище темно-голубой свет фиолетовой звезды, вокруг которой быстро неслась фторная планета.

Горы здесь поднялись округлыми куполами, валами, плоскими вздутиями с ярким опаловым блеском. Синие сумерки лежали в глубоких долинах, направлявшихся от полярных гор к фестончатой полосе морей на юге. Большие заливы дымились опалесцирующим покровом голубых облаков. Гигантские постройки из красного металла и каких-то травяно-зеленых камней обрамляли края морей, бесконечно длинными вереницами взползали по вертикальным долинам к полюсам. Эти исполинские скопления построек, заметные с громадной высоты, разделялись широкими полосами густой растительности с зеленовато-голубой листвой или плоскими куполами гор, светившихся изнутри, будто опалы или лунные камни Земли. Круглые шапки льдов из застывшего фтористого водорода на полюсах казались драгоценными сапфирами.

Синие, голубые, лазурные, лиловые краски преобладали повсюду. Самый воздух словно был пронизан голубоватым свечением, точно слабый разряд в газовой трубке. Мир чужой планеты казался холодным и бесстрастным, будто видение в кристалле — чистое, далекое и призрачное. Мир, в котором не чувствовалось тепла, ласкающего разнообразия красных, оранжевых и желтых цветов Земли.

Цепи городов виднелись в обоих полушариях планеты, в зонах, соответствовавших полярной и умеренной зонам Земли. К экватору горы становились все острее и темнее. Зубчатые пики торчали из мутной от паров поверхности моря, ребра хребтов протягивались в широтном направлении, окаймляя тропические области фторной планеты.

Там плотными массами клубились синие пары: от нагрева голубой звезды легко испарявшийся фтористый водород насыщал атмосферу, подступал колоссальными облачными стенами к умеренным зонам, сгущался и каскадами лился обратно в теплую экваториальную зону. Плотины, достойные гигантов, обузды-

вали стремительность этих потоков, заключенных в арки и трубы и служивших источником энергии силовых станций планеты.

Нестерпимым блеском сверкали поля огромных кристаллов кварца — видимо, кремний играл роль нашей соли в водах фтористоводородного моря.

Города на экране приближались. Их очертания резко обрисовывались в холодном голубом свете. Везде, куда хватает глаз, вся площадь обитаемых зон планеты, за исключением таинственной экваториальной области, тонувшей в голубом молоке паров, была устроена, изменена, улучшена руками и творческой мыслью человека. Гораздо сильнее изменена, чем наша Земля, еще сохранившая в неприкосновенности огромные площади заповедников, древних руин или заброшенных разработок.

Труд бесчисленных поколений миллиардов людей вырастал выше гор, оплетал всю поверхность фторной планеты. Жизнь властвовала над стихиями бурных вод и густой атмосферы, пронизанной убийственно сильными лучами голубой звезды и неимоверно мощными зарядами электричества.

Люди Земли смотрели не отрываясь, и сознание как бы раздваивалось: в памяти одновременно возникало видение своей родной планеты. Не так, как представляли себе родину древние предки, в зависимости от места своего рождения и жизни: то равнинами просторных полей и сыроватых лесов, то каменистыми грустными горами, то радостно сверкающими в теплом солнце берегами прозрачных морей. Вся Земля в разнообразии своих климатических зон — холодных, умеренных и жарких стран — проходила перед мысленным взором каждого астролетчика. Бесконечно прекрасными были и серебристые степи — области вольного ветра, — и могучие леса из темных елей и кедров, белых берез, крылатых пальм и гигантских голубоватых эвкалиптов. Туманные берега северных стран в стенах мшистых скал и белизна коралловых рифов в голубом сиянии тропических морей. Властно-холодное, пронизывающее сверкание снеговых хребтов и призрачная, зыбкая дымка пустынь. Реки — величавые, медленные и широкие или неистово мчащиеся табунами белых коней по крупным камням ущелистых русел. Богатство красок, разнообразие цветов, голубое

земное небо с облаками, как белые птицы, солнечный зной и пасмурная, дождливая хмурь, вечные перемены времен года. И среди всего этого богатства природы — еще более великое разнообразие людей, их красоты, стремлений, дел, мечтаний и сказок, горя и радости, песен и танцев, слез и тоски...

То же могущество осмысленного труда, поражающего изобретательностью, искусством, фантазией, прекрасной формой повсюду: в строениях, заводах, машинах, кораблях.

Может быть, чужие тоже видят своими огромными раскосыми глазами гораздо больше землян в холодных голубых красках своей планеты, а в переделке своей более однообразной природы ушли дальше нас, детей Земли? Назревала догадка: мы, создания кислородной атмосферы, в сотни тысяч раз более обыкновенной в космосе, нашли и найдем еще огромное количество подходящих для жизни условий, найдем, встретимся, соединимся с братьями — людьми с других звезд. А они, порождения редкого фтора, с их необыкновенными фтористыми белками и костями, кровью с синими тельцами, впитывающими фтор, как наши красные — кислород?

Эти люди заперты в ограниченном пространстве своей планеты. Наверно, они давно уже странствуют в поисках себе подобных или хотя бы планет с подходящей им атмосферой из фтора. Но как им найти в безднах Вселенной столь редкие жемчужины, как пробиться к ним через тысячи световых лет? Так близко и понятно их отчаяние, великое разочарование при встрече с кислородными людьми, вероятно, не в первый раз.

В галерее чужих ландшафты фторной планеты заменились видом колоссальных построек. Откосы наклоненных внутрь стен походили на здания тибетской архитектуры. Нигде не было прямых углов, горизонтальных плоскостей — формы плавно изгибались, переходя от вертикали к горизонтали винтообразными или спиральными поворотами. Вдали возникло темное отверстие, по очертанию похожее на скрученный овал. Когда оно выросло, приближаясь, стало видно, что нижняя часть овала представляет собой спирально изогнутую широкую дорогу, поднимающуюся и углубленную в здание размерами с целый город. Оправленные в красное большие голубые знаки, издали напоми-

навшие волновую рябь, виднелись над входом. Вход приближался. В глубине его становился виден слабо освещенный гигантский зал со светящимися, как флуоресцирующий плавленый шпат, стенами.

И внезапно, без предупреждения, картина исчезла. Изумленные астролетчики, приготовившиеся увидеть нечто необычайное, почувствовали буквально удар. Галерея по ту сторону прозрачной стены осветилась обычным голубым светом. Появились чужие звездолетчики. На этот раз они двигались очень быстро, резкими движениями.

В этот момент на экране возникла череда последовательных картинок. Они замелькали в таком темпе, что экипаж едва мог уследить за изображениями. Где-то во тьме космоса двигался такой же белый звездолет, какой висел сейчас бок о бок с «Теллуrom». Видно было, как крутилось, сверкало, разбрасывая во все стороны лучи, его центральное кольцо. Вдруг кольцо остановило вращение, и корабль повис в космической бездне, недалеко от маленькой голубой звезды-карлика.

Из звездолета устремились вдаль лучи, черточками мелькавшие на экране, в левом углу которого появился второй звездолет. Летящие черточки достигли его, неподвижно стоявшего рядом с земным кораблем, в котором люди узнали свой «Теллур». И белый звездолет, принявший зов своего товарища, отодвинулся от «Теллура» куда-то в черную даль.

Мут Анг вздохнул так громко, что подчиненные обернулись к своему командиру с немим вопросом.

— Да! Они скоро уйдут. Где-то очень далеко шел второй их корабль. Они каким-то способом переговаривались, хотя я не могу себе представить, как это возможно в неизмеримых безднах, разделяющих корабли. И теперь что-то случилось со вторым звездолетом, его зов достиг наших чужих, хотя правильнее будет сказать — наших друзей.

— Может быть, он не поврежден, а нашел что-нибудь важное? — тихо спросила Тайна.

— Может быть. Как бы то ни было, они уходят. Надо торопиться изо всех сил, чтобы успеть переснять, записать как можно больше сведений. И главное —

карты, их курс, их встречи... Я не сомневаюсь, что у них были встречи с кислородными, как мы, людьми.

Из переговоров с чужими выяснилось, что они могут задержаться на земные сутки. Люди, подстегнутые специальными лекарствами, работали совершенно неистово и не уступали неистощимой энергии быстрых серых жителей фторной планеты.

Переснимались учебные книжки с картинками и словами, тут же записывалось звучание чужого языка. Передавались коллекции с минералами, водами и газами в стойких прозрачных ящиках. Химики обеих планет старались понять значение символов, выражавших состав живых и неживых веществ. Афра, бледная от усталости, стояла перед диаграммами физиологических процессов, генетическими схемами и формулами, схемой эмбриологических стадий развития организма обитателей фторной планеты. Бесконечные цепочки молекул фторостойких белков были в то же время изумительно похожи на наши белковые молекулы: те же фильтры энергии, те же ее плотины, возникшие в борьбе живой материи с энтропией.

Прошло двадцать часов. В галерее появились Тэй и Кари; едва живые от усталости, они несли ленты звездных карт, отражавших весь путь «Теллура» от Солнца к месту встречи. Чужие заспешили еще больше. Фотомагнитные ленты памятных машин землян записывали расположение незнакомых звезд, изображенные неведомыми знаками расстояния, астрофизические данные, перекрещивавшиеся сложными зигзагами пути обоих белых кораблей. Все это должно было быть потом расшифровано по подготовленным заранее чужими таблицам объяснений.

И наконец люди не удержались от радостных восклицаний. Сначала у одной, потом у другой, третьей, четвертой, пятой звезды на экране появились увеличенные кружки, в которых завертелись планеты.

Изображение неуклюжего, пузатого звездолета сменилось целой стайей других, более изящных кораблей. На опущенных из-под их корпусов овальных платформах стояли в своих скафандрах существа — несомненные люди. Знак атома с восемью электронами — кислорода — увенчивал изображение планет и кораблей, но звездолеты на схеме соединялись только с двумя из изображенных планет: одной — располо-

женной близко к красному большому Солнцу; другой — вращавшейся вокруг яркой золотистой звезды спектрального класса Эф. По-видимому, жизнь на планетах трех других звезд, тоже кислородная, еще не достигла высокого уровня, позволявшего выход в космос, или мыслящие существа еще не успели появиться там.

Выяснить это людям Земли не удалось, но в их руках были неоценимые сведения о путях, ведущих к этим населенным мирам, отдаленным на многие сотни парсеков от места встречи звездолетов.

* * *

Пора было расставаться.

Экипажи обоих звездолетов выстроились друг перед другом за прозрачной стеной. Бледно-бронзовые люди Земли и серокожие люди фторной планеты, название которой осталось неясным землянам. Они обменивались ласковыми и грустными жестами, улыбками и обоюдно понятными взглядами умных, внимательных глаз.

Небывалая острая тоска овладела людьми «Теллура». Даже отлет с родной Земли, с тем чтобы вернуться семь веков спустя, не казался такой болезненно невозвратимой утратой. Нельзя было примириться с сознанием, что еще несколько минут — и эти красивые, странные и добрые люди навсегда исчезнут в космических безднах, в своем одиноком и безнадежном искании родной по природе мыслящей жизни.

Может быть, только теперь астролетчики полностью, всем существом поняли, что самое важное во всех поисках, стремлениях, мечтах и борьбе — это человек. Для любой цивилизации, любой звезды, целой галактики и всей бесконечной Вселенной главное — это человек, его ум, чувства, сила, красота, его жизнь!

В счастье, сохранении, развитии человека — главная задача необъятного будущего после победы над Сердцем Змеи, после безумной, невежественной и злобной расточительности жизненной энергии в низкоорганизованных человеческих обществах.

Человек — это единственная сила в космосе, могущая действовать разумно и, преодолевая самые чудовищные препятствия, идти к целесообразному и всестороннему переустройству мира, то есть к красоте

осмысленной и могучей жизни, полной щедрых и ярких чувств.

Командир чужих сделал какой-то знак. Тотчас же молодая женщина, которая демонстрировала красоту обитателей фторной планеты, рванулась в сторону, где стояла Афра. Широко раскинув руки, она прижалась к перегородке в стремлении обнять прекрасную женщину Земли. Афра, не замечая катившихся по щекам слез, распласталась на прозрачной стене, как бьющаяся о стекло пленная птица. Свет у чужих потух, и почерневшее стекло стало пучиной, в которой потонули все порывы землян увидеть еще раз чужих, оказавшихся столь близкими.

Мут Анг приказал включить земное освещение, но галерея по ту сторону перегородки оказалась пуста.

— Наружная группа, надеть скафандры для отсоединения галереи! — властно ворвался в тоскливое молчание голос Мут Анга. — Механики — к двигателям, астронавигатор — в пост управления! Всем подготовиться к отлету!

Люди разошлись из галереи. Унесли приборы. Только Афра, освещенная тусклым светом из открытого бортового люка, стояла в неподвижности, будто скованная леденящим холодом межзвездных пространств.

— Афра, мы закрываем люк! — окликнул ее Тэй Эрон откуда-то из глубины корабля. — Хочется проследить за их отлетом.

Молодая женщина вдруг очнулась и с криком: «Стойте! Тэй, стойте!» — побежала к командиру. Удивленный помощник стоял в недоумении, но Афра вернулась очень быстро. Рядом с ней бежал Мут Анг.

— Тэй, прожектор в галерею! Вызовите техников, экран установите назад! — распоряжался на бегу командир.

Люди заторопились, как при аварии. Сильный луч пробился в глубину галереи и замигал с теми же интервалами, как луч локатора «Теллура» в первый момент встречи кораблей. Чужие, прервав работы, появились в галерее. Земляне зажгли голубой свет «430». Дрожащая Афра склонилась над рисовальной доской, отражавшей на экране торопливые наброски биолога. Двойные спиральные цепочки механизмов наследственности должны были быть, в общем, одинаковыми у земных и фторных людей. Изобразив их,

Афра нарисовала диаграмму обмена веществ в человеческом организме, сводящуюся к одинаковому превращению лучистой энергии звездных светил, добытой через растения. Молодая женщина оглянулась на неподвижные серые фигуры и накрест перечеркнула атом фтора с его девятью электронами, поставив вместо него кислород.

Чужие дрогнули. Командир выступил вперед и вплотную приблизил лицо к прозрачной перегородке, вглядываясь громадными глазами в неловкие чертежи Афры. И вдруг поднял над лбом сцепленные в пальцах руки и низко склонился перед женщиной Земли.

Они поняли то, что только намеком в последний момент расставания родилось в мозгу Афры и, вызванное тоскою разлуки, осмелилось вырваться. Афра думала об изменении, дерзкой замене химических превращений, приводивших в действие весь величайшей сложности организм человека. Путем воздействия на механизм наследственности заменить фторный обмен веществ на кислородный! Сохранить все особенности, всю наследственность фторных людей, но заставить их тела работать на иной энергетической основе. Эта гигантская задача была еще так далека от возможности своего осуществления, что даже семь веков разлуки «Теллура» с Землей, веков непрерывного нарастания успехов науки, вряд ли намного приблизят ее решение.

Но как бесконечно много смогут сделать соединенные усилия обеих планет! Если же к ним присоединятся и другие мыслящие собратья... фторное человечество не пройдет бесследной тенью, затерявшейся в глубинах Вселенной.

Когда люди разных планет с неисчислимы звезд и галактик неизбежно соединятся в космосе, серокожие обитатели фторной планеты, может быть, не будут отверженцами из-за редчайшей случайности строения своих тел.

И может быть, тоска неизбежной разлуки и утраты была преувеличенной? Недоступно далекие по строению своих планет и тел, фторные люди и люди Земли похожи в жизни и уже совсем близки в разуме и чувствах Афре, смотревшей в огромные раскосые глаза командира белого звездолета; казалось, что все это она

прочла в них. Или это было только отражением ее собственных мыслей?

Но чужие, видимо, обладали той же верой в могущество человеческого разума, которая была свойственна людям Земли. Вот почему даже робкая искра надежды, высказанной женщиной-биологом, так много значила для них, что их приветственные жесты более не походили на знак прощания, а ясно говорили о будущих встречах.

* * *

Оба звездолета медленно расходились, опасаясь повредить друг друга силой своих вспомогательных моторов. Белый корабль на минуту раньше окутался облаком слепящего пламени, за которым, когда оно угасло, не оказалось ничего, кроме тьмы космоса.

Тогда и «Теллур», осторожно разогнавшись, вошел в пульсацию, которая служила как бы мостом, сокращавшим прежде необозримую длину межзвездных путей. Надежно укрытые в защитных футлярах люди уже не видели, как укорачивались летевшие навстречу световые кванты и далекие звезды впереди голубели и делались все более фиолетовыми. Потом звездолет погрузился в непроницаемый мрак нулевого пространства, за которым цвела и ждала горячая жизнь Земли.

1958 г.

ДАР ВЕТЕРА СРЕДИ НАС

(послесловие)

В нем было что-то от Дар Ветра — его любимого героя. В. И. Дмитриевский — ленинградский писатель и критик — заметил это при первой их встрече. Ефремов немного смутился, но возражать не стал. Даже объявил потом жене:

— Вот видишь, и Владимир Иванович тоже говорит, что похож...

Речь об этом, видимо, заходила и раньше, еще до их знакомства. В. И. Дмитриевский в дальнейшем стал не только биографом и исследователем творчества Ивана Антоновича Ефремова, но и его близким другом. Вспоминая их встречи и беседы, Дмитриевский не однажды возвращался к поразившему его сходству... Разумеется, главное заключалось не в совпадении внешнего облика писателя и его героя. Сходство было более глубоким — в отношении к жизни и к труду, к людям...

Детальное изучение богатейшего наследия, которое Ефремов оставил человечеству, еще впереди. Оно не только в его книгах научной фантастики, которыми он охватил исполинский отрезок истории земной цивилизации протяженностью в шесть-семь тысячелетий, не только в научных монографиях, раздвинувших границы одной из старейших геологических наук — палеонтологии; оно в тысячах его писем, в которых он никогда не скупился писать о том, что знал, в чем был убежден, к чему призывал; оно в сотнях статей, интервью, ответов на множество вопросов, с которыми к нему так часто обращались. Оно в беглых записях тех, кто работал, встречался, говорил с ним.

«Через горы времени» назвали Е. Врандис и В. Дмитриевский свою книгу о нем. Она появилась в 1963 году, когда писатель-фантаст и большой ученый Иван Антонович Ефремов находился в расцвете творческих сил. Временные границы его миров уже были очерчены фантастическими путешествиями Баурджеда и Пандиона к окраинам Ойкумены — обитаемых земель наших предков три тысячелетия назад и великолепными деяниями землян эпохи Великого кольца Разума, которые через три тысячи лет после нас отодвинули пределы Ойкумены к дальним галактикам. Но еще не было завершено «Лезвие бритвы», еще не родились «звездолеты прямого луча», позволившие потомкам героев «Туманности Андромеды» покорить пространство и время, не была задумана «Таис Афинская», ставшая лебединой песней великого фантаста.

Говорят, что писателя создает его биография. По отношению к писателям-фантастам это, по-видимому, справедливо вдвойне. Опыт и знания — не только трамплин научно-фантастических моделей, но и необходимые условия феномена достоверности, отсутствие которого лишает научно-фантастическое произведение права называться художественным произведением.

Феномен достоверности — это то, что заставляет читателя безоговорочно верить в прочитанное, сколь бы фантастично оно ни было, понять и принять героев повествования, «прожить» вместе с некоторыми из совершенно невероятных жизни, а потом возвращаться к прочитанной книге снова и снова. Понятие феномена достоверности в равной степени приложимо и к героям, и к ситуациям, и к идеям художественного произведения,

независимо от того, действуют ли в экстремальных условиях научно-фантастического сюжета супермены, обычные люди или трагические неудачники. В феномене достоверности — одна из причин долгой читательской жизни фантастической книги.

Ефремов показал себя мастером феномена достоверности, начиная с первых научно-фантастических рассказов, густо замешанных на реалиях полевой экспедиционной жизни, которую он так хорошо знал, и в то же время приподнятых над ее повседневностью смелым полетом фантазии, убежденностью ученого, эрудицией энциклопедиста, которому не было чуждо ни одно из русел общечеловеческой культуры. В этом, по-видимому, и одна из причин удивительной прозорливости многих научно-фантастических прогнозов Ефремова, подтвержденных либо подхваченных современной наукой, о чем говорилось уже не раз.

Достаточно вспомнить хотя бы один из его ранних рассказов «Алмазная труба», в котором автор указал местонахождение еще неоткрытых в то время на Сибирской платформе алмазоносных кимберлитовых жерл гораздо точнее, чем это сделано в научных статьях ученых-геологов, решавших «алмазную проблему» Сибири. Удивляться, впрочем, не приходится: Ефремов сам был прекрасным полевым исследователем, превосходно ориентировался в перспективах Сибирской платформы, похожей по геологическому строению на Южную Африку, где коренные месторождения алмазов известны с середины прошлого века. А кроме того, ему самому доводилось работать в Сибири.

Путь И. Ефремова в геологии был крутой и необычный. Он увлекся палеонтологией еще в школе в Ленинграде. Начал преподавателем у известного палеонтолога профессора Петра Петровича Сушкина; первый научный труд опубликовал в 1927 году, когда ему еще не исполнилось двадцати лет. К августу 1935 года, когда Ефремову была присуждена без защиты диссертации ученая степень кандидата наук, он был уже автором 35 опубликованных научных работ. Кандидат наук, а у него еще не было диплома об окончании высшего учебного заведения!

Ленинградский горный институт он закончил экстерном в апреле 1937 года, за несколько дней до своего тридцатилетия. Выписка из приказа по Ленинградскому горному институту от 3 апреля 1937 года гласила:

«На основании постановления Государственной квалификационной комиссии геолого-разведочного факультета от 2-го апреля 1937 года считать окончившим Ленинградский горный институт с присвоением звания инженера-геолога — Ефремова Ивана Антоновича с дипломом I степени».

После этого он двадцать два года заведует Лабораторией низших позвоночных в Палеонтологическом институте Академии Наук СССР, возглавляет палеонтологические экспедиции в Монгольскую Народную Республику. Находит и исследует там «кладбища» динозавров, пишет капитальный научный труд «Тафономия и геологическая летопись». В 1940 году он уже доктор биологических наук; в 1949 году Президиум Академии Наук СССР присуждает ему Премию имени академика Борисяка за работы в Монголии, в 1952 году он становится лауреатом Государственной премии СССР за опубликованную в 1950 году монографию «Тафономия и геологическая летопись».

Казалось бы, экспедиции, обработка огромного полевого ма-

териала (монгольские палеонтологические находки Ефремова уникальны и являются гордостью многих музеев), подготовка монографий (вслед за «Тафономией» он пишет еще один капитальный труд — «Фауна наземных позвоночных в пермских медистых песчаниках Западного Приуралья»), большая организаторская работа академического ученого — все это, вместе взятое, не оставляло ни минуты свободного времени, а он в эти годы столь же стремительно входит в научную фантастику, как в 1930-е годы входил в палеонтологию. Еще во время войны был опубликован первый сборник научно-фантастических рассказов «Пять румбов». Книга оказалась настолько интересной и необычной для литературы того времени, что рассказы уже в 1945 году переводятся в Англии. Затем последовали «Звездные корабли», «Тень минувшего»; в 1948 году в журнале «Знание — Сила» появляется «Адское пламя», в 1949 году — «На краю Ойкумены» («Путешествие Пандиона»), в 1953 году — вторая часть этой исторической дилогии — «Путешествие Баурджеда»; в 1956 — «Дорога ветров».

Наступает 1957 год — год запуска первого искусственного спутника Земли. И символично, что именно в тот же год в стране, запустившей первый искусственный спутник, выходит социально-философский роман-утопия И. Ефремова «Туманность Андромеды» — прекраснейшее из видений будущего во всей мировой научной фантастике, гимн безграничным возможностям человеческого разума, красоте человеческих отношений в объединенном мире Земли, освобожденной от гнета, корыстных устремлений, ненависти, недоверия, вражды...

Успех романа был поистине ошеломляющим. Свыше тридцати лет «Туманность Андромеды» без конца переиздается в нашей стране и на языке оригинала, и на языках союзных и автономных республик; десятки раз она выходила за рубежом, в некоторых странах неоднократно. Именно «Туманность Андромеды» была начата десятитомная серия «Шедевры мировой фантастики», изданная в 1970 году во Франции.

«Туманность Андромеды» не только принесла автору мировую известность, но словно бы пробила брешь в некоей плотине, раскрепостила фантазию новых авторов, властно вовлекла их в русло фантастики иной, чем прежде, показала безграничность возможностей моделирования граней будущего не только в области техники и науки, но и в категориях этики, эстетики, воспитания, долга, морали, психологии и социологии. Весь огромный мир от большого Космоса до космической бесконечности человеческого мозга стал ареной построения моделей новой фантастики. Именно вслед за выходом «Туманности Андромеды» в нашей литературе поднялась волна новой фантастики, вскоре завоевавшая внимание, интерес и любовь читателей.

В Ленинграде эта волна принесла читателям книги Аркадия и Бориса Стругацких, И. Варшавского, Г. Мартынова, А. Мейерова, О. Ларионовой, А. Шейкина, А. Щербакова и многих еще.

В 1959 году профессор И. А. Ефремов покидает Палеонтологический институт Академии Наук СССР и целиком отдается научной фантастике. Одной из причин, побудивших его сделать этот шаг, было состояние здоровья: десятилетия напряженного труда не прошли даром. Впрочем, для ухода из Института были и иные причины. В советской науке «застойного времени»

настоящий талант, поднявшийся над средним уровнем да еще прорывающийся в смежные с наукой области (например, в научную фантастику), вызывал не только яростную зависть «коллег», но и откровенные попытки любыми средствами помешать дальнейшей плодотворной работе в науке. Почувствовав, что его начинают «выживать» из института, профессор Ефремов предпочел уйти сам. Оставшиеся тринадцать лет жизни он посвящает работе над тремя большими романами — «Лезвие бритвы», «Час быка» и «Таис Афинская». И снова широта временного диапазона — от наших дней («Лезвие бритвы») почти на две с половиной тысячи лет в прошлое («Таис Афинская») и на несколько тысячелетий в будущее («Час быка»), снова великолепный энциклопедизм философа и ученого, мастерски построенные сюжеты, зримые контрастные герои, филигранность фантастических моделей, убедительность предупреждения, поражающая достоверность описываемого.

Феномен достоверности неизменно присутствует и в больших романах Ефремова, независимо от того, являются ли их герои нашими современниками, далекими предками или еще более далекими потомками.

Реалистическая достоверность¹ больших романов естественно сочетается с глубиной философских и этических концепций, с осязаемостью научно-фантастических моделей. Не в этом ли ключ постоянного читательского интереса ко всему, что написано Ефремовым?

А еще этот ключ в оптимизме социальных концепций и неистребимой вере в Человека — в то лучшее, что заложено в нем природой и упрочено эволюцией: в твердой убежденности философа и футуролога Ефремова, что гуманизм победит жестокость, Разум восторжествует над безумием...

В противовес представлениям некоторых, в том числе и очень талантливых писателей-фантастов Запада (например, А. Кларк) о некоем «высшем космическом разуме, не имеющем вещественной оболочки» — Ефремов постоянно утверждал, что разум неотделим от Человека — наивысшего, совершеннейшего создания природы, что формы человека, его облик, как мыслящего существа, не случаен; он наиболее соответствует организму, обладающему огромным мыслящим мозгом. «Есть все основания полагать, что такое же строение имеют все мыслящие существа во Вселенной»², — в этих словах Ефремова слились воедино убежденность ученого-палеонтолога — знатока былых форм и эволюции жизни, концепция философа-материалиста, утверждающего великую целесообразность красоты, сгедо писателя-фантаста, подарившего людям прекраснейшее из видений будущего. Убежденность в безграничных возможностях человеческого разума позволила Ефремову зримо показать, что стремление к совершенствованию, к прекрасному свойственно человеку, что оно — красная нить развития Человечества. Именно оно вело людей по нелегкому пути становления земной цивилизации; его не могли остановить ни орды диких кочевников, ни костры инквизиции, ни изуверства тоталитарных систем, диктаторов и тиранов. Научно-фантастические рома-

ны Ефремова — светильники и маяки на пути Разума из «темных веков» далекого прошлого к манящему, прекрасному будущему. Нравственный и социальный прогресс Человечества показан в них на протяжении шести-семи тысячелетий. Черты человека будущего видны уже у Пандиона (повесть «На краю Ойкумены»), когда такие, как он, еще бесконечно одиноки, а — в их полном раскрытии — у героев «Туманности Андромеды», когда они стали нормой для подавляющего большинства землян.

Дар Ветер, Эрг Ноор, Веда Конг, Мвен Мас и другие герои «Туманности Андромеды» — люди, во многом подобные нам и в то же время обладающие качествами, которые современному человеку Земли еще предстоит развить и воспитать в себе, сделать непреходящими, обязательными, сами собой разумеющимися. Качества эти свойственны высокоорганизованной материи; предпосылки их заложены самой природой, стремящейся к высшей целесообразности в ее наиболее загадочном и совершенном творении — человеческом мозге. Однако гармоническое развитие этих качеств, их наиболее полное проявление возможны лишь при определенной совокупности внешних условий — и, прежде всего, условий воспитания, сознательно создаваемых самим человечеством на высших ступенях развития общества. В обозримом будущем одной из таких ступеней может стать коммунизм... Этой ступени, людям ее создавшим и посвящено величайшее творение Ефремова — утопия «Туманность Андромеды» — монументальная эпическая поэма в прозе, воспевающая мудрость, совершенство, благородство, гуманизм и всеиллие человеческого разума в условиях всепланетного социума свободных и счастливых землян. Автор повествует в ней о тех вершинах целесообразности и счастья, которых способно достичь гармонически развивающееся сообщество людей Земли. Способно... Если сумеет преодолеть реально существующие глобальные проблемы нашей эпохи — если сохранит на планете мир, если выберется из лабиринта и тупиков экологического и нравственного кризиса, если... Этим «если» на пути человечества и в будущем немало. Они и вокруг, и в самих нас; и к ним не раз возвращается Ефремов, когда предостерегает... Его предостережения столь же основательны и серьезны, сколь ослепительны раскрываемые им перспективы.

Загадки непознанного, будущее каждого из нас, будущее детей, внуков и правнуков волновали людей во все эпохи, волнуют ныне и, конечно, будут волновать, пока существует человечество. Это естественно, ведь для каждого будущее начинается со следующей минуты, завтрашнего дня, будущей недели, месяца, года; оно — единственное, в чем мы как-то властны... Время быстротечно и, как мы пока считаем, необратимо. Значит, в прошлом мы бессильны, настоящее с каждой прожитой секундой превращается в прошлое, и лишь с будущим каждый из нас связывает свои планы, мечты, их осуществление... Конечно, разные люди в разной степени, каждый по-своему, но так есть, было и будет всегда... Теперь же, в эпоху стремительных изменений окружающего нас мира, вплоть до изменений и ломки биосферы планеты, в эпоху научно-технических и социальных революций и перемен, все связанное с будущим — и близким и более далеким — приобретает особую значимость. Ныне уже ни для кого не секрет, что вопрос поставлен с предельной остротой: быть или не быть — всему человечеству, жизни на Земле, может быть, даже — самой планете... Угроза

¹ А. Бритиков использует для этого понятия иной термин — опережающий реализм.

² Ефремов И. Собр. соч. в 3-х томах. М., т. 3, кн. 2, с. 369.

всеобщего ядерного уничтожения, угроза отравления атмосферы, почв и океанов технологическими отходами, угроза перегрева атмосферы со всеми вытекающими последствиями вплоть до таяния полярных льдов и нового всемирного потопы, угроза разрушения озонового щита Земли... И все это дело рук самих людей, созданной ими технологической цивилизации. Так быть или не быть?..

Ефремов своими научно-фантастическими романами о завтрашних днях землян твердо и уверенно отвечает: «Быть... Обязательно быть...»

Истоки его неколебимой веры во всемогущество человеческого Разума в его же собственном мудром опыте ученого-палеонтолога, посвятившего десятилетия творческого труда изучению закономерностей и целесообразности самой жизни.

И мы верим ему, когда он приоткрывает на страницах своих книг завесу грядущего и показывает в «Туманности Андромеды» и в «Сердце Змеи» ослепляющие, поражающие воображение картины счастья и мудро устроенной жизни в эру Великого кольца разума. Верим, что люди Земли справятся с невзгодами, трудностями и опасностями, которые сами создали и еще продолжают создавать неумной энергией своего кипучего разума.

В поразительной способности заставить читателя поверить в почти осязаемую реальность прекраснейшего мира, созданного фантазией писателя, одна из особенностей творчества Ефремова. Мне не раз приходилось слышать от людей разного возраста и разного кругозора и в нашей стране и за рубежом о чисто эмоциональном воздействии на них многих страниц в книгах Ефремова. Это воздействие облекалось в разные слова, более или менее точно характеризовавшие сами переживания: говорились о необыкновенном волнении, возникающем во время чтения, о трепете, даже о слезах восторга, застилавших глаза... Вероятно, все это гораздо сложнее, но такие переживания очень трудно передать словами. О них знают лишь читатель да страницы книги, а еще, вероятно, автор, потому что, почти наверное, он испытывал нечто подобное в наиболее счастливые минуты творчества, над самыми удачными страницами рукописи.

Могу признаться, меня многие страницы в книгах Ефремова тоже ввергали и продолжают ввергать в «трепет волнения». «Туманность Андромеды» я перечитывал много раз, и всегда находил в ней для себя что-то новое, и, казалось, все глубже проникал в замысел автора. И каждый раз многие места книги волновали, заставляли сопереживать... Твердо уверен, что к «Туманности» буду возвращаться снова и снова, именно потому, что новые встречи с ее героями, которых фантазия автора облекла для меня в плоть и кровь, которых я уже знаю и хочу узнать еще лучше, дарят радость... Как встреча с каждым настоящим, очень хорошим человеком!

Судьбы литературных творений неоднозначны и во многом загадочны, продолжительность их «жизни» в активном взаимодействии с читателем переменчива и варьирует в широких пределах. Очень трудно предсказать заранее, сколько лет читательского внимания суждено книгам того или иного автора. Социологи утверждают, что лишь одна из ста издаваемых ныне книг активно «живет» более года и лишь одна из десяти тысяч — более десяти лет. Однако уже сейчас можно утверждать, что книги Ефре-

мова будут жить очень долго. И не только потому, что они сразу нашли путь к читателю, уже выдержали огромное количество переизданий, переведены на многие языки...

Фантастическая литература вообще «живуча»... Сквозь хаос пожаров и войн, сквозь все уничтожавшие «потопы» минувших веков дошли к нам, живут и до сих пор переиздаются творения великих фантазеров и мечтателей прошлого — Гомера, Платона, Данте, Рабле, Свифта... Увлекающие читателей в конце XVIII века книги о настоящих путешествиях и реальных приключениях на суше и на море давно пылятся на полках книгохранилищ, а выдуманная история Робинзона, созданная фантазией Даниэля Дефо, продолжает жить...

Еще более показателен пример Жюль Верна. Великий француз творил во вторую половину прошлого века. Однако и ныне суммарные тиражи ежегодных переизданий его книг по-прежнему далеко опережают иных писателей, в том числе и современных, а по общему количеству книг одного автора, изданных на Земле за всю историю литературы, Жюль Верн занимает одно из первых мест в первом десятке авторов всех времен и народов.

В чем тут дело? Магия неведомого, магия тайны, которой проникнуты романы Жюль Верна? Или то, что Жюль Верн из своего XIX века разглядел нашу эпоху, сумел впервые ярко показать главного героя и творца технического прогресса и научно-технических революций в XX веке — смелого исследователя, талантливого инженера, гениального ученого? Или за всем этим скрывается еще нечто неуловимое?

А может быть, все гораздо проще... Ведь превращение нашего далекого человекообразного предка в Человека разумного завершилось именно тогда, когда он начал думать, мечтать, фантазировать. Его фантазии стали мотором выживания, совершенствования, развития на грандиозном и жестоком пути восхождения по ступеням создаваемых им цивилизаций. И до нынешних дней почти все мы подсознательно сохраняем присущую человеку, заложенную в него самой эволюцией тягу и страсть к непознанному, к тому, что таится за пределами опыта, что поджидает впереди, следовательно, к будущему в первую очередь... Современная фантастика, будучи зеркалом и анализатором тревог, разочарований, сомнений и надежд нынешнего поколения, позволяет читателям в той или иной степени удовлетворять врожденную заинтересованность неведомым. Отсюда ее популярность, как литературного потока в целом. Ну, а фантастика Ефремова и, прежде всего, «Туманность Андромеды» — это уже не зеркало, а скорее окно, распахнутое в отдаленное будущее (или в прошлое, когда речь идет о его исторической фантастике). Желающих заглянуть в это окно, естественно, много, и в обозримом будущем их едва ли станет меньше.

Знаю, я отнюдь не одинок в своем отношении к романам, героям, социальным, нравственным и эстетическим концепциям творчества Ивана Антоновича Ефремова. Отсюда и убежденность, что книгам и героям Ефремова суждена долгая жизнь. Что же касается воспитательного значения его книг — их влияние на подрастающее поколение переоценить невозможно. Книги Ефремова увлекли не одного из первых космонавтов на их труды и свершения... Безотрадно раздвинув пределы Ойкумены, эти книги надолго останутся маяками пространства и времени, маяками, зовущими все

далее к новым свершениям во имя Человека и Человечества. Дальше и дальше за пределы Ойкумены Ефремова...

Ставшие всеобщими прекрасные человеческие качества землян Эры Великого кольца — героев социальных утопий Ефремова, их искренность и прямота, постоянная взаимная доброжелательность, основанная на полном доверии друг к другу, их смелость, доходящая до самоотверженности, доброта и великодушное умение владеть собой — своим разумом и телом при любых обстоятельствах, их мудрость, не исключающая умения веселиться и радоваться, страдать и любить — все эти качества вовсе не являются чем-то принципиально новым — выдумкой автора, утопией.

Ефремов говорит лишь о наиболее полном раскрытии качеств, органически свойственных человеку, свойственных высокоорганизованной материн человеческого мозга. Качества эти спорадически проявлялись у некоторых людей и раньше; в еще большей степени они проявляются у наших современников. Однако все это — только отдельные вспышки, огонь еще не разгорелся. Далеко не всегда они получали необходимое развитие и поддержку в процессе воспитания, образования. Зачастую эти вспышки оказывались безжалостно подавленными обстоятельствами, особенностями обстановки и жизненной ситуации. И они гасли в столкновениях с совершенно иными качествами, пышно расцветавшими в условиях дикости, варварства, невежества, взаимной вражды за право выжить, существовать, сохранить потомство и место под солнцем. Атавизм, вспышки «— реминисценции, даже широкий расцвет отрицательных нравственных качеств, отнюдь не украшающих человека современной эпохи и нередко скрываемых до поры до времени под маской внешней добропорядочности, необыкновенно живучи... Их постепенное устранение из сферы людских отношений — одна из труднейших задач воспитания новой нравственности, стоящая перед человечеством.

Ефремов показал на своих ювелирно сработанных моделях и пример успешного решения подобной задачи («Туманность Андромеды», «Сердце змеи») и обратный пример («Час быка»). Две взаимоисключающие модели, вынесенные в далекую от наших дней эпоху, а сколь обе актуальны для нашей небольшой планеты. Нынешний земной «конгломерат» исторически складывавшихся государств, политических союзов, экономических группировок разделен густой сетью этнических, национальных, экономических, политических, условно-социальных, религиозных и даже почти «случайно» возникших иных границ. Большинство их — следствия практически не кончающихся военных столкновений. И весь этот раздираемый внутренними конфликтами пятимиллиардный мир разумных обитателей Земли затянута в гордиев узел нерешенных глобальных проблем, каждая из которых может оказаться роковой для судьбы цивилизации в целом.

Многовековые противоборства великих империй, недавнее, еще полностью не отраженное, противостояние «демократического Запада» и «тоталитарного» Востока, назревающий новый конфликт «бедного» Юга и «богатого» Севера планеты... Казалось бы, единственно разумный выход из этого бессмысленного, некончающегося противоборства — постепенное объединение народов Земли и начало осознанного движения в сторону модели гуманной цивилизации, приоткрываемой И. Ефремовым в «Туманности Андромеды».

Увы, конец нынешнего века почти не оставляет надежд на воз-

можность такого исхода в обозримом будущем, хотя уже многим ясно, что глобальных проблем современности — экологической, термоядерной, экономической, энергетической, демографической — на разобщенной Земле не решить.

Значит, постепенное сползание в понурые и трагические сумерки «Часа быка»? Их истоки и следствия виртуозно анатомированы Ефремовым на примере судеб цивилизации планеты Торманс, куда отправляется с Земли звездолет прямого луча «Темное пламя» с нашими далекими... очень далекими потомками.

Посланцы Земли застанут на Тормансе разрушенную, агонизирующую биосферу с растрянжиренными природными богатствами и уродливое, остановившееся в развитии общество с ущербной нравственностью, умирающей культурой, полным отсутствием правдивой информации. Рядовые члены этого общества давно примирились и с бессмысленной жестокостью правителей, и с садизмом нескрываемого геноцида.

Чудовищный, антигуманный мир Торманса создан тоже землянами, некогда эмигрировавшими из нашей Солнечной системы. Он тоже порождение земного Разума, сначала оказавшегося в изоляции, а потом, после возникновения на Тормансе всепланетного тоталитарного строя, отказавшегося от всяких контактов с иными обитаемыми мирами.

Мир Торманса не выдуман Ефремовым... Автор «Часа быка» разглядел его в угрожающих тенденциях окружающей действительности.

То, что диагноз был точным, показали события, последовавшие за первой публикацией книги. В нашей «официальной литературе» этот роман после 1972 года как бы перестал существовать. Он на пятнадцать лет исчезает из обращения, попав в индекс «несуществующих книг». И хотя в 1970 году он вышел в Москве двухсоттысячным тиражом, даже упоминать о нем было запрещено. Идеологические «бонзы» застойной поры «отменили» его росчерком пера...

Эта «отмена», как и множество иных подобных «отмен», конечно не сработала. Роман многократно выходил за рубежом, а в нашей стране первая и единственная до 1988 года публикация «Часа быка» прозвучала ударом политического набата, зовущего к перестройке Системы. И, пожалуй, этот удар оказался не менее значимым, чем первая зарубежная публикация «Архипелага Гулаг». Документальная и научно-фантастическая проза в этом случае уравнились в своей социальной значимости. Кто знает, проживи Иван Ефремов чуть дольше, не разделил ли бы он участи Александра Солженицына... Но Ефремов покинул этот мир, оставив свое предостережение. Оно актуально и поныне. Угроза сохраняет силу.

Недогоревшие угли реваншизма дымно тлеют под буржуазно-демократической респектабельностью старой Европы, испытывшей на себе весь ужас гитлеровского «часа быка». «Час быка» продолжается в Ираке, угрожая распространиться на соседние государства. Да и мы сами в нашей стране, пережив свой затянувшийся на десятилетия «час быка», еще не освободились полностью от его кошмаров. И разве не сгущались совсем недавно кровавые сумерки «часа быка» в Камбодже, Чили, на Таити и еще во многих государствах Азии, Африки, Латинской Америки?

Опасность возвращения тоталитаризма, вспышки расизма, воинствующего шовинизма, тупого национализма, расширение неофашистских влияний и, как прямое следствие, рост жестокости,

преступности, человеконенавистничества, разрушение культуры, нравственный паралич продолжают угрожать многим народам, а следовательно, земной цивилизации в целом.

В нынешней необычайно сложной, взрывчатой, противоречивой, стремительно меняющейся обстановке человеческая мудрость, мудрость правительств, которым народы вручают свои судьбы и судьбу всей планеты, мудрость самих народов, начинающих осознавать необходимость сохранения биосферы и мира на Земле, мудрость молодежи, которая должна будет принять на себя ответственность за ближайшее будущее, — наиболее надежные гарантии успешного преодоления преград на марафонской трассе человечества к Великому кольцу разума. «Туманность Андромеды» Ефремова дарит участникам марафона заряд оптимизма; она как глоток кислорода на трудном пути. И участники марафона будут обращаться к ней снова и снова...

Однако воспитательная и социальная значимость романов Ефремова не исчерпывается сказанным. Читатели не могут не сопоставлять героев Ефремова со своим окружением, а иногда и с собственным «я»... Тогда не помогают маски внешней респектабельности и кажущейся добропорядочности: ханжество, лживость, демагогическое пустословие, ложное интриганство ради собственной маленькой карьеры, дремучая тупость, маскирующаяся под принципиальность, хамство, выдаваемое за прямоту «широкой натуры», выступают во всей их отвратительной наготе.

Да, есть люди, и их еще немало, которые не любят книги Ефремова, бранят «Туманность Андромеды», отрицают почти все написанное им. «Герои Ефремова — выдумка, схема, никогда таких не было и не будет, и не нужны они на Земле; скучно будет жить с ними рядом!» — утверждают отрицатели Ефремова.

Ложь это, лицемерие и ханжество. Героев Ефремова органически не принимают те из читателей, кто не в состоянии вообразить, что человек может полностью избавиться от нравственных пороков, раскрыть свойственную ему духовную красоту. Это либо люди ущербные, надломленные жизнью, слабые и потому не способные подняться над затягивающей их тиной неомещанства, либо — лицемеры, для которых страницы ефремовских книг — лазерный луч, насквозь просвечивающий их гнилую мещанскую сердцевину. И если первых Ефремов жалел и как-то старался им помочь, то вторых он презирал умом и сердцем геолога, путешественника, мыслителя, презирал и ненавидел, ибо понимал прекрасно, что равнодушие, лицемерие, зависть, ложь, стяжательство, хамство — все эти разновидности подлости, оставленные людям в наследство сумерками прошлого, неминуемо открывают заслоны «часу быка».

Он, конечно, был немного Дар Ветром среди нас... Не только потому, что приподнял завесу над прекрасной эпохой Дар Ветра, и уж совсем не потому, что сознательно или бессознательно сделал Дар Ветра внешие похожим на себя. Главное заключалось в том, что он сам обладал многими из тех качеств, которые хотел видеть в людях, теми прекрасными подлинно человеческими качествами, которыми так щедро наделил своих героев. Это находило выражение в его удивительном обаянии, часто скрываемом за внешней суровостью, в бескомпромиссной честности и прямоте и по отношению к окружающим, и по отношению к самому себе. Как Дар Ветер, он ценил в людях прямоту и отвагу, не выносил лицемерия и лжи, как все люди эпохи Великого кольца, был откровенен, добро-

желателен, мудр и, как они, поклонялся красоте — красоте тела, разума, природы. Скорее всего, именно эти качества Человека завтрашнего дня Земли, преломленные через призму его творческого видения, и позволили ему создать произведения не только подлинно новаторские, высокогуманные, послужившие детонатором новой волны научной фантастики, но и способные глубоко волновать читателей всех возрастов.

Когда в редкие свободные минуты позволяю себе дать волю фантазии, я иногда думаю об авторе «Туманности Андромеды» как... о пришельце из нашего будущего. А что, если?... Может, действительно заведующий внешними станциями Земли Дар Ветер договорился в Академии пределов знания и... побывал у нас? Он просто не мог выбрать иную эпоху для своего путешествия. Они там — в своем будущем — великолепно знают историю Земли и помнят, как начинался один из труднейших этапов пути к их времени... Прибыл он с некоторым опережением, чтобы «акклиматизироваться» до начала самых важных событий, потом прошел вместе с нами по дорогам революций, проб, ошибок, надежд; немного позднее — в очень трудное время — чуть-чуть наметнул, откуда он и что знает, подсказал ученым несколько идей, реализация которых, с его точки зрения, запаздывала, и, зная о том, что «час быка» на этот раз на исходе, тихо и незаметно удалился... К себе в свое время...

Думаете, метафора, шутка, литературный прием? Быть может... И все-таки, когда думаю об этом, начинает казаться, что думаю вполне серьезно. И тогда хочется добавить:

— Спасибо! Спасибо тебе, Дар Ветер!

А. ШАЛИМОВ

Октябрь 1990 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие автора	5
Путешествие Баурджеда. <i>Повесть</i>	12
Эллинский секрет. <i>Рассказ</i>	120
Тень минувшего. <i>Рассказ</i>	144
Звездные корабли. <i>Повесть</i>	196
Сердце змеи. <i>Повесть</i>	272
Дар Ветер среди нас (<i>послесловие</i> <i>А. Шалимова</i>)	341

Литературно-художественное издание
для СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Ефремов Иван Антонович

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ОИКУМЕНИ

Ответственный редактор *А. П. Ефремов*

Художественный редактор *С. А. Григорьев*

Технические редакторы *Е. А. Капитонова* и *О. Е. Иванова*

Корректор *Л. А. Быстрова*

Сдано в набор 30.08.91. Подписано к печати 30.04.93. Формат 84×108¹/₃₂. Вумага
тип. № 2. Гарнитура школьная. Печать высокая. Усл. печ. л. 18,48. Усл. кр.-отт. 18,9.
Уч.-изд. л. 18,48. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1152. С 15.

Республиканское издательство детской и юношеской литературы «Лицей» Министерства
печати и информации РСФСР. 191187 Санкт-Петербург, наб. Кутузова, 6.

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени ГП «Техническая книга» Мин-
информпечати РФ. 198052, г. Санкт-Петербург Измайловский пр., 29.